

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

На правах рукописи

Растегаева Мария Николаевна

**Римская *amicitia* на берегах Северного Понта:
политика и пропаганда в I в. до н.э. – IV в. н.э.**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
С.Ю. Монахов

Саратов 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Римская <i>amicitia</i> : понятие и дефиниции	50
1.1. <i>Amicitia</i> как политическая категория	50
1.2. <i>Amicitia</i> и φιλία: внешнеполитическая дружба и эллинистический мир	58
1.3. Римская <i>amicitia</i> и варварский мир: формы и методы дипломатических контактов.....	85
1.4. От <i>amicitia populi Romani</i> к <i>amicitia Caesaris</i>	107
Глава 2. Римская <i>amicitia</i> и Боспорское царство	119
2.1. Установление дружественных отношений после смерти Митридата VI... 119	
2.1.1. Махар – первый боспорский друг Рима.....	119
2.1.2. Фарнак II: дружба с Римом и наследие Митридата VI	126
2.1.3. Правление Асандра и <i>amicitia</i> с Римом	138
2.1.4. Боспорская царица Динамия и дружба с Римом.....	149
2.2. Боспорские цари – φιλοκαίσαρες καὶ φιλορώμαιοι	161
2.2.1. Аспург и <i>amicitia</i> с Римом.....	161
2.2.2. Правление Митридата VIII – последний всплеск боспорского сепаратизма?	183
2.3. Формула дружбы: стандартизация титулатуры боспорских царей от Котиса I до Савромата I.....	194
2.4. Боспорское царство и римская <i>amicitia</i> при Антонинах и Северах.....	209
2.5. От Котиса III до Дуптуна: римско-боспорская дружба на закате Империи 222	
Глава 3. Эпитет σεβαστόγυνωστος в надписях Северного Причерноморья	234
3.1. Императорский титул Σεβαστός в региональной эпиграфике	234
3.2. Σεβαστόγυνωστος в Ольвии: от Абаба до Каллисфена	239
3.3. Боспорские σεβαστόγυνωστοι: между Римом и местной традицией.....	257
Заключение	262
Список использованных источников и литературы	280
Список сокращений	301
Приложение 1. Таблицы	304
Приложение 2. Иллюстрации.....	310

Введение

Актуальность темы исследования. В римской внешней политике существовали различные формы межгосударственных отношений, которые можно обозначить как международное право и дипломатия. Однако оба эти понятия являются современным изобретением – античное общество не знало подобных определений, ведь ни у греков, ни у римлян не было обозначений, адекватных им. В историографическом плане понятие «международное право» применительно к истории древности восходит к фундаментальному труду Т. Моммзена о римском праве, и позже получило развитие в монографиях А. Хойсса¹. К. Эйлерс обращает наше внимание на то, что применение понятия «дипломатия» при анализе внешней политики античных обществ – мероприятие весьма спорное. Исследователь аргументирует это тем, что данное определение, безусловно имеющее современные корни, предполагает существование и функционирование специализированных институций, предназначенных для защиты государственных интересов за пределами границ античных государств. В Риме, как известно, подобные структуры отсутствовали. Вместе с тем, К. Эйлерс признает, что термин «дипломатия» также охватывает совокупность способов и методов, используемых различными обществами и государствами для регулирования внешнеполитических отношений друг с другом². Во многом его позиция восходит к положениям М.И. Ростовцева, изложенным им в небольшой, но весьма важной в концептуальном плане, статье о международных отношениях и международном праве в древнем мире³. Автор отмечает, что идейно основы современных государств, права, религии и культуры восходят к античному обществу, «и вся наша *mentalité*, все ее развитие было бы совершеннейшей загадкой, если бы мы не знали, что основы ее созданы были в классическую эпоху; <...> в области современных международных отношений нет ни одной формы, в области международного права –

¹ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I–III. Leipzig, 1887–1888; *Heuss A.* Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. Leipzig, 1933; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937.

² *Eilers C.* Introduction // *Diplomats and Diplomacy in the Roman World* / C. Eilers (ed.). Leiden; Boston, 2009. P. 1.

³ *Ростовцев М.И.* Международные отношения и международное право в древнем мире // *Современные записки*. 1921. Кн. IV. С. 128–159 (цит. по: *Ростовцев М.И.* Международные отношения и международное право в древнем мире // *Вестник СПбГУ*. Сер. 14. 2013. Вып. 4. С. 67–84).

ни одной руководящей идеи, которые мы не встретили бы, в зародыше ли или в полном развитии, в пределах классического мира»⁴.

Одним из методов римской дипломатии была *amicitia* или внешнеполитическая «дружба», которая представляла собой результат установления невраждебных отношений между государствами и народами. Подобные политические связи не подразумевали обязательное заключение формального союза, хотя и не исключали такой возможности. Особенную актуальность *amicitia* приобретала при выстраивании отношений Рима с государствами, которые располагались на подступах к его границам и никогда не входили в состав римских провинций. Начиная с I в. до н.э. политика *amicitia Caesaris et populi Romani* стала внедряться и на территориях Северного Причерноморья; особенно явно новая политика проявилась в отношениях с Боспорским царством, где в титулатуру правителей были включены определения *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ*, которые можно перевести как «друг римского народа» и «друг римского императора». Именно в северной части Понта отчетливо выделяется проблематика подчинения территорий *Imperio Romano*; здесь в непосредственной близости друг от друга происходили процессы исключения «варварских» *hostes* из *orbis Romani* и включения в него таких же «варварских» *amicos*. Боспорское царство, простиравшееся от восточного Крыма до Северного Кавказа и Нижнего Дона, после смерти Митридата VI Евпатора в 63 г. до н.э. оказалось включено в сферу влияния Рима и оставалось в таком положении, по крайней мере, до IV в. н.э., при этом так и не став римской провинцией. Государства Северного Причерноморья были интегрированы в международную торговлю и выступали коммерческими партнерами центров, входивших в состав Римской империи.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что сложная и дискуссионная проблема римской *amicitia* весьма далека от своего окончательного решения и привлекает все новые и новые поколения исследователей, которые иногда подходят к ней с диаметрально противоположных и даже взаимоисключающих позиций. Именно поэтому автор диссертации считает необходимым посвятить одну из глав своего текста рассмотрению вопроса о том, что представляла собой римская

⁴ Ростовцев М.И. Международные отношения... С. 67.

внешнеполитическая *amicitia* – как ее видели сами римляне, как с ее помощью выстраивались отношения с эллинистическими государствами и варварскими народами, как она трансформировалась по ходу римской истории. Внутриполитические события в Северном Причерноморье в обозначенный период также не вполне однозначны: зачастую состояние имеющихся в распоряжении исследователей источников заставляет нас основывать свои суждения на весьма зыбких гипотетических конструкциях, которые в большей или меньшей степени основаны на субъективном восприятии данных. При всем этом специфика *amicitia* как метода внешней политики в изучаемом регионе в римский период, как правило, не учитывается. Между тем римская внешнеполитическая дружба – это не просто казенный штамп титулатуры правителей Боспорского царства. Это основа римской дипломатии, с помощью которой Республика, а затем уже и Империя выстраивала отношения с государствами Северного Причерноморья. Автор не ставит перед собой задачу переписать историю этого региона в попытках устранить существующую в исследовательской литературе оказию. Предпринятое исследование – это лишь скромная попытка посмотреть на далекую варварскую периферию через призму римской дипломатии. К этому следует добавить еще один момент – небыстрое, но регулярное пополнение круга эпиграфических, нумизматических и археологических источников способно значительно изменить наши представления об истории изучаемого региона не только в частностях, но и концептуально. Этим обусловлена необходимость ревизии данных эпиграфики, нумизматики и археологии, обнаруженных и включенных в научный оборот в ходе исследований последних двух десятилетий. Поэтому диссертация опирается на две основные составляющие: с одной стороны – это подробный анализ уже известных источников и привлечение новейших исследований, а с другой стороны – обращение к более широкому по охвату материалу в попытках создать целостную и непротиворечивую картину из не всегда сочетаемых и всегда разрозненных фрагментов.

Хронологические рамки исследования охватывают период между I в. до н.э. и IV в. н.э. В качестве нижнего хронологического рубежа выбрано правление Махара – сына Митридата VI Евпатора. Именно его античные авторы описывают как первого внешнеполитического друга римлян на Боспоре. В этот период влияние

Рима стало все активнее распространяться на северный берег Черного моря, а далекая окраина античного мира все интенсивнее вовлекаться в орбиту *Pacis Romanae*. Верхний хронологический предел включает в себя начало IV в. н.э. – последнее по времени употребление эпитета *σεβαστόνωτος* в надписи наместника Феодосии Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа (КБН 64).

Пространственные рамки исследования. Основным направлением исследования стало изучение характера и масштаба римского влияния в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. Географическое понятие «Северное Причерноморье» или же его вольный аналог «берег Северного Понта», вынесенный в заглавие этого текста, традиционно охватывает территорию от Нижнего Дуная до Северного Кавказа и включает в себя Северо-Западное Причерноморье, Крымский полуостров, берега Азовского моря и часть Кавказского побережья (прил. 2, рис. 1). Эта обширная область условно может быть разделена на несколько регионов: днестрово-дунайский (Никоний и Тира), ольвийский (Ольвия и ее хора), херсонесский (Херсонес, его ближняя и дальняя хоры), боспорский (территории, входившие в состав Боспорского царства, и в разные хронологические периоды зависимые от него области – Европейский и Азиатский Боспор, низовья Дона, Приазовье), Кавказский (Иберия, Колхида, Албания и Великая Армения)⁵. Особый интерес для изучаемой темы представляют ольвийский, херсонесский и боспорский регионы, поскольку их территории никогда не входили в состав римских провинций, а были подвержены римскому влиянию опосредовано – в том числе и с помощью взаимоотношений в форме *amicitia*. Однако в рамках данного исследования речь по существу пойдет об отношениях Рима с Ольвией и Боспорским царством, хотя и с очевидным перевесом в пользу последнего. Причина тому – специфика имеющихся в распоряжении исследователей источников. Судя по всему, политика внешнеполитической дружбы Рима выстраивалась в Северном Причерноморье в двух направлениях: с одной стороны, это *amicitia* с

⁵ О других вариантах деления этих территорий на отдельные районы см., напр.: Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 5; Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античных государств Северного Причерноморья // ВДИ. 1970. Вып. 2. С. 129–138; Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья / Б.А. Рыбаков, Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М., 1984. С. 10.

боспорскими царями и влиятельными политиками городов Северного Причерноморья, а с другой – с формально независимыми в разные периоды *civitates liberae*, такими как Херсонес и Фанагория, которые фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу «друзей». В этой работе рассмотрены дружественные отношения Рима именно с конкретными историческими фигурами; к сожалению, изучение вопроса целиком по объективным причинам не может уложиться в рамки кандидатской диссертации, поэтому автор позволил себе оставить вторую часть темы для дальнейших исследований. При этом и *amicitia* с конкретными политиками северопричерноморского региона также может быть разделена на две большие части – это дружба царей Боспора с императором и римским народом (титуты φιλόκαισαρ и φιλορῶμαιος), и знакомство знатных ольвийских и боспорских политических деятелей с римским императором (эпитет σεβαστόγυνωστός). Две эти составляющие будут последовательно рассмотрены во второй и третьей главах диссертации.

Объектом исследования стала внешняя политика Рима в государствах Северного Причерноморья в период с I в. до н.э. по IV в. н.э.

Предметом исследования является *amicitia* как инструмент римской внешней политики – ее формы, содержание и роль в отношениях Рима с правителями и политическими деятелями Северного Причерноморья.

Цель настоящего исследования – выявить специфику отношений римской *amicitia* в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. и всесторонне изучить ее развитие в контексте трансформации римской государственности и внешней политики. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько **исследовательских задач**:

- определить основные инструменты и методы, с помощью которых устанавливались отношения римской внешнеполитической дружбы между народами и государствами в период Римской республики и Империи;

- выявить основные черты римской *amicitia* как отношений Рима с эллинистическими государствами и народами варварской периферии;

- выделить основные черты и проследить развитие отношений римской *amicitia* в Боспорском царстве в период с I в. до н.э. по III в. н.э. на основе данных

нарративных источников, эпиграфики, нумизматики и новейших археологических исследований;

– определить особенности использования эпитета *σεβαστόγυνωτος* в надписях Северного Причерноморья в период с I в. до н.э. по IV в. н.э.

Методологические основы диссертации определяются сочетанием базовых принципов исторического познания – историзма и научной объективности. Существенную роль в диссертационной работе играют общенаучные методы, которые включают в себя анализ и синтез, дедукцию и индукцию, а также общеисторические и специально-исторические методы. Автор настоящего исследования обращается к комплексному анализу различных категорий источников – нарративной традиции, данных эпиграфики, нумизматики и археологических материалов, используя историко-критический метод для отбора источников и их последующего анализа. При рассмотрении сведений античных авторов используется также сравнительно-текстологический метод. Ведущим методом в данной работе является историко-сравнительный, который позволяет представить значение государств Северного Причерноморья во внешней политике Рима на Востоке, для чего в ряде случаев требуется выйти за определенные в заглавии географические и временные рамки. Римская политика в Северном Причерноморье – явление крайне сложное и многогранное, для понимания его сущности необходимо привлечение аналогий из других частей римского мира, в которых применялись схожие политические приемы. В связи с этим особое значение приобретает историко-системный метод, который, с одной стороны, позволяет рассмотреть римскую *amicitia* в Северном Причерноморье как единое целое, а с другой – как составную часть внешней политики Рима. Особое место в настоящей работе занимает транснациональный подход, в рамках которого рассматриваются вопросы о неразделимости метрополий и колоний, имперских практик на местах и ситуации внутри самих государств Северного Причерноморья. Основой исследования стал хронологический метод, который предполагает последовательное рассмотрение изучаемых событий. Однако в некоторых случаях используется ретроспективный метод, суть которого заключена в изучении более ранних событий по их последствиям.

Специфика заявленной темы требует обращения к разнородным категориям **источников** – лишь комплексное привлечение материалов античной письменной традиции, эпиграфики, нумизматики и археологии позволит создать относительно полное представление о римской *amicitia* в Северном Причерноморье. Прежде чем переходить к краткой характеристике текстов античных авторов, имеющих в распоряжении исследователей этой темы, следует отметить, что, несмотря на относительную насыщенность нарративной традиции сведениями о государствах и народах Северного Причерноморья, большинство письменных источников отличаются краткостью и фрагментарностью, а разные периоды истории этого региона в т.н. римское время освящены неравномерно⁶. Так, если об истории Боспорского царства в период после смерти Митридата VI Евпатора и вплоть до римско-боспорской войны середины I в. н.э. у нас сохранилось относительно большое количество сведений, пусть и порой весьма противоречивых, то о других политических образованиях региона и более поздних периодах информации кратко меньше – в одних случаях приходится довольствоваться лишь краткими замечаниями, а в других – и вовсе молчанием античных авторов.

Используемые в работе нарративные источники можно разделить на две группы – это сочинения античных историков и географов. К первой относится труд Плутарха из Херонеи (ок. 46–130 гг. н.э.). В своих «Сравнительных жизнеописаниях» (*Bíoi parállēloi*)⁷ он противопоставляет судьбы выдающихся греков и римлян, а по завершении каждой пары жизнеописаний сравнивает деятельность героев. Исторические события объясняются личными качествами политиков, их сильными сторонами или слабостями; биографии Плутарха имеют ярко выраженный моралистический харак-

⁶ В.В. Латышев с рядом коллег собрал в виде единого свода практически все сведения о Северном Причерноморье, содержащиеся в текстах античных авторов, которые были изданы в сборнике *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. Из отдельных исследований см. напр.: Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С. 8–178; Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

⁷ *Plutarchi Vitae parallelae*: in 4 vol. / Cl. Lindskog, K. Ziegler (rec.). Lipsiae, 1914–1939; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш (ред.). М., 1994. Биографические данные: *Barrow R.H.* Plutarch and his times. L., 1967. P. XI–XII; *Hirzel R.* Plutarch. Leipzig, 1912. S. 5–16; *Russell D.A.* Plutarch. Bristol, 1973. P. 1–18.

тер⁸. В различных биографических очерках автор нередко предлагает разные варианты мотивации своих героев⁹. Плутарха интересует в первую очередь психологический портрет греческих и римских политических деятелей, что объясняет стремление автора подчеркнуть какие-либо особенности характера и поведения, лучше раскрывающие специфику личности его персонажей, и гораздо меньшее внимание к строгой последовательности при изложении деяний своего героя, многочисленные неточности при описании военных действий, анахронизмы и т.п. Сам автор, как правило, отдает предпочтение той версии событий, которая кажется ему наиболее выразительной или назидательной. Несмотря на указанные выше общие недостатки биографий Плутарха, значение его информации трудно переоценить. Для настоящей работы особую ценность имеют жизнеописания Помпея и Лукулла, в которых можно найти сведения о событиях на Боспоре после смерти Митридата VI и участия в них Рима.

Не менее значимым является труд александрийского историка Аппиана (ок. 95–165 гг. н.э.) «Римская история» (Ρωμαϊκὴ ἱστορία)¹⁰, в котором автор приводит ряд ценных сведений об истории I в. до н.э. Сочинение Аппиана представляет собой изложение военно-политической истории Рима, материал в ней структурируется не по хронологическому, а по географическому принципу – каждая книга посвящена одному региону или одной группе событий. Аппиан в своем сочинении придерживается строгого изложения фактов, воздерживаясь от частых собственных комментариев и оценочных суждений. Тем не менее его труд страдает определенными недостатками: встречаются ошибки в хронологической последовательности событий, слабое понимание военного дела и устройства римских республиканских институтов. Иногда автор допускает искажение смысла исторических событий, вероятно, из-за значительного временного разрыва между ним и описываемыми эпизодами¹¹. При наличии надежных и подробных источников Аппиан создает живое

⁸ Duff T.E. Plutarch's Lives. Exploring Vice and Virtue. Oxf., 1999. P. 49–51.

⁹ Pelling C. Plutarch and History. Swansea, 2002. P. 91–116.

¹⁰ Appiani Historia Romana. Vol. 1: Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba (ed.). Lipsiae, 1962; Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера. М., 1998.

¹¹ Welch K. Appian and the Roman History: A Reappraisal // Appian's Roman History: Empire and Civil War. Swansea, 2015. P. 1–13; Заборовский Я.Ю. Аппиан и римская civitas в последний век существования республики // ВДИ. 1981. Вып. 4. С. 138–139.

и ясное изложение событий. Однако в отношении менее изученных эпизодов или временных отрезков его рассказ становится расплывчатым и недостаточно точным¹². «Римская история» Аппиана – произведение убежденного сторонника римского строя, имевшее целью показать закономерность установления римского господства в разных частях ойкумены. Сочинение Аппиана включает ценные материалы по истории Боспорского царства – в XII книге «Римской истории», описывая правление Митридата VI Евпатора, Аппиан подробно говорит о работе царской администрации (App. Mithr. XII.107). Особенное значение для настоящего исследования имеют сведения Аппиана о политической жизни на Боспоре после смерти Митридата – к примеру, сюжет о приходе Фарнака к власти, его отношениях с римскими военачальниками и боспорскими городами (App. Mithr. XII.120).

Важнейшим источником по истории Римской империи периода правления династий Юлией-Клавдиев и Флавиев являются сочинения римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 55–120 гг. н.э.). Он начал свою карьеру государственного служащего при императоре Веспасиане, последовательно занимая посты квестора, претора, консула и проконсула провинции Азии. Его исторические труды «Анналы» (*Annales* или *Ab excessu divi Augusti*) и «История» (*Historiae*)¹³ являются ключевыми источниками для изучения внутренней и внешней политики Римской империи эпохи Юлиев-Клавдиев и Флавиев. Тацит заслуженно признан крупнейшим историком Рима – основное внимание он сосредоточил на политике первых принцепсов, хотя, несмотря на больший акцент на дворцовых интригах, события международной политики также получили отражение в его работах. Как историк Тацит отличается тщательным подбором материала и глубоким осмыслением представленных фактов¹⁴. При всем этом Тацит освещает не только общие внешнеполитические процес-

¹² Gabba E. Introduzione // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. xvii–xviii.

¹³ Tacitus. The Annals. Books IV–VI, XI–XVI / transl. J. Jackson. Cambr. (Mass.), 1937; Tacitus. Histories. Books I–III / transl. C.H. Moore. Cambr. (Mass.), 1925; Tacitus. Histories. Books IV–V / transl. C.H. Moore, J. Jackson. Cambr. (Mass.), 1931; Tacitus. The Annals. Books I–III / transl. C.H. Moore, J. Jackson. Cambr. (Mass.), 1931; Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. М., 2003.

¹⁴ Syme R. Tacitus. Oxf., 1958. Vol. I–II; Mellor R. Tacitus. L.-N.Y., 1993; Sailor D. Writing and Empire in Tacitus. Cambr., 2008; Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.,

сы, но и конкретные события в Северном Причерноморье. Так, в XII книге «Анналов» Тацит сообщает о конфликте между Котисом I и Митридатом VIII и событиях римско-боспорской войны 40-х гг. I в. н.э. (Тас. Ann. XII.15–21), в которую были вовлечены римские вооруженные силы и местные народы Прикубанья.

Ряд существенных дополнений о ситуации в Северном Причерноморье в конце I – начале II вв. н.э. дают письма Гая Плиния Младшего¹⁵ (ок. 62–113 гг. н.э.). Он начал свою государственную службу при императоре Домициане, став членом сената, а в 111–113 гг. н.э. был легатом-пропретором провинции Вифиния-Понт. Император Траян оказывал Плинию особое доверие и часто консультировался с ним по важным вопросам. После 113 г. н.э. информация о дальнейшей судьбе Плиния отсутствует, возможно, именно тогда он скончался. Плиний оставил после себя переписку с различными историческими деятелями, позднее объединенную в девять книг. В его письмах содержится важная информация о принципах управления провинцией, финансовых и административных методах регулирования дел, военном устройстве и особенностях римского мировоззрения¹⁶. Управление провинцией Вифиния-Понт было связано с поддержанием дипломатических отношений между Римом и Боспорским царством, и в письмах Плиния есть несколько сообщений об этих контактах¹⁷ (Plin. Epist. X.63; 64; 67).

Весьма ценными источниками также являются труды Флавия Арриана (ок. 95–145 гг. н.э.), который занимал пост провинциального наместника Каппадокии в начале 30-х гг. II в. н.э. До нас дошли его работы «Перипл Понта» (Περίπλος τοῦ Εὐξείνου Πόντου)¹⁸, «Тактика» (Τακτική τέχνη) и «Диспозиция против аланов»

1981; *Тронский И.М.* Корнелий Тацит // Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. История. Малые произведения. М., 2001.

¹⁵ Pliny the Younger. *Complete Letters* / transl. P.G. Walsh. Oxf., 2006. 432 p.; Письма Плиния Младшего. Книги I–X / пер. М.Е. Сергеев, А.И. Доватура. М., 1982.

¹⁶ Bodel J. The Publication of Pliny's Letters // Pliny the Book-maker: Betting on Posterity in the Epistles / I. Marchesi (ed.). Oxf., 2015. P. 13–108; *Сергеев М.Е.* О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. Кн. I–VI, X. М., 1983. С. 274–282.

¹⁷ *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. Вып. 2. С. 1–257; *Сапрыкин С.Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. Вып. 1. С. 191–205.

¹⁸ Арриан Флавий. *Объезд Эвксинского Понта* / пер. П.И. Прозорова // ВДИ. 1948. Вып. 1. С. 265–275; *Перевалов С.М.* «Перипл Понта Евксинского» Флавия Арриана: новаторство в традиционном жанре // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: вос-

(Ἑκταξίς κατὰ Ἀλανῶν)¹⁹, играющие значительную роль для понимания обстановки в Причерноморье в период, близкий ко времени написания трудов. Например, в трактате «Тактика» Арриан дает советы по борьбе с племенами скифов и сарматов, а также первым из античных авторов упоминает участие боспорских подразделений в составе римской армии.

Сравнительно подробные описания Ольвии можно найти в «Борисфенитской речи»²⁰ Диона Хрисостома, ритора из Вифинии, который побывал в этом городе в конце I в. н.э. В его «Речи» в идеологически окрашенной форме передан образ Северного Причерноморья. В среде исследователей подлинность этого текста до сих пор остается предметом закономерных споров: не доказано само пребывание автора в Ольвии, вызывает дискуссии представленная в речи степень варваризации ольвийского населения²¹. Образ региона, созданный Дионом Хрисостомом, скорее, представляет собой идейно-философскую концепцию, которая не всегда соответствует реальности. Его текст важен, прежде всего, как отражение римских представлений об окраинах Империи. Однако Дион Хрисостом остается нашим единственным автором, который сообщает о так называемом гетском разгроме Ольвии на рубеже эр; кроме того, многие приводимые им сведения о жизни в этом городе в конце I в. н.э. подтверждаются данными археологии²², позволяя воссоздать более объективную историческую картину.

приятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 г. Мат. конф. М., 2009. С. 254–259.

¹⁹ Flavius Arrianus. Tactical Handbook and the expedition against the Alans / transl., ed. J.D. DeVoto (transl., ed.). Chicago, 1993; Арриан. Диспозиция против аланов / пер., комм. и вступ. ст. А.К. Нефедкина // Арриан. Тактическое искусство. СПб., 2010. С. 195–261; *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. Тексты, перевод, комментарий. М., 2010.

²⁰ Dio Chrysostom. Orations VII, XII, XXXVI / D.A. Russel (ed.). Cambr., 1992; Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве (XXXVI) / пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. М., 1961. С. 92–97.

²¹ *Трофимова М.К.* О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома // ВДИ. 1959. Вып. 3. С. 151–162; *Виноградов Ю.Г.* Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 28; *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 140–144; *Она же.* О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э.–III в. н.э. // БФ. 2005. Вып. 6. С. 186–192.

²² *Крапивина В.В.* О соотношении письменных и археологических... С. 187–188.

Несколько выделяется из ряда античных авторов, писавших о Северном Причерноморье в римский период, историк Мемнон, живший на рубеже I–II вв. н.э. и оставивший после себя городскую хронику «О Гераклее» (περὶ Ἡρακλείας)²³. Хроника Мемнона состояла не менее чем из шестнадцати книг, однако до нас дошли лишь фрагменты из 11–16 книг, составленные византийским патриархом Фотием. Значение текста Мемнона связано с тем, что он был представителем местной историографической традиции – в центре сочинения находится его родная Гераклея Понтийская, поэтому в нем нельзя найти связный рассказ о больших исторических событиях²⁴. Хроника Мемнона содержит повествование о том, как большая политика влияет на судьбы отдельных городов или народов; кроме того, она практически не подверглась влиянию римской историографической традиции и основывалась преимущественно на местных преданиях. Благодаря этому значение текста Мемнона как источника весьма высоко оценивается современными исследователями²⁵.

Не менее значимым для этой диссертации является и труд Диона Кассия Коккеяна (ок. 155–235 гг. н.э.) – грекоязычного историка родом из провинции Вифиния. Его «Римская история» (Ρωμαϊκὴ ἱστορία)²⁶ содержала 80 книг (сохранились книги с XXXVI по LX) и предположительно создавалась в период между 220 и 231 гг. н.э.²⁷ Важно отметить, что автор «Римской истории» не был военным, поэтому его описания военных кампаний часто содержат ошибки и неточности. Однако, с другой стороны, будучи государственным чиновником, Дион Кассий уделяет особое внимание вопросам административного устройства. Несмотря на некоторую долю

²³ Мемнон. О Гераклее / пер. В.П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. Вып. 1. С. 281–316.

²⁴ Фролов Э.Д. Тирания в Гераклее Понтийской // АМА. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 114–139.

²⁵ См., напр.: Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943. С. 105 сл.; Дзагурова В.П. Введение (к переводу сочинения Мемнона «О Гераклее») // ВДИ. 1951. Вып. 1. С. 288.

²⁶ Dio Cassius. Roman history / engl. transl. E. Cary. Cambr. (Mass.), 1924–1925. Vol. VII–VIII. Русскоязычное издание: Кассий Дион Коккеян. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / пер. под ред. А.В. Махлаюка; коммент. и ст. А.В. Махлаюка. СПб., 2011; Кассий Дион Коккеян. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб., 2014. О Кассии Дионе как историке см.: Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккеян. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / пер. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 372–437.

²⁷ Barnes T.D. The composition of Cassius Dio's «Roman History» // Phoenix. 1984. Vol. 38. № 3. P. 240–241, 252; Madsen J.M. Cassius Dio. L.; N.Y., 2020. P. 1–24.

суеверия и мистицизма, характерных для его эпохи, Дион Кассий в целом остается весьма серьезным историком, а его труд – одним из наиболее ценных и надежных источников для изучения истории Поздней Римской республики – Ранней империи²⁸. Для этой темы большую значимость имеют пассажи Диона Кассия, содержащие описания заключительных событий походов Лукулла, политики Помпея на Востоке и его деятельности по созданию там «нового порядка» (начиная с середины XXXVI книги). Кроме того, Дион Кассий описывает ряд сюжетов боспорской истории – правление Асандра и Динамии, узурпацию власти Скрибонием и ряд других эпизодов (Dio. Cass. LIV.24)²⁹. В «Римской истории» описано вмешательство Рима в дела Боспора, включая политику Агриппы и назначение царей на боспорский престол (сюжет с Полемоном) (кн. LI–LIV). Однако, учитывая хронологическую отдаленность Диона Кассия от описываемых им событий, он нередко допускает неточности – к примеру, ошибочно называет Полемона I отцом, а не дедом Полемона II, путает Митридата Боспорского с Митридатом Иберийским³⁰.

Следует упомянуть и других авторов, чьи сочинения имеют значение для изучения политики Рима в Северном Причерноморье в обозначенный период. Ряд сведений об отдельных исторических эпизодах можно обнаружить в текстах псевдо-Лукиана³¹, Овидия³², Фронтин³³, Авла Геллия³⁴. Эти работы интересны в первую очередь тем, что их авторы использовали в своих трудах более ранние источники, недошедшие до нас. Это позволяет уточнять незначительные детали различных событий, а также кор-

²⁸ Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 38–39.

²⁹ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. Вып. 2. С. 268–277.

³⁰ Панов А.Р. Рим и Боспор. Проблемы сотрудничества и противостояния в I веке до н.э. – I веке н.э. Н. Новгород, 1999. С. 7.

³¹ Лукиан. Александр, или Лжепророк / Лукиан. Избранное. М., 1962. С. 104–126; Сапрыкин С.Ю. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид» // Аристей: Классическая филология и античная история. 2012. Вып. 1. С. 185–209.

³² Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подг. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1978; Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. М., 1985.

³³ Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / пер. А.Б. Рановича; вступ. ст. и комм. А.А. Новикова. СПб., 1996.

³⁴ Auli Gelli Noctium Atticarum. Libri XX / C. Hosius (ed.). Vol. 2. Lipsiae, 1903; Авл Геллий. Аттические ночи / А.Я. Тыжов, А.П. Бехтер (общ. ред.). СПб., 2007–2008; Кн. I–X / пер. А.Б. Егорова (кн. 1–5), А.П. Бехтер (кн. 6–10). СПб, 2007; Кн. XI–XX / пер. А.Г. Грушевого (кн. 11–15, 17, 18), О.Ю. Бойцовой (кн. 16, 19, 20). СПб, 2008.

ректировать их датировки, создавая более полную реконструкцию римской политики в Северном Причерноморье и на Востоке в целом. Отдельные, но не менее интересные и значимые для исследования эпизоды, можно найти в позднеантичной историографии – труды Аврелия Виктора, Евтропия и Орозия. Несмотря на то что сочинения «О Цезарях» (*De caesaribus или Historiae Abbreviatae*)³⁵, «Краткая история от основания города» (*Breviarium Historiae Romanae*)³⁶ и «История против язычников» (*Historiae adversum paganos*)³⁷ по существу имели компилятивный характер и по времени были сильно удалены от некоторых описываемых событий, они содержат ряд уникальных сведений, неизвестных из текстов других античных писателей. Кроме того, об истории позднеантичного Боспора сообщается также в трудах Аммиана Марцеллина³⁸, Зосима³⁹, Геродиана⁴⁰, в *Scriptores historiae Augustae*⁴¹. Сочинения этих авторов, находясь под влиянием традиционных римских установок, позволяют проследить развитие римской внешней политики на периферии античного мира, а также особенности взаимоотношений Империи с варварским окружением.

Вторую группу нарративных источников, использованных в настоящей работе, составляют труды двух античных географов. В первую очередь, это «Геогра-

³⁵ Аврелий Виктор. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях / пер. с лат. В.С. Соколова // ВДИ. 1963. Вып. 4. С. 214–257.

³⁶ Eutropii Breviarium ab Urbe condita / rec. C. Santini. Lipsiae, 1979; Евтропий. Краткая история от основания Города / пер. с лат. А.И. Донченко // Римские историки IV века / М.А. Тимофеев (отв. ред.). М., 1997. С. 7–73; Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб., 2004; Альбрехт М. фон. История римской литературы: от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи / пер. А.И. Любжина. Т. III. М., 2005. С. 1503–1504.

³⁷ Orosii Pauli Historiarum adversum paganos libri VII / rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889; Орозий Павел. История против язычников / пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 2004.

³⁸ Аммиан Марцеллин. Деяния (отрывки из книг XVII, XIX, XXV) / пер. с лат. Я.Н. Любарского // Историки Рима. М., 1970. С. 401–433; Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 1551–1552.

³⁹ Зосим Комит. История новых времен / пер., ст., прим. Н.Н. Болгова. М., 2024; Болгов Н.Н. Зосим – последний античный историк // ВДИ. 2006. Вып. 8. С. 157–166.

⁴⁰ Геродиан. История императорской власти после Марка / пер. А.И. Доватура (кн. 1, 2), Н.М. Ботвинника (кн. 3), А.К. Гаврилова (кн. 4), В.С. Дурова (кн. 5), Ю.К. Поплинского (кн. 6), М.В. Скржинской (кн. 7), Н.В. Шебакина (кн. 8); А.И. Доватур (ред.) // ВДИ. 1972. Вып. 1–4; Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 1499.

⁴¹ Scriptores Historiae Augustae. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. Д.Е. Афиногенова, комм. О.Д. Никитинского, А.И. Любжина. М., 1992.

фия»⁴² (Γεωγραφικά) Страбона (ок. 64/63 гг. до н.э.—24 г. н.э.), состоящая из 17 книг. Практическая значимость и ценность его труда для современного исследователя заключается в том, что в тексте «Географии» отражены географические представления античного мира и содержатся информация о странах и народах, известных в античности. Наряду с описанием природы и населения, Страбон часто дает исторические экскурсы, сообщая подробности, которые не упоминаются в текстах других авторов. Сочинение Страбона сохранило значительные фрагменты исчезнувших произведений крупнейших эллинистических ученых, таких как Эратосфен, Аполлодор и Посидоний, а потому позволяет составить представление, пусть и неполное, об эллинистической географической традиции⁴³. В VII, XI и XII книгах его труда содержатся сведения о политическом устройстве государственных образований Северного Причерноморья, взаимодействиях городов и народов с Римом, а также с варварскими племенами скифов, меотов, сираков, аорсов и дандариев (Strabo VII.4; XI.2, 5, 8, 11; XII.4, 3)⁴⁴. Страбон упоминает участие Рима в политической жизни Боспорского царства, описывает политику Митридата VI Евпатора и его преемников, приводя сюжеты о затоплении Фарнаком области дандариев, строительстве оборонительных сооружений Асандром и политической деятельности Полемона. Весьма ценными остаются свидетельства Страбона о Танаисе как об одном из крупнейших варварских торжищ (Strabo XI.2.3).

Еще одним античным географом, оставившим сведения об истории Северного Причерноморья, был Клавдий Птолемей (ок. 100–170 гг. н.э.). Его труд «Руководство по географии» (Γεωγραφικὴ ὑφήγησις)⁴⁵, состоявший из восьми книг, содержит перечень географических объектов с указанием их координат – около 8100 городов,

⁴² Страбон. География в 17 книгах / пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского под общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1994.

⁴³ Dueck D. Strabo of Amasia: A Greek Man of Letters in Augustan Rome. L.; N.Y., 2002. P. 145–153; Pothecary S. European provinces: Strabo as evidence // Strabo's cultural geography. The making of a Kolossourgia / D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary (eds.). Cambr., 2005. P. 161–179.

⁴⁴ Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914.

⁴⁵ Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie // A. Stückelberger, G. Grasshof (Hrsg.). Basel, 2006. Т. I–II; Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели / Латышев В.В. СПб., 1890. С. 228–247; Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т. 1. Античные источники / сост. А.В. Подосинов. М., 2009. С. 181–195.

островов, гор, рек и т.д. Нередко названия географических объектов даются автором в искаженном виде, однако это не умаляет ценности его сочинения, которое объединяет богатейший материал по географии Северного Причерноморья – в этот регион у Птолемея включены часть Европейской Сарматии, Херсонес Таврический, часть Нижней Мезии и часть Азиатской Сарматии⁴⁶.

Суммируя сказанное, следует отметить, что сообщения античных авторов о Северном Причерноморье малочисленны и фрагментарны, а дошедшие до нас сюжеты весьма специфичны, поскольку в большинстве случаев они создают обобщенный или упрощенный образ, а не отражают конкретную реальность. Именно поэтому любое исследование по истории Северного Причерноморья, подобное настоящему, не может обойтись только лишь текстами античных авторов. Наряду с литературной традицией важную роль в изучении обозначенной темы играют эпиграфические источники, которые существенно уточняют и дополняют сведения античных авторов о Северном Причерноморье. Данные надписей, «каменного архива» античных городов, позволяют судить не только о самих событиях, которые происходили в этих городах, но и о том, как эти события воспринимались их жителями, или же о том, какое представление о своей позиции они хотели создать. Основными памятниками эпиграфики, на которых базируется данное исследование, являются надписи официального характера – разного рода посвящения от имени боспорских царей, магистратов и жителей Северного Причерноморья (пантикапейцев, агриппейцев, танаитов), а также от имени гражданских общин понтийских полисов, строительные надписи, и частного – различные посвящения и манумиссии. Особую роль в настоящей работе играют посвященные и строительные надписи, позволяющие проследить изменения в титулатуре боспорских правителей и показывающие взаимоотношения с местными племенами и с Римской империей, трансформацию государственного устройства и территориального деления. Надписи сообщают о строительной деятельности царей, магистратов и частных лиц, о различных постройках и монументах, украшавших города. В памятниках эпиграфики также упомянуты многочисленные ан-

⁴⁶ Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 22–25.

тичные центры, которые поддерживали контакты с государствами и политическими образованиями Северного Причерноморья – Амастрия, Византий, Гераклея, Никея, Синопа, Пруса и ряд других городов. В свою очередь, в восточно-греческих городах, да и в самом Риме, найдены декреты в честь боспорских правителей и граждан, постановления о регламентации торговли, посвящения и надгробия боспорян.

Для удобства работы с надписями все они были систематизированы в виде таблиц в Приложении 1, причем характер предложенной в диссертации компоновки эпиграфических материалов обусловлен задачами настоящего исследования: таблицы созданы по тематическому принципу (таблица 1 посвящена титулатуре боспорских царей-друзей Рима, в таблице 2 отражены посвящения римским императорам в надписях Северного Причерноморья, а в таблице 3 – посвящения политическим деятелям региона, которые были «известны Августам»), в них отражена основная информация о той или иной надписи (шифр и номер надписи, происхождение, датировка, характер надписи, ее автор), а также фрагмент текста надписи, который принципиален при рассмотрении того или иного вопроса по ходу исследования. Автор диссертации намеренно не приводит полные тексты и фотографии надписей, поскольку основная их часть была ранее опубликована либо в фундаментальных эпиграфических изданиях, либо в специальных статьях (об этом будет сказано ниже). Практически все привлекаемые в исследовании надписи выполнены на греческом языке, и лишь единичные эпиграфические памятники – на латинском. Однако в ряде случаев надписи дошли до нас в очень фрагментарном виде, так что порой текст невозможно достоверно реконструировать, а надежное его прочтение остается несбыточной мечтой, порождая все новые и новые споры в среде эпиграфистов. Преимущественно автор диссертации пользуется приведенными в классических эпиграфических изданиях восстановлениями и переводами надписей, при необходимости снабжая их собственными комментариями и переводами.

Так или иначе, здесь следует обозначить очевидную мысль – эпиграфические материалы являются нашим основным источником при изучении вопроса римской *amicitia* в Северном Причерноморье, поскольку отражают официальные титулы и эпитеты правителей и политических деятелей региона, что становится особо ценно в

случае, когда нарративные источники для какого-либо периода весьма фрагментарны или вовсе отсутствуют. Между тем детальное изучение титулов боспорских царей и эпитетов представителей политической элиты региона – методически необходимый подход при разработке вопроса о специфике отношений *amicitia* в Северном Причерноморье. Как поэтически отметил Б. Функ, памятники эпиграфики «отражают всегда лишь мгновенное положение вещей, представляя собой иногда случайно выбранную деталь из общего целого, своеобразный моментальный снимок из большой серии ему подобных, которые лишь взятые вместе представили бы живое целое»⁴⁷. Действительно, обращаясь к анализу текстов надписей, не следует *post factum* рассматривать эпиграфические формулы как замкнутые и устоявшиеся конструкции, поскольку они изменялись по ходу развития государственности и политики в регионе и во многом зависели от характера и автора посвящения – особую роль играло его происхождение и социальное положение, а также традиции и местные особенности языка надписей.

Основой настоящей диссертации являются классические издания греческих и латинских надписей⁴⁸ и фундаментальные сборники эпиграфических памятников Северного Причерноморья. Первый полный свод надписей, охватывающий территорию Северного и Восточного Причерноморья, был составлен и опубликован В.В. Латышевым в рамках *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (IOSPE)⁴⁹. Основная часть надписей составлена на греческом языке и лишь небольшая – на латинском. Огромное значение для исследователей Северного Причерноморья имеют восстановления текстов опубликованных надписей, предложенные В.В. Латышевым, и его комментарии к ним. Два поколения спустя работа В.В. Латышева была продолжена, и надписи Боспора, первоначально включенные в IOSPE, были впоследствии переизданы в Корпусе боспорских надписей

⁴⁷ Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 74.

⁴⁸ Corpus inscriptionum Graecarum / A. Böckh (ed.). B., 1828–1877; Corpus Inscriptionum Latinarum / A. Degrassi (Hrsg.). B., 1862; N.S., 1981; Das Delphinion in Milet. Königl. Museen zu Berlin / G. Kawerau, A. Rehm (Hrsg.). Bd. I. Ht. 3. B., 1914; Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / R. Cagnat et al. (eds.). P., 1901–1927; Roman Documents from the Greek East / R.K. Sherk (ed.). Baltimore, 1969; Sylloge Inscriptionum Graecarum / W. Dittenberger (ed.). Leipzig, 1915. Vol. II; The inscriptions of Sinope / D. French (ed.). Vol. I. Bonn, 2004 и ряд других корпусов надписей.

⁴⁹ Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / V. Latyshev (ed.). Petropoli, Vol. I: 1885; II: 1890; III: 1901; I²: 1916.

(КБН) с привлечением новых эпиграфических находок. Современное издание корпуса содержит 1326 текстов и представляет собой наиболее полное собрание эпиграфического материала по данной территории⁵⁰. Большая часть надписей, включенных в *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*, происходит из Пантикапея, Горгииппии, Танаиса, Гермонассы и Фанагории. Кроме того, в 1968 г. был издан корпус ольвийской эпиграфики⁵¹, включивший 183 надписи, обнаруженные после публикаций В.В. Латышева. Характерной чертой нового сборника стал принцип полной иллюстративности, который способствовал дальнейшему изучению текстов и расширению источниковой базы. Но, в отличие от произведений античной традиции, список которых вряд ли существенно изменится в обозримом будущем, корпус эпиграфических источников регулярно пополняется. Поэтому в настоящем исследовании также были использованы эпиграфические памятники, открытые и опубликованные после выхода в свет основных сводов классических надписей Северного Причерноморья. Это надписи, происходящие из Пантикапея⁵², Фанагории⁵³, Горгииппии⁵⁴, Гермонассы⁵⁵, Танаиса⁵⁶, Ольвии⁵⁷, с территории Азиатского Боспора⁵⁸ и ряда других мест.

⁵⁰ Корпус боспорских надписей / В.В. Струве (ред.). М.; Л., 1965; Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций / А.К. Гаврилов (отв. ред.). М., 2004. Т. I–II.

⁵¹ Надписи Ольвии (1917–1965) / Т.Н. Книпович, Е.И. Леви (ред.). Л., 1968.

⁵² Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. Вып. 2. С. 45–81; Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 138–147.

⁵³ Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 92–97; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 155–172; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. Вып. 1. С. 238–243.

⁵⁴ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. Вып. 2. С. 197–209; Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгииппии // ВДИ. 2018. Вып. 3. С. 680–692; Завойкина Н.В., Новичихин А.М. Надписи из раскопок в пригороде античной Горгииппии // ВДИ. 2022. Вып. 1. С. 133–149; Хайнен Х. Два письма боспорского царя Аспурга (АЕ. 1994, 1538). Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 278–291; Чореф М.М. К вопросу о датировке посвятельной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгииппии // ПИФК. 2024. Вып. 16. С. 811–836.

⁵⁵ Павличенко Н.А. Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // БФ. СПб., 2007. Ч. 2. С. 304–306.

⁵⁶ Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 95–107.

⁵⁷ Иванчик А.И. Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома // ВДИ. 2017. Вып. 3. С. 636–650; Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. Вып. 1. С. 86–95.

⁵⁸ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

Большое значение для настоящей работы имеют также данные ономастики, которые помогают реконструировать этносоциальные процессы исследуемого региона. При обращении к отдельным вопросам по изучаемой теме были использованы работы специалистов в области исторической лингвистики – Л. Згусты⁵⁹, В. Кожокару⁶⁰, Л. Робера⁶¹, С.Р. Тохтасьева⁶² и В.П. Яйленко⁶³. Существенную роль в этом исследовании занимает также просопографическая база, подготовленная исследовательской группой проекта «Иностранные друзья Рима» (*Amici Populi Romani*) под руководством А. Чошкуна, которая включает в себя ряд кратких заметок о боспорских *reges amici* периода Поздней республики и принципата, а точнее, времени между гибелью Митридата VI Евпатора и началом правления Котиса II⁶⁴.

Несомненно, особое место в исследовании отношений Рима и городов Северного Причерноморья занимает нумизматический материал. Монеты дополняют наши сведения об именах и титулах боспорских правителей, о последовательности их правлений. Изображения божеств на монетах создают представление о господствующих культах, а чеканка портретов римских императоров или символов власти, например, курульных кресел отражает характер отношений с Римской империей. Изменения в легендах и изображениях на монетах, не сопровождавшиеся изменением номиналов, красноречиво свидетельствуют о том, что на них возлагались не только экономические, но и идеологические функции⁶⁵. Говоря о зна-

⁵⁹ Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955; Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

⁶⁰ Cojocaru V. Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice (Die Bevölkerung der nördlichen und nordwestlichen Schwarzmeerküste vom 6. bis 1. Jh. v. Chr. auf Grundlage des Inschriftenmaterials). Iași, 2004; Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia: Zur Proxenie und zu den Außenbeziehungen auf der Grundlage einer Ehreninschrift // *Arheologia Moldovei*. Bukarest, 2009/2010. Vol. 32. S. 41–56.

⁶¹ Robert L. Études épigraphiques et philologiques. P., 1938.

⁶² Тохтасьев С.Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // *Commentationes Iranicae*: сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / С.Р. Тохтасьева, П.Б. Лурье (ред.). СПб., 2013. С. 565–607.

⁶³ Яйленко В. П. Малоазийские имена в надписях Боспора // *Античная балканистика*: Тез. докл. симпоз. М., 1980. С. 69–70; Яйленко В.П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб., 2016.

⁶⁴ Актуальную версию базы данных *Amici Populi Romani* (APR) можно найти по ссылке: <https://www.altayCoşkun.com/apr> (дата обращения: 03.05.2025 г.).

⁶⁵ Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 31; Mattingly H. A Coins of the Roman Empire in the

чимых для этой темы исследований отечественных нумизматов, помимо классических трудов А.Н. Зографа⁶⁶, необходимо назвать целый ряд работ Н.А. Фроловой⁶⁷. Эти исследования внесли серьезный вклад в уточнение сведений о хронологии политической истории Северного Причерноморья и являются неотъемлемыми для любого исследования по сходной тематике. С попыткой нового освещения монетного дела Боспора выступил В.А. Анохин⁶⁸. Значительный вклад в изучение нумизматики Северного Причерноморья также внесли П.О. Карышковский⁶⁹, М.Г. Абрамзон⁷⁰, М.М. Чореф⁷¹ и многие другие исследователи.

British Museum. Vol. I. L., 1976; *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995; *Он же.* Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие монетных типов // ВДИ. 2002. Вып. 1. С. 122–142.

⁶⁶ *Зограф А.Н.* Римские монеты из Ольвии // ИГАИМК. 1930. Т. 6. Вып. 4. С. 5–15; *Он же.* Античные монеты. М.; Л., 1951; *Он же.* Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // АГСП. 1956. С. 148–163.

⁶⁷ *Фролова Н.А.* Боспор и Рим в конце I – начале II вв. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. Вып. 2. С. 133–144; *Она же.* История правления Рискупорида V (242–276 гг. н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. Вып. 3. С. 58–76; *Она же.* Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг.) // НЭ. 1980. Вып. XIII. С. 13–37; *Она же.* О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 55–63; *Она же.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 187–247; *Она же.* Уникальный клад боспорских монет из Горгии III в. до н.э. – 238 г. н.э. // Древнее Причерноморье. КСОАМ. Одесса, 1993. С. 87–90; *Она же.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I–II. 448 с.; *Frolova N.A.* The coinage of the Bosporus AD 69–238. Oxf., 1979; *Idem.* The coinage of the Bosporus AD 242–341/2. Oxf., 1983.

⁶⁸ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986; *Он же.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

⁶⁹ *Карышковский П.О.* Находки монет Римской империи в Ольвии // НС. 1965. № 2. С. 50–75; *Он же.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 25–36; *Он же.* Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.

⁷⁰ *Абрамзон М.Г.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II: Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) // БИ. 2011. Вып. 7 / В.Н. Зинько (ред.). Симферополь-Керчь, 2011; *Абрамзон М.Г., Федосеев Н.Ф.* Клад медных боспорских монет конца I–III вв. н.э. из Пантикапея (2009 г.) // Scripta antiqua. 2015. Вып. 4. С. 451–491; *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Монетные сплавы античного Боспора: Рентгено-флуоресцентные исследования монет довоенной коллекции, переданной Федеративной Республикой Германии Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику. СПб., 2023; *Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V.* Two hoards of Bosporan coins // Revue numismatique. 2001. Т. 157. Р. 287–303.

⁷¹ *Чореф М.М.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2012. № 6. С. 105–111; *Он же.* «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2012. № 4. С. 171–200; *Он же.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II //

Особую роль в изучении вопросов истории Северного Причерноморья играет археологический материал, который продолжает оставаться самым массовым и, что очень важно, регулярно пополняемым источником. Именно интенсивные археологические полевые работы, осуществляющиеся в рамках академических и коммерческих экспедиций, а также охранные раскопки, особенно важные для изучения античных памятников, на месте которых развиваются современные города и населенные пункты, выступают своеобразным двигателем научного прогресса, заставляя нас вновь и вновь переосмысливать представления о взаимоотношениях Рима и городов Северного Причерноморья. Думается, что давать в тексте введения полный обзор значимых для исследуемой темы археологических открытий и памятников римского времени в Северном Причерноморье было бы излишним ввиду потенциальной громоздкости такого рода конструкции. Результаты археологических полевых работ, как правило, регулярно публикуются в периодических изданиях соответствующей тематики, и, что особенно важно, издаются в рамках обобщающих монографий, в которых проводится обстоятельный анализ отдельных категорий археологических находок или памятников. Отмечу, что существенное значение для этого исследования имеют археологические работы, которые ведутся в Ольвии и на ее хоре; в Пантикапее, Артезиане, Горгипии, Фанагории, Гермонассе и на других многочисленных и не менее интересных памятниках Европейского и Азиатского Боспора. Несмотря на всю значимость, археологические источники обладают одним недостатком, который существенно усложняет работу с ними – они бессловесны. Это, с одной стороны, гарантирует объективность, а с другой – часто ставит исследователей в тупик, заставляя лишь констатировать сухие факты, оставляя их без плоти сложных интерпретаций, без попыток понять причинно-следственные связи и сущность исторических явлений. Второй крайностью становятся очень вольные и порой несколько надуманные интерпретации результатов археологических работ. Как метко было отмечено Ю.Г. Виноградовым, археологические источники по своей природе в отношении политической истории молчаливы; «археология способна лишь

отображать определенные процессы, происходившие в экономической, религиозной или культурной сферах жизни..., но не призвана вскрыть сущность. Для того чтобы заставить эти источники заговорить, необходимо постоянное сопоставление данных археологии с результатами, полученными на другой источниковедческой основе»⁷². Очевидно, что при изучении вопроса о римской *amicitia* в Северном Причерноморье необходимо применение комплексного подхода, в котором все типы свидетельств анализируются, сопоставляются и включаются в реконструкцию общей картины. По выражению того же Ю.Г. Виноградова, «топтанье в заколдованном кругу многократно уже обсужденных комбинаций можно преодолеть лишь с помощью повторной тщательной ревизии наличного эпиграфического и нумизматического фонда»⁷³.

Степень разработанности темы. Историографию⁷⁴ по изучаемой теме можно разделить на две большие группы. В первую входят исследования, посвященные вопросам *amicitia* в контексте римской внешней политики в целом. Вторая группа включает в себя работы по истории Северного Причерноморья в римский период — это многочисленные исследования историков, эпиграфистов, нумизматов и археологов, в которых вопросы римской *amicitia* затрагиваются, как правило, *ad hoc*.

В течение последних ста лет концепция *amicitia* как инструмента римской внешней политики претерпела значительную эволюцию. Первые попытки разработки этой темы были сделаны еще в XIX в., в трудах Т. Моммзена, который рассматривал отношения *amicitia* как асимметричные, но мирные связи Рима с другими политическими образованиями, обозначив их как «клиентские царства» или «клиентские государства»⁷⁵. Использование приемов *amicitia* в римской политике получает большее признание в научных кругах начиная с конца 30-х гг. XX в. Так, в работах Р. Сайма и Л. Тейлор, понятие *amicitia* рассматривалось как метод, который активно

⁷² Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 19.

⁷³ Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. Вып. 3. С. 130.

⁷⁴ Автор выражает свою благодарность Е.В. Смыкову, А.А. Савинову, Ю.Н. Кузьмину, А. Чошкуну, А.А. Орлову и Г.С. Чебышеву за помощь в поиске литературы по теме исследования.

⁷⁵ Mommsen Th. Das römische Gastrecht und die römische Clientel // Römische Forschungen. Bd. I. B., 1864. S. 355–390; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 54–88. Подробное описание этой проблемы в целом см. Coşkun A. Freundschaft und Klientelbindung in Roms auswärtigen Beziehungen. Wege und Perspektiven der Forschung // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat. Göttingen, 2005. S. 1–30.

применялся римскими политиками во время партийных противостояний внутри группировок. Предполагалось, что *amicitia* в политическом плане изначально использовалась для маскировки отношений *factio*, лишенных эмоциональной составляющей и личной привязанности, и представляла собой разновидность социальной зависимости между патронами и клиентами⁷⁶. Подобные клиентские связи были помещены в центр социальных отношений между римской элитой и *populus Romanus* в конце Римской республики и многими последующими учеными. К примеру, М. Гельцер обозначил, что такого рода клиентские связи имеют основополагающее значение для понимания социальных, политических и культурных отношений в Римской республике, и поместил «отношения верности и близости» в центр своего описания «социальных предпосылок господства знати»⁷⁷.

Наибольшее развитие концепция Т. Моммзена получила уже во второй половине XX в. в работе «Foreign Clientelae» Э. Бэдиана⁷⁸. Основной тезис исследователя сводился к тому, что римскую внешнеполитическую дружбу стоит рассматривать не как формальный юридический институт, а как неформальные и морально обоснованные отношения, устанавливавшиеся между «высшими и низшими»⁷⁹. Опираясь на работы М. Гельцера и Ф. Мюнцера⁸⁰, Э. Бэдиан применил понятие *clientela* в качестве главного средства для объяснения явлений в области римской внешней политики. Э. Бэдиан описал развитие внешней политики Рима, исходя из форм зависимости, аналогичным внутриримской клиентеле с моральной основой

⁷⁶ Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 11; Taylor L. Party Politics in the Age of Caesar. L., 1949. P. 7–9. Несколько иная точка зрения представлена в работе З. Крука, который полагает, что, хотя эмоциональная составляющая и не является ключевым элементом римской дружбы, она все же играла в ней значимую роль (Crook Z. Fictive Giftship and Fictive Friendship in Greco-Roman Society // The Gift in Antiquity / M. Saltow (ed.). Chichester, 2013. P. 70).

⁷⁷ Gelzer M. The Roman Nobility. Oxf., 1969. P. 86–101.

⁷⁸ Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf., 1958. О влиянии трудов Т. Моммзена на взгляды Э. Бэдиана см.: Rich J. Patronage and interstate relations in the Roman Republic // Patronage in Ancient Society. L.; N.Y., 1989. P. 118; Burton P.J. Friendship and Empire. Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 BC). Cambr., 2011. P. 3. Из ранних работ, в которых для описания отношений между Римом и правителями на периферии также была применена модель «патрон-клиент», см.: Sands P.C. The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambr.; N.Y., 1908; Gelzer M. Op. cit. P. 86–101. Наиболее полный обзор литературы по этой теме до Э. Бэдиана см.: Pina Polo F. Foreign clientelae revisited: a methodological critique // Foreign Clientelae in the Roman Empire. A Reconsideration / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart, 2015. P. 19–22.

⁷⁹ Badian E. Foreign clientelae... P. 11.

⁸⁰ Gelzer M. Op. cit.; Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.

fides и покоившимся на взаимнообусловленных услугах (*beneficium-officium*). Вместе с этим он также отметил возрастающее по ходу римской истории количество личных клиентских отношений между *nobiles*, с одной стороны, и иностранными государствами и отдельными политически фигурами, с другой. Использование языка *amicitia* было, по его мнению, лишь формальным актом вежливости, не отражающим реальный баланс сил на международной арене⁸¹.

В целом концепция иностранной клиентелы Э. Бэдиана была подвергнута критике рядом авторов⁸²; особенно спорным оказалось использование им понятия *clientela* применительно к римской внешней политике⁸³. Основные возражения были высказаны в рецензии Й. Бляйкена, ключевые замечания которого сводились к следующим положениям: во-первых, понятия «патронат» и «клиентела» в Риме применялись очень специфично и ни в коем случае не распространялись на любое взаимодействие неравных партнеров; во-вторых, аргументация Э. Бэдиана предполагает высокую степень осознания римлянами их роли как патронов, хотя соответствующая терминология появляется лишь с конца II в. до н.э. и только в строго определенных случаях; в-третьих, концепция клиентелы не подходит в качестве объяснения для часто проявлявшегося «политического эгоизма»: римляне не чувствовали себя обязанными регулярно заботиться о своих иностранных поданных, и тем самым эта концепция не охватывает существенной части отношений этого типа⁸⁴. Й. Бляйкен полагал, что во II в. до н.э. внешнеполитический авторитет Рима еще не был чем-то очевидным, а потому статус римского «клиента» не имел какого-то определенного значения и смысла.

⁸¹ Badian E. Foreign clientelae... P. 6–7, 12–13; cp.: Saller R. Personal Patronage under the Early Empire. Cambr., 1982. P. 11–15.

⁸² Подробнее см.: Coşkun A., Heinen H. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt “Roms auswärtige Freunde” stellt sich vor // Ancient Society. 2004. Vol. 34. P. 50–54; перевод статьи на русский см.: Хайнен Х., Чошкун А. Amici populi Romani. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима» // Antiquitas aeterna. Вып. I. Казань, 2005. С. 284–287.

⁸³ Lintott A. What was the “Imperium Romanum”? // Greece and Rome. 1981. Vol. 28 (1). P. 61–62; Sherwin-White A. Roman Foreign Policy in the East, 168 BC to AD 1. L., 1984. P. 52; Eilers C. Roman Patrons of Greek Cities. Oxf., 2002. P. 186–189; Burton P. Clientela or Amicitia? Modelling Roman International Behaviour in the Middle Republic (264–146 BC) // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. 2003. Vol. 85. P. 333–369; Eckstein A. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC. Malden, 2008. P. 43–45.

⁸⁴ Bleicken J. Review of Foreign Clientelae (264–70 B.C.) by E. Badian // Gnomon. 1964. Bd. 36 (2). P. 176–187.

Он также подчеркнул, что термины *patronus* и *patrocinium*, которые использовались в Риме, не могут применяться для описания отношений между представителями разных обществ, поскольку самим «иностранным клиентам» эта практика была попросту неизвестна⁸⁵. Э. Грюэн, обращаясь к вопросам римской внешней политики, выступил против идеи Э. Бэдиана о том, что отношения патроната-клиентелы были основаны на концепции *fides*. После вовлечения в дела Востока с конца III в. до н.э. естественным следствием для Рима стало начало серии дипломатических отношений с институциональными образованиями эллинистического мира (городами, странами, народами, племенами, царствами). Эти отношения развивались, как убедительно показали Э. Грюэн и другие авторы⁸⁶, следуя политическим традициям и обычаям, уже выработанным в эллинистическую эпоху и быстро принятым затем Римом⁸⁷. Э. Грюэн полагал, что римляне использовали гибкий инструмент *φιλία* или *amicitia* для создания «неформальных объединений», переосмысливая эллинистические политические приемы в своих собственных целях⁸⁸. Таким образом, по мнению исследователя, Рим принял греческие правила игры, отказавшись от итальянского опыта.

Критика различных положений Э. Бэдиана была продолжена в ряде других работ. Так, Дж. Феррари утверждал, что заимствованный из латинского языка термин ΠΑΤΡΩΝΟΣ можно увидеть в греческих текстах с конца II в. до н.э. — очевидно, что он должен был обозначать специфические римские обязанности *patronus* по отношению к городу⁸⁹. М. Йене и Ф. Пина Поло подвергли сомнению методологический прием Э. Бэдиана, который обращался к данным ономастики для того, чтобы идентифицировать иностранных клиентов Рима, а также его рассуждения о роли, которую подобные внешние клиенты играли в политической жизни своих патронов. Исследователи подчеркнули, что социальные и политические отношения в период Римской

⁸⁵ Bleicken J. Op. cit. P. 181–182.

⁸⁶ Gruen E. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles, 1984; Ferrary J. Philhellénisme et impérialisme: Aspects idéologiques de la conquête du monde hellénistique. Rome, 1988.

⁸⁷ Gruen E. Op. cit. P. 158–200.

⁸⁸ Ibid. P. 54.

⁸⁹ Ferrary J. Op. cit. P. 118.

империи были значительно сложнее, чем их представлял Э. Бэдиан⁹⁰. Х. Бек утверждал также, что идея Э. Бэдиана о том, что римляне всегда занимали положение политического гегемона, несостоятельна, поскольку римские правящие круги начиная с конца Республики, а тем более в период Империи, в ряде случаев пополнялись выходцами из провинциальной политической элиты, которые интегрировались в римское общество вместе со своими культурными особенностями⁹¹.

Наиболее последовательные контраргументы против выводов Э. Бэдиана были представлены П. Бертоном, который утверждал, что применение понятийного аппарата *clientela* для описания международных отношений Рима является методологически некорректным, поскольку сами римляне не использовали подобную терминологию⁹². П. Бертон предложил рассматривать внешнеполитическую *amicitia* как продолжение римской межличностной дружбы, практики и установки которой были перенесены римлянами в сферу отношений с другими государствами. По мнению исследователя, такая модель *amicitia* точнее описывает поведение Рима на международной арене, рассматривая ее как гибкий и эффективный инструмент дипломатии в условиях нестабильности средиземноморской системы международных отношений. Согласно П. Бертону, *amicitia* не всегда подразумевала равенство сторон, а *beneficia* в этих отношениях носили добровольный и спонтанный характер⁹³. При этом проявление такого рода благосклонности по-новому определяло степень дружбы между субъектами международных отношений⁹⁴. В работе 2011 г. П. Бертон также показал, что отношения *amicitia* допускали наличие таких аспектов, как бескорыстие, эмоци-

⁹⁰ *Jehne M., Pina Polo F. Introduction // Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration / M. Jehne, F. Pina Polo (eds). Stuttgart, 2015. P. 11–15.*

⁹¹ *Beck H. Beyond 'Foreign Clienteles' and 'Foreign Clans'. Some Remarks on the Intermarriage between Roman and Italian Elites // Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration / M. Jehne, F. Pina Polo (eds). Stuttgart, 2015. P. 71.*

⁹² *Burton P. Clientelae or Amicitia? S. 333–369.* О том, что язык *clientela* использовался древними авторами для описания международных отношений Рима в метафорическом смысле см. *Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship. Oxf., 1973. P. 188; Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. Oxf., 1979. P. 135, n. 2; Lintott A.W. What was the 'Imperium Romanum'? P. 61; Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. L.; Canberra; N.Y., 1984. P. 23.*

⁹³ *Burton P. Clientelae or Amicitia? P. 353, 355, 360, 362.*

⁹⁴ *Ibid. P. 334–342.*

ональная привязанность и честь⁹⁵. Внешнеполитическая дружба могла быть инструментом для достижения целей, а также включать в себя идеализированные понятия — *amor* и *benevolentia*⁹⁶. Автор отметил, что необходимо учитывать подобные идеи при рассмотрении римской внешнеполитической истории, поскольку Рим достиг своего величия благодаря способности уравнивать интересы союзников и новых подданных⁹⁷. П. Бертон полагал, что с периода Поздней республики и вплоть до начала Империи именно понятия *amicitia* и *amicus* становятся ключевыми для римской внешней политики. При этом такое суждение применимо независимо от того, шла речь о друзьях сената, римского народа, отдельных политиков или же императора, а сами эти понятия могли применяться как к частным лицам и царям, так и к городам. При всем этом в своей работе П. Бертон обращается только к вопросам римской истории республиканского периода, оставляя в стороне трансформацию внешнеполитического курса после установления принципата, когда государство стало ассоциироваться с персонализированной властью принцепса. Существенным для подхода П. Бертон является с одной стороны социологическая, но вполне созвучная с античной традицией, концепция дружбы, которая, в противовес Э. Бэдиану, предполагает не равенство обеих сторон, а взаимное диалектическое притяжение, возникающее из смешения равенства и неравенства политических партнеров. Вместе с тем категории «взаимовыгодности» и «добровольности» в этих условиях становятся достаточно сомнительными из-за недостатка политических альтернатив.

Предложенные П. Бертоном тезисы получили развитие и в других исследованиях в начале XXI в. Суть всех современных работ по этой теме сводится к тому, что внешнеполитических союзников Рима следует рассматривать не как *clientes*, а как *amici (et socii) populi Romani*, т.е. таким образом, каким эти государства и народы описывали сами римляне. Эти отношения носили неформальный, внеправовой характер, основывались на принципе *fides* и выражали взаимную

⁹⁵ Burton P. Friendship and Empire... P. 22.

⁹⁶ Williams C. Friends of the Roman People. Some Remarks on the Language of *amicitia* // Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.) / A. Coşkun (Hrsg.). Frankfurt am Main; Oxford, 2008. P. 34.

⁹⁷ Burton P. Friendship and Empire... P. 23; Eckstein A. Rome Enters the Greek East... P. 342–381.

добрую волю сторон⁹⁸. С конца III в. до н.э. такие связи с царями и народами Восточного Средиземноморья стали устойчивым элементом римской дипломатии; если вначале подобные отношения возникали ситуативно, то, начиная примерно с 200 г. до н.э., они стали регулярными и привычными⁹⁹.

Но если по вопросу о терминах исследователи все-таки пришли к некоторому общему знаменателю, то в вопросах о том, как реализовывались отношения внешне-политической дружбы, существует ряд расхождений. Как было показано в работе Д. Браунда, взаимоотношения Рима с правителями иностранных государств устанавливались с помощью уже известных во внутривнутриполитической жизни римлян методов¹⁰⁰. Такого рода связи зачастую выстраивались на основе элементов межличностной дружбы, таких как *fides*, *beneficium* и *officium*, *gratia* и *benevolentia*¹⁰¹. Исследователь полагает, что контакты с правителями на границах ойкумены были масштабными и приносили различные выгоды (экономические и политические) и той и другой стороне¹⁰². Действительно, политическая *amicitia* имела ряд существенных преимуществ для римских политиков и римского государства в целом¹⁰³, что отражено, к примеру, в текстах Цицерона и Сенеки, где античные авторы представляют идеализированную модель дружбы, которая способствовала консолидации общества (напр., Sen. De Ben. I.4.2; Cic. De Off. I.22). *Amicitia* также представляет собой более гибкую структуру, включающую принципы обоюдности и практической выгоды, реализуемые через систему взаимных даров¹⁰⁴. *Amicitia* предполагала неформальные соглашения и взаимные обязательства, что делало ее более привлекательной для греческой элиты, стремившейся сохранить автономию на местах. В отличие от патроната, где доминировала иерархия, *amicitia*, по мнению исследователей, допускала более равноправное взаимодействие, что способствовало интеграции греческих полисов в римскую сферу влияния. Эта концепция постепенно вытесняет

⁹⁸ См. Eckstein A. Rome Enters the Greek East... P. 30.

⁹⁹ Gruen E. The Hellenistic World... P. 68–69, 76, 84, 88, 95.

¹⁰⁰ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 181–190.

¹⁰¹ ср.: Williams C. Op. cit. P. 35.

¹⁰² Braund D. Rome and the Friendly King...

¹⁰³ Williams C. Op. cit. P. 33–34.

¹⁰⁴ Verboven K. The Economy of Friends. Economic aspects of *amicitia* and patronage in the Late Republic. Brussels, 2002. P. 31–33.

историографическую модель патрон-клиент в качестве определяющей рамки для анализа взаимоотношений между Римом и государствами эллинистического мира¹⁰⁵.

Дальнейшее развитие концепция римской внешнеполитической дружбы получила в рамках проекта «Враждебность и бедность. Изменение форм включения и исключения от античности до современности» (“Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- and Exklusionsformen von der Antike bis zur Gegenwart”), базирующимся в Трирском университете. Проект был создан в 2002 г. и изначально был направлен на изучение истории обществ на границах Рима. Частью этого проекта стало исследование «Внешние друзья Рима» («*Amici populi Romani*»)¹⁰⁶, возглавляемое на момент создания Х. Хайненом и А. Чошкун. Проект посвящен изучению «дружеских» внешнеполитических отношений Рима с государствами средиземноморского региона, включая и Северное Причерноморье, в первую очередь Боспорское царство¹⁰⁷. Исследователи Трирского проекта занимаются изучением форм *amicitia*, которые римские власти устанавливали с отдельными политиками, городами, царями и династиями в позднереспубликанскую эпоху и в период раннего принципата. Основное внимание проекта уделяется конкретным примерам взаимодействия римлян и чужеземцев, основанных, возобновленных и распространенных на основе отношений дружбы. Отмечается, что в целом дружба и патронат должны пониматься не как юридические категории, а, прежде всего, как комплексный политический, социальный и культурный феномен. Огромное значение, как для этого проекта, так и для исследования темы римской дружбы вообще, имеет созданная просопографическая база данных APR¹⁰⁸, а также уже сложившаяся традиция проведения международных

¹⁰⁵ *Snowdon M.* Beyond Clientela: The Instrumentality of Amicitia in the Greek East // *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration* / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart, 2015. P. 209–211; *Burton P.* Nabis, Flaminius and the Amicitia between Rome and Sparta // *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration* / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart, 2015. P. 225–237; *Tiersch C.* Von personaler Abindung zu territorialer Organisation? Dynamiken römischer Reichsbildung und die Provinzialisierung Zyperns (58 v. Chr.) // *Foreign Clientelae In the Roman Empire: A Reconsideration* / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart, 2015. P. 239–260.

¹⁰⁶ Подробнее см.: *Coşkun A., Heinen H.* Op. cit. P. 45–75; перевод статьи на русский см.: *Хайнен Х., Чошкун А.* Указ. соч. С. 280–303.

¹⁰⁷ *Хайнен Х., Чошкун А.* Указ. соч. С. 299.

¹⁰⁸ Актуальную версию базы данных *Amici populi Romani* можно найти по ссылке: <https://www.altayCoşkun.com/apr> (дата обращения: 10.04.2025 г.).

конференций¹⁰⁹ и семинаров¹¹⁰. В рамках базы данных APR в форме небольших заметок собрана регулярно пополняющаяся информация о внешнеполитических друзьях Рима. Большинство опубликованных на сегодняшний день материалов этой исследовательской группы обращено к политическим фигурам периода между войной с Ганнибалом и установлением принципата, хотя есть также несколько публикаций о периоде династии Флавиев. Особую значимость в рамках проекта имеет исследование языка *amicitia*, особенности его применения в различных регионах римского мира, а также трансформация форм и методов римской внешнеполитической дружбы в процессе перехода Рима от Республики к Империи¹¹¹. К сожалению, многие из начинаний Х. Хайнена, основателя проекта, так и не были завершены в связи с его уходом в 2013 г. Однако созданный им и рядом его коллег проект «*Amici populi Romani*», успешно функционирует и сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные статьи и монографии участников проекта, в особенности А. Чошкун, в сферу научных интересов которого входит и Северное Причерноморье¹¹².

Таким образом, в работах зарубежных исследователей концепции римской *amicitia* разработаны на весьма высоком уровне. При этом на сегодняшний день эти теоретические построения не проверялись основательно и системно на материалах Северного Причерноморья. Кроме того, основное внимание отдельных работ, обращенных к вопросу о политическом, социальном и культурном значении *amicitia* сосредоточено в основном на истории III–II в. до н.э.; обобщающая же картина, воссоздающая роль ведущих римских военных лидеров после Суллы, синтезирующая события бурной конечной фазы Республики и выявляющая значение *amicitia* для создания Империи, до сих пор отсутствует. В ряде работ исследователи все еще спорят по вопросам о соотношении дружбы и клиентелы в римской внешней политике, римском империализме и роли отдельных государственных деятелей.

¹⁰⁹ <https://www.altayCoşkun.com/conferences-1> (дата обращения: 24.11.2024 г.).

¹¹⁰ <https://www.altayCoşkun.com/apr-workshop-1> (дата обращения: 24.11.2024 г.).

¹¹¹ Coşkun A., Heinen H. Op. cit. P. 47.

¹¹² Список основных публикаций проекта приведен в статье Хайнен Х., Чошкун А. Указ. соч., а также (более полный и актуальный) на сайте <https://www.altayCoşkun.com/publications> (дата обращения: 10.04.2025 г.).

В отечественной историографии римский период в истории Северного Причерноморья не был обделен вниманием исследователей – на сегодняшний день накоплен весьма значительный материал по этой проблематике. При этом спорными остаются вопросы о месте государств Северного Причерноморья во внешнеполитических планах Рима, о степени римского влияния в регионе в то или иное время, о политической ориентации северопонтийского населения; в исследовательской литературе ведутся оживленные дискуссии и по множеству других, более узких проблем, касающихся социально-политической истории региона. Как правило, все рассуждения исследователей, будь то историки, археологи или же эпиграфисты, основаны на бинарном представлении о боспорском вассалитете и римском протекторате. Кроме того, в сравнении с зарубежной историографией, отечественные исследования довольно редко обращаются к построению обобщающих теоретических концепций о северопричерноморских государствах во внешней политике Рима.

Помимо проблемы недостаточной теоретизации, в изучении истории Северного Причерноморья римского периода мы часто вынуждены сталкиваться с тем, что наши немногочисленные источники дают весьма противоречивую информацию по какому-либо вопросу, либо же вовсе умалчивают о нем. Несмотря на постоянно увеличивающееся число археологических, эпиграфических и нумизматических источников, такая ситуация актуальна и по сей день. Как справедливо отметил В.П. Толстиков, «несмотря на... усилия нескольких поколений историков, археологов, эпиграфистов, пытающихся буквально по крупицам, как некое мозаичное панно, воссоздать историю Боспора, мы и сегодня вынуждены с сожалением признать, что в этой “исторической картине” все еще слишком много лакун и “темных мест”»¹¹³.

Во всем многообразии работ по римскому периоду в Северном Причерноморье обнаружить специальные исследования, посвященные вопросам римской *amicitia*, достаточно сложно; как правило, эта проблема вскользь рассматривается в связи с историей Боспорского царства, но чаще всего вовсе опускается, ограничиваясь лишь

¹¹³ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 41.

ссылками на работы зарубежных исследователей¹¹⁴. Между тем необоснованно упускаются из виду региональные особенности, а также специфика этого метода римской дипломатии. В целом следует заметить, что изучение отношений Рима и государств Северного Причерноморья имеет довольно долгую историю. Вплоть до конца XIX в. шел процесс накопления знаний по этой теме; начало по-настоящему глубокого научного изучения было положено в трудах В.В. Латышева и М.И. Ростовцева¹¹⁵. В.В. Латышев, обращаясь к истории Боспорского царства I в. до н.э., рассматривал титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλορῳμαῖος* как свидетельство того, что в этот период боспорские цари утверждались на царство Римом и сохраняли верность ему¹¹⁶. Схожие выводы встречаются и у М.И. Ростовцева – он трактует эти титулы как выражение покорности и благодарности боспорских правителей римскому императору, который признавал их права на престол¹¹⁷. М.И. Ростовцев полагал, что на Боспоре полная вассальная зависимость от Рима сочеталась с неограниченным абсолютизмом по отношению к подданным и выражалась, прежде всего, в римских именах царей, а также в определениях, которые постепенно стали частью царской титулатуры – *φιλόκαισαρ* и *φιλορῳμαῖος*¹¹⁸. К этим проявлениям вассальных отношений М.И. Рос-

¹¹⁴ Подробный обзор литературы по вопросу римской *amicitia* в Северном Причерноморье представлен в статье: *Растегаева М.Н. Amicitia Caesaris et populi Romani в Боспорском царстве: вопросы историографии* // *Via in tempore. История. Политология.* 2025. Вып. 52 (1). С. 22–32.

¹¹⁵ *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887; *Он же.* Краткий очерк истории Боспорского царства // *ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря.* СПб., 1909; *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // *ИАК.* 1915. Вып. 58. С. 1–16; *Он же.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // *Сб. статей в честь гр. П.С. Уваровой. Древности.* Т. XXVI. М., 1916; *Он же.* Понт, Вифиния, Боспор // *Русский исторический журнал.* 1917. Вып. 1–2. С. 110–130; *Он же.* Цезарь и Херсонес // *ИАК.* 1917. Вып. 63. С. 1–21; *Он же.* Эллинистическое и иранское на Юге России. Петроград, 1918.

¹¹⁶ *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства... 1909. С. 107, 112, 113. В.В. Латышев переводит эти термины как «друг Кесарей» и «друг римлян» (*IOSPE I² 25, IOSPE I² 36 и др.*), при этом в *IOSPE I² 354 и 356*, в которых упоминается боспорская царица Динамия, автор считает уместным перевод «римлянолюбивая».

¹¹⁷ *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности.* Т. XXV. М., 1916. С. 1–24 и вышедший позже перевод этой же статьи *Rostovtzeff M. Queen Dynamis of Bosphorus* // *JRS. Vol. XXXIX.* 1919. P. 88–109; *Ростовцев М.И.* Эллинистическое и иранское... С. 106–107.

¹¹⁸ Там же. С. 106–107. В данном случае М.И. Ростовцев полагает, что эпитеты уместно перевести как «любящий Цезаря» и «любящий Рим», что сходно по смыслу с переводами В.В. Латышева в *IOSPE I² 354 и 356*. А.Б. Ашик переводит *φιλόκαισαρ καὶ φιλορῳμαῖος* как «преданный императору и римлянам» (*Ашик А.Б.* Боспорское царство с его палеографическими

товцев добавляет и то, что цари носят титул верховного жреца правящего императора, т.е. являются блюстителями его культа в царстве; и то, что они получают от императоров знаки своей власти, делающие из них «нечто среднее между царем и римским магистратом: с одной стороны – скипетр с бюстом императора и царский венец, может быть, также с портретом императора на украшающей его центральной гемме, с другой – курульное римское кресло и римская одежда – тога»¹¹⁹. Однако исследование отношений римско-боспорской дружбы не являлось первоочередной задачей М.И. Ростовцева – речь в его работах преимущественно шла об особом симбиозе эллинской и иранской составляющих, что, по его версии, прослеживается на примере Боспорского царства. Однако выделение иранского компонента в некоторых случаях подталкивало М.И. Ростовцева к односторонним оценкам¹²⁰. Примером здесь может являться его тезис о том, что по своей сути митридатовские традиции и дружба с Римом образуют в своей основе противоположность. Эта сентенция, несмотря на свою очевидную уязвимость, упорно поддерживается в исследовательской литературе и сегодня¹²¹.

После публикаций М.И. Ростовцева тема римской *amicitia* в Северном Причерноморье *ad hoc* упоминалась в ряде работ. Д.П. Калистов отмечал, что титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλорώμαιος* в начальный период принципата были результатом заключения мирного договора Боспора с Римом¹²². В нескольких своих работах В.Н. Дьяков достаточно категорично охарактеризовал взаимоотношения Римской империи и Боспорского царства. В статье «Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия»¹²³ он обратился к титулатуре боспорской царицы Динамии. По словам В.Н. Дьякова, после прихода к власти Полемона и его женитьбе на Динамии по решению императора Августа (Dio Cass. LIV.24), Динамия

и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса, 1848. С. 80).

¹¹⁹ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство... С. 121.

¹²⁰ Критические замечания к некоторым тезисам М.И. Ростовцева приведены в статье Хайнен Х., Чошкун А. Указ. соч. С. 294–295.

¹²¹ См., напр., монографию С.Ю. Сапрыкина (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002), а также ряд его более поздних статей.

¹²² Калистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. Вып. 2. С. 67.

¹²³ Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. Вып. 3–4. С. 74.

для оправдания римских поплзновений на Боспор делает от своего имени «унизительное для боспорской царицы» посвящение (КБН 978). В нем она называет себя «римлянолюбивой»¹²⁴ (φιλορώμαιος) и униженно именует Августа «повелителем всея земли и всего моря, своим спасителем и благодетелем», т.е. «допускает такой сервилизм в выражениях, который уместен лишь для настоящих подданных»¹²⁵.

В.Ф. Гайдукевич посвятил римско-боспорским отношениям несколько глав своего «Боспорского царства» и в целом отмечал, что Боспор был зависим от Рима, по крайней мере, на протяжении первых веков н.э.¹²⁶. Одной из форм выражения этой политической зависимости была устоявшаяся в титулатуре боспорских царей конструкция φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος¹²⁷. В.Ф. Гайдукевич не раскрывает значения и содержания этих царских титулов, однако отмечает, что степень влияния Рима на боспорскую политику не во все периоды была одинаковой, поскольку Империя была вынуждена считаться с реальным положением дел и с потенциальной силой входивших в состав Боспора местных племен. Со времени Котиса I и до первой четверти III в. боспорские правители стремились выразить свою лояльность Риму, проявлением чего стали использование в официальной титулатуре определений φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος, куда включалось еще и жреческое звание ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου, и установление культа римских императоров, в связи с которым в городах Боспора появлялись соответствующие храмы и святилища¹²⁸.

Существенно повлияла на изучение темы римской *amicitia* в Северном Причерноморье статья Б. Наделя о посвятителной надписи Тиберия Юлия Реметалка (IOSPE I² 33 = КБН 47)¹²⁹. Основываясь на выводах Р. Мюнстерберга¹³⁰, Б. Надель счел возможным рассматривать титулы φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος как свидетельства

¹²⁴ Такой вариант перевода эпитета φιλορώμαιος уместен в данном случае, по версии В.Н. Дьякова. Аналогично передает его В.В. Латышев в IOSPE I² 354 и 356.

¹²⁵ Дьяков В.Н. Указ. соч. С. 75.

¹²⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 317.

¹²⁷ Там же. С. 323.

¹²⁸ Там же. С. 328.

¹²⁹ Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. Вып. 3. С. 212–214.

¹³⁰ Munsterberg R. Verkannte Titel auf griechischen Munzen // JOAI. 1915. Bd. XVIII. 317 ff.

заключения договора о дружбе (sic!) с Римом¹³¹. Б. Надель реконструирует отношения *amicitia* Рима и правителей Боспорского царства следующим образом. Титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλορώμαιος* использовались правителями только после подписания соответствующего договора о дружбе с Римом. Договор не был наследственным, а обновлялся при вступлении на престол каждым новым царем, т.е. боспорские монархи должны были обновлять договор своего предшественника, по существу, заключая новый договор о дружбе¹³². Кроме того, эти титулы присваивались только после официального признания нового царя в Риме, подобно случаям с Фарнаком (Dio Cass. XXXVII.14.2) и Птолемеем XI (Dio Cass. XXXIX.12)¹³³. Наконец, *amicitia*, подкрепленная соответствующим договором, предоставляла правителям Боспора большую свободу действий¹³⁴, включая возможность самостоятельного заключения союзов, как это было в случае с Тиберием Юлием Реметалком и Херсонесом (IOSPE I² 423)¹³⁵. По мнению Б. Наделя, Боспор представлял собой буферное государство, которое благодаря финансовой и отчасти военной помощи Рима сдерживало натиск варварских племен на границах Империи. При этом суверенитет Боспора был частично ограничен длительными отношениями внешнеполитической дружбы с Римом, проявлениями которой были царские титулы, а также *TEIMAI* на их монетах¹³⁶.

Е.С. Голубцова, вслед за Р. Мюнстербергом и Б. Наделем, рассматривает титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλορώμαιος* как перевод латинского выражения *amicus Caesaris populisque Romani*¹³⁷. Критикуя точку зрения М.И. Ростовцева относительно сервилизма боспорских царей, Е.С. Голубцова отмечает, что обозначенные титулы были на Боспоре официальными и общепринятыми, не обязательно под-

¹³¹ Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 212. Схожую точку зрения высказал в свое время Д.П. Каллистов, правда, без столь содержательной реконструкции отношений внешнеполитической «дружбы» Рима и Боспора (Каллистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. Вып. 2. С. 74).

¹³² Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 213.

¹³³ Там же. С. 214.

¹³⁴ В сравнении с теми случаями, когда контрагент Рима лишался возможности вести самостоятельную внешнюю политику. См.: Bohn O. Qua condicione iuris reges socii populi Romani fuerint. Berolini, 1876. P. 40–41.

¹³⁵ Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 214.

¹³⁶ Nadel B. *Reges amici* Pyinocnego Nadczarnomorza i ich stosunki prawno-polityczne z Rzymem w ostatnim wieku republiki i pierwszych dwuch stuleciach cesarstwa // Eos. 1961. Vol. 51. S. 133–134.

¹³⁷ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 102–103.

разумеая вассальную зависимость от Рима¹³⁸. Е.С. Голубцова подчеркивает, что указанные титулы не характеризовали конкретно политические взаимоотношения двух государств – в данном случае Рима и Боспора; они не давали никаких прав их обладателю, но и не связывали его никакими обязательствами¹³⁹. Более формальный подход представлен в статье А.И. Болтуновой¹⁴⁰. Автор дает весьма безапелляционную и четкую характеристику: титулы *φίλοκαισαρ* и *φίλορῶμαιος* давались римским сенатом иноземным правителям вместе с консульскими инсигниями после официального утверждения царей на престоле¹⁴¹.

У Г.А. Цветаевой конструкция *φίλοκαισαρ καὶ φίλορῶμαιος*, которая встречается в титулатуре правителей, становится показателем политической зависимости Боспора от Римской империи. Она выводит уже знакомую по предшествующим работам формулу: перед тем как получить титул *φίλορῶμαιος*, боспорские правители в обязательном порядке должны были заключить с Римом договор о дружбе¹⁴². По мнению исследовательницы, в такого рода договорах существовали обязательные условия: друзья Рима должны были обеспечивать охрану его границ, а взамен получали регулярные выплаты, свободу во внутренней политике без возможности принятия самостоятельных решений относительно внешней и римское покровительство¹⁴³. Г.А. Цветаева объединяет тезисы Б.И. Наделя и Т.В. Блаватской, говоря, что *φίλορῶμαιος* давался боспорским царям после признания их законными правителями, после чего они вносились в список официальных друзей Рима. При этом титул *φίλορῶμαιος* не мог передаваться по наследству, поэтому новые цари Боспора всякий раз при вступлении на престол были вынуждены снова заключать договор о дружбе, в результате чего «эта формула как бы обновлялась, становилась более свежей и наполненной особо значимым содержанием»¹⁴⁴. Благодарностью за такое содействие становились посвящения римским императорам, где они назывались спасителями и благодетелями.

¹³⁸ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 99, 103–104.

¹³⁹ Там же. С. 103.

¹⁴⁰ Болтунова А.И. К надписи IOSPE, II, 400 // ВДИ. 1954. Вып. 1. С. 168–176.

¹⁴¹ Со ссылкой на фразу из текста Страбона о том, что боспорских правителей «назначали римляне» (“*Ρῶμαῖοι καταστήσωσιν*”). Strabo VII.4.7).

¹⁴² Со ссылкой на работу Б.И. Наделя (*Надель Б.И.* Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 212).

¹⁴³ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 27.

¹⁴⁴ Там же. С. 28.

В нескольких публикациях обращался к вопросам политики Рима в Северном Причерноморье К. Навотка. Проанализировав политическую пропаганду боспорских царей, автор заключил, что при выстраивании отношений с римской стороной правители Боспорского царства были вынуждены занимать компромиссную позицию, опасаясь излишнего выражения своего суверенитета и в это же время не обнаруживая явного сервилизма¹⁴⁵. Использование *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* в титулатуре К. Навотка связывает с процедурой официального утверждения боспорских царей римскими властями и последующим оформлением договора о дружбе; при этом всякий раз присвоение новых титулов боспорскими правителями должно было сопровождаться обязательным юридическим актом¹⁴⁶.

Говоря о сложности взаимоотношений Боспора и Римской империи, В.Д. Блаватский уравнивает греческое *φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος* и латинское *amicus Caesaris populusque Romani*. Он дает достаточно обтекаемое в практическом плане значение этих титулов: помимо союзнических отношений они обозначали и необходимость согласовывать внешнюю политику Боспора с Римом¹⁴⁷. Однако это подчинение носило лишь внешний характер — к примеру, золото для боспорских статеров доставлялось Римом, которому Боспор был нужен как военный форпост. По мнению В.Д. Блаватского, Боспорское царство, балансируя между сарматским миром и Римской империей, склонялось на сторону последней, нередко проявляя сервилизм, но все-таки оставаясь самостоятельным государством, не вошедшим в *orbis Romanum*¹⁴⁸.

Отношения боспорских правителей с Римом привлекали значительное внимание Д. Браунда. Он подчеркивал, что конфликты между зависимыми царями и Римом были редкостью в долгосрочных мирных отношениях, а дружеские связи оказывались взаимовыгодными для обеих сторон. Титулы *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* в надписях от имени царей Боспора, по его мнению, были неформальным почитанием римских покровителей, что, однако, не отменяло местных династических традиций —

¹⁴⁵ *Nawotka K. The attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. T. XLVIII. P. 326–338; cp. Nawotka K. Asander of the Bosporus: his coinage and chronology // American Journal of Numismatics. 1991–1992. Vol. 3/4. P. 21–48.*

¹⁴⁶ *Nawotka K. The attitude towards Rome... P. 329.*

¹⁴⁷ *Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 146.*

¹⁴⁸ Там же. С. 147.

в эпитафийке благодарности императором сочетаются с упоминанием происхождения царственной особы от Митридата VI¹⁴⁹. Д. Браунд решительно отвергает популярное некогда мнение о том, что титул φιλορῶμαιος указывал на принадлежность к числу сенаторов, а φιλόκαισαρ – к числу всадников¹⁵⁰. Он полагает, что использование подобной конструкции в титулатуре зависимых правителей не подчинялось единым правилам, а было ситуативным в зависимости от правителя и от царства¹⁵¹.

Б. Функ вновь возвратился к ранее поднятому в литературе вопросу о политической ориентации боспорских царей. По мнению автора, римляне рассматривали Боспорское царство как буферную зону, барьер, который защищал римские интересы от нашествий варварских племен, а боспорские правители, в свою очередь, находились «во всех отношениях как бы наравне с римлянами»¹⁵². Особое внимание исследователь уделил титулам φιλορῶμαιος и φιλόκαισαρ. Изучение юридической стороны вопроса показало, что оба термина отражают суть *amicitia* – одну из начальных стадий сложных дипломатических отношений¹⁵³. Значение этой системы состояло в установлении дружеских связей без каких-либо далекоидущих претензий. Рим в таком случае получал гарантию нейтралитета Боспора, тогда как царям предоставлялась относительная свобода действий на местном уровне¹⁵⁴. Б. Функ заключил, что первоначальный смысл терминов φιλορῶμαιος и φιλόκαισαρ состоял в демонстрации доброжелательного отношения к Риму и императору. При этом он указал, что латинский вариант *amicus imperatoris populi que Romani*, происходящий из КБН 46, полностью отражает значение греческих слов. Латинский образец представляет собой твердо установившуюся часть официальной титулатуры, а греческий вариант оформлен описательным образом и применяется не всегда последовательно (достаточно часто фигурирует в надписях лишь одно из этих поня-

¹⁴⁹ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 105–106.

¹⁵⁰ Lemosse M. Le régime des relations internationales dans le Haut- Empire romain. P., 1967. P. 67.

¹⁵¹ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 107.

¹⁵² Функ Б. Указ. соч. С. 76–77. См. также Funck B. Das Bosporanische Reich aus der Sicht Strabons // Klio. 1985. Vol. 67. S. 273–280; Funck B. Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // Das Altertum. 1986. Bd. 32. Hbd. 1. S. 27–35.

¹⁵³ Со ссылкой на Heuss A. Die völkerrechtlichen Grundlagen... и Kaser M. Romische Rechtsgeschichte. Göttingen, 1967.

¹⁵⁴ Функ Б. Указ. соч. С. 76.

тий, нарушая тем самым структуру римской формулы); в боспорских формулах нет той целостности, которой отличается формула латинская¹⁵⁵. Поэтому Б. Функ призывает не преувеличивать значение этих титулов в качестве юридически зафиксированного результата дипломатических переговоров, поскольку диапазон возможных смыслов настолько широк, что однозначный вывод сделать невозможно¹⁵⁶.

Рассуждения, близкие к тезисам Б. Функа, содержатся в докторской диссертации А.Р. Панова – он полагает, что в римском утверждении нуждался статус монарха вообще, а титулатура боспорских царей не нуждалась в обязательной санкции Рима¹⁵⁷. Исследователь подчеркивает, что титулатура боспорских царей гармонично сочетала в себе как местные, так и римские элементы – правители именовали себя великими царями и великими царями царей, но в то же время открыто признавали свою зависимость от Рима через титулы *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ*¹⁵⁸.

Последнее положение нашло отклик и среди широкого круга проблем, к которым обращался в своих исследованиях Х. Хайнен. В его монографии «Antike am Rande der Steppe» наибольший интерес для изучаемой темы представляет собой глава «Die Rombeziehungen der bosporanischen Könige, *philokaisares* und *philorhomaioi*»¹⁵⁹. Изучение эпиграфики Северного Причерноморья привело исследователя к выводу о том, что боспорские цари стремились подчеркнуть самостоятельность своей династии, одновременно перечисляя титулы, выражающие их верноподданническое отношение к Риму. Таким образом, дружба с Римом и сохранение «национальной» традиции выступали не как противоположные, а как взаимодополняющие начала единой политической модели¹⁶⁰. Все упоминаемые в надписях титулы,

¹⁵⁵ Функ Б. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁵⁶ Там же. С. 82.

¹⁵⁷ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 2009. С. 357.

¹⁵⁸ Там же. С. 360.

¹⁵⁹ Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006. S. 28–57.

¹⁶⁰ Ibid. S. 31. Ср. Heinen H. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur interpretation von Bellum Alexandrinum 78 // E fontibus haurire. Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Paderborn, 1994; Heinen H. Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund // Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte. Stuttgart, 2006. P. 343–358; Heinen H. Rom-

эпитеты и должности, равно как и имена правителей Боспора, говорят, прежде всего, об их политической лояльности к римской власти, но никак не свидетельствуют о существовании вассальной зависимости Боспора. Φιλωρώμαιοι и φιλοκαίσαρες, с одной стороны, придерживались традиций эллинистических монархий, включавшим как греческие города, так и покоренные варварские народы, а с другой – все больше демонстрировали свои связи с римским народом и императором, подчеркивая это краткими и емкими определениями в своей титулатуре¹⁶¹.

Продолжающий сегодня активную работу Трирский проект затрагивает и боспорскую проблематику, а пришедший на смену Х. Хайнену А. Чошкун весьма активно публикует обстоятельные исследования по ряду вопросов¹⁶². А. Чошкун и его коллеги ставят перед собой задачу изучить в первую очередь боспорских *reges amici* периода Поздней республики и принципата, а точнее, времени между гибелью Митридата VI Евпатора и правлением Котиса I. В самом начале работы проекта в 2002 г. было заявлено, что в дальнейшем планируется провести исследование истории Боспора и последующих эпох¹⁶³, однако к завершению этот процесс, видимо, еще не приблизился. Кроме того, на начальном этапе Трирский проект принял на себя задачу обратиться к вопросам римской дружбы не только на территории Боспорского царства, но также в Тире, Ольвии и Херсонесе. И если по херсонесской проблематике было опубликовано несколько статей¹⁶⁴, то вот, к примеру, Ольвия все еще остается без должного внимания. В любом случае и к большому сожалению, аналогичные по тематике и масштабу отечественные исследования (а уж тем более большие исследовательские проекты) на сегодняшний день отсутствуют, несмотря на то что они могли бы внести серьезные дополнения по вопросу о развитии и характере царской власти

freunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosphoros. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia // Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.), Frankfurt/M., 2008. S. 189–208.

¹⁶¹ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... S. 189.

¹⁶² Основные публикации А. Чошкуна по вопросам изучения «римской дружбы» в Северном Причерноморье представлены на его сайте <https://www.altayCoşkun.com/publications-3> (дата обращения: 24.11.2024 г.).

¹⁶³ Хайнен Х., Чошкун А. Указ. соч. С. 300.

¹⁶⁴ Напр., Coşkun A. Chersonesos Taurike, Asandros and Rome – A New Interpretation of the Embassy of C. Julius Satyrus to Rome, 46 BC (IOSPE I² 691) // Philobiblos. Scritti in onore di Giovanni Geraci / A. Bencivenni, A. Cristofori, F. Muccioli, C. Salvaterra (eds.). Milan, 2019. P. 281–306.

на Боспоре, а также в целом о римской политике в Северном Причерноморье. При этом ведущиеся на западе дебаты об *amicitia populi Romani* практически не нашли отражения в отечественных исследованиях римско-боспорских связей в период Поздней республики и принципата. За небольшими исключениями такая же картина наблюдается и в отношении западных историков к работам российских коллег.

Вероятно, обозначенные выше вехи историографии сами по себе говорят о достаточно обширной истории изучения вопроса *amicitia* в Северном Причерноморье, прежде всего, на Боспоре. Узкие рамки представленного здесь обзора вынуждают не упомянуть имена многих ученых, которые тем или иным образом касались темы римско-боспорских отношений. Тем не менее можно отметить, что все еще не было предпринято основательной ревизии тезисов, выдвинутых в свое время М.И. Ростовцевым, несмотря на появляющуюся порой критику некоторых положений его концепции. На сегодняшний день у исследователей не сложилось определенной позиции о римской *amicitia* в Северном Причерноморье, в частности, относительно определений *φιλόκαϊσαρ* и *φιλορώμαιος* в титулатуре боспорских династов. Можем ли мы говорить о конкретной юридической оформленной процедуре, которая предшествовала принятию этих титулов? Или это была лишь инициатива боспорской стороны? Насколько *φιλόκαϊσαρ* и *φιλορώμαιος* соответствовали сухому и официальному латинскому *amicus imperatoris populi que Romani*, которое находим в КБН 46? Пожалуй, ответы на эти и ряд вытекающих из них вопросы может дать лишь серьезное всестороннее изучение боспорских *φιλορώμαιος* и *φιλοκαίσαρες*, а не рассуждения авторов *ad hoc* в духе «данное предположение доказывает». Кроме того, как верно было отмечено Х. Хайненом и А. Чошкуну, необходимым условием подобного исследования должен являться синтез последних работ российских историков, археологов, нумизматов и эпиграфистов, занимающихся северопричерноморской проблематикой, и западные дискуссии по теме дружбы и клиентских отношений. К этому следует добавить, что отечественные специалисты зачастую существуют несколько атомизировано, и не только по отношению к изысканиям западных коллег — история Рима в научном сообществе рассматривается как дисциплина самостоятельная, а историки, занимающиеся вопросами политического развития Римской республики и Империи, порой с не-

которым пренебрежением, или даже беспокойством, смотрят на работу археологов. Очевидно, что тема отношений *amicitia populi Romani* в Северном Причерноморье нуждается в ревизии не только в плане источниковой базы, но и в плане укоренившихся традиций взаимодействия внутри научного сообщества, поскольку, кажется, что существенные результаты по этому вопросу римской истории могут быть получены только в ходе масштабного исследовательского проекта, подобного Трирскому.

Научная новизна исследования. Внешняя политика Рима достаточно давно привлекает к себе внимание со стороны исследователей, а количество научных работ, специальных статей и монографий, посвященных этой проблематике, с каждым годом растет. Однако в науке об античности пока не появилось труда, который бы системно рассматривал вопросы о римской внешнеполитической дружбе в Северном Причерноморье. Учитывая весь корпус доступных нам источников, окончательные ответы на ряд существующих по этой проблеме вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение *amicitia* на берегах Северного Понта, которое, к сожалению, в науке об античности пока отсутствует. Настоящее исследование было предпринято с намерением исправить сложившуюся ситуацию – по существу, представленный текст является первой в отечественной и зарубежной историографии попыткой системно рассмотреть *amicitia* как инструмент римской внешней политики в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э., с привлечением всего спектра источников – нарративных, эпиграфических, нумизматических и археологических. В ходе исследования были выявлены основные черты римской *amicitia* как отношений Рима с эллинистическими государствами и народами варварской периферии; определены основные инструменты и методы, с помощью которых устанавливались отношения римской внешнеполитической дружбы между народами и государствами в период Римской республики и Империи; дана целостная характеристика римско-боспорских отношений; прослежены изменения в политическом статусе Боспорского царства; уточнена роль отдельных боспорских правителей в формировании и развитии института *amicitia*; показано, что титулы боспорских царей (φιλορώμαλος, φιλόκαισαρ) и эпитет σεβαστόγυνωστος в надписях региона выполняли важную идеологическую и пропагандистскую функцию, отражая особенности политической коммуникации между Римом

и Северным Причерноморьем; уточнено место государств Северного Причерноморья во внешнеполитической системе Рима, показана их роль в механизмах интеграции приграничных территорий в орбиту *Pax Romana*.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет дополнить взгляды исследователей на многообразие проявлений отношений *amicitia*, которые могли устанавливаться как на государственном, так и на межличностном уровне, уточнить не только сведения о политической истории региона, но и общие представления о римской дипломатии, а также рассмотреть *amicitia* как инструмент интеграции государств Северного Причерноморья в систему *Pax Romana*, а также определить ее роль в процессах взаимодействия центра и периферии. Представленное исследование – это и разработка проблемы, связанной в целом с политикой и идеологией в римском мире, и возможность интеграции результатов работы в *imperial studies* мировой науки, где тема о *amicitia* изучается в рамках отдельных проектов или даже научных школ. Однако очевидно, что европейские и американские исследователи, занимающиеся схожими вопросами, зачастую не учитывают массу русскоязычной литературы, как говорится, *rossica non leguntur*, а также не имеют возможности проведения аутопсии тех или иных эпиграфических или же археологических источников, которые хранятся в фондах российских музеев. Кроме того, зарубежными исследователями иногда сознательно игнорируется масса архивных материалов, к примеру, отчеты о проведении археологических работ на юге России в разные годы. Поэтому в этом отношении русскоязычные исследователи имеют ряд очевидных преимуществ.

Из обозначенных выше положений вытекает и **практическая значимость работы**: представленное исследование может послужить базой для разработки как общего, так и специального учебного курса по данной тематике, и быть использовано историками и археологами, обращающимися к вопросам истории Северного Причерноморья, а также к римской восточной политике в целом. Приведенные в Приложении 1 таблицы могут стать весьма значимым подспорьем в дальнейших исследованиях политической истории изучаемого региона в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. в форме статей и монографий. Представленный текст может оказаться небезыntenерсен

и для исследователей других периодов всеобщей истории – в рамках сравнительного-исторического анализа вопросов международных отношений. Кроме того, можно сказать, что обращение к проблемам римской внешней политики не теряет своей актуальности и в современных реалиях, помогая лучше понимать международные и межэтнические процессы, сущность которых в своей основе схожа с античными.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и двух приложений (таблицы (3 табл.) и иллюстрации (40 рис.)).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в виде докладов на различных всероссийских конференциях: «Рождественские агоны X» (Тверь, 2021 г.), X, XI и XII научно-практические конференции «Young Scholars' Research in the Humanities», СГУ (Саратов, 2023–2025 гг.), XVIII, XIX и XX научные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ANTIVUITAS IVVENTAE», СГУ (Саратов, 2023–2025 гг.), III и IV научно-практические конференции «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй», Самарский филиал МГПУ (Самара, 2023 и 2025 гг.), IX Всероссийская конференция с международным участием «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», СГУ (Саратов, 2024 г.), научная конференция «XXIII Сергеевские чтения», МГУ (Москва, 2025 г.), XXVIII научная конференция по антиковедению и медиевистике «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие», ЯрГУ (Ярославль, 2025 г.), V научная конференция «АРХОНТ-2025. Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории», ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, 2025 г.). Основные положения работы отражены в девяти публикациях¹⁶⁵, три из которых вы-

¹⁶⁵ Растегаева М.Н. Еще раз о значении термина *manubiae* // АМА. Саратов, 2021. Вып. 20. С. 89–98; Растегаева М.Н. «Законное право» на награбленное: распределение военной добычи и римская *civitas* периода Республики // АМА. Саратов, 2023. Вып. 21. С. 110–139; Rastegaeva M.N. Arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae: notes on the report of Ammianus Marcellinus about the altar with a dedication to Caesar Augustus in Olbia (Amm. Marc. XXII.8.40) // Young Scholars' Research in the Humanities. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Саратов, 2023. С. 199–206; Rastegaeva M.N. A Few Notes about the Honorary Decree of Karzoazos, Son of Attalos (IOSPE I² 39) // Young Scholars' Research in the Humanities. Proceedings of the

шли в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации¹⁶⁶. Исследовательская работа по тематике диссертации была поддержана в рамках конкурсного отбора 2025 г. на назначение стипендии Президента РФ для аспирантов и адъюнктов, проводящих научные исследования в рамках реализации приоритетов научно-технологического развития РФ (приказ Минобрнауки России от 28.05.2025 г. № 456).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Римская внешнеполитическая *amicitia* представляла собой гибкий и универсальный инструмент включения в сферу влияния Рима варварских племен и эллинистических государств, с помощью которого с правителями, народами и полисами устанавливались неформальные и внеправовые отношения, не подразумевавшие обязательное заключение союза или образование провинции. *Amicitia* не была строго юридическим институтом, предполагавшим обязательное заключение договора, а представляла собой систему символических и неформальных дипломатических отношений, основанных на принципе *fides* и сопровождавшихся ритуализованными практиками (дары, взаимные благодеяния правителей, включение указаний на установленные отношения дружбы в титулатуру и иконографию монет, посольства, установка статуй и посвящений, строительство храмов, переименования городов, личные визиты дружественных царей в Рим);
2. *Amicitia* не была ни неизменно данной, ни рационально predetermined составяющей внешней политики Рима – она трансформировалась по ходу развития римской государственности, оставаясь актуальным инструментом дипломатии вплоть до IV в. н.э. Титулатура дружественных царей не была строго установлен-

XI All-Russia conference for young researchers “Young Scholars’ Research in the Humanities”. Saratov, 2024. P. 154–159; *Растегаева М.Н.* Царь Асандрох и Боспор на рубеже эр // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / И.А. Ладынин, А.В. Сафронов (ред.). М., 2025. С. 118; *Rastegaeva M.N.* The epithet Σεβαστός in the inscriptions of the Northern Black Sea region // Young Scholars’ Research in the Humanities. Proceedings of the XII All-Russia conference for young researchers “Young Scholars’ Research in the Humanities”. Saratov, 2025. P. 202–207.

¹⁶⁶ *Растегаева М.Н.* Ольвиополиты «известные Августам»: титул σεβαστόγυνωστος в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 325–332; *Растегаева М.Н.* К вопросу об участии Ольвии в римско-боспорской войне середины I в. н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2024. № 4. С. 58–75; *Растегаева М.Н.* *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии // *Via in tempore*. История. Политология. 2025. Вып. 52 (1). С. 22–32.

ной конструкцией – в согласовании с римской администрацией нуждался статус друга в целом, а его региональные воплощения на монетах и в надписях зависели от местных традиций. Статус внешнеполитического друга Рима официально утверждался императором или магистратом, обладающим *imperium*, и римским сенатом, который осуществлял свою власть от имени римского народа;

3. Государства Северного Причерноморья с периода после смерти Митридата VI Евпатора и вплоть до конца III в. н.э. оказались вовлечены в систему *amicitia*, сохраняя формальную независимость, но при этом постоянно подчеркивая невраждебные отношения с Римом (посвящения римским императорам, упоминания об *amicitia* на монетах и в надписях, посольства в Рим, установление экономических связей с римскими провинциями);
4. Отношения Рима с государствами Северного Причерноморья развивались по модели «асимметричной взаимности», в которой обе стороны получали выгоды: Рим – безопасность на приграничных территориях и стабильность, местные элиты – статус и поддержку гегемона. При этом местные традиции власти не противоречили отношениям дружбы с Римом, а гармонично сосуществовали с ними;
5. Титулы и эпитеты царей и политиков Северного Причерноморья не были замкнутой и устоявшейся конструкцией; они изменялись по ходу трансформации римской государственности и политики на Востоке, а также зависели от характера надписей, их авторов и обстоятельств создания текстов. Титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλορώμαιος* в надписях и монетах Боспорского царства выражали политическую лояльность к Риму, а также были средством легитимации и легализации власти правителей, при этом фиксируя включение государства в систему римской политики. Эпитет *σεβαστόγυνωτος* был региональной вариацией титулов, подчеркивавших связи богатых и знатных политиков с римскими властями; он имел, скорее, символическую, нежели юридическую нагрузку, и отражал стремление элиты городов Северного Причерноморья к публичной демонстрации связей с центром Империи.

Глава 1. Римская *amicitia*: понятие и дефиниции

1.1. *Amicitia* как политическая категория

У римского грамматика конца II в. н.э. Секста Помпея Феста¹⁶⁷ слово «дружба» (*amicitia*) происходит от слова «любовь» (*amor*)¹⁶⁸. Этимологические словари латинского языка А. Эрну – А. Мейе¹⁶⁹ и А. Вальде–Дж. Хофманна¹⁷⁰ также определяют происхождение *amicitia* от *amor*, указывая при этом, что греческими аналогами для этих латинских существительных следует считать ἔρως (для *amor*) и φιλία (для *amicitia*). П. Брант обозначает, что *amicitia* происходит от глагола *amo*, любить¹⁷¹. В текстах римских авторов слово «друг» может передаваться различными латинскими существительными – *amicus*, *familiaris*, *necessarius* и *sodalis*, которые часто выступают в роли синонимов. Так, эпиграммы Марциала прославляют или критикуют *sodales* и *amici* в одном и том же тоне; иногда оба слова фигурируют в одной эпиграмме как синонимы:

“Si quid, Fusce, uacas adhuc amari – / nam sunt hinc tibi, sunt et hinc amici – / unum, si superest, locum rogamus, / nec me, quod tibi sim nouus, recuses: / omnes hoc ueteres tui fuerunt. / Tu tantum inspice qui nouus paratur / an possit fieri uetus sodalis” (Mart. I.54).

Цицерон в письме к Гаю Тицию обозначает Луция Кустидия как *familiaris*, а отношения, связывавшие их, описывает как *amicitia*:

“L. Custidius est tribulis et municeps et familiaris meus: is causam habet, quam causam ad te deferet. Commendo tibi hominem, sicut tua fides et meus pudor postulat, tantum, ut faciles ad te aditus habeat, quae aequa postulabit, ut libente te impetret sentiatque meam sibi amicitiam, etiam quum longissime absim, prodesse, in primis apud te” (Cic. fam. XIII.58).

¹⁶⁷ Работа Секста Помпея Феста была сокращенной версией (с некоторыми авторскими добавлениями) сочинения «О значении слов» Веррия Флакка, автора начала I в. н.э. В свою очередь, в VII в. н.э. и сам словарь Феста был подвергнут сокращению Павлом Диаконом.

¹⁶⁸ Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста О значении слов / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.А. Павлова. М.; СПб., 2018. С. 56.

¹⁶⁹ Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3-e éd. P., 1951. P. 51–52.

¹⁷⁰ Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neu bearbeitete Aufl. Heidelberg, 1954. Bd. 2. S. 39.

¹⁷¹ Brunt P. Amicitia in the Late Roman Republic // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1965. Vol. 191. P. 3.

Однако у обозначенных выше существительных, с помощью которых античные авторы определяют «друзей», имеются различные лексические оттенки: так, *necessarius* предполагает чувство долга, возлагаемого на обе стороны (от *necesse*), *familiaris* указывает на принадлежность к семейному кругу (от *familia*), *sodalis* предполагает более формальную общность (от *sodalitium*, *sodalitas*)¹⁷². Кроме того, *amicus* почти не применяется для обозначения людей, связанных с человеком родственными или брачными узами, тогда как слова *necessarius* и *familiaris* могут выполнять эту роль¹⁷³.

Особенно четко проявляется это различие в словоупотреблении в языке латинских надписей (в основном, но не исключительно, эпитафий), посвященных друзьям. К. Вильямс, обратившись к надписям, происходящим из Рима и из Нарбонской Галлии, приводит следующую статистику¹⁷⁴:

	надписи из Рима (по: CIL VI):	надписи Нарбонской Галлии (по: www.manfredclauss.de):
<i>amicus/amica</i>	514	80
<i>sodalis</i>	47 ¹⁷⁵	13
<i>necessarius</i>	6	0
<i>familiaris</i>	0 ¹⁷⁶	1

Получается, что в подавляющем большинстве случаев употребляется именно специфический термин *amicus*, который значительно чаще, чем *familiaris*, *necessarius* или *sodalis* использовался для увековечения памяти о друзьях в камне; можно сказать, что *amicus/amica*, применительно к эпиграфике представляет собой устоявшуюся конструкцию. Более того, исследование надписей показывает, что этот термин входил в ограниченный и сравнительно небольшой набор языковых штампов, которые использовались для обозначения близких отношений: к ним от-

¹⁷² Williams C. Op. cit. P. 36.

¹⁷³ Rundel T. Mandatum zwischen utilitas und amicitia. Perspektiven zur Mandatarhaftung im klassischen römischen Recht. Münster, 2005. P. 169.

¹⁷⁴ Williams C. Op. cit. P. 36.

¹⁷⁵ Приведенная статистика не учитывает упоминания *sodalis Augustalis* или *Flavialis*, поскольку многие подобные конструкции подразумевают формальные объединения, известные как *sodalitium* или *sodalitas*, а потому не могут толковаться как синонимы *amicus*.

¹⁷⁶ Приведенная статистика не учитывает выражения вроде *res familiaris* и *Familiaris* как имя собственное.

носились указания на брачные союзы (*uxor, maritus, vir, coniunx*), родство (*mater* и *pater, filius* и *filia, frater* и *soror* и др.), а также конструкции, связанные с рабами и вольноотпущенниками (*libertus* и *patronus, servus* и *dominus*)¹⁷⁷.

Латинское слово *amicitia* традиционно переводится как «дружба», однако следует принимать во внимание, что в контексте римской действительности речь, как правило, идет не о максимально неформальных отношениях на основе эмпатии, подобных тем, что связывали Горация, Вергилия и Квинтилия Вара (Hor. Carm. I.24). В Риме *amicitia* часто подразумевала не только личные, но и политические связи, которые могли быть основаны на взаимных интересах, выгодах и обязательствах. *Amicitia* была одним из институтов социально-политической системы Рима, который был также успешно внедрен в систему международных отношений с иностранными государствами и народами. И проблема здесь заключается, скорее, в том, что в понимании современного человека политика и моральные категории в идеальной модели мира не должны быть связаны (хотя мировая история чаще всего демонстрирует нам обратные примеры). В римской системе ценностей все совсем иначе – политика не была четко отделенной от «жизни вообще» профессиональной сферой, она была и правом, и обязанностью любого римского гражданина. Как верно и метко было замечено С.Л. Утченко, «именно по этой причине для римского общественного сознания качества политического деятеля, “политика”, всегда сливались с общечеловеческими (“моральными”) и определялись через них. Таким образом, возникает уже связь (или опять-таки невыделенность, нерасчлененность) морали и политики. Она заключается в том, что все моральные понятия и категории “политизированы”, любая же политическая акция, наоборот, должна подвергнуться моральной апробации коллектива, т.е. заслужить общественное признание и одобрение»¹⁷⁸.

Политический подтекст понятия *amicitia* отчетливо проявляется в сочинениях Цицерона. В своем трактате «О дружбе» он настаивает на том, что интересы дружбы не должны противоречить интересам государства. Подтверждая эту идею, Цицерон

¹⁷⁷ Williams C. Op. cit. P. 36–37.

¹⁷⁸ Утченко С.Л. Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1974. Вып. 4. С. 43–44.

приводит несколько отрицательных примеров – по его мнению, Кориолан, Вецеллин, Мелий, Тиберий Гракх и Квинт Туберон недостойны дружбы, поскольку они просили своих друзей о предательстве родины ради собственных интересов (Cic. De Amic. 36–37). Эта позиция отражена и в письмах Цицерона к близким, например, в письме Гаю Матию (Cic. Fam. XI.27.1), где автор ясно заявляет, что свобода отечества должна быть выше обязанностей дружбы. В этой связи С.Л. Утченко выделяет две концепции «обязанностей дружбы» – индивидуалистическая концепция Матия, которая по духу эллинистическая и ставит интересы отдельного человека ниже интересов государства в целом; и концепция Цицерона, по духу римская, поскольку сохраняет элементы связи между общиной и гражданином. Община или государство – вечная и непреходящая величина, следовательно, интересы отдельного гражданина всегда будут стоять на втором месте¹⁷⁹. Немного иной взгляд встречаем у И.В. Шталь, которая утверждает, что концепция дружбы у Цицерона основана на максиме *patriam amicitiae praeponendam esse* («Родину следует предпочитать дружбе»). У Цицерона друг представляется, прежде всего, полноправным гражданином, чье поведение в дружеском кругу соответствует добродетелям члена гражданского коллектива¹⁸⁰.

О политическом смысле римского понятия *amicitia* рассуждает и ряд других исследователей. К примеру, Дж. Эллегуар выделяет две формы политической дружбы в Риме – с одной стороны это отношения между самими римлянами, особенно между политическими деятелями, а с другой – между Римом и другими народами, получившими статус *amici populi Romani*¹⁸¹. Комментируя тексты Цицерона, В. Коллинз подчеркивает, что его размышления о дружбе написаны от лица политика – когда Цицерон рассуждает об *amicitia* на примерах Кориолана и Гракха, он задается вопросом, обязаны ли друзья поддерживать их в заговорщических планах против государства. В этом контексте *amici* становится синонимом

¹⁷⁹ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 223–228.

¹⁸⁰ Шталь И.В. Понятие «дружба» и эволюция эстетического идеала человека в римской литературе I в. до н.э. (по произведениям Цицерона и Катулла) // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 281.

¹⁸¹ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la republique. P., 1963. P. 49–53.

factiones (сторонники Катилины и Клодия)¹⁸². Так или иначе, понятие *amicitia* считается одним из трех важнейших терминов римского политического лексикона (наряду с *gratia* и *officium*), и в ряде текстов трактуется как политический союз, выступающий в качестве инструмента внутривнутриполитической борьбы¹⁸³.

Римская *amicitia* представляла собой весьма сложные отношения, в которых, по определению К. Вербовена, «взаимность, привязанность и верность были смешаны, а выгода и бескорыстие сосуществовали очень близко, и все это вместе создавалось с помощью благодеяний»¹⁸⁴. При этом можно говорить о некоторых правилах поведения, связанных с *amicitia*. Так, Цицерон описывает своих современников как людей, которые считают лучшими друзьями тех, от кого можно было получить наибольшую выгоду: “*sed plerique neque in rebus humanis quicquam bonum norunt, nisi quod fructuosum sit, et amicos, tamquam pecudes, eos potissimum diligent, ex quibus sperant se maximum fructum esse capturos*” – «но большинство людей не видит в делах человеческих ничего хорошего, кроме того, что им выгодно, а друзей, как и домашних животных, они особенно любят тех, из которых надеются извлекать наибольшую пользу» (Cic. De Amic. 79. пер. В.О. Горенштейна). Цицерон осуждает подобные стремления к получению выгоды от друзей, неприемлемые для *boni viri*. При всем этом в представлениях самих римлян *amicitia* не могла существовать без взаимных благодеяний и обмена подарками (Cic. De Amic. 26). М. Мосс отметил, что такого рода взаимные обмены были значимой частью дружбы, поскольку являлись единственным надежным доказательством того, что дружеские отношения вообще существовали¹⁸⁵. З. Крук утверждал, что язык *amicitia* и обмен дарами между «друзьями» использовался для того, чтобы замаскировать отношения патроната-клиентелы в римском обще-

¹⁸² Collins W. Cicero. L., 1871. P. 152. В исследовательской литературе вопрос о соотношении понятий *amici* и *factiones* до сих пор остается открытым, см. напр., Brunt P.A. Amicitia in the Late Republic. P. 1–20.

¹⁸³ Stockton D. Cicero: A Political Biography. Oxf., 1971. P. 65–67. Ср.: Syme R. Op. cit.; Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar; Brunt P.A. Amicitia in the Late Republic. P. 1–20.

¹⁸⁴ Verboven K. Friendship Among the Romans // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World // M. Peachin (ed.). Oxf., 2011. P. 408.

¹⁸⁵ Mauss M. The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies. L.; N.Y., 2002. P. 3–13.

стве¹⁸⁶. С. Калпеппер Строуп настаивает на том, что такие обмены выходили за рамки простого покровительства, и, обращаясь к подобным сюжетам, следует обращать внимание на участников подобных обменов¹⁸⁷. К. Вербовен рассматривает *amicitia* как систему социального обмена, генерирующую различные ресурсы, в том числе и экономические¹⁸⁸.

В обобщенном виде облик римской *amicitia* как социального и политического института предстает следующим образом. Отношения *amicitia* выбираются или достигаются, а не являются врожденными или предопределенными, поскольку они не возникают автоматически из гражданства, родства или брака и не формируются ими. Противоположностью *amicitia* является недружба, т.е. *inimicitia*. С одной стороны *amicitia* становится добровольным выбором сторон, основанным на личной приязни и преданности, но с другой стороны предполагает обоюдную выгоду за счет взаимных обменов подарками. Дружеские связи имели первостепенное значение в греческих, римских, христианских, иудейских и израильских обществах на протяжении всей античности¹⁸⁹.

Как показало недавнее исследование П. Бертона, римляне успешно адаптировали практики межличностной *amicitia* – включая взаимный обмен подарками и благодеяниями – к отношениям с правителями и государствами Средиземноморья¹⁹⁰. Цицерон, говоря о *patrocinium orbis terrae*, вскоре переключается на обсуждение личных друзей римских политиков, намекая, что здесь термин *patrocinium* не подразумевает «покровительства», а, скорее, обозначает международных друзей

¹⁸⁶ Crook Z. Fictive Giftship and Fictive Friendship in Greco-Roman Society // The Gift in Antiquity / M. Saltow (ed.). Chichester, 2013. P. 68.

¹⁸⁷ Culpepper Stroup S. Without Patronage: Fetishization, Representation, and the Circulation of Gift-Texts in the Late Roman Republic // The Gift in Antiquity / M. Saltow (ed.). Chichester, 2013. P. 108–109. В последние годы в литературе возрастает интерес к вопросу о дарах как о важной составляющей римской экономики. Подробнее см.: Hénaff M. Is There Such a Thing as a Gift Economy? // Gift Giving and the ‘Embedded’ Economy in the Ancient World / F. Carlà, M. Gori (eds.). Memmingen, 2014. P. 71–83; Reinstein D. The Economics of the Gift // Gift Giving and the ‘Embedded’ Economy in the Ancient World / F. Carlà, M. Gori (eds.). Memmingen, 2014. P. 85–98; Verboven K. “Like Bait on a Hook”. Ethics, Etics and Emics of Gift-Exchange in the Roman World // Gift Giving and the ‘Embedded’ Economy in the Ancient World / F. Carlà, M. Gori (eds.). Memmingen, 2014. P. 135–150.

¹⁸⁸ Verboven K. The Economy of Friends... P. 341. Марциал в эпитаграммах остроумно напоминает своим читателям, что «общее все у друзей» (Mart. II.43, в оригинале по-гречески: κοινὰ φίλων).

¹⁸⁹ Satlow M. (ed.). The Gift in Antiquity. Chichester, 2013. P. 7.

¹⁹⁰ Burton P. Clientela or Amicitia? S. 341.

Рима (Cic. De Off. II.27). Это подчеркивает тесную связь идей покровительства и дружбы в римском мышлении и восприятии мира¹⁹¹. Действительно, внешняя политика Рима могла строиться на основе дружественных связей с другими государствами и народами. П. Бертон подчеркивает, что политическая *amicitia* активно использовалась Римом в сфере межгосударственных отношений в III–II вв. до н.э., противопоставляя ее концепции внешнеполитической клиентелы Э. Бэдиана¹⁹². Он также показал, что такие отношения часто основывались на моральных категориях, таких как бескорыстие, самоотверженность и честь¹⁹³. Дружба между государствами и политиками древности могла не только приносить практическую пользу, но и опираться на идеализированные концепции, такие как *amor* и *benevolentia*¹⁹⁴. П. Бертон подчеркнул, что необходимо учитывать эти представления в любых исследованиях, обращенных к вопросам римской внешней политики, поскольку успех римских завоеваний зависел от способности римлян завоевывать доверие и лавировать между интересами союзников и новых подданных¹⁹⁵.

Ключевой частью римской внешнеполитической *amicitia*, как подчеркивает К. Вербовен, также была *fides*, или доверие и преданность¹⁹⁶. А. Чошкун также отмечает важность этого принципа, когда речь идет о дружбе на международной арене¹⁹⁷. Вопрос о концепции *fides* в римской внешней политике был затронут в исследовательской литературе не один раз, и, как кажется, не потеряет своей историографической популярности и в дальнейшем. Рассуждения об этом можно найти еще у Варрона, который ассоциирует деятельность фециалов с *fides*:

“Fetiales, quod fidei publicae inter populos praeerant: nam per hos fiebat ut iustum conciperetur bellum, et inde desitum, ut foedere fides pacis constitueretur. Ex his mittebantur, ante quam conciperetur, qui res repeterent, et per hos etiam nunc fit foedus, quod fidus Ennius scribit dictum” (Varro De ling. V.XV).

¹⁹¹ Burton P. Clientela or Amicitia? S. 340.

¹⁹² Ibid. S. 333–369.

¹⁹³ Burton P. Friendship and Empire... P. 22.

¹⁹⁴ Williams C. Friends of the Roman People... P. 34.

¹⁹⁵ Burton P. Friendship and Empire... P. 23; Eckstein A. Rome Enters the Greek East... P. 342–381.

¹⁹⁶ Verboven K. Friendship Among the Romans... P. 409, 418.

¹⁹⁷ Coşkun A. Freundschaft, persönliche Nahverhältnisse... P. 18.

Именно исходя из принципа *fides* Рим выстраивал свои отношения с другими государствами и общинами. Так, действительные условия договора, интерпретируемые в свете *fides*, давали римскому государству право оставлять за собой решение вопроса о степени римских обязательств, и соответственно обязательства другой стороны по договору практически также определялись римлянами¹⁹⁸. То же самое касается неформальных отношений Рима с эллинистическими государствами¹⁹⁹.

Судить о значении *fides* в системе международных отношений можно, обратившись к известному отрывку из Ливия, повествующего о событиях, когда кампанский народ был вынужден отдаться в *fides* римлян²⁰⁰:

“Populum Campanum urbemque Capuam, agros, delubra deum, diuina humanaeque omnia in vestram, patres conscripti, populique Romani dicionem dedimus, quidquid deinde patiemur dediticii vestri passuri” (Liv. VII.31.4).

В этом фрагменте текста Ливия конструкция *venire in dicionem* создает впечатление подчинения одного народа другому, при этом подчеркивается безусловность и добровольность такого положения. Критикуя понимание *fides* в международных отношениях как власти победителя над побежденным, как покровительства патрона клиенту²⁰¹, А. Каркатерра отмечает, что в подобных случаях римская сторона также несла некоторые обязательства в отношении *dedicti*, интересы которых, помимо прочего, могли отстаиваться в судебном порядке²⁰² (Liv. XXVIII.21.1: *arbitrium dicioque*). Важно отметить, что в выражении *deditio in fidem* идея подчиненности заключена в слове *deditio*, а не в *fides*. Исходя из этого, целесообразно согласиться с точкой зрения М. Фойгта, предлагающего расширенное толкование *fides* как обозначения «связи», содержащей в себе также идею ответ-

¹⁹⁸ Badian E. Hegemony and independence. Prolegomena to a Study of the Relations of Rome and the Hellenistic States in the Second Century B.C. // Actes du VIIe Congres de la F.I.E.C. 1983. Vol. 1. P. 411.

¹⁹⁹ Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 239–240.

²⁰⁰ Также в другом месте у Ливия: *Campanorum aliam condicionem esse, qui non foedere sed per deditioem in fidem venissent...* (Обещали, однако, охотой или неволей усмирить кампанцев, союз с которыми был основан на иных условиях – не на равноправном договоре, а на безоговорочной сдаче... Liv. VIII.2.13. пер. Н.В. Брагинской). Ср. Polyb. 21.4.

²⁰¹ См., напр. работы А. Пиганьоля и Л. Ломбарди на эту тему: Piganiol A. Venire in fidem // RIDA. 1950. Vol. 5. P. 5; Lombardi L. Dalla “fides” alla “bona fides”. Milano, 1961. P. 48–51.

²⁰² Carcaterra A. Intorno ai “bonae fidei iudicia”. Napoli, 1964. P. 195.

ственности²⁰³. Такое понимание соответствует этимологической близости *fides* с *foedus*²⁰⁴. В любом случае, вопрос о *fides* в римской системе внешнеполитических отношений требует отдельного основательного исследования.

1.2. *Amicitia* и *φιλία*: внешнеполитическая дружба и эллинистический мир

Очевидно, что, обращаясь к проблемам римской дружбы, нельзя обойти стороной вопрос о том, насколько латинское понятие *amicitia* соответствует греческому *φιλία*. К. Уильямс подчеркивает, что *amicitia* не может быть точным переводом греческого *φιλία*, из-за различных социальных коннотаций, придаваемых им разными культурами²⁰⁵. Несмотря на различия в философском понимании слов, и *φιλία*²⁰⁶, и *amicitia* использовались для описания политических практик в межгосударственных отношениях и, по-видимому, в этом контексте имели схожее значение. Упоминания об использовании *φιλία* в политических или дипломатических целях встречаются в ряде греческих текстов, относящихся к разным периодам античной истории²⁰⁷. Обозначенные выше моменты приводят к логичной мысли о том, что древние общества использовали схожие методы политического взаимодействия. Дж. Николс подчеркивает, что практически во всех индоевропейских культурах была распространена практика обмена дарами, связанная с институтом гос-

²⁰³ Voigt M. Die XII Tafeln. Bd. 2. Leipzig, 1883. S. 709.

²⁰⁴ Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch... S. 493–495; Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique... P. 415–416.

²⁰⁵ Williams C. Op. cit. P. 29–42.

²⁰⁶ Д. Констан утверждает, что у Аристотеля *φιλεῖν* часто означает «любить», в то время как *φίλος* имеет более узкое значение «дружба», в случаях, когда упоминаются конкретные *φίλοι*. Значения *φιλία* и *φίλος* зависят от контекста и участников взаимодействия; эти термины могут также относиться к родственникам или людям, объединенным общей целью или опытом. В целом *φιλία* и *φίλος* имеют значения привязанности (Konstan D. Greek Friendship // The American Journal of Philology. 1996. Vol. 117 (1). P. 75–92). Ср. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1968. P. 1204–1206; Davidson J. The Greeks and Greek Love. L., 2007. P. 32–34; Konstan D. Friendship in the Classical World. Cambr., 1997. P. 6–11.

²⁰⁷ Так, Аристотель не исключал возможности существования сообщества за пределами полиса, объединенного добродетелью и счастьем в результате *φιλία* (Arist. Polit. 3.9.14). Фукидид описывает, как Феакс вступил в дружбу с афинянами: *ἐν δὲ τῇ παρακομῇ τῇ ἐς τὴν Σικελίαν καὶ πάλιν ἀναχωρήσει καὶ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ τισὶ πόλεσιν ἐχρημάτισε περὶ φιλίας τοῖς Ἀθηναίοις* (Thuc. 5.5.1). Далее в тексте говорится о поиске дружбы и союзов с народом Сицилии в рамках подготовки к войне: *ῥαυσοῦντες οὖν τὰ τε αὐτοῦ παρασκευαζώμεθα καὶ ἐς τοὺς Σικελούς πέμποντες τοὺς μὲν μᾶλλον βεβαιώσωμεθα, τοῖς δὲ φίλιαν καὶ ξυμμαχίαν περὶώμεθα ποιεῖσθαι* (Thuc. 6.34.1).

теприимства (*hospitium*) между людьми из разных обществ²⁰⁸. Несмотря на то, что семантические значения «дружбы» в разных языках некоторым образом расходились, связанные с ними политические практики имели весьма схожую основу, а потому были понятны представителям разных обществ, допуская при этом ряд региональных особенностей. И *φιλία*, и *amicitia* служили для обозначения политических союзов и использовались в языке дипломатии. Это указывает на определенную унификацию политических практик, несмотря на некоторые культурные различия.

На самом деле схожесть форм международных политических практик наблюдается и в более широком средиземноморском контексте. Уже во II тысячелетии до н.э., как показывает амарнский архив, а также позднейшие хеттские документы, народы Ближнего Востока заключали дипломатические соглашения, в которых отношения между государствами описывались через метафоры родства – братства и отношений между родителями и детьми – в описании взаимоотношений между царями различных общин²⁰⁹. В исследовательской литературе существует мнение, что эта формула закрепились в хуррито-хеттской среде в середине II тысячелетия и позднее перешла к ахейцам, а затем была адаптирована греками в формуле *φιλία καί συμμαχία*, что впоследствии было латинизировано в виде *amicitia et societas*²¹⁰. Таким образом, политическая и дипломатическая терминология греков и римлян во многом была заимствована у восточных цивилизаций. В греческой письменной традиции раннего периода, особенно в эпосе, термин *φιλότης* обозначал гостеприимство и покровительство²¹¹, т.е. отношения, которые связывали чужестранца с

²⁰⁸ Nicols J. *Hospitium: Understanding 'Ours' and 'Theirs' on the Roman Frontier* // *Rome and the Worlds Beyond its Frontiers* / D. Slootjes, M. Peachin (eds.). Leiden, 2016. P. 180.

²⁰⁹ Liverani M. *Prestige and Interest. International Relations in the Near East ca. 1600–1100 B.C.* Padova, 1990. P. 197; Karavites P., Wren Th. *Promise-giving and Treaty-making. Homer and the Near East.* Leiden; New York; Köln, 1992. P. 49; Foster B.R. *Water under the Straw Peace in Mesopotamia* // *War and Peace in the Ancient World* / K.A. Raaflaub (ed.). Oxf., 2007. P. 68 ss.; Beal R.H. *Making, Preserving, and Breaking the Peace with the Hittite State* // *War and Peace in the Ancient World* / K.A. Raaflaub (ed.). Oxf., 2007. P. 83; Tadmor H. *Alleanza e dipendenza nell'antica Mesopotamia e in Israele terminologia e prassi* // *I trattati nel mondo antico. Forma, ideologia, funzione* / L. Canfora, M. Liverani, C. Zaccagnini (eds.). Roma, 1990. P. 19.

²¹⁰ Weinfeld M. *The Common Heritage of Covenantal Traditions in the Ancient World* // *I trattati nel mondo antico. Forma, ideologia, funzione* / L. Canfora, M. Liverani, C. Zaccagnini (eds.). Roma, 1990. P. 176.

²¹¹ Giangiulio M. *La φιλότης tra Sibariti e Serdaioi* (Meiggs-Lewis, 10) // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1992. Bd. 93. S. 38; Scott M. *'Philo, Philotes' and Xenia* // *Acta Classica.*

членом общины и превращали его в φίλος²¹². В дипломатическом лексиконе термин φίλότης используется для описания отношений союзничества (συνμαχία)²¹³ как синоним φίλία. Позднее, в классическую эпоху, φίλία окончательно вытесняет φίλότης, что свидетельствует о прочной связи между этими двумя терминами²¹⁴. С VI в. до н.э. φίλία стала использоваться для обозначения межгосударственных отношений, чему способствовали колонизация²¹⁵, а также распространение идей пифагорейской школы²¹⁶. С течением времени φίλία, которая первоначально была связана с развивающимися торговыми отношениями в Средиземноморье²¹⁷, приобрела более политизированный смысл и начала употребляться в паре с συνμαχία – союзом, заключаемым в рамках оборонительных или наступательных договоров²¹⁸. Подобное сочетание указывает, что стороны были готовы не только заключить военный союз, но и установить невраждебные отношения²¹⁹.

В греко-римских межгосударственных отношениях дружба (φιλία / *amicitia*) была центральной формой дипломатии – между государствами, а также между государствами и объединениями или отдельными политическими деятелями. Дружба была вписана в устойчивые рамки, которые определяли социальные роли и политические ожидания сторон. Так, в послании начала I в. до н.э. Квинта Муция Сцевола эфесцам последние признаются «находящимися в дружбе (с Римом)». Эта же формулировка была затем продублирована в ответном декрете народов Азии, что

1982. Vol. 25. P. 15 ff; *Karavites P., Wren Th.* Op. cit. P. 48 ff.; *Alonso V.* War, Peace, and International Law in Ancient Greece // *War and Peace in the Ancient World* / K.A. Raaflaub (ed.). Malden, 2007. P. 209 ff.

²¹² *Benveniste E.* Il vocabolario delle istituzioni indoeuropee. Vol. I. Torino, 1976. 262 ff.

²¹³ *Giangiulio M.* Op. cit. P. 31 ff.; *Karavites P., Wren Th.* Op. cit. P. 56 s. – о конструкции φίλία καὶ συνμαχία в классический период в Греции.

²¹⁴ *Cursi M.F.* International Relationships in the Ancient World // *Fundamina*. 2014. № 20 (1). P. 190.

²¹⁵ *Panessa G.* Introduzione // *Philiai. L'amicizia nelle relazioni interstatali dei Greci. I. Dalle origini alla fine della guerra del Peloponneso* / G. Panessa (ed.). Pisa, 1999. P. xxvi.

²¹⁶ *Ibid.* P. xv; xxi.

²¹⁷ *Ibid.* P. xxvi.

²¹⁸ *Lévy E.* Le vocabulaire de l'alliance chez Polybe // *Les relations internationales, actes Strasbourg 15–17.6.1993* / Ed. Frézouls, A. Jacquemin (eds.). P., 1995. P. 397 ff.

²¹⁹ В этом смысле φίλία не обязательно предполагает формальный договор о дружбе. См.: *Panessa G.* Op. cit. P. xxvii. Противоположная точка зрения представлена у *Lévy E.* Op. cit. P. 397 ff.

говорит о том, что за подобными дипломатическими структурами языка стояли продуманные и устоявшиеся политические установки²²⁰.

Прежде всего, обе стороны стремились к установлению невраждебных отношений друг с другом – *φιλία* / *amicitia*. Греческие посольства обычно начинали обращение к римскому сенату с подтверждения дружественных отношений своего полиса с Римом. В ответ римляне признавали как послов, так и их город своими друзьями, а в ходе переговоров неоднократно подчеркивалась и прославлялась эта прочная дружба с Римом²²¹. Дружба воспринималась как отношения, которые устанавливались в ответ на проявленную в прошлом и ожидаемую в будущем доброжелательность (*εὖνοια* / *salus*) и верность (*πίστις* / *fides*) – добродетели, которые регулярно подчеркивались самими греками и часто получавшие одобрение со стороны римлян²²². Демонстрация этих моральных качеств или их последовательное проявление в прошлом (*προαίρεσις*)²²³ вознаграждались благодеяниями (*φιανθρωπία*, *εὐεργεσία* / *beneficia*) и благодарностью (*χάρις* / *gratia*) со стороны римлян, такими как дарование свободы, неприкосновенности, защиты, материальной помощи и прочего, что рассматривалось как проявление римской *εὖνοια* и свидетельство ее *ἀρετή*²²⁴.

Греки со своей стороны прославляли римский народ как благодетеля (*εὐεργέτης*) и спасителя (*σωτήρ*) – как отдельных городов, так и всего эллинского мира (*κοῖνοι εὐεργεταὶ καὶ σωτῆρες*)²²⁵. Со временем, в период Поздней республики, акценты несколько сместились: все большую роль в политической жизни стали иг-

²²⁰ RDGE 47, стк. 28–29: ἐν τῇ φιλίᾳ κριθέ[ντων] δήμων τε καὶ ἐθνῶν; IGR IV 188 (= OGIS 438), стк. 1–3 и IV 291, стк. 1: οἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ δῆμοι καὶ τὰ ἔθνη καὶ οἱ κατ' ἄνδρα κεκρίμενοι ἐν τῇ πρὸς Ῥωμαίους φιλίᾳ; ср. RDGE 2, стк. 5–8, где послы упоминаются как «те, кто остался в дружбе» с римским народом (οἵτινες ἐν τῇ φιλίᾳ τῇ ἡμετέρᾳ ἐνεῖναν); похожее выражение используется в отношении некоего Германдора из Оропа в 73 г. (RDGE 23, стк. 50–51): «Германдор, сын Олимпиха, жрец Амфиара, навсегда остался в дружбе с римским народом». Подробнее см.: *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony: The Transaction of Roman Rule in the Greek East (201 BCE – 14 CE)*. PhD Thesis. Hamilton, 2010. P. 210.

²²¹ *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony...* P. 119–138.

²²² Подобные случаи можно встретить в эпиграфике, напр., стратоникейский *senatus consultum* RDGE 18, стк. 44–46. О соотношении понятий *φιλία* и *εὖνοια* см. *Mitchell L. Φιλία, εὖνοια and Greek Interstate Relations* // *Antichthon*. 1997. Vol. 31. P. 32–37.

²²³ *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony...* P. 259.

²²⁴ *Kallet Marx R. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley; Los Angeles; Oxford. 1996. P. 288.

²²⁵ *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony...* P. 139–145.

рать отдельные римляне, действовавшие от лица государства. Это проявлялось в том, что конкретный человек именовался покровителем (πάτρων / *patronus*) города, проявившего доброжелательность и верность.

Подобные отношения Рима с государствами эллинистического мира нашли отражение в стандартизированном языке латинских и греческих надписей. Яркий тому пример – около шестнадцати хорошо известных посвящений на Капитолии, установленные рядом с храмом *Fides* и преподнесенные Риму восточными государствами – городами, союзами и правителями – во II и начале I вв. до н.э.²²⁶ Р. Каллет-Маркс обращает внимание на повторяющиеся темы, отображенные в надписях – моральная добродетель Рима (*virtus* или ἀρετή), его доброжелательность (*benevolentia* или εὐνοία), выражающаяся в предоставлении благ (*beneficium* или εὐεργεσία), а также его роль в спасении (*salus* / σωτήρ) и восстановлении свободы (*libertas*, ἐλευθερία или δημοκρατία) этих народов и государств²²⁷.

Важно, что сама концепция дружбы как формы межгосударственных отношений имела более глубокие корни в греческой традиции, нежели в римской: говоря о себе как о «друзьях» и о «дружбе» в целом, римляне отсылались к уже существовавшей эллинской традиции межгосударственных отношений²²⁸. Рим, поначалу строивший отношения с италийскими народами преимущественно через договоры *societas* на основе военного союза, в отношениях с неиталийскими народами в III в. до н.э. стал использовать формулу *amicitia et societas*. Как показал Э. Грюэн, римляне заимствовали греческие дипломатические формы и наполняли их собственным содержанием, создавая гибкие и неформальные союзы, в которых терминология не всегда отражала реальное соотношение сил²²⁹. Таким образом, латинская формула *amicitia et societas* не была римским изобретением, а представляла собой адаптацию более ранних, прежде всего греческих дипломатических моделей.

²²⁶ Mellor R. The dedications on the Capitoline Hill // Chiron. 1978. Vol. 8. P. 319–330; Lintott A.W. The Capitoline dedications to Jupiter and the Roman people // ZPE. 1978. Vol. 30. P. 137–144.

²²⁷ Kallet Marx R. Op. cit. P. 288.

²²⁸ Gruen E. Op. cit. P. 54–95. Cp. Konstan D. Friendship in the Classical World. P. 93–148; Mitchell L. Φιλία, εὐνοία and Greek Interstate Relations. P. 28–44; Brunt P. Amicitia // The Fall of the Republic and Related Essays. Oxf., 1988. P. 351–381.

²²⁹ Gruen E. Op. cit. P. 25 ff.

В период эллинизма термин «дружба» регулярно использовался в контексте межгосударственных отношений – в соглашениях об *ισοπολιτεία*²³⁰, *ἀσυλία*²³¹, *σύμβολα*²³², мирных договорах²³³, а также как самостоятельная категория языка дипломатии²³⁴. Даже в эпоху римского владычества, дружба продолжала быть формой внешнеполитических отношений между греческими полисами, и часто без какого-либо участия Рима²³⁵. Таким образом, римляне, называясь «друзьями», встраивались в политическую структуру, которая предшествовала распространению их влиянию в Средиземноморье, принимая существующие правила игры.

Это обстоятельство имеет решающее значение, ведь статус *φίλοι* позволял римлянам использовать привычные грекам политические формулы и выражать свою власть через понятный эллинам язык дипломатии. Кроме того, в греческой традиции понятие «дружбы» было тесно связано с понятием «свободы», которое также вписывалось в знакомые идеологические рамки²³⁶. Начиная как минимум с классической эпохи, отношения *φιλία* основывались на идее равенства между друзьями – что наиболее ясно выражалось в демократической идеологии свободного слова (*παρρησία*) и равенства перед законом (*ισονομία*), но касалось также отношений внутри олигархий и монархий. Предполагались взаимная поддержка, симпатия и признание интересов друзей²³⁷.

Такие представления о равенстве сохранялись и в международных соглашениях в период эллинизма – например, в договорах об *ισοπολιτεία*, где дружба понима-

²³⁰ Milet I.3.137, стк. 11–13; OGIS 229, стк. 34–35; SIG³ 433, стк. 3–4.

²³¹ SIG³ 522, стк. 1–2; SIG³ 563, стк. 3–8; SIG³ 554, стк. 6–11; IG IX 1² 189, стк. 1–2; IG XII.2.15, стк. 15–17, 25–26; *Rigsby K. Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley, 1996.

²³² SIG³ 273, стк. 3–5; IG I.8.6, стк. 11–15.

²³³ SIG³ 421a, стк. 3–5; Diod. 19.75.1; 97.4; Ap. Syr. 55; Polyb. 4.52.6; 15.25.13.

²³⁴ Ср. I.Priene 61, стк. 4–6, 32–33; I.Erythrai I.122, стк. 16–17. Обычно они описывались как общее возобновление дружбы: ISE I 52, стк. 5–8, 11–13, 32–34 (317 г. до н.э.); IG XII 9.1186, стк. 13 (232–220 г. до н.э.); ISE II 120, стк. 8–12 (конец III – начало II вв. до н.э.); IG IX I² 2.582, стк. 12 (207 г. до н.э.).

²³⁵ IG VII 4139, стк. 1–3 (178–146 гг. до н.э.); I.Iasos 152, стк. 3–4, 33 (151 г. до н.э.); SIG³ 683, стк. 7–8, 16–18 (140 г. до н.э.); IG II² 1135, стк. 8–9 (111/110 гг. до н.э.).

²³⁶ *Кацеев В.И.* Эллинистический мир... С. 267–288; *Snowdon M.* Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 251–260.

²³⁷ Aristot. Nic. Eth. 1157b.35 (*λέγεται γὰρ φιλότης ισότης*); Plat. Laws 6.757, 8.837; *Konstan D.* Friendship in the Classical World. P. 53–92; *Low P.* Interstate Relations in Classical Greece: Morality and Power. Cambr., 2007. P. 45–47.

лась как добровольное отношение между равными, ориентированное на обоюдную выгоду, а не исключительно на интересы одной стороны. Аристотель описывал это как ἀντιφίλησις – взаимную приязнь ради пользы и блага другого²³⁸. К примеру, когда римляне искали поддержки греков в войне с Персеем, они апеллировали к дружбе с ними и напоминали о своей доброй воле (SIG 613b; RDGE 22, стк. 7–8). Показателен также пример переписки между греческим Афродизиасом и римским проконсулом Оппием: за помощь Риму в борьбе с Митридатом он признал граждан полиса «хорошими и достойными друзьями», что говорит о том, что схожее понимание политической дружбы сохранялось и в I в. до н.э. (Aphrod. 3). Следуя этим представлениям, римская гегемония часто преподносилась как проявление доброй воли по отношению к греческим друзьям, а верность полисов Риму – как моральное обязательство, долг перед другом²³⁹.

Чтобы различить эти две ключевые идеи, обратимся к примеру нарфакийского *senatus consultum* 140 г. до н.э., который был вынесен по поводу земельного спора между греческими полисами Мелитеи и Нарфакий (RDGE 9)²⁴⁰. Надпись представляет собой решение сената под руководством Гая Гостилия Манцина и дает сведения о законодательной деятельности римлян в Фессалии²⁴¹. Обе стороны конфликта начинают свою речь с заявления о праве собственности на землю, обосновывая это тем, что они находились в дружественных отношениях с римским народом (RDGE 9, стк. 21–22)²⁴². Показательно, что о φιλία в этом контексте упоминают не римляне, а

²³⁸ Arist. Eud. Eth. 7.1236a.14–15: φίλος δὲ γίνεται ὅταν φιλούμενος ἀντιφίλῃ, καὶ τοῦτο μὴ λανθάνῃ πῶς αὐτοῦς («человек становится другом, когда к нему относятся по-дружески, и он отвечает тем же – и оба это понимают»); Arist. Nic. Eth. 1155b.28; 1156a.8; Arist. Eth. Nic. 1155b: τοὺς δὲ βουλομένους οὕτω τὰγαθὰ εὖνους λέγουσιν, ἂν μὴ ταὐτὸ καὶ παρ' ἐκείνου γίνηται: εὖνοϊαν γὰρ ἐν ἀντιπεπονθόσι φιλίαν εἶναι («о тех, кто желает другому добра ради него самого, но не получает взаимности, говорят, что они просто доброжелательны. Лишь когда это чувство взаимно, его можно назвать дружбой»). Схожее определение можно встретить у Цицерона: *amicitia voluntas erga aliquem rerum bonarum, illius ipsius causa quem diligit cum eius pari voluntate* (Cic. De inv. II.55.166).

²³⁹ Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 206.

²⁴⁰ Snowdon M. "In the Friendship of the Romans": Melitaia, NARTHAKION and Greco-Roman Interstate Friendship in the Second Century BCE // *Historia*. 2014. Vol. 63 (4). P. 428; Snowdon M. Beyond Clientela: The Instrumentality of Amicitia in the Greek East // *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration* / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart, 2015. P. 219.

²⁴¹ Латышев В.В. Эпиграфические этюды. 1882. С. 7.

²⁴² ср. RDGE 9, стк. 46–48 = SIG² I (1898) 307.

сами жители городов. М. Сноудон, исходя из текста надписи, подчеркивает, что сенат не обратил особого внимания на эти претензии, когда принимал решение о том, кто получит землю²⁴³. Тем не менее, в период Поздней республики формула *in amicitia populi Romani* или ее греческий вариант εἰς τὴν φιλίαν τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων достаточно часто использовались в спорах о территориях. М. Сноудон обращает внимание на то, что именно поэтому греческие полисы часто стремились «возобновить» дружеские отношения с Римом²⁴⁴. Хотя в этом случае решение было вынесено в пользу Нарфакия, сенат называет послов обеих сторон «хорошими и достойными друзьями», а сами города – «хорошими и достойными союзниками и друзьями» – стандартная дипломатическая формула того времени²⁴⁵. Послы начинают свое обращение к сенату, подчеркивая φιλία, εὖνοια и χάρις по отношению к Риму (RDGE 9, стк. 18–19, 41–42), а сенат в свою очередь впоследствии постановляет, что эти же отношения должны быть обновлены и с самими городами (RDGE 9, стк. 60–62). Таким образом, риторика дружбы и доброжелательности буквально обрамляет все взаимодействие между сторонами²⁴⁶.

Но здесь важна последовательность – фессалийцы первыми признают римлян своими друзьями – причем еще до подачи прошения и вынесения официального решения. Получается, что акт «обновления» дружбы не только свидетельствует о предшествующей дружбе с Римом (а соответственно о том, что фессалийцы были довольны поведением римлян как друзей), но и выражает ожидание, что римляне, как друзья, должны и сейчас поступить соответствующе. Таким образом, еще до начала рассмотрения дела Рим вписан в рамки дружеских обязательств, а его решение – еще до оглашения – описано как продолжение предшествующей политики φιλία. Особенно показательно, что послы Нарфакия, утверждая, что спорные земли должны принадлежать их полису, строят свои аргументы, основываясь на решениях по

²⁴³ Snowdon M. Beyond Clientela... P. 219.

²⁴⁴ Ibid. P. 214.

²⁴⁵ RDGE 9, стк. 16–18: ἄνδρες καὶ [λοὶ καὶ] αἰετοὶ καὶ φίλοι παρὰ δήμου καλοῦ | [καγαθοῦ] καὶ φίλου συμμάχου. Схожая конструкция представлена в RDGE 7, стк. 41, 43; RDGE 9, стк. 16–18; RDGE 10b, стк. 5, 8; RDGE 12, стк. 3–4; RDGE 15, стк. 8–9, 55–56; RDGE 16, стк. 3–4; RDGE 18, стк. 69–72; RDGE 20d, стк. 1–5; RDGE 21, стк. 3; RDGE 26b, стк. 20–21; Aphrod. 8, стк. 21–22.

²⁴⁶ Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 194.

предшествующим судебным делам, где процесс шел согласно фессалийским законам, установленным Титом Квинкцием Фламинином и его комиссией в 196 г. до н.э. в соответствии с постановлением Сената²⁴⁷. Здесь нарфакийцы описывают влияние Рима на местные нормы права как благодеяние друга – навязывание законов более сильной стороной преподносится не как проявление силы, а как благо, соответствующее образу доброжелательного друга. Точно так же они ожидают, что решение римлян в их споре с Мелитейей будет основано на доброй воле – в том же духе, в каком рассматривалось дело. Отсюда следует, что если фессалийские города принимают решение Сената, то они тем самым признают, что римляне действовали как друзья, движимые εὔνοια, т.е. воспроизводится система взаимных обязательств. Хотя Нарфакий в итоге выиграл дело, и обоснование было юридическим, он, как и Мелитея изначально апеллировали к более весомому, как им казалось, аргументу: их народ владел спорной землей «в момент вступления в дружбу с римским народом» (RDGE 9, стк. 21–22). Получается, что дружба с Римом в этом контексте обладает высшей юридической силой – и Нарфакий, и Мелитея используют ее как аргумент в пользу легитимности, подчеркивая, что обладание землей при заключении дружбы с Римом подтверждает их право собственности. Подобные случаи не единичны – с первой трети II в. до конца I в. до н.э. эпиграфические источники фиксируют более десятка аналогичных примеров, когда право собственности определялось исходя из того, какой стороне принадлежала земля в момент установления дружбы с Римом²⁴⁸. Это подчеркивает, что φιλία представляла собой не просто неформальные политиче-

²⁴⁷ RDGE 9, стк. 48–54: περὶ τῆς χώρας καὶ τῶν ἱερῶν κριτηρίοις [γεν]ικῆς[έ]ναι κατὰ νόμους τοὺς Θεσσαλῶν, οἷς [νό]μοις ἕως τα[ν]ῶν χρῶν[τ]αι, οὓς νόμους Τίτος Κοϊνκτίος ὑπάτος ἀπὸ τῆς τῶν δέκα πρεσβευτῶν γνώμης ἔδωκεν καὶ κατὰ δόγμα συγκλήτου («они утверждали, что также выиграли судебные споры за эту землю и святилища по законам Фессалии, установленным консулом Титом Квинкцием Фламинином и его комиссией на основании постановления сената»); и решение сената стк. 63–67: ὅσα κεκριμένα ἐστὶν κατὰ νόμους, | οὓς Τίτος Κοϊνκτίος ὑπάτος ἔδωκεν, ταῦτα καθὼς κεκριμένα ἐστὶν, οὕτω δοκεῖ κύρια εἶναι δεῖν, | τοῦτό τε μὴ εὐχερὲς εἶναι ὅσα κατὰ νόμους κεκριμένα ἐστὶν ἄκυρα ποιεῖν («все, что было решено по законам, установленным консулом Титом Квинкцием, должно оставаться в силе, как есть, потому что трудно считать недействительным то, что принято на законных основаниях»).

²⁴⁸ RDGE 2, стк. 22–23; RDGE 3, стк. 1–4; RDGE 7, стк. 54; RDGE 24b, стк. 5–6; RDGE 28b, стк. 13–14; RDGE 70, стк. 16–17; Aphrod. 8, стк. 24–25, 60–61; lex agr., стк. 79; SIG³ 683, стк. 53–55, 63–66.

ские отношения между государствами, а определенный юридический механизм, с помощью которого Рим выстраивал отношения с греческими полисами.

Очевидно, что дружба с Римом давала ряд преимуществ, прежде всего, экономического характера, как, например, в случае с освобождением в период триумвирата ионийского Афродизиаса от налогов в отношении земель, которые находились в собственности на момент установления дружественных отношений²⁴⁹. Основываясь на этих примерах, М. Сноудон заключает, что римская дружба была весомым аргументом, который государства и народы могли использовать для влияния на решения римского сената, поскольку он мог одновременно признавать власть Рима и автономию государства, стремящегося к дружбе²⁵⁰. Получается, что применительно к II в. до н.э. дружба с римским народом обладала безусловным авторитетом в области урегулирования споров между иностранными государствами. В условиях растущей гегемонии Рима это было вполне очевидным положением дел, а в 140-х гг. до н.э. признание власти Рима полисами было вполне логичным, учитывая недавние разрушение Карфагена и Коринфа. Еще один похожий пример, относящийся к первой четверти II в. до н.э. можно найти на берегах Северного Причерноморья – договор между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком I, датирующийся 179 г. до н.э. (IOSPE I² 402). В нем херсонеситы обязываются защищать царство Фарнака, если он будет верен дружбе с ними и будет сохранять дружбу с римлянами. Т.е. со временем сохранение дружбы с Римом стало восприниматься как политическая обязанность. Похожим образом в 182 г. до н.э. Дельфийская амфикифия заявила, что будет считать достойными тех царей, которые сохраняют дружбу с Римом («общим благодетелем») и приносят пользу грекам²⁵¹. Во II в. до н.э. таких примеров становится все больше – города все яснее осознают, что дружба и доброжелательность по отношению к Риму становятся основой политической жизни. Как выразились оропийцы в

²⁴⁹ *Snowdon M.* "In the Friendship of the Romans"... P. 439–444.

²⁵⁰ *Snowdon M.* *Beyond Clientela*... P. 216.

²⁵¹ SIG³ 630, стк. 16–18: οἱ Ἀμφικτιόνες φαίνονται ἐπακολουθοῦντες το[ῖς] ἀξιουμένοις [καὶ τιμῶντες τ]ῶν βασιλέων ὅσοι διατηροῦντες τὴν πρὸς Ῥωμ[αί]ους τοὺς κοινούς [εὐεργέτας φιλία]ν ἀείτινος ἀγαθοῦ παραίτιοι γίνονται τ[οῖς] Ἑλλήσιν.

обращении к Ахейскому союзу, даже малые полисы, находящиеся в дружбе с Римом, не должны быть унижены или недооценены²⁵².

В этом контексте важно подчеркнуть все более возрастающую связь между дружбой и лояльностью к распространению римского влияния на международной арене. В этом смысле даже *civitates liberae* – формально независимые города – фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу «друзей»²⁵³. Так, в *senatus consultum de Asclepiade*, награждающим Асклепиада, Полистрата и Мениска за поддержку Рима во время Союзнической войны, отмечено, что будущие судебные дела должны рассматриваться в «свободном городе, который неизменно сохранял дружбу с римским народом»²⁵⁴. Это означает, что вне институциональных рамок существовала более широкая область гегемонии, в которой дружба с Римом подразумевала определенные моральные обязательства – включая готовность *civitates liberae* исполнять его решения. Эта логика проявляется и в религиозной жизни – начиная с 191 г. до н.э., культ богини Ромы часто сочетался с поклонением *πίστις/fides* – символу верности и надежности. Это был культ благодетеля, и римляне, которые распространили свой принцип *fides* на греческие города Востока, стали почитаться там в качестве благодетельной силы. Подобные связи между богиней Ромой и культом *πίστις*, к примеру, зафиксированы на островах Делос и Теос²⁵⁵. Особенно показателен в этом контексте декрет неназванного карийского города, принятый вскоре после войны с Аристонином. В нем сообщается, что город оказался обременен «из-за беспорядков как в городе, так и в сельской местности, а

²⁵² SIG³ 675, стк. 8–12, 20–22: παρεστήσατο τοὺς Ἀχαιοὺς τὴν πᾶσαν πρόνοιαν ποιήσασθαι ὑπὲρ τε τῆς πόλεως ἡμῶν καὶ τοῦ ἱεροῦ τοῦ Ἀμφιαράου, ἐπεὶ καὶ ἐν τεῖ Ῥωμαίων φιλίας καὶ πίστει διατελοῦμεν ὑπάρχοντες ... παρεστήσατο τοὺς Ἀχαιοὺς μὴ περιδεῖν πόλιν Ἑλληνίδα ἐξανδραποδισθεῖσαν, οὗσαν γε ἐν τεῖ Ῥωμαίων φιλίας καὶ πίστει.

²⁵³ *Snowdon M.* Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 91–104.

²⁵⁴ RDGE 22, стк. 19–20: ἐπὶ πόλεως ἐλευθέρᾳ[ς] τῶν δια τέλους ἐν τῇ φιλίᾳ τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων μεμενηκυῖων = стк. 8–9: [in civitate libera aliqua earum, quae perpe]tuo in [amicitia p(ropuli) R(omani)].

²⁵⁵ Plut. Flam. 16.7: πίστιν δὲ Ῥωμαίων σέβομεν, τὰν μεγαλευκτοτάταν ὅρκους φυλάσσειν: μέλπετε κοῦραι, Ζῆνα μέγαν Ῥώμαν τε Τίτον θ' ἅμα Ῥωμαίων τε πίστιν ἡῖε Παιάν, ὃ Τίτε σῶτερ; ср. *Mellor R.* ΘΕΑΡΩΜΗ: The Worship of the Goddess Roma in the Greek World. Gottingen, 1975. P. 132–133; *Jones C.P.* Rev. on: R. Mellor. ΘΕΑΡΩΜΗ. The worship of the Goddess Roma in the Greek World // Phoenix. 1977. Vol. 31. № 1. P. 80.

также из-за благосклонного отношения к римлянам»²⁵⁶. При этом размещение римских войск описывается как проявление лояльности – обязательство, воспринятое как некоторое обременение, но при этом истолкованное в рамках дружбы. Один из граждан был особо отмечен за то, что убедил римского командующего Мания Аквилля освободить город от этого бремени. Важно подчеркнуть, что это зарождающееся представление о дружбе как об отношениях с гегемоном не нарушало традиционных норм *φιλία*, а развивалось в рамках понятий о взаимной поддержке и моральной обязанности. Полисы исполняли поручения Рима постольку, поскольку верили в обоюдность – что Рим, в свою очередь, проявит добрую волю в ответ. В таком случае родительный падеж в выражении *πίστις ῥωμαίων* может трактоваться двояко – как *genetivus possessivus*, и тогда это добрая воля со стороны Рима, или же как *genetivus obiectivus*, и тогда это добрая воля по отношению к Риму.

К I в. до н.э. изменилась не суть, а степень, с которой греческие полисы подчеркивали, что они верны дружбе с Римом, особенно после Первой Митридатовой войны. По большей части историческим контекстом этих документов является послевоенная деятельность Суллы по урегулированию азиатских дел, его стремление наградить союзников и наказать врагов²⁵⁷. Именно к этому времени относится *senatus consultum* о Табах (OGIS 442 = RDGE 17), в тексте которого сообщается, что граждане этого полиса «наимужественнейше сражались с силами и полководцами царя за Азию и Элладу» (RDGE 17, стк. 1–3: β]αϛ[ιλέως Μιθραδάτου ἡγεμόσιν] | [δυνάμεσιν] τε ἐπανδρότατα [περὶ τῆς Ἀσίας] | [καὶ τ]ῆς Ἑλλάδος ἀντιτετάχθ[αι]), после чего следует обещание о том, что Сенат и народ римский помнят и будут помнить об их верности (RDGE 17, стк. 6–7: αὐτῶν πίστιν] | [διὰ

²⁵⁶ Briant P., Brun P., Varinglioglu E. Une inscription inedite de Carie et laguerre d' Aristonicos // Les Cites d'Asie Mineure Occidentale au lie Siecle a. C. / A. Bresson, R. Cagnat (eds.). Bordeaux, 2001. P. 241–259 (= SEG LI 1495), стк. 12–21: «когда римский консул Маний Аквиллий обратился к нам с просьбой пощадить его войска, народ уже страдал из-за беспорядков как в городе, так и в сельской местности, а также из-за благосклонного отношения к римлянам. Волнение и тревога охватили всю местность. Несмотря на личные риски и опасность, он отправился с делегацией к консулу. На встрече он доказывал, что страну необходимо избавить от этого бремени, и в итоге убедил Мания отказаться от отправки солдат».

²⁵⁷ О награждении городов Суллой см.: Keaveney A. Sulla: The last republican. L., 1982. P. 231f.; Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс... к.и.н. Саратов, 1997. С. 117.

μνήμης ἔχειν). К сожалению, текст надписи сильно поврежден, а местами утрачен безвозвратно. Особенно пострадала та часть, где находился список привилегий, которые были даны табийцам. Вероятнее всего, речь здесь могла идти о каких-то территориальных приобретениях, которые получили Табы из-за «их доблести и уважения» (RDGE 17, стк. 8: τῆς | [τοῦ]των ἀρετῆς καί καταλογῆς ἔν[εκεν), а также разрешении укрепить Тиэссу (RDGE 17, стк. 12: τε χωρίον Θυησσόν).

Безусловно, для полисов, официально признанных друзьями Рима, подобные заявления имели высокое гражданское значение. Так, в 170 г. до н.э. Аргос удостоил Гнея Октавия высших почестей – включая гражданство и право на покупку земли – не только за его прежние заслуги, но и за то, что он как посол донес до них значимость дружбы Ахайи с Римом при обращении за помощью против Персея (ISE I 42, стк. 6–10). Подобным образом, когда Квинт Муций Сцевола признал эфесцев друзьями Рима, те устроили масштабные общественные игры. Хотя надпись сохранилась частично, ясно, что эфесцы учредили эти игры после того, как (если не в связи с тем) были признаны друзьями Рима (RDGE 47, стк. 28–29). Элейцы с большим размахом отпраздновали свою φιλία καί συμμαχία с римлянами после конфликта с Аристоником в начале 120-х гг. до н.э., провозгласив, что стефанефор, жрецы и жрицы, архонты от имени граждан откроют храмы богов, возложат благовоения и помолятся «во имя счастья и безопасности нашего народа, римлян и артистов Диониса Категемона – пусть навечно сохранится дружба и союз с римлянами». После чего, следуя тексту надписи, будет принесена достойная жертва Деметре и Коре, а также РOME и другим богам и богиням; день будет объявлен священным, детям не надо будет учиться, а домашним рабам – исполнять свои обязанности. После жертвоприношения пройдет шествие всех мальчиков и юношей под надзором педонома и гимнасиарха (SIG³ 694, стк. 40–58).

Рассмотренные тексты показывают значимость римской дружбы для греческих полисов, что постоянно старались подчеркнуть их граждане. Однако же и сами римляне не оставляли подобные события без внимания. Так, в источниках существуют указание на то, что в Риме велся официальный список друзей – формализация, которая вновь подчеркивает восприятие дружбы как нового статуса в рамках

отношений с римским государством. Упомянутый выше *senatus consultum de Asclepiade* 78 г. до н.э., награждающий Асклепиада, Полистрата и Мениска, упоминает, что они были внесены в некий «список друзей» (RDGE 22, стк. 12, 24–25: *formula amicorum* / φίλων διάταγμα). Схожая формулировка встречается и в других текстах, правда, в несколько иной вариации. Так, в декрете Афродизиаса в похожем контексте появляется *formula sociorum* (Aphrod. 8, стк. 32). Сообщает о ней и Ливий в фрагментах, где говорится о распоряжении сената включить новых друзей и союзников в *formula sociorum*²⁵⁸. Аппиан также сообщает, что в Рим вписывал (ἀνεγράφειν) города, которые становились по отношению к нему φίλοι (App. Mith. 61)²⁵⁹. Однако не вполне понятно, существовал ли этот «список друзей» на самом деле, поскольку данные археологии не дают нам никакой информации по этому поводу. Но независимо от того, велся ли этот список в Риме или нет, ясно, что друзья официально провозглашались таковыми в сенате, что имело большое символическое значение, а как следствие и политическое значение – как для самих римлян, так и для тех, кто официально признавался их другом и союзником. Ведь часто сенат публично обращался (προσαγορεύειν) к иностранным послам как к хорошим и прекрасным друзьям, которые были направлены в Рим от дружественного народа, о чем говорилось выше (напр., RDGE 14, стк. 11). В этой связи также можно вспомнить обещание Квинта Оппия афродисийцам (Aphrod. 3) сообщить о своей дружбе и верности сенату немедленно по возвращении в Рим.

В свою очередь сами римляне в ряде случаев имели обязательство защищать своих друзей (или, по крайней мере, публично заявляли об этом). Например, борьба с киликийскими пиратами в конце II в. до н.э. велась, согласно *lex de provinciis praetoriis*, ради безопасности (ἀσφάλεια) и прав (δίκαια) граждан, союз-

²⁵⁸ Liv. 43.6.10: *Lampsacenos in sociorum formulam referre Q. Maenius praetor iussus*; 44.16.7: *senatus in formulam sociorum eum referri iussit*.

²⁵⁹ Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ*. Princeton, 1950. Vol. II. P. 960–961; А. Шервин-Вайт полагает, что включенные в этот список имели более низкий статус – как побежденные в войне или провинциалы – по сравнению с *amici et socii*, которые обязательно были свободными государствами (Sherwin-White A.N. *Roman Foreign policy in the East...* P. 65–66). Однако такое утверждение кажется несколько упрощенным.

ников, латинов и всех народов, находящихся в дружбе с Римом²⁶⁰. Закон о вымогательствах (*lex repetundarum*) также, по-видимому, распространялся на союзников, латинов и чужеземные народы, находящиеся в сфере римской власти или дружбы²⁶¹. Таким образом, моральное обязательство защищать своих друзей (и союзников) фактически вводило этих друзей в сферу римского *imperium* наряду с самими гражданами, союзниками и подданными.

Тем не менее, несмотря на институционализацию дружбы, сохранялось представление о равенстве и взаимной доброжелательности этих сторон отношений – в духе эллинистической традиции. Постепенно, по мере того как дружба стала восприниматься как форма лояльности, усиление римской власти все меньше воспринималась как проблема. Напротив, греки рассматривали верность Риму как проявление моральной добродетели (εὐνοία) по отношению к другу. Судить об этом можно на основании *senatus consultum de Stratonicensibus* 81 г. до н.э., в котором речь идет о привилегиях, которые были дарованы Стратоникее Карийской. За что этот получил город, по выражению Р. Шерка, такой «впечатляющий список» привилегий? В первых строках документа сообщается, что стратоникейцы и их предки «поступали по всей справедливости по отношению к нашей гегемонии (RDGE 18, стк. 3–4: [οὐκ ἄγνοοῦμεν ὑμᾶς] διὰ προ[γ]όνων πάντα τὰ δίκαια | [πρὸς τὴν ἡμετέρα]ν ἡγεμ[ον]ίαν πεποιηκότας) и всегда целиком храня верность по отношению к нам (стк. 4–5: καὶ ἐν | [παντὶ καιρῷ τὴν πρὸς ἡ]μᾶς πί[σ]τιν εἰλικρινῶς τετηρηκότας) в войне с Митридатом первыми в Азии вступили в борьбу с ним» (стк. 6–7: [ἔν τε τῷ πρὸς Μιθραδά]την π[ο]λέμῳ πρώτους τῷ ἐν τῇ | [Ἀσίᾳ ἀντιτεταγμένους). Стратоницейцы «наихрабрее противостояли силам и мощи царя» (RDGE 18, стк. 47–48: [προθυμότητα ἀντετά-

²⁶⁰ Lex prov. praet. стк. 6–11: οἱ τε πολῖται Ῥωμαίων οἱ τε σύμμαχοι ὀνόματος Λατίνου ὁμοίως τε τῶν ἐθνῶν, οἵτινες ἐν φιλίας τοῦ δήμου Ῥωμαίων εἰσὶν, ὅπως μετ’ ἀ[σ]φ[α]λείας πλοῖζεσθαι δύνωνται καὶ τῷ[ν] δ[ι]καίων τυγχάνωσιν; col. III, стк. 31–35: ὥστε τοὺς πολίτας Ῥωμαίων καὶ τοὺς συμμάχους Λατίνους τε τῶν τε ἐκτὸς ἐθνῶν, οἵτινες ἐν τῇ φιλίᾳ τοῦ δήμου Ῥωμαίων εἰσὶν, μετ’ ἀσφαλείας πλοῖζεσθαι δύνωνται. Ср.: Kallet Marx R. Hegemony to Empire... P. 173–174. Также в *lex de provinciis praetoriis* (стк. 16–21), римляне стараются подтвердить автономию своих друзей в управлении подданными: οἵτινες δῆμοι ἅ τε ἔθνη, ὅταν τοῦτον τὸν νόμον ὁ δῆμος κυρώσῃ, βασιλεῖ βασιλεῦσιν δήμοις τε, πρὸς οὓς φιλία συμμαχία <те> τῷ δήμῳ Ῥωμαίων ἐστίν, φόρους προσόδους τε στρατιώτας τε <...> τελῶσιν, ἐν τούτῳ τῷ νόμῳ οὐκ ἡρώτηται.

²⁶¹ Lex rep., стк. 1: [Quai socium no]minisve Latini exterarumve nationum, quoive in arbitratu ditione potestate amicitia[e] populi Romani].

χθῆ] | τῇ βασιλικῇ β[ί]αι καὶ δυνάμει; ср. стк. 84–86: τοῖς τε βασιλέω[ς] Μιθραδάτου ἡγεμόσιν] | [δυν]άμεσιν τε ἐπανδρότατα πε[ρὶ] τῶν πόλεων τῆς Ἀσίας καί] | [τῆς] Ἑλλάδος ἀ[ν]τιτετάχθαι), а также оказали помощь римлянам воинами, провизией и большими тратами общественных средств (стк. 80–81: συντετηρηκέναι στρατιώ[ταις τε καὶ σίτωι καὶ μεγάλαις] | [δαπάν]αις τὰ δημόσια πράγματα [τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων]); в целом поведение стратоникейцев в этой войне определяется как «величие духа» (стк. 83: ὑπὲρ τῆς μεγαλοφροσύνης τῆς ἑαυτῶν). При этом в тексте неоднократно подчеркивается, что стратоникейцы «дружбу, верность и благорасположение к римскому народу всегда соблюдали до конца, и в мирное, и в военное время» (стк. 78–80: [τοὺς] Στρατονικεῖς τὴν τε φιλίαν κ[αὶ] πίστιν καὶ εὖνοίαν πρὸς τὸν] | [δῆ]μον τὸν Ῥωμαίων διὰ τέλους [ἐν καιρῷ εἰρήνης πολέμου] | [τε] <ἀ>εὶ συντετηρηκέναι). Римляне в *senatus consultum de Stratonicensibus* отмечают:

«Мы знаем, что с древних времен вы поступали справедливо (δίκαια) в отношении нашей власти, что всегда сохраняли верность (πίστις) нам и что в войне против Митридата вы были первыми из азиатских народов, кто выступил против него; и именно за это вы столкнулись с множеством опасностей – как общественных, так и частных – которые охотно приняли на себя ради нашей Республики благодаря вашей дружбе (φιλία), доброй воле (εὖνοια) и благосклонности (χάρις) по отношению к нам» (RDGE 18, стк. 3–12).

Здесь четко видно, как πίστις отождествляется с φιλία – стратоникейцы перешли на сторону Римской республики благодаря дружбе, доброй воле и благосклонности по отношению к ним. Эти мотивы повторяются позже и в постановлении сената²⁶². Стоит отметить, что πίστις стратоникейцев упоминается по отношению к римской власти (ἡγεμονία), а отношения φιλία были установлены, как следует из текста, с Римской республикой (δημοσία πράγματα)²⁶³, что вновь свидетельствует о формальной стороне отношений дружбы, которые создавались между двумя государствами. При этом подчеркивается, что действия стратоникейцев были добро-

²⁶² RDGE 18, стк. 75–79: γνωστὸν εἶναι Ῥω]μαίοις [κατὰ τὰς ἀποσταλείς] | [παρ]ὰ τῶν Ἀσίαν τὴν τε Ἑλλάδα [διακατασχόντων τῶν τε ἐν] | [ταῦτα]ις ταῖς ἐπαρχείαις πρεσβευ[τῶν γεγενημένων ἐπιστολάς] | [τοὺς] Στρατονικεῖς τὴν τε φιλίαν κ[αὶ] πίστιν καὶ εὖνοίαν πρὸς τὸν] | [δῆ]μον τὸν Ῥωμαίων διὰ τέλους [ἐν καιρῷ εἰρήνης πολέμου].

²⁶³ *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 215, n. 67.*

вольными (προθυμότηα... ἀναδεδεγμένους), что подтверждает – дружественные отношения в этом случае соответствовали традиционным моральным характеристикам φιλία – εὖνοια и χάρις. Сенат позже подчеркивает это, характеризуя действия стратоникейцев как часть их самостоятельного выбора, как добровольное решение (προαίρεσις, стр. 46). Интересно, что πίστις в этом контексте можно понимать не только как верность Риму, но и как добрую волю римлян по отношению к стратоникейцам. Иными словами, действия полиса, его помощь Риму в борьбе с Митридатом, можно воспринимать как ответ друга на прежние римские благодеяния. Таким образом, это становится всего лишь еще одним этапом в системе дружеских отношений. Со своей стороны, римляне, как друзья, ответили стратоникейцам доброй волей, признавая за ними ряд привилегий – возобновление давнего союза с Римом, сохранение законов Стратоникеи, которые действовали там до начала войны, утверждение постановлений, которые были вынесены в период войны, и пожалований, сделанных городу от имени Суллы (стр. 49, 91–92), предоставление асии храму Гекаты (стр. 57–59, 113), поручение будущим наместникам Азии восстановить собственность, которой граждане лишились в ходе войны, освобождение плененных стратоникейцев (стр. 61–64, 114–120), а также ряд почетных привилегий для стратоникейских послов в Риме (стр. 65–66, 130–131).

Дружба в этом случае тесно связана с более широкой темой полисной свободы, но не менее важны и темы формирующейся имперской власти римлян. Уже в первых строках документа римляне подчеркивают свое моральное право рассуждать о справедливости (δικαία), а действия полиса характеризуются как добровольные и искренние (εἰλικρινής). Более того, обязательства перед Римом теперь тесно связаны с лояльностью к его ἡγεμονία. Римская власть становится и частью политической жизни полисов – сенат ссылается на старинный союз со стратоникейцами как на источник дружбы и доброй воли. Схожую ситуацию наблюдать в случае с земельным спором между греческими полисами Мелитеи и Нарфакий, отраженном в нарфакийском *senatus consultum* 140 г. до н.э. (RDGE 9), речь о нем шла выше. Во второй части текста борьба стратоникейцев против Митридата (и все опасности, которым подвергались многие граждане) описывается исключительно в терминах

дружбы, доброжелательности и доброй воли – то есть верности Риму и его власти (ἡγεμονία). В результате, как подчеркивает Сулла, и как будто подтверждают сами стратоникейцы, все тяготы, выпавшие на долю граждан, были добровольно приняты в знак преданности Риму. Римляне, по сути, делают невозможным для стратоникейцев существование каких-либо интересов, кроме сохранения римской власти, тем самым интересы полиса и интересы Рима полностью отождествляются²⁶⁴.

Близка по содержанию и надпись из Эфеса, датирующаяся концом 87 г. или 86 г. до н.э. (SIG³ 742), в которой содержится постановление, вынесенное после восстания города против Митридата VI. Оценка предшествовавших этому событий приводится в первой части декрета – народ Эфеса «сохранял свою древнюю доброжелательность к римлянам, нашим общим спасителям, и охотно подчинялся всем их указаниям (стк. 1–3: τοῦ δήμου] [φυλάσσον]τος τὴν πρὸς Ῥωμαίους τοὺς κο[ינוὺς σωτήρας πα][λαιὰν εὖν]οιαν καὶ ἐν πᾶσιν τοῖς ἐπιτασσομέ[νοις προθύμως] [πειθαρχ]οῦντος). В этой ситуации эфесцы встретились с произволом со стороны Митридата, который, нарушив договор с римлянами, собрал свои войска и попытался захватить земли, «которые никоим образом ему не принадлежали (стк. 3–6: Μιθραδάτης ... [παρα][βὰς τὰς π]ρὸς Ῥωμαίους συνθήκας καὶ συναγαγὼν τὰς δυνάμεις ἐ][πεχείρη]σεν κύριος γενέσθαι τῆς μηθὲν ἑαυτῷ προ[σηκούσης] [χώρας]), хотя сам Митридат в своей пропаганде стремился обосновать законность своих приобретений (Just. 38.7.10). Хотя жители Эфеса были вынуждены поддержать Митридата из-за страха перед его войсками и внезапностью нападения (стк. 8), они немедленно выступили против него при первой возможности, сохраняя традиционные добрые отношения с Римом (стк. 9–10: ὁ] δὲ δῆμος ἡμῶν ἀπὸ τῆς ἀρχῆς συνφυλάσσων τὴν πρὸς Ῥωμαίους εὖνοιαν). В декрете война против Митридата называется общим делом (κοινόν πράγμα (стк. 10–11)), а римляне изображаются как всеобщие спасители (стк. 1 κοινοὶ σωτήρες).

Целью войны декларируются защита римской гегемонии и общая свобода (стк. 11–12: τὸν πρὸς Μιθραδάτην πόλεμον ὑπὲρ τε τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας καὶ τῆς κοινῆς ἐλευθερίας). Важно подчеркнуть, что в тексте отношения с Римом переданы

²⁶⁴ *Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 230–241, 286–306.*

через слово ἡγεμονία, которое в русских переводах иногда не вполне точно передается как «владычество»²⁶⁵. Однако, исходя из текста надписи, понятия ἡγεμονία и ἐλευθερία не становятся противоположными или взаимоисключающими, а выступают как две равнозначные цели войны Эфеса с Митридатом VI. Ἐλευθερία обычно понимается как свобода в самом общем смысле, противопоставляясь при этом состоянию несвободы, т.е. рабству (δουλεία). Понятие ἐλευθερία представляло собой неотъемлемую часть политического словаря отношений между полисами и оставалось достаточно стабильным, практически не изменяясь по ходу истории²⁶⁶. Поэтому переводить ἡγεμονία как «владычество», как это нередко бывает в русских переводах, не вполне корректно. В греческой политической мысли IV в. до н.э. (в частности, у Исократа) понятие ἡγεμονία связывалось с идеей первенства среди эллинов, основанного на уважении союзников к лидеру и добровольном признании его авторитета²⁶⁷. В этом смысле ἡγεμονία противопоставлялась ἀρχή — форме господства, предполагающей несправедливые отношения внутри союза и подчинение союзников силой. Получается, что в рассматриваемой надписи из Эфеса римляне оказываются не жестокими повелителями Азии, а руководителями общей борьбы против Митридата²⁶⁸.

Заявляя о своей φιλία с греческими городами, Рим вписывался в знакомую грекам систему внешнеполитических отношений, основанную на ценности свободы — центральную для греческого понимания своей истории и дипломатических связей. Но внутри этой системы всегда было место как для равенства и автономии, так и для подчинения. Концепт дружбы позволял представить римское господство как моральную, взаимовыгодную связь — и этим «разрешал» проблему растущей власти Рима. Со временем асимметрия этих отношений становится все более очевидной для современного исследователя, но для греков, которые всегда уже жили внутри этой системы, все происходящее было организовано согласно традиционным нормам дружеского взаимодействия. В приведенных выше надпи-

²⁶⁵ Молев Е.А. Властелин Понта. Н. Новгород, 1995. С. 64, 67.

²⁶⁶ Исаева В.И. Принципы межполисных отношений конца V — середины IV в. до н.э. С. 113 сл.; Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 116–190, 307–310.

²⁶⁷ Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. М., 1994. С. 132.

²⁶⁸ Смыков Е.В. Указ. соч. С. 121.

сях отмечается, что полисы получают вознаграждение за проявленную ими верность римскому народу, а также за перенесенные в связи с этим страдания и лишения. Естественно, сходство стилистических формул в текстах надписей объясняется их официально-риторическим характером, однако важно учитывать, что «стиль отражает устойчивую систему взглядов, “систему фраз”, которая гораздо шире, чем то или иное произведение, созданное в данном стиле. Семантика стиля... вскрывает все мировоззрение целиком... Целью стилистического анализа должна стать система взглядов, породившая систему фраз»²⁶⁹. Как справедливо отметил Е.В. Смыков, в этой ситуации римляне не просто вновь подчиняют азиатские города, отправшие во время войны с Митридатом, но наглядно демонстрируют, что дружба и союз с ними значительно выгоднее, чем война. В условиях разорения регионов, пострадавших от военных действий, привилегии, даруемые верным союзникам Рима, выглядели особенно убедительно²⁷⁰. В этом случае речь шла не о выборе между свободой и подчинением, а о другой альтернативе – власти Митридата или римской гегемонии. Греческие полисы, вставшие на сторону Рима, теперь сражаются ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας, и при этом римская гегемония ставится в один ряд с идеей общей свободы греков²⁷¹. Впрочем, и само понимание ἐλευθερία также претерпевает некоторые изменения – свобода как политическая категория «теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета, но она... означала самоуправление, свою государственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией»²⁷². Однако причиной этих изменений были не римляне и не их государство – они сформировались еще в эпоху эллинистических монархий, а Рим лишь унаследовал уже сложившуюся систему отношений²⁷³. В сущности, речь шла лишь о смене господина.

²⁶⁹ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С. 9.

²⁷⁰ Смыков Е.В. Указ. соч. С. 126.

²⁷¹ О лозунге об «освобождение эллинов» и его использовании в политической пропаганде см.: Gruen E. Op. cit. P. 156; Кащеев В.И. Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н.э.) // АМА. 1990. Вып. 7. С. 42; Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим... С. 284 сл.; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 126–127.

²⁷² Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 51 сл. См. также: Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 66 сл.

²⁷³ Gruen E. Op. cit. P. 25 ff; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 127–128.

Несмотря на все это, принятые обязательства в отношениях между друзьями сохранялись. Основываясь на греческих внешнеполитических практиках, римская *amicitia* в греческом мире представляла не только как добровольное и взаимовыгодное сотрудничество, но и как отношения, которые устанавливаются между формально равными сторонами²⁷⁴. Рим, являясь φίλος, мог ожидать ответной доброй воли от греков, в ответ на предоставленные полисам привилегии, и именно таким образом римляне представляли верность греков своей растущей власти. Постепенно φίλία превратилась в стандартную форму отношений внутри Империи. Друг – это уже не просто политический статус, а форма существования «свободных» (хотя и зависимых) греков. Эти отношения становились все более стандартными, а потому – менее заметными для античных авторов. Но это вовсе не означает, что дружба как форма дипломатических отношений потеряла свое значение, так в 38 г. граждане Афродисиаса, к примеру, все еще получали привилегии за φίλία и εὔνοια (Aphrod. 8, стк. 16–24, 54–60, 72).

Важное место в концепции *amicitia* в римской внешней политике занимает вопрос о соотношении дружбы и договора. Близость значений *amicus* и *socius* в римской литературе начиная со времени Полибия была отмечена в литературе достаточно давно²⁷⁵. В. Дальхайм указал на то, что римляне использовали термины *amicus*, *socius*, *amicus et socius* для внешнеиталийских союзников после победы над македонским царем Персеем в 168 г. до н.э. почти без разграничений, не подразумевая, что этому должен был сопутствовать некий договор²⁷⁶. Согласно А. Хойсу, отношения *amicitia* обычно складывались без заключения договоров²⁷⁷. В текстах античных авторов и надписях термины φίλία / *amicitia* часто употребляются совместно с συμμαχία / *societas*, в случаях, когда города, цари или политические деятели определяются как «друзья и союзники» римского народа или как находящиеся в состоянии «дружбы и союза» с ним. Как было показано Л. Маттеи, конструкция *amicitia et*

²⁷⁴ Snowdon M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 203.

²⁷⁵ Bowman A.D. The formula sociorum in the Second and First Centuries B.C. // CIJ. 1990. Vol. 85. P. 330–336.

²⁷⁶ Dahlheim W. Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im dritten und zweiten Jahrhundert v. Chr. München, 1968. S. 260–274.

²⁷⁷ Heuss A. Die volkerrechtlichen Grundlagen... S. 4–6.

societas в международных отношениях идейно была ближе к неформальной *amicitia*, чем к формальной и строго структурированной *societas*; кроме того, она не представляла собой и отдельную дипломатическую категорию²⁷⁸. Так, например, гражданине небольшого острова Астипалея в Эгейском море объявлялся римским сенатом «прекрасными и добрыми друзьями» (καλοὶ καὶ ἀγαθοὶ καὶ φίλοι), даже после заключения формального договора, который уже содержал формулу: «Да будет мир, дружба и союз во веки веков на суше и на море»²⁷⁹. Такие формальные соглашения с греческими полисами часто включали призыв сохранять новую *amicitia et societas* – дружбу и союз – на вечные времена²⁸⁰. Это тесное соединение *amicitia* и *societas* подчеркивало не только политический союз, но и взаимные обязательства поддержки между «друзьями», каковыми считались и союзники.

Источники фиксируют по крайней мере один случай, свидетельствующий о том, что даже термин σύμμαχος мог использоваться как неформальный эпитет. Так, в *senatus Consultum de Itanorum et Hierapytniorum litibus* итанцы прямо названы римским сенатом «не провозглашенными публично союзниками» (RDGE 14, стк. 11: [ο]ὔτε συμμαχοὺς αὐτοὺς προσηγόρευσε). Это ясно указывает на отсутствие формального договора: если бы такой договор существовал, его текст был бы высечен на бронзе и выставлен на Капитолии – что в римской практике считалось само собой разумеющимся. При этом сами договоры (*foedera*) между Римом и греческими городами, по-видимому, встречались относительно редко, но из дошедших до нас текстов ясно – они заключались как двусторонние соглашения, декларирующие принцип равноправия²⁸¹. Стандартная структура таких договоров включала три

²⁷⁸ *Matthaei L.* On the Classification of Roman Allies // *ClQ.* 1907. Vol. 1. P. 185–190. Ср. *Liv.* 36.3.8; *Liv.* 42.25.12; *Liv.* 42.30.10.

²⁷⁹ RDGE 16a, стк. 1–7: [πρὸς] | [τὸν δῆμον τὸν Ἀστυπαιαίων εἰρήνην φιλίαν συμμα][χίαν] ἀνανεώσασθαι ἄνδρα καλὸν καὶ ἀγαθὸν [παρὰ δῆ]-[μου] καλοῦ καὶ ἀγαθοῦ καὶ φίλου προσαγο- [ρεῦσαι τούτῳ] | [τε] φιλανθρώπως ἀποκριθῆναι ἔδοξεν. καὶ [ὅτι Πόπλι]-[ος] Ῥοτίλιος ὑπάτος χάλκωμα συμμαχίας [ταύτης ἐν] | [τῷ] Καπετωλίῳ κατηλωθῆναι φροντίση.

²⁸⁰ RDGE 16, стк. 26–29: τῷ δήμῳ τῷ | [Ῥωμαίων καὶ] τῷ δήμῳ τῷ Ἀστυπαιαίων εἰρήνην καὶ [φιλία] | [καὶ συμμαχία] ἔστω καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν [εἰς τὸν ἅ][παντα χρόνον]. ср. SEG LIII 658, стк. 6–11; SIG³ 732; SIG³ 694.

²⁸¹ *Horn H.* Foederati: Untersuchungen zur Geschichte ihrer Rechtsstellung im Zeitalter der römischen Republik und des frühen Principats. Inaug. Diss. Fr. a. M., 1930; *Gruen E.* Op. cit. P. 731–744; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy... P. 58–70; *Derow P.* Pharos and Rome // *ZPE.* 1991. Vol. 88. S. 261–270; *Kallet Marx R.* Op. cit. P. 184–197.

ключевых положения: запрет на пропуск врагов одной из сторон через территорию другой (или через земли ее подданных); запрет на поставки продовольствия и припасов врагам другой стороны; обязательство прийти на помощь в случае, если на одну из сторон или ее подданных будет совершено нападение²⁸². Сохранившийся лучше всего и дошедший до нас образец греко-римского договора происходит из Маронеи (SEG III 658) и содержит почти 35 неповрежденных строк²⁸³. В подобных двусторонних договорах Рим и греческие города рассматривались как равные стороны с собственными территориями, подданными и народами, взаимно обязавшиеся поддерживать друг друга. Даже такой небольшой полис, как Астипалея, в рамках подобных оборонительных соглашений рассматривался Римом как равноправный партнер – с собственной территорией, населением и правом на взаимную поддержку²⁸⁴. Любые изменения условий договора допускались только по взаимному согласию (κοινὴ βουλὴ ἐκατέρων)²⁸⁵. Например, текст договора Рима и Митимны содержит условие, что «если по взаимному согласию они [стороны договора – М.Р.] пожелают что-либо прибавить к настоящему договору или что-либо отнять от него, то это будет разрешено совместным официальным соглашением каждой из сторон, которая того пожелает. Что бы они ни добавили или отняли в договоре, то это также должно быть записано в договоре» (SIG³ 693, стк. 17–20).

Некоторые римские авторы прямо называли такие договоры «равными» (*foedus aequum*), а историк Мемнон, основываясь на современных ему реалиях, описывал положение своего города в договоре с Римом как «равное» (ἴσως) и «тождественное» (ὁμοία) (Memnon FGrH 434, Fr 18.10). Конструкция *foedus iniquum*, однако, встречается только у Ливия (Liv. XXXV.46.10: *nullam enim ciuitatem se in Graecia nosse quae aut praesidium habeat aut stipendium Romanis pendat aut foedere iniquo adligata quas*

²⁸² Snowden M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 254. Об общей структуре подобных договоров см.: Taubler E. Imperium Romanum: Studien zur Entwicklungsgeschichte des römischen Reichs. Vol I: Die Staatsverträge und Vertragsverhältnisse. Leipzig; Berlin, 1913. S. 14–29; Baronowski D. Treaties of Military Alliance between Rome and Hellenistic States in the Last Three Centuries BC. Ph.D. Toronto, 1982. P. 109–121.

²⁸³ Ferrary J.-L. Op. cit. P. 222–223.

²⁸⁴ Kallet Marx R. Op. cit. P. 193–194.

²⁸⁵ Ср. SEG LIII 658, стк. 36–41; OGIS 762 стк. 10–13; SIG³ 693, стк. 17–20; RDGE 16, стк. 45–48; I.Knidos 33, стк. 6–10.

nolit leges patiatur), где она, конечно, не используется в качестве юридического термина. При всем этом антитеза *foedus aequum* / *foedus iniquum* неприменима к римской практике международных отношений²⁸⁶, а является более поздним изобретением юридической науки – категория *foedus iniquum* была введена Гуго Гроцием, который, переосмыслив римские источники о неравных, как ему казалось, по условиям договоров, ввел понятие *foedus inaequale* – семантически близкое к *foedus iniquum* – и противопоставил его *foedus aequum*²⁸⁷. Такое строго юридическое деление договоров вряд ли предусматривалось римлянами; вероятнее, лучше следовать более сложной схеме установления международных отношений, предложенной Э. Грюэном²⁸⁸. Однако это не означает, что римляне не заключали договоров, основанных на различной степени неравноправия сторон. Дж. Лураски отмечал, что еще до римской экспансии после Второй Пунической войны в международные договоры вносились специальные условия, предусматривавшие статус подчиненности второй стороны²⁸⁹.

Таким примером является опубликованный в 2005 г. текст договора между Римом и Ликийским союзом, заключенный в 46 г. до н.э. В нем говорится, что «ликийцы должны сохранять власть (ἐξουσία) и превосходство (ὑπεροχή) римлян [прочно?], как подобает, во веки веков – достойно как по отношению к себе, так и к народу Рима» (Pap. Gr. Schoy. стк. 9–10). Эта формулировка, по всей видимости, представляет собой один из ранних примеров так называемой *clausula maiestatis*, которую юрист Прокул в эпоху Юлиев-Клавдиев описывал как условие, обязывающее один народ сохранять величие (*maiestas*) другого (Dig. 49.15. 7.1: *is populus alterius populi maiestatem comiter conservaret*).

Такая формулировка, возможно, восходит к послевоенному урегулированию с Этолийским союзом в 189 г. до н.э. (Polyb. 21.32.2; Liv. 38.11: *imperium maiestatem*–

²⁸⁶ Несмотря на это, о том, что такое противопоставление действительно существовало в римских реалиях, пишет ряд авторов: *Taubler E.* Op. cit. S. 62–66; *Baronowski D.* Sub Umbra Foederis Aequi // *Phoenix*. 1990. № 44. P. 345–369; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy... P. 58–59.

²⁸⁷ *Cursi M.F.* Il carattere paradigmatico della classificazione dei foedera' dalla partizione di Livio alla sistematica di Grozio // *Tradizione romanistica e Costituzione* / L. Labruna (ed.). Napoli, 2006. P. 1574 ff; *Cursi M.F.* International Relationships... P. 192.

²⁸⁸ *Gruen E.* Op. cit. P. 28–33.

²⁸⁹ *Luraschi G.* Foedus', Ius Latii', Civitas'. Aspetti costituzionali della romanizzazione in Transpadana. Padova, 1979. P. 33 ss.; cp.: *Cimma M.R.* Reges socii et amici populi Romani. Milano, 1976.

que populi Romani gens Aetolorum conservanto sine dolo malo), и, возможно, присутствовала в договоре 78 г. до н.э. с испанским городом Гадес (Cic. Balb. 35: *maiestatem populi Romani comiter conservanto*)²⁹⁰. Тем не менее, подобные формулировки в период Республики встречаются крайне редко. Некоторые исследователи, следуя Э. Таублеру, пытаются реконструировать похожие положения в двух фрагментарных договорах времен Августа – из Митилены и Книда (RDGE 26b. стк. 1–2; I.Knidodos 33, стк. 11–12)²⁹¹; однако текст из Митилены допускает и иные интерпретации, а договор из Книда сильно фрагментирован²⁹². Несмотря на это, основываясь на тексте договора с Ликийским союзом и комментариях Прокула, можно говорить о том, что к концу Республики в греко-римские договоры действительно могло включаться положение, которое обязывало вторую сторону признавать и поддерживать превосходство Рима. При этом сам Прокул подчеркивает, что *clausula maiestatis* не лишает союзников свободы: «эта статья добавляется не для того, чтобы лишить свободы, а чтобы обозначить превосходство одного народа, не умаляя свободы другого... Те, кто с почтением сохраняет наше величие, остаются свободными» (Dig. 49.15. 7.1: *hoc enim adicitur, ut intellegatur alterum populum superiorem esse, non ut intellegatur alterum non esse liberum ... eos, qui maiestatem nostrum comiter conservare de bent, liberos esse intellegendum est*). Позднее появление структур *clausula maiestatis* – особенно в сочетании с комментариями Прокула – и постоянное подчеркивание равенства в греко-римских договорах резко контрастируют с договорами, которые были заключены с итальянскими городами. Эти *foedera* обязывали итальянского союзника ежегодно поставлять войска Риму для поддержки его кампаний и снабжать провиантом и другими средствами по первому требованию. Для этого существовал специальный реестр – *formula togatorum* – список, в котором фиксировались ежегодные военные взносы итальянских союзников²⁹³.

²⁹⁰ Ferrary J.-L. Op. cit. P. 227, n. 25; Gruen E. Op. cit. P. 30–32.

²⁹¹ Taubler E. Op. cit. S. 64–65, 450–454; Baronowski D. Sub Umbra Foederis... P. 345–352.

²⁹² Gruen E. Op. cit. P. 29–30.

²⁹³ lex agr. стк. 21: *nominis Latini, quibus ex formula togatorum* [milites in terra Italia inperare solent]; стк. 50: [nominis Latini, quibus ex formula t]ogatorum milites in terra Italia inperare solent; Polyb. 6.21.4 οἱ τὰς ὑπάτους ἀρχὰς ἔχοντες παραγγέλλουσι τοῖς ἄρχουσι τοῖς ἀπὸ τῶν συμμαχίδων πόλεων τῶν ἐκ τῆς Ἰταλίας, ἐξ ὧν ἂν βούλωνται συστρατεύειν τοὺς συμμάχους, διασαφοῦντες τὸ πλῆθος καὶ τὴν ἡμέραν καὶ τὸν τόπον, εἰς ὃν δεήσει παρεῖναι τοὺς κεκρίμένους («в то же время

При этом Прокул различает две ситуации: внешне безусловную свободу (*liber populus est is, qui nullius alterius populi potestati est subiectus*) и свободу, основанную на договоре (*foederatus est*) (Dig. 49.15.7.1). В свою очередь всякий международный союз (*foedus*) начинается с установления дружбы (*amicitia*). Она достигается либо взаимным соглашением на равных условиях (*aequo foedere in amicitiam venit*), либо фиксируется договором (*foedere comprehensum est*). В последнем случае свобода (*libertas*) одной стороны подтверждается признанием величия (*maiestas*) другой (*is populus alterius populi maiestatem comiter conservaret*). Отношение неримских народов к римскому государству и ответная реакция Рима так или иначе увязывались с признанием «власти и величия римского народа» (Liv. 38.11.2). Выражение *imperium maiestasque populi Romani*, по известным оценкам, принадлежало международной и дипломатической лексике²⁹⁴. Таким образом, римско-греческие договоры подтверждали равноправный характер *amicitia* – дружбы, лежащей в основе дипломатических отношений. Эти союзы вписывались в рамки полисной свободы и автономии, поскольку формально не подразумевали подчинения одной стороны другой.

Ключевой чертой *φιλία* (и *συμμαχία*) оставалась ее добровольность. Часто в этом контексте цитируют фрагмент Тита Ливия о событиях 198 г. до н.э., где сенат благодарит царя Атталу за помощь флотом и войсками, но подчеркивает, что сами римляне не окажут помощь Атталу в борьбе против Антиоха, поскольку последний является союзником и другом (*socius et amicus*) римского народа, и не будут удерживать вспомогательные отряды, предоставленные Атталом, дольше, чем царь сочтет это полезным для себя²⁹⁵. По словам Ливия, «римский народ неизменно исходит в чужих делах из чужих решений, и тот, кто хочет своими средствами оказать военную помощь римлянам, властен определять, когда ему начать это дело и когда окончить» (Liv. 32.8: *semper populum Romanum alienis rebus arbitrio alieno usum; et prin-*

новые консулы уведомляют власти тех италийских союзных городов, от коих желают получить вспомогательные войска, причем определяется количество солдат, назначается день и место, когда и куда должны явиться новобранцы»). Ср. Brunt P. Italian Manpower, 225 BC–AD 14. Oxf., 1971. P. 545–548; Baronowski D. The Formula Togatorum // Historia. 1984. Vol. 33. P. 248–252.

²⁹⁴ Kubier B. *Maiestas* // RE. 1928. Bd. XIV. Hbd. 1. Sp. 544; Levi M.A. *Maiestas e crimen maiestatis* // PP. 1969. Vol. 24. P. 85.

²⁹⁵ Matthaеi L. Op. cit. P. 191, 194–196; Badian E. Rome and Antiochus the Great: A Study in Cold War // Classical Philology. 1959. Vol. 54. No. 2. P. 82–83.

cipium et finem in potestatem ipsorum qui ope sua uelint adiutos Romanos esse). Из этого видно, что *amici et socii* могли свободно оказывать или просить помощи у Рима, также как и принимать или отклонять просьбы римлян (в отличие от итальянских союзников). Так, во второй половине II в. до н.э. в декрете юношей из Митимны говорится о давней благосклонности, дружбе и союзе города с Римом, с которым они недавно «разделили войну в Азии» против Аристоники (SEG III 710, стк. 9–12). В условиях неурожая и военных тягот полис действует вместе с Римом (κοινωνεῖν) и выступает вместе (συνίσται) с римлянами ради общего дела. Митимнийцы не обвиняют Рим в своих бедах, а напротив – стремятся выполнить свой долг как друга и союзника. При этом, судя по тексту договора, если кто-либо начнет войну с народом Митимны, то народ Рима должен оказать ему необходимую помощь, а в случае нападения на римскую сторону уже народ Митимны должен оказать народу Рима такую помощь, которая покажется подходящей в соответствии с договором и клятвами между народом Рима и народом Митимны (SIG³ 693, стк. 12–17: ἐὰν δέ τις πόλεμ[ον] [πρότερος ἐπιφέρῃ τῷ δήμῳ τῷ Ῥωμαίων, τότε ὁ δ[η]μός ὁ Μηθυμναίων τῷ δήμῳ τῷ Ῥωμαίων βοηθείτωσαν ὡς ἂν εὐκαιρον ἐκ τῶν συνθηκῶν καὶ ὀρκίων [τ]ῷ [δήμῳ τῷ Ῥωμαίων καὶ τῷ] δήμῳ τῷ Μηθυμναίων [δοκῇ]). Аналогичным образом Квинт Оппий охарактеризовал помощь Афродизииаса в войне против Митридата как достойную «хорошего друга и союзника» Рима, подразумевая, что он ожидал поддержки (ἐπιβαλεῖν) (Aphrod. 3, стк. 26–29), но при этом описал ее как проявление εὐνοια и выразил искреннюю благодарность афродизийцам, которые представляли свою поддержку как результат собственного политического выбора (αἵρεσις) (Aphrod. 2).

Греческие города часто представляли свои действия в поддержку Рима как результат проαίρεσις – осознанного политического выбора, выражающего курс или принцип, которого придерживался полис. Так, в уже упомянутом декрете юношей из Митимны подчеркивается, что решение о помощи полису было принято в соответствии с проαίρεσις города по отношению к Риму (SEG III 710, стк. 14–16: проαίρεσει πρὸς τὰ Ῥωμαίων). Аналогичным образом Элея, поддерживавшая Рим в войне с Аристоники, утверждала, что «римский народ засвидетельствовал проαίρεσις нашего народа, признал нашу доброжелательность и бла-

госклонно признал нас другом и союзником» (SIG³ 694, стк. 11–22). Подобные формулировки часто встречаются в документах II–I вв. до н.э., подчеркивая, что действия городов были осознанными и добровольными, и, судя по эпиграфическим материалам, преподносились как часть политики полиса²⁹⁶. Характеризуя свои действия как свободный выбор, греческие города описывали их в традиционной риторике автономии полиса, даже когда на деле речь шла о политической необходимости, ведь отказ поддержать Рим мог иметь серьезные последствия. Но публично подобные решения о преподносились как выражение воли народа – действия независимого полиса, руководствующегося моральным долгом и нормами традиционной *φιλία*, а не страхом перед могущественным союзником.

Римляне, в свою очередь, также были ограничены правилами греческой *φιλία* и должны были демонстрировать ответную доброжелательность в отношениях с отдельными греческими полисами и эллинами в целом, обращаться с полисами как с формально равными партнерами. Это резко отличало отношения Рима с греками от его договоров с итальянскими союзниками, где доминировала иерархия и подчиненность. Оформление отношений в терминах *φιλία* – добровольного союза, основанного на взаимных обязательствах – позволяло смягчить восприятие римского влияния в глазах греческих городов. Представляя свою лояльность как поведение надежного друга, действующего из чувства *εὐνοία*, а не из страха, полисы сохраняли символический статус автономных политических сообществ и ожидали от Рима соответствующего отношения.

1.3. Римская *amicitia* и варварский мир: формы и методы дипломатических контактов

Прежде чем переходить к вопросам истории Северного Причерноморья, которые будут рассмотрены в следующих главах, следует обратиться к примерам схожих отношений *amicitia* в других регионах, ведь, цитируя Фридриха Великого, аналогии и опыт – это две клюки, на которых мы тащимся по дороге умствований. Попытаемся порассуждать об облике римской внешнеполитической *amicitia*, осно-

²⁹⁶ RDGE 18, стк. 46; RDGE 33, стк. 4; RDGE 40, стк. 24; RDGE 43, стк. 14–16; SEG III 710; SIG³ 630, стк. 7; SIG³ 694, стк. 14, 20; ISE 42, стк. 3–5; I.Metrop. стк. 22; Aphrod. 2, стк. 4, 9.

вываясь на примере, так сказать соседей – правителей племен, обитавших к северу от Дуная²⁹⁷. Как верно отмечает А. Чошкун, в отличие от варварских царей, принимавших титул *φιλώρμαιος*, римские императоры никогда не использовали подобные определения для обозначения своего невраждебного отношения с другими правителями и народами²⁹⁸. Необходимо отметить, что отношения внешнеполитической дружбы с Римом, вероятно, не всегда отражались в почетных титулах царей соседних государств. Команда проекта «Иностранные друзья Рима» под руководством А. Чошкуна, речь о котором неоднократно шла ранее, подготовила просопографическую базу данных, которая включает в себя имена тех правителей, которые упоминаются в эпиграфике, нумизматике и литературных источниках как *amici populi Romani* или *φίλοκαισαρ* и *φιλώρμαιος*²⁹⁹. В этой базе данных действительно присутствует ряд царей Боспорского царства, но при этом упоминается очень мало правителей, чья власть распространялась на территории и народы к западу от Черного моря, на таких как даки или роксоланы. Единственный фигурирующий в просопографическом списке APR дакийский царь – Котизон, который стал правителем одного из царств, на которые были разделены владения Буребисты после его смерти³⁰⁰. В период гражданской войны между Октавием и Антонием он совершал набеги через Дунай (Flor. 2.28), но потерпел поражение в 29 г. до н.э. (Hor. carm. 3.8.18)³⁰¹. Вероятно, дакийский царь был включен в просопографический список благодаря упоминаниям о нем Светония: автор приводит сюжет о том, что, как пишет Марк Антоний, Октавий, сперва намеревавшийся отдать свою дочь Юлию замуж за сына Марка Антония, затем обручил ее с царем Котизоном; в то время как сам Октавий за это попросил себе в жены царскую дочь (Suet. Aug. 63.2). Однако

²⁹⁷ Kemp J. Led Across the Danube: Interactions between Rome and the Danubian-Pontic Peoples in the first two centuries AD. PhD Thesis. Warwick, 2019. P. 153–199.

²⁹⁸ Coşkun A. Freundschaft, persönliche Nahverhältnisse... P. 17; Hekster O. Trophy Kings and Roman Power... P. 45–55. О. Хэкстер утверждал, что римляне стремились давать варварским царям римское образование, укрепляя таким образом лояльность к их правлению. Он также отмечает, что античные авторы упоминают тех дружественных царей, которые предоставляли войска для римской армии.

²⁹⁹ Актуальную версию базы данных APR можно найти по ссылке: <https://www.altayCoşkun.com/apr> (дата обращения: 03.05.2025 г.).

³⁰⁰ Amici Populi Romani. Prosopographie der auswärtigen Freunde Roms. URL: <https://www.altayCoşkun.com/apr> (дата обращения: 03.05.2025 г.); Stein A. Cotiso // RE. Bd. 4. Hbd. 2. Sp. 1676; Braund D. Rome and the Friendly King... P. 125.

³⁰¹ Preda C. Monedele Geto-Dacilor. Bucurest, 1973. P. 353–361.

ни один другой правитель региона не был признан внешнеполитическим другом Рима авторами проекта *Amici Populi Romani*.

Тем не менее, отсутствие прямых свидетельств о том, что дакийские цари не обладали официальными статусами друзей Рима, не означает, что они не могли пытаться устанавливать дружественных отношений с ним. Источники сообщают нам о ряде контактов правителей этой области с римским государством, которые также можно трактовать как проявление *amicitia*. Так, в эпитоме LXVII книги «Римской истории» находим следующий сюжет: «Домициан, после того как был разбит маркоманами, обратился в бегство и, спешно отправив к Децебалу, царю даков, посольство, побуждал его заключить договор о мире, хотя сам прежде отвечал отказом на неоднократные просьбы Децебала. Тот согласился на примирение, так как потерпел несколько серьезных неудач, но не пожелал лично вести переговоры с Домицианом и поэтому послал Диэгида с людьми, чтобы выдать оружие и тех немногих пленных, которые якобы у него только и были. Когда это было сделано, Домициан возложил диадему на Диэгида, как будто бы он и в самом деле покорил даков и мог поставить над ними царем кого ему было угодно; воинов он наградил почестями и деньгами и в числе прочего, словно победитель, отправил в Рим и посланников Децебала, а также, как он утверждал, и письмо [от царя], которое, по слухам, было его собственной подделкой. Торжественное шествие он украсил множеством предметов, какие обычно проносят в триумфах, хотя взяты они были отнюдь не из захваченной им добычи; напротив, мирный договор недешево обошелся ему и помимо прямых потерь, ибо он сразу же выплатил Децебалу большие суммы денег и передал мастеров, сведущих как в мирных, так и в военных ремеслах, а также обещал и в будущем выплатить значительные суммы. [Показанные же предметы] в действительности были позаимствованы из императорской утвари, к которой он всегда относился как к захваченной у врага добыче, словно бы и саму империю он поработил как завоеватель» (Dio Cass. LXVII.7. пер. А.В. Махлаюка).

Получается, что Домициан искал мира с Децебалом, царем даков, из-за того, что был разбит маркоманами, которые жили к северу от Рейна³⁰². Однако посредником в заключении перемирия становится Диэгид – по всей видимости, эпитоматор существенно сократил более полное изложение Диона, по крайней мере, выглядит странным отсутствие упоминания о том, что Диэгид был братом Децебала (ср.: Mart. V.3), и кто были сопровождавшие его люди. Эта деталь используется Дионом Кассием, чтобы показать, что Децебал не пожелал лично вести переговоры с Домицианом. Автор не упоминает о *φιλία* между этими правителями и прямо говорит, что их отношения были перемирием (*σπονδή*). Очевидно, что Домициан и Децебал не были *amici*, однако во время заключения перемирия они не должны были быть и *inimici*.

Дион Кассий сообщает, что после того, как Диэгид как посланник царя Децебала прибыл к римскому императору, Домициан возложил на него диадему – независимо от мнения самих даков о значении этого акта, с точки зрения римлян, он означал, что даки формально сдаются на милость римского народа, *in fidem populi Romani* (ср.: Mart. VI.10.7), и император формальным жестом свидетельствовал об установлении дипломатических, невраждебных отношений с даками, по крайней мере, на время перемирия³⁰³. Оставляя в стороне явно враждебный по отношению к Домициану тон данного пассажа, следует иметь в виду, что император должен был формально представить заключенный им мирный договор с даками на ратификацию сената, направив ему соответствующее послание. Вероятно, и делегация даков представила сенату формальную просьбу Децебала об установлении мирных отношений с Римом, которая в тексте Диона Кассия обрела форму т.н. письма от царя даков.

У Цицерона ключевой частью римской *amicitia* являются обмен дарами и благодеяниями, но для того, чтобы они имели смысл, также должны были присутствовать

³⁰² Несмотря на то, что у Диона Кассия и Плиния (Plin. Paneg. 11.5) речь идет всего лишь о перемирии, существуют основания полагать, что сам Домициан рассматривал договор с Децебалом как выгодное для Рима и имеющее долгосрочную перспективу соглашение. Подробнее см.: Парфенов В.Н. Домициан и Децебал: нереализованный вариант развития римско-дакийских отношений // АМА. 2006. Вып. 12. С. 223; Он же. Дакийская война Домициана: победа или поражение Рима? // Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 46–55

³⁰³ Похожий прецедент имел место в 66 г. н.э. в ситуации с Нероном и Тиридатом, братом парфянского царя Вологеза (Tас. Ann. XVI.22.2–23.1; Suet. Nero. 13; Dio Cass. LXIII.1.2–6.2).

gratia и *amor* (Cic. De Off. 1.20; De Amic. 19, 31; Sen. De Ben. 3.15.4.). Дион Кассий утверждает, что Домициан передал Децебалу мастеров, сведущих как в мирных, так и в военных ремеслах. Подобные дары были весьма стандартной практикой в период раннего принципата, как было показано Д. Браундом³⁰⁴. Схожим образом Нерон дарует ремесленников Тиридату из-за лести царя императору (Dio Cass. LXIII.6.6). Также Агриппа оказывал помощь Ироду Великому в строительстве городов³⁰⁵.

Однако Домициан в описании Диона Кассия идет навстречу Децебалу только после того, как был разбит маркоманами, поэтому такого рода сближение оказывается в этом случае вынужденным. Домициану пришлось сотрудничать с Децебалом, чтобы сохранить римскую власть и, следовательно, обеспечить безопасность в регионе, т.е. император действует в этом случае исходя из корыстных побуждений. В этом контексте уместно привести мысль Цицерона о том, что многие, кто не были *boni viri*, считали, что самые лучшие друзья – это те, от кого можно получить наибольшую выгоду (Cic. De Amic. 79). Получается, что, с точки зрения Цицерона, считаться другом Домициан в этом контексте не может. Ситуацию усугубляет и отказ Децебала встретиться с Домицианом и отправить ему всех заложников, которые у него были (“τά τε ὄπλα καί αἰχμαλώτους τινάς, ὡς καί μόνους ἐκεῖνους ἔχων”). Репутация Домициана прочно утвердилась в античной историографии, отнесшей последнего представителя династии Флавиев к «плохим» императорам³⁰⁶. Указанный фрагмент из Диона Кассия показывает, что античный автор также не одобряет политику Домициана в отношении даков. На это же намекает и Плиний Младший в «Панегирике

³⁰⁴ Braund D. Hadrian and Pharasmanes // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. 1991. Vol. 73 (1). P. 214–215.

³⁰⁵ Lichtenberger A. Herod and Rome: Was Romanisation a Goal of the Building Policy of Herod? // Herod and Augustus: Papers Presented at the IJS Conference, 21st–23rd June 2005 / D. Jacobson, N. Kokkinos (eds.). Leiden, 2009. P. 51–52; Burrell B. Herod's Caesarea on Sebastos: Urban Structures and Influences // Herod and Augustus: Papers Presented at the IJS Conference, 21st–23rd June 2005 / D. Jacobson, N. Kokkinos (eds.). Leiden, 2009. P. 219–220; Chancey M., Porter A. The Archaeology of Roman Palestine // Near Eastern Archaeology. 2001. Vol. 64 (4). P. 173; Roller D. The Building Program of Herod the Great. L., 1998. P. 99.

³⁰⁶ Подобные оценки можно встретить и в среде исследователей, см.: Парфенов В.Н. Император Домициан как военный лидер. К постановке проблемы // Историки в поисках новых смыслов. Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 255 сл.; Он же. Дакийская война Домициана... С. 46–55; Он же. Домициан и Децебал... С. 215–227.

Траяну» (Plin. Paneg. 12; 16). Аналогичное негодование по поводу первого триумфа Домициана над хаттами высказывает и Тацит (Тас. Agr. 39.1). Хотя император следовал некоторым правилам *amicitia*, его политика в этом контексте нанесла ущерб *maiestas* Рима, за что его критиковали даже более века спустя. В этом эпизоде Кассий Дион использовал отношение Домициана к Децебалу, чтобы оценить и осудить характер императора. Историк отмечает, что Домициан сам побуждал Децебала к заключению мира, хотя ранее неоднократно отвергал его просьбы о том же. Тем самым Домициан не создал никаких оснований для установления *fides* между двумя правителями, а сюжет с возложением диадемы на Диэгида *post factum* выглядит несколько анекдотично и, возможно, даже жалко. Это объясняет, почему *φιλία* не фигурирует в тексте Диона Кассия – Децебал не может считаться другом Рима, но в момент заключения перемирия он не является и его врагом. Несмотря на это, В.Н. Парфенов не вполне обосновано заключает, что в ходе указанных событий Децебал приобрел статус друга и союзника римского народа³⁰⁷; скорее, здесь следует говорить о неудачной попытке установления дружественных отношений между даками и римлянами, которые подразумевали обмен *munera* или *beneficia*, наряду с демонстрацией *fides* и *gratia*. По крайней мере, именно в таком виде передает нам эти события Дион Кассий, объясняя провал дипломатических отношений с даками не слишком удачными политическими решениями Домициана³⁰⁸.

Античные авторы сообщают нам и о других римских императорах и варварских правителях Дунайско-Понтийского региона, которые взаимодействовали друг с другом, используя этические установки *amicitia*, хотя официально потенциально дружественные цари не обладали титулами *amicus* или *φίλοςκαίσαρ*. Так, как следует из текста «Истории Августов», император Адриан “*Albanos et Hiberos amicissimos habuit, quod reges eorum largitionibus prosecutus est*” – «в албанцах и иберах имел

³⁰⁷ Парфенов В.Н. Домициан и Децебал... С. 222.

³⁰⁸ В правление Домициана этот договор позиционировался в Риме как доказательство покорения даков, а также проявления милосердия императора, которых пощадил побежденных: *bis adactum legibus Histria / et coniurata deiectionis vertice Dacos* (Stat. Theb. I.20–21); *suum Dacis donat clementia montem* (Silv. III.3.169). После смерти императора Домициана оценка этих событий изменилась на прямо противоположную. Подробнее см.: Парфенов В.Н. Домициан и Децебал... С. 222–226.

верных друзей, так как их царей он щедро одарил» (SHA Hadr. XXI.13. пер. С.П. Кондратьева). Подобные дипломатические жесты подтверждаются и данными археологии – к примеру, в Иберии были обнаружены серебряные сосуды для питья с изображением Антиноя, которые, как считает Д. Браунд, могли быть подарками от римского императора Адриана³⁰⁹. Действительно, одним из устойчивых элементов дипломатической дружбы в период Римской империи был обмен дарами между императором и чужеземными правителями. Относительно Адриана в другом фрагменте *Historia Augusta* отмечается, что он *omnes reges muneribus suis vicit* (SHA Hadr. XVII.5). Хотя данный отрывок явно восхваляет личные качества императора, и, следовательно, его *benignitas* может быть преувеличена, он вновь свидетельствует о распространенности практики обмена дарами между римскими императорами и иностранными правителями³¹⁰.

В «Истории августов» IV/V вв. н.э.³¹¹ встречаем сюжет о дипломатических контактах императора Адриана с царем Иберии Фарасманом II. Важность этого региона для римского государства отмечалась в источниках и ранее – Тацит говорит о его значимости в контексте взаимоотношений с Парфянским царством (Тас. Ann. XII.44); в период правления Августа цари иберов стремятся к дружбе с римским народом (Res Gestae 31.2); а Нерон, по сообщению Диона Кассия, расширил царство Фарасмана I (Dio Cass. LVIII.26.4, LX.8.1). О римском внимании к этому региону свидетельствуют и данные археологии – начиная с I в. н.э. римские каstelлы известны в Себастополе и Апсаре, а в период правления Адриана они по-

³⁰⁹ Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 214. Столовая посуда, выполненная из драгоценных металлов, была распространенным даром среди внешнеполитических друзей, см.: Kuttner A. Dynasty and Empire in the Age of Augustus: The Case of the Boscoreale Cups. Berkley, L.A., 1995. P. 9–12; Mihajlović V. “Objects in Action:” Towards the Anthropology of Exchange of Roman Bronze Vessels in the Middle Danube Region // The Edges of the Roman World / M. Janković, V. Mihajlović, S. Babić (eds.). Newcastle, 2014. P. 194–218; Bokern A., Rowan C. Introduction: A Turkish Teapot, or Thinking Things Through // Embodying Value? The Transformation of Objects in and from the Ancient World / A. Bokern, C. Rowan (eds.). Oxf., 2014. P. 1–8. Однако такая трактовка Д. Браунда выглядит несколько сомнительной.

³¹⁰ Противоположную точку зрения см.: Benario H. A Commentary on the Vita Hadriani in the Historia Augusta. Oxf., 1980. P. 108–109.

³¹¹ О датировке «Истории августов» см.: Rohrbacher D. The Play of Allusion in the Historia Augusta. Madison, 2016. P. 153–158.

являются и в Питиунте³¹². Как сообщает Арриан, во II в. н.э. поселение торговцев и ветеранов существует в Фасисе, а Страбон помещает там эмпорий колхов (Arr. Peripl. 9; Strabo XI.2.16)³¹³. Вероятно, эмпорием могла быть и Диоскуриада (Plin. NH. VI.16). Однако остается не совсем понятным, как римское присутствие отразилось на жизни местного населения, но, как отмечает Н.В. Ефремов со ссылкой на Д. Браунда, «территория между редкими римскими кастеллами контролировалась местными царьками, правившими “милостью Рима”»³¹⁴. Но эта «милость» порой выражалась в не всегда однозначных дипломатических жестах.

В «Истории августов» отношения между Фарасманом II и Адрианом представлены несколько прохладными и отличаются почти мелочным поведением со стороны императора. Хотя этот текст не является самым надежным с точки зрения исторической достоверности³¹⁵, он описывает дипломатические отношения, сложившиеся между римским императором и иностранным царем, в которых ключевой составляющей является обмен дарами. Несмотря на все это, ни сам Фарасман II, ни его родственники не обладали титулами *φίλорώμιος* и *φίλόκαισαρ*. В «Жизнеописании Адриана» можно встретить следующий сюжет: «Многим царям он оказывал очень большие почести, а у многих даже покупал мир; некоторые цари относились к нему с презрением. Многим он дал непомерные подарки (*ingentia munera*), но самые большие – царю иберов, которому, сверх великолепных даров, он подарил еще слона и когорта в пятьдесят человек. Получив от Фарасмана огромные подарки (*ingentia dona*) и в их числе также золоченые хламиды, он – в

³¹² Arr. PPE. 6–11; 26; ILS. 2660; Снейдел М.П. Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар // ВДИ. 1985. № 4. С. 176–179; Кизурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. Вып. 2. С. 88–92; Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. Вып. 4. С. 36 сл.; Braund D. Georgia in Antiquity. L., 1994. P. 178.

³¹³ Patsch G. Arrian's Periplus Ponti Euxini // Klio. 1904. Bd. IV. S. 69–76; Strabo. XI.2.17.

³¹⁴ Ефремов Н.В. Некоторые вопросы экономической истории юго-восточного Причерноморья (к проблеме локализации коричневоглиняных амфор) // АМА. 2011. Вып. 15. С. 318; Arr. PPE. 11; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 210 f.

³¹⁵ Существует точка зрения, что текст представляет собой скорее литературную аллюзию, чем историческое произведение, см.: Rohrbacher D. The Play of Allusion... P. 11–13, 20. Р. Сайм считал сюжет про Адриана и Фарасмана вымышленным (Syme R. Roman Papers III. Oxf., 1984. P. 1443). Однако сюжет об Адриане, наряду с другими жизнеописаниями, является одним из самых «точных» с точки зрения изложения исторических событий.

насмешку над его дарами – выпустил на арену триста преступников в золоченых хламидах» (SHA Hadr. 17.10–12. Пер С.П. Кондратьева).

Получается, что в случае с царем иберов подарки оказались «непомерными», а кроме того, к ним были прибавлены слон и когорта в пятьдесят человек. З. Крук утверждал, что такой обмен дарами мог иметь цель завуалировать неравноправные отношения патрона и клиента³¹⁶. Однако использование конструкций *ingentia... munera* и *ingentia dona* подразумевает, подарки императора и царя были сопоставимы по масштабу, а потому это был равный обмен, сходный с тем, как описывают обмен дарами между друзьями Цицерон и Сенека. В тексте сообщается, что Фарасман послал Адриану золотые хламиды. Прецеденты подобных обменов зафиксированы в источниках и ранее – так, Ирод Великий оставил в своем завещании императору Августу золотую одежду³¹⁷; также широко известны дары, поступавшие с Востока в виде драгоценных металлов³¹⁸. Однако в тексте «Истории августов» Адриан ведет себя неподобающе с подарками Фарасмана – после получения даров от царя Иберии он не просто отказался проявить ответную *gratia*, но и казнил преступников, облаченных в царские золоченые одежды на арене в Риме. Если верить такому изложению, то получается, что Фарасман выразил *gratia* за подарок от Адриана, но римский император не проявил *gratia* в ответ. Это утверждение может показаться несколько надуманным, поскольку Фарасман, находящийся в Иберии, вряд ли был бы сильно смущен неподобающими действиями Адриана.

Чем можно объяснить подобное поведение римского императора? В *Historiae Augustae* сообщается, что незадолго до этого Фарасман высокомерно пренебрег приглашением Адриана прибыть к нему на торжественный прием местных династов во время его восточной поездки³¹⁹: *Cumque ad eum quidam reges venissent, ita cum his*

³¹⁶ Crook Z. Fictive Giftship and Fictive Friendship... P. 63.

³¹⁷ Flav. XVII.8.1; Braund D. Rome and the Friendly King... P. 141.

³¹⁸ Hobbs R. Late Roman Precious Metal Deposits, c. AD 200–700: Changes Over Time and Space. Oxf., 2006. P. 9–10.

³¹⁹ В литературе существуют различные точки зрения относительно того, когда и где могла происходить эта встреча императора с местными правителями: 131 г., Сатала (Magie D. Op. cit. P. 621; Bosworth A.B. Arrian and the Alani // HSCP. 1977. P. 228); 129 г., Самосата (Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 211); 129 г., Мелитена либо Самосата, менее вероятно – Сатала (Birley A.R. Hadrian: The Restless Emperor. L.; N.Y., 1999. P. 225).

egit, ut eos paeniteret, qui venire noluerunt, causa speciatim Farasmanis, qui eius invitationem superbe neglexerit (SHA Hadr. XIII.9; ср. XXI.13, Ant. Pius IX.6). Такой «обмен любезностями» между Адрианом и Фарасманом и соответственно возникшие между ними противоречия объясняются в исследовательской литературе по-разному. Ряд патристически настроенных историков связывали такие отношения между правителями с тем, что территориальная экспансия Иберии ущемляла римские интересы. Так, Г.А. Меликишвили заключает, что «основной причиной несогласий между Фарасманом и Адрианом, нежелания Фарасмана посетить Адриана было упорное неприятие последним территориальных завоеваний царя Иберии»³²⁰. Стремление Фарасмана к самостоятельной внешней политике и его «непокорность» Риму неоднократно отмечались в историографии³²¹, в этой связи некоторые даже рассматривают набег аланов 136 г. как открытое «враждебное выступление против Рима»³²². Однако такие построения кажутся несколько надуманными – источники не объясняют, почему Фарасман отказался явиться к Адриану во время его поездки к восточным династам. Д. Браунд, обращаясь к этому сюжету, отмечает, что причина могла быть уважительной³²³. Ведь Фарасман в этом отношении не был одинок – помимо царя иберов не прибыл на встречу с императором и царь албанов (SHA Hadr. XXI.13), что может указывать на какие-то внутри- или внешнеполитические неурядицы, которые заставили обоих правителей остаться дома³²⁴. Р. Сайм подчеркивает в этой связи, что если конфликт действительно был, то, скорее, личного характера, спровоцированный некорректным поведением Адриана³²⁵. Демарш Фарасмана не изменил характера римско-иберийских отношений, личные противоречия императора и иберийского правителя не переросли в войну, по крайней мере, в *Historia*

³²⁰ Меликишвили Г.А. Усиление Картлийского царства (Иберии) в I–II вв. н.э. // Очерки истории Грузии / Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 1989. Т. I: Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. С. 321.

³²¹ Амиранашвили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // ВДИ. 1938. Вып. 4. С. 173; Гиоргадзе Г.Г., Шифман И.Ш. К интерпретации армазской билингвы (строки 7 – 8 арамейскографического текста) // ВДИ. 1988. Вып. 4. С. 178.

³²² Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. Ч. 1: Политические взаимоотношения. С. 194.

³²³ Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 213.

³²⁴ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 344.

³²⁵ Syme R. Hadrian and the Senate // Athenaeum. 1984. Vol. 62. P. 50; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 211.

Augusta нет и намека на это. Ведь далее в этом тексте подчеркивается, что Адриан *Albanos et Hiberos amicissimos habuit* (SHA Hadr. XXI.13). Если же данный эпизод действительно имел место, то он наглядно показывает, что, несмотря на соблюдение формальных дипломатических процедур – например, обмена дарами в рамках практики *amicitia* – поведение обоих правителей оказалось весьма далеким от тех идеалов подлинной дружбы, которые описывал Цицерон.

Отношения между Иберией и Римом приобрели более мирный характер при преемнике Адриана – Антонине Пие. По сообщению Диона Кассия, царь Фарасман даже прибыл в Рим вместе с женой и сыном, и император позволил ему принести жертвы на Капитолии – так же, как это некогда делали дружественные Риму цари еще во времена Республики (Dio Cass. LXIX.15.3; SHA Ant. Pius. IX.6)³²⁶. Иберийский царь также посвятил конную статую в храм Беллоны на Марсовом поле, а после вместе со своим сыном и другими знатными иберами продемонстрировал военные упражнения перед римским императором (Dio Cass. LXIX.15.3). В *Historia Augusta* также сообщается, что Фарасман прибыл к Антонину в Рим, и подчеркивается, что царь проявил к нему больше уважения, чем к Адриану (SHA Ant. Pius. IX.6). Итогом этого визита стала в его честь царя надпись, причем о важности этого события свидетельствует внесение его в фасты³²⁷. Очевидно, *amicitia* в данном случае была не абстрактным союзом между государствами, а, скорее, представляла собой личную связь между их правителями. Со сменой императора и его внешней политики изменилась и позиция Фарасмана II: по сообщениям источников, он проявлял гораздо больше уважения к Антонину Пию. Таким образом, личные качества и поступки конкретных правителей могли существенно влиять на развитие международных отношений.

Помимо сомнительного с точки зрения исторической достоверности отрывка *Historia Augusta*, есть и другие свидетельства, подразумевающие *amicitia* между Адрианом и Фарасманом. Так, в тексте Диона Кассия можно найти краткое, но насы-

³²⁶ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 25.

³²⁷ Nesselhauf H. Ein neues Fragment des Fasten von Ostia // Athenaeum. 1958. Bd. 36. № 3. S. 219–228.

щенное информацией сообщение о набеге аланов на страны Закавказья в 136 г. н.э.³²⁸ Судя по описанию Диона Кассия, набег аланов был инициирован Фарасманом II, царем закавказской Иберии (Dio Cass. LXIX.15.1–2). Однако, как замечает Э. Босворт, нельзя утверждать, будто Фарасман намеренно направил аланов против Рима³²⁹. Первоначальными целями набега стали Албания и Мидия – регионы, находившиеся в стороне от римской Каппадокии. Иберия непосредственно граничила лишь с Албанией, с которой у нее, как свидетельствуют источники, складывались напряженные отношения. Исходя из этого многие исследователи видят причину конфликта именно в иберо-албанских противоречиях³³⁰. Не останавливаясь подробно на ходе самого набега, обратимся к сюжету о его отражении. У аланов не было зафиксированных источниками формальных связей с Римом, но Фарасман II, судя по тексту Диона Кассия, провоцировал их на вторжение в земли соседних албанов и мидян. Сюжет о прекращении конфликта передается фразой *ἐπειτα τῶν Ἀλανῶν τα μὲν δόροις ὑπο τοῦ Οὐλολογαίου πεισθέντων, τα δὲ καὶ Φλάβιον Ἀρριανὸν τὸν τῆς Καππαδοκίας ἀρχοντα φοβηθέντων, ἐπαύσατο*, где используются два оборота *genetivus absolutus* как однородные придаточные причины, т.е. военное столкновение было завершено из-за того, что аланы «были умиротворены дарами Вологеза» и «устрашены Флавием Аррианом». Соответственно война завершилась на албанском фронте – дарами парфянского царя³³¹, на римском – отпором со стороны Арриана. Затем пафрянский царь Вологез³³², обвинил Фарасмана перед римлянами – по-видимому, тот с одобрения Рима пытался

³²⁸ О датировке этого набега см.: *Wheeler E. The Legion as Phalanx in the Late Empire (I) // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Rass. et éd. par Y. Le Bohec et C. Wolff. Lyon, 2004. P. 309. Not. 1 (135 г. н.э.); Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 322 (136 г. н.э.).*

³²⁹ *Bosworth A.B. Op. cit. P. 219, 228; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 218.*

³³⁰ *Bosworth A.B. Op. cit. P. 229–230; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 218; Нефедкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999. № 3. С. 174.*

³³¹ Парфяне откупались от аланов еще в 72 г., когда Пакор, правитель Мидии, отдал 100 талантов за свой гарем (Jos. Flav. Bel. Jud. VII.4.4; Heges. V.50). Армяне и тогда сопротивлялись, хотя и неудачно.

³³² Существуют споры относительно того, какой именно царь мог быть упомянут Дионом Кассием, подробнее см.: *Перевалов С.М. Указ. соч. С. 330–332.*

спровоцировать нападение аланов на Парфию³³³. Во всяком случае, ясно, что Адриан оказывал определенное влияние на царя Иберии. Согласно сообщению Диона Кассия, Фарасман был вынужден представить письменное объяснение, и тем самым его формальная зависимость от императора не вызывала сомнений.

Рассмотренные источники представляют дипломатические отношения преимущественно через категорию *amicitia*. При этом особое внимание уделяется моральной оценке этих обменов, что позволяет авторам давать характеристику личности императора. Как показывает описание Домициана и Децебала у Диона Кассия, центральным понятием в этих взаимодействиях выступала *fides*. Вместе с тем античный автор отмечает, что Вологез сумел сдержать наступление аланов посредством даров. Учитывая, что все рассмотренные выше свидетельства сообщают о взаимных обменах дарами и благодеяниями, можно сказать, что эти формы взаимодействия воспринимались в греко-римском мире как универсальные и понятные всем сторонам. Как справедливо замечает Дж. Николс, подобные практики позволяли участникам с различным культурным и политическим опытом находить точки соприкосновения и способствовали трансформации образа «другого» в образ «своего»³³⁴.

Еще одним инструментом римской внешнеполитической *amicitia* были различного рода выплаты дружественным царям. В эпитоме LXIX книги Диона Кассия приводится суждение, с которым трудно не согласиться: мир и отсутствие серьезных внешних угроз Рим обеспечивал, с одной стороны, благодаря высокой подготовке и организованности своей армии, а с другой – посредством денежных выплат соседним правителям (Dio Cass. LXIX.9.5). Античные авторы сообщают о множестве примеров, когда Рим предоставлял денежные субсидии соседним государствам и правителям (напр., Suet. Gai. 16.3; Tac. Ann. XI.16; Dio Cass. LXVII.7.4). Описание подобных выплат в источниках различно: они могли представляться как дары (*donativa*) – выражения императорской щедрости и величия, как дипломатический инструмент – способ умиротворения или удержания лояльности варварских царей, либо же как сомнительные выплаты, близкие к взяткам, противоречащие идеалам

³³³ Braund D. Hadrian and Pharasmanas. P. 217–218; Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2007. С. 391.

³³⁴ Nicols J. Hospitium: Understanding ‘Ours’ and ‘Theirs’... P. 190.

римской добродетели. Подобные расхождения в оценках отражают не только, и быть может даже не столько, характер описываемых событий в каждом отдельном случае, а, скорее, взгляды самих авторов: одни, такие как Тацит, были склонны рассматривать подобные действия как проявление слабости или нравственного падения, другие, такие как Дион Кассий, – как прагматичный шаг в условиях нестабильной внешнеполитической обстановки. Важно отметить, что почти ни один из античных авторов не акцентирует внимания на стратегической пользе этих субсидий для обеспечения долгосрочной безопасности и стабильности на границах Империи. Даже в тех случаях, когда речь идет о прямой «покупке мира», интерес сосредоточен не на результатах, а на моральном портрете правителя: щедр ли он, корыстен ли, уничижает ли римскую власть или, напротив, укрепляет ее престиж. Деньги, таким образом, в римской литературе оказываются прежде всего показателем личных качеств и политической философии конкретного императора или варварского династа, а не инструментом государственной стратегии.

Источники свидетельствуют, что римляне предоставляли местным правителям выплаты, особенно на территориях за Рейном и Дунаем. В римской литературе деньги в качестве подарков друзьям фигурируют довольно часто: Плиний Младший, например, упоминает, как он помогает другу материально, чтобы тот мог пройти ценз для всаднического сословия – акт, представляемый как проявление дружбы и гражданского долга: «...я предлагаю тебе для полного всаднического ценза триста тысяч сестерций. Что ты не забудешь этого дара, за это ручается наша длительная дружба. Я не уговариваю тебя в том, в чем следовало бы уговаривать, не знай я, что ты и без всяких уговоров будешь вести себя в своем новом звании со всей скромностью, ибо получено оно от меня. Заботливее следует беречь честь, если, охраняя ее, охраняешь и благодеяние друга» (Plin. Ep. 1.19. пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура).

В то же время, деньги в качестве даров варварским правителям почти не упоминаются в источниках вплоть до времен императора Калигулы. Так, Светоний сообщает, что Калигула восстановил Антиоха Коммагенского на престоле и одновременно щедро наградил его денежной суммой. Античный автор описывает

этот эпизод следующей формулировкой: «если он возвращал царям их царства, то выплачивал им и все подати, и доходы за прошедшее время: так, Антиох Коммагенский получил сто миллионов сестерциев, когда-то отобранные у него» (Suet. Calig. 16.3). Однако в этом эпизоде деньги трактуются, скорее, как личная щедрость императора, чем как формализованный элемент дипломатических отношений; в данном контексте эту выплату можно очень условно сравнить с тем, что в современном гражданском праве называется упущенной выгодой. Светоний подчеркивает моральный характер дара: именно в контексте этой благосклонности сенат постановил установить в честь Калигулы золотой щит (Suet. Calig. 16.4), что подчеркивает связь между даром и публичной репутацией правителя – тема, характерная для морализирующих биографий Светония. Подобный мотив прослеживается и у Тацита – в *Анналах* он описывает, как Клавдий предоставил денежную поддержку Италику, племяннику Арминия, чтобы тот смог стать царем племени херусков, поскольку «их знать была истреблена во время междоусобных войн и остался в живых лишь один-единственный потомок царей, находившийся в Риме и носивший имя Италика» (Tac. Ann. XI.16. пер. А.С. Бобовича). Однако здесь надо подчеркнуть, что Италик был римским гражданином, воспитанным в Риме, а значит, сам акт передачи средств не может рассматриваться как внешне-политическая субсидия, выплаченная иностранному правителю в обмен на нейтралитет или лояльность. Более того, Тацит упоминает дар вскользь, без акцента на его дипломатическом значении, что может свидетельствовать об обыденности подобной практики в рамках императорской политики. Таким образом, в приведенных случаях денежные подарки не обязательно выступали в роли платы за лояльность, а скорее являлись частью личной щедрости и благосклонности императора. Эти акты могли играть важную роль в публичной демонстрации *virtus* и *liberalitas* – традиционных римских добродетелей правителя.

Однако у других античных авторов можно обнаружить иное отношение к денежным дарам иностранным правителям – значительно более критическое. Так, в «Панегирике императору Траяну» Плиния Младшего император Траян восхваляется за то, что принимает заложников, а не выкупает их: *accipimus obsides ergo, non*

emimus (Plin. Paneg. 12). Это очевидная отсылка к сюжету, когда Домициан выплачивал значительные субсидии царю даков Децебалу после Дакийской войны, речь о которой шла выше. Оценка этих выплат была крайне негативной как в кругах сенатской аристократии, так и у позднейших историков. Дион Кассий, например, с явным осуждением упоминает, что, несмотря на публичные торжества, устроенные Домицианом якобы в честь победы, на деле он понес серьезные стратегические и политические потери, ведь сразу же выплатил Децебалу большие суммы (αὐτίκα χρήματα), а также пообещал и в будущем предоставить значительные средства (συχὴν δὲ καὶ ἀεὶ δώσειν ὑποσχόμενος) (Dio Cass. LXVII.7.4). В этих текстах нет и намек на то, что это был подарок дружественному царю. Взятка Домициана Децебалу была изображена и Плинием, и Дионом Кассием как позорный поступок, неподобающий римскому императору. Ни о каком жесте великодушия или благосклонности речи здесь не идет: передача денег варварскому царю представляется как проявление слабости и политическая уступка. Подобная трактовка резко контрастирует с описаниями, которые были представлены у Тацита или Светония, где схожие дары представлены как выражение императорской щедрости и добродетели. Принципиальным здесь является еще один момент – у Тацита и Светония Рим и император распоряжаются средствами, в случае с Домицианом и Децебалом складывается обратная картина – варварский царь диктует условия, а Рим оказывается в положении вынужденного дарителя. Более того, Дион Кассий подчеркивает, что эти суммы не ограничивались однократной выплатой, а сопровождались обещанием будущей финансовой поддержки (Dio Cass. LXVII.7.4). Эта негативная оценка практики выплаты субсидий продолжала влиять на римское политическое мышление в I в. н.э. Так, в «Панегирике» Плиний прямо призывает Траяна отказаться от субсидий как инструмента дипломатии, противопоставляя его поведение политическому опыту Домициана (Plin. Paneg. 12). Очевидно, что, по крайней мере, для Плиния и, возможно, части римской элиты, мысль о выплатах варварским правителям вызывала некоторое негодование или даже неприятие, поскольку считалась прямой угрозой римской *auctoritas*.

Но, видимо, с какого-то момента субсидии царям, чьи владения находились на подступах к *orbis Romanum*, становятся вполне себе расхожей внешнеполитической практикой. К примеру, Дион Кассий в своей «Римской истории» описывает, как император Адриан использовал субсидии в сочетании с демонстрацией военной мощи для поддержания стабильности на границах и обеспечения мира с иностранными государствами (Dio Cass. LXIX.9.5). Этот подход демонстрирует переход от исключительных жестов щедрости к регулярной и стратегически выверенной практике. Автор «Истории Августов» идет еще дальше, прямо говоря, что Адриан у многих царей покупал мир (SHA Hadr. 17.10), что подчеркивает прагматический характер этой политики. В условиях растущего давления на границы Империи, денежные выплаты стали неотъемлемым элементом системы поддержания мира. Они рассматривались как средство предотвращения конфликтов и укрепления влияния Рима без необходимости прибегать к затратным военным кампаниям. Таким образом, к эпохе Адриана становится очевидно, что финансовые инструменты играют столь же важную роль в обеспечении внешнеполитической стабильности Империи, как и армия. Субсидии становятся частью дипломатического арсенала – выражением политической гибкости и имперской рациональности. Как было показано выше, варварские цари играли ключевую роль в установлении отношений дружбы с римским народом и императором. В этой связи Дж. Вилкер полагает, что в период принципата личная дружба между императорами и иностранными царями занимала важное место, что в свою очередь способствовало тому, что эти цари начали воспринимать себя и свои династии как часть Римской империи³³⁵. Эта модель отношений привела к тому, что дружественные цари в ряде случаев стали перенимать римский стиль жизни, к примеру, регулярно приезжали в Рим или воспитывали своих детей в столице. Такие практики укрепляли связи между императорским домом и царскими семьями, создавая долгосрочные отношения³³⁶, которые оказывались особенно полезными в периоды кризисов³³⁷. Например,

³³⁵ Wilker J. *Principes et reges. Das persönliche Nahverhältnis zwischen Princeps und Klientelherrschern und seine Auswirkungen im frühen Prinzipat // Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.)* / Coşkun A. (Hrsg.). Frankfurt am Main; Oxf., 2008. P. 165, 168.

³³⁶ Wilker J. *Op. cit.* P. 166.

³³⁷ *Ibid.* P. 181–183.

восточные цари играли важную роль в системе римской власти, поскольку их поддержка была стратегически важна в нестабильные времена. Д. Браунд высказывал сходные идеи, акцентируя внимание на важности поездок в Рим для царей, однако его подход в большей степени сосредотачивается на тех правителях, с которыми дружба была уже давно установлена, например, с Иродами из Иудеи³³⁸.

Однако *amicitia* не всегда означала установление невраждебных отношений между варварскими царями и римскими императорами, поскольку последние могли также устанавливать дружбу с целыми народами³³⁹. В ряде случаев можно встретить ситуации, когда римские императоры либо даровали царей народам, либо позволяли им выбирать своих. Так в *Scriptores Historiae Augustae*, в части, где описывается восточная политика Адриана, отношения с подвластными народами выстраиваются именно через назначение царей: «с парфянами он всегда был в дружбе, потому что удалил от них царя (*regem retraxit*), которого дал им Траян. Армянам он позволил иметь своего царя, тогда как при Траяне у них был римский легат. От жителей Месопотамии он не требовал дани, которую наложил на них Траян. В албанцах и иберах он имел верных друзей (*amicissimos habuit*), так как их царей он щедро одарил, хотя они и отказались прибыть к нему. Цари бактрийцев отправили к нему послов с мольбой о заключении дружбы» (SHA Hadr. 21.10–14. пер. С.П. Кондратьева).

В этом отрывке говорится, что император Адриан низложил парфянского царя, но при этом предоставил армянскому народу право самостоятельно избрать своего правителя. Кроме того, он щедро одарил царей Албании и Иберии, а послы бактрийских правителей стремились установить с ним дружеские отношения. Все это подчеркивает ключевую роль личного участия императора в выстраивании внешнеполитических связей, основанных на принципах *amicitia*. При этом в *Scriptores Historiae Augustae* отображен еще один важный момент – Адриан описан как друг целых народов, а не просто как друг конкретных царей. Похожая ситуация приведена в *Periplus Ponti Euxini* Арриана, в котором пропретор Каппадокии представляет отчет императору Адриану о своем плавании по Понту до Диос-

³³⁸ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 55–58.

³³⁹ См. Wilker J. Op. cit. P. 165–185.

куриады в 134 г. н.э. Арриан сообщает, что «царем у зилхов [был – *M.P.*] Стахемфак, также получивший власть от тебя (*παρὰ σοῦ*)» (Arr. Peripl. 18.3.3–5). Схожее описание можно найти в *Res Gestae*, где Август дарует царей парфянам и мидянам (*Res Gestae* 33: *a me gentes Parthorum et Medorum per legatos principes earum gentium reges petitos acceperunt*). Подобные вмешательства римских императоров во внутренние дела народов изображаются античными авторами по-разному. С одной стороны, тексты могут отображать реальное положение дел – так, назначение царей в *Scriptores Historiae Augustae* выглядит как метод, с помощью которого римский император устанавливал и укреплял дипломатические отношения с народами на границах *Pax Romana*. С другой стороны, подобные сюжеты часто имели пропагандистское значение. К примеру, как видно из текста Кассия Диона, Домициан преподнес диадему Диэгиду, послу Децебала, т.е. символически провозгласив его царем, император стремился создать видимость победы над дакийским народом (Dio Cass. LXVII.7). Таким образом, этот аспект дипломатии мог восприниматься двояко – и как средство поддержания отношений, и как форма демонстрации власти. Такого рода двойственность весьма интересно нашла отражение в римской монетной чеканке. Обратимся к некоторым конкретным примерам монет с изображением сцен инвеституры ставленников Рима.

На сестерции периода правления Антонина Пия, на реверсе помещена надпись REX QUADIS DATUS (RIC III 620; прил. 2, рис. 4), которая упоминает германское племя квадов, с начала I в. н.э. жившее к северу от среднего течения Дуная, а также по верховьям Эльбы и Одера. На аверсе изображен бюст императора Антонина Пия в лавровом венке; на реверсе помещена более сложная сюжетная композиция – облаченный в тогу император держит свиток в левой руке и правой рукой протягивает диадему царю квадов, одетому в плащ, длинную рубаху и штаны³⁴⁰, который стоит справа, протягивая правую руку, чтобы принять ее³⁴¹. Монета датируется 140–144 гг. н.э.; часто в литературе изображение на реверсе рассматривается как символ превосходства и покровительства Рима над царем-

³⁴⁰ *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды... С. 196.

³⁴¹ *Kolník T.* Romisch und Germanische Kunst in der Slowakei. Bratislava, 1984. No. 5–6

клиентом³⁴². Ко времени правления Антонина Пия относится схожая по иконографии монета, где на реверсе помещен сюжет, связанный с дарованием императором царя армянам, о чем говорит и надпись REX ARMENIIS DATVS (RIC III 619; прил. 2, рис. 5). Антонин, облаченный в тогу, изображен слева: в левой руке он держит свиток, а правой возлагает тиару на голову царя Армении, стоящего перед ним в короткой тунике и плаще, с поднятой к тиаре правой рукой. При этом фигура армянского правителя заметно меньше по размеру, чем образ римского императора – он получает знак власти непосредственно из рук Антонина. Таким образом, император представлен как величественная и могущественная фигура, лично наделяющая властью царей, находящихся в зависимости от Рима. На римских монетах с изображением иностранных правителей император неизменно обозначается более крупной или более высокой по положению фигурой, тогда как изображения царей меньше или ниже ростом³⁴³. Схожую ситуацию можно увидеть на монетах Траяна (RIC II 668; прил. 2, рис. 6). На аверсе помещен бюст Траяна, в лавровом венке; на реверсе – надпись REX PARTHIS DATVS и сюжетная композиция, где Траян сидит слева на *sella castrensis*, установленном на высокой платформе справа, и правой рукой возлагает диадему на голову царя Партамаспата, который стоит слева перед ним, подняв правую руку к голове; слева позади него стоит префект (?); перед ним, на земле, помещено персонифицированное изображение Парфии, которая стоит на коленях справа, протягивая обе руки, как бы принимая нового царя в дар от римского императора.

Похожая иконография отображена на монетах правления Луция Вера – на реверсе надпись REX ARMEN DAT, а император изображен в похожей позе и снова коронуется армянского царя (RIC III 512; прил. 2, рис. 7). Луций Вер сидит высоко над царем и лично возлагает диадему ему на голову. Положение царя – ниже, одежда – чуждая (он в плаще, а не в тоге), – все это подчеркивает его статус как неримлянина; в то время как Луций Вер сидит в курульном кресле в тоге, а рядом стоят сопровождающие его слуги. Иконография монеты ясно демонстриру-

³⁴² Pitts L. Relationships Between Rome and the German ‘Kings’ on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries AD // JRS. 1989. Vol. 79. P. 49.

³⁴³ Ibid. P. 49.

ет иерархию: император – выше, царь – подчинен. Это неудивительно, поскольку монеты были отчеканены в самом Риме. Изображение сцены инвеституры на них, разумеется, не следует понимать буквально – оно носит аллегорический характер и отражает формальное утверждение кандидата на престол³⁴⁴. Однако надпись на реверсе указывает не на отношения между двумя правителями, а на связь императора с народом: в данном случае царь представлен как дар армянскому народу – REX ARMEN DAT. Таким образом, Луций Вер предстает перед римским обществом как могущественный правитель, способный устанавливать порядок и назначать соседним народам их царей. Разумеется, что это не сцена триумфа, а демонстрация успехов дипломатии и наглядный результат установления мира. Монета показывает, что император – источник легитимности и мира. В такой системе нет места равенству с другими народами – в римском представлении это и не нужно. Император изображен не как завоеватель, а как гарант стабильности.

Тем не менее, на упомянутых сестерциях Антонина Пия римский император представляется как более крупная в политическом плане фигура, а на монете, прославляющей победу над квадами, он держит свиток. Это неудивительно, учитывая, что монеты были отчеканены в Риме, где власть императора подчеркивалась, а его военные заслуги всячески превозносились. Очевидно, что такого рода монеты с надписями REX DATUS явно служили инструментом пропаганды внешнеполитических успехов Рима. Однако они не всегда отражали реальные достижения, обеспеченные военной или дипломатической силой. Порой Рим спешил прославить свои весьма скромные успехи, которые часто оказывались эфемерными³⁴⁵.

При этом особенно интересна сцена, где Антонин Пий и царь квадов соединили правые руки. Подобная иконография не нова и встречается и в других изображениях, связанных с римской дружбой³⁴⁶. Схожие по символике изображения можно найти на римских монетах периода триумvirата – после заключения соглашения в Брундизии

³⁴⁴ Подробнее см. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды... С. 193–199.

³⁴⁵ Там же. С. 193; *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, 2000.

³⁴⁶ *Badian E.* Foreign Clientelae... Р. 12. О жестикляции правой рукой (*dextera*) при заключении дружеского союза сообщают и античные авторы: Тит Ливий (Liv. XL.46.15), Авл Геллий (Gell. IV.2.3) и Тацит (Tac. Hist. I.54.1).

были выпущены монеты с изображением соединенных правых рук и жезлом Конкордии (Crawford 529/4b, Syd 1195; прил. 2, рис. 8). Этот мотив (*dexiosis*) использовался в искусстве от архаической Греции до Рима как символ дружбы или союза; исследователи отмечают, что такие изображения встречаются и в погребальном, и в политическом контексте³⁴⁷. В мире дипломатии протянутая правая рука была особым жестом, символизирующим доверие и взаимные обязательства – даже между политически неравными сторонами³⁴⁸. Сцена с руками напоминала римлянам о согласии и мире, даже если они не были жителями столицы, т.е. подобная символика была доступной для прочтения на всей территории Римской империи. Кроме того, легенды рассмотренных выше монет также, по-видимому, связаны с контекстом *amicitia* – но дружба в данном случае устанавливается не между правителями, а между Римом и целыми народами. Цари представлены как дары римского императора – REX QUADIIS DATUS, REX PARTHIIS DATUS, REX ARMENIIS DATUS. Легенда и иконография таким образом работают совместно для того, чтобы проиллюстрировать *beneficia* римского императора народам на окраинах Империи. Это не личные связи, как было в отношениях между Иродом и Юлиями-Клавдиями или Фарасманом и Адрианом. Здесь император устанавливает отношения с народом на окраинах Империи. Это соответствует сообщениям авторов *Scriptores Historiae Augustae* и *Res Gestae*, где упоминается, что императоры назначали царей народам (SHA Hadr. 21.10–14; RGDA 31). Конечно, степень эффективности воздействия монетной пропаганды на общественное мнение не стоит преувеличивать. Однако очевидно, что монеты в той или иной степени служили инструментом идеологического воздействия на общество, отражая, так сказать, генеральную линию партии. Таким образом, *amicitia* могла обозначать отношения не только между отдельными политиками, но и между государствами и народами. Власть римского императора подчеркивалась с помощью визуальных символов – через свиток у Антонина Пия или курульное кресло у Луция Вера³⁴⁹.

³⁴⁷ Nováková L., Pagáčová M. Dexiosis: a meaningful gesture of the Classical antiquity // ILIR-IA International Review. 2016. Vol. 6. P. 208–209.

³⁴⁸ Mari F. La Destra del Re // Sileno. 2012. Vol. 38. P. 190–191.

³⁴⁹ Wallace-Hadrill A. Image and Authority in the Coinage of Augustus // JRS. 1986. Vol. 76. P. 66–87; Crawford M. Roman Imperial Coin Types and the Formation of Public Opinion // Studies in

1.4. От *amicitia populi Romani* к *amicitia Caesaris*

Латинские тексты конца Республики чаще сообщают о дружбе не с римским народом в целом, а с отдельными римскими политиками. Постепенно дипломатические и дружеские связи приобретают более личный характер: правители и народы все чаще заключали союзы с влиятельными военачальниками, такими как Марий, Сулла, Цезарь и Помпей³⁵⁰. Успехи восточной политики Помпея привели к тому, что на положение друзей и союзников римского народа были переведены два бывших грозных противника. Одним из них был Тигран II, государство которого было лишено всех территориальных приобретений³⁵¹ (Liv. Ep. 101; Strabo XI.14.10; Plut. Pomp. 33; Eutr. 6.13; Val. Max. 5.1.9). С одной стороны, Армения стала безопасна для Рима, а с другой – она теперь могла стать союзником в случае войны с Парфией³⁵². Кроме того, как заявил Помпей, Тигран в этой ситуации не только не утратил армянского царства, но и приобрел дружбу римлян (Dio Cass. XXXVI.52.4), а чуть позже был признан другом и союзником Рима официально, о чем свидетельствует глагол ὑράφω, который использует описывающий эти события Дион Кассий (Dio Cass. XXXVI.53.6: ἔς τε τοὺς φίλους καὶ ἐς τοὺς συμμάχους ... ἐσέγραψε). Дальше в направлении на юг находились владения мелких династов и тиранов, с которыми Помпей также вступил в договорные отношения. Так, Таркондимот получил часть территории восточной Киликии с городом Гиераполем (Strabo XIV.5.17), и стал, по словам Цицерона, «вернейшим и наидружественнейшим союзником римского народа по ту сторону Тавра» (Cic. fam. 15.1.2: *fidelissi-*

Numismatic Method presented to P. Grierson / C. Brooke, B. Steward, J. Pollard, T. Volk (eds.). Cambr., 1983. P. 47–64.

³⁵⁰ Coşkun A. Freundschaft, persönliche Nahverhältnisse... P. 12.

³⁵¹ Вторым союзным царством стал Боспор, отданный Помпеем Фарнаку (Dio Cass. 37.14.2; App. Mithr. 113), но речь об этих событиях пойдет во второй главе.

³⁵² Geyer F. Tigranes // RE. Zweite Reihe. Hbd. 11. Sp. 977; Holmes T.R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1968. Vol. 1–3. P. 207; Sherwin-White A.N. Roman Foreign policy... P. 223 f.; Greenhalgh P. Pompey. The Roman Alexander. L., 1980. P. 118; Scullard H.H. From the Gracchi to Nero. N.Y., 1963. P. 103 f.; Miltner F. Gn. Pompeius Magnus // RE. Hbd. 42. 1952. Sp. 2108; Cary M. A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1935. P. 355; Magie D. Op. cit. P. 357.

mus socius trans Taurum amicissimusque populo Romano existimatur), хотя не совсем понятно, имел ли он в это время царский титул³⁵³.

В отличие от новых друзей и союзников, получивших в основном лишь почетные титулы, потеряв при этом значительную часть своих владений, старые и верные друзья и союзники Рима были щедро вознаграждены. На северо-востоке от Каппадокии располагались владения еще одного давнего и надежного союзника Рима – тетрарха галатов-толистобогиев Дейотара. Его верность была признана еще во времена Суллы и Мурены (Cic. Phil. 11.33; Pro rege Deiot. 26, 37), а с началом третьей Митридатовой войны он активно выступил против Эвмаха, полководца Митридата³⁵⁴. В награду за службу и прежний союз с Римом Дейотар сохранил титул тетрарха и получил от Помпея обширные территории, ранее принадлежавшие Понтийскому царству – восточные, слабо эллинизированные области, населенные, по словам Страбона, «совершенно дикими» племенами (Strabo XII.3.18). Вместе с землями Дейотар получил и царский титул, что позволило ему официально именоваться βασιλεύς Δηϊόταρος Φιλорώμαιος καὶ Γαλάτων Τολιστοβόγιων καὶ Τρόκμων Τετράρχης³⁵⁵. Среди правителей, получивших привилегии от Помпея, оказались каппадокийский царь Ариобарзан I, тетрарх трокмов Бругитар, царь Коммагены Антиох и многие другие³⁵⁶. Все они теперь были связаны лично с Помпеем, являясь не столько друзьями и союзниками римского народа, сколько его личными. Политическая система, выстроенная Помпеем на Востоке, сохранялась практически без изменений в течение следующих десятилетий. Хотя сам подход к организации зависимых государств не был новым³⁵⁷, Помпей применил его с беспрецедентной последовательностью и системностью. Как отметил Э. Бэдиан, именно при Помпее эта традиция впервые была реализована как единая политика, «с вниманием к границе, как целому... Со времени Помпея зависимые цари стали реальной частью Империи в том

³⁵³ Вероятно, он мог получить его позже, вероятно, от Антония. См.: *Magie D. Op. cit.* P. 1240 f.; *Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 193.

³⁵⁴ App. Mithr. 75; Liv. Ep. 94; Oros. 6.2.18. Ср.: *Magie D. Op. cit.* P. 294, 329.

³⁵⁵ См.: *Magie D. Op. cit.* P. 1235. Эта надпись относится к более позднему времени, когда Дейотар получил и тетрархию трокмов.

³⁵⁶ *Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 193–203.

³⁵⁷ *Dahlheim W.* Gewalt und Herrschaft. Das provinzielle Herrschaftssystem der römischen Republik. B.; N.Y., 1977. S. 269.

смысле, в котором никогда не бывали прежде. Отныне они платят дань римскому народу»³⁵⁸. Ключевой особенностью стало то, что, несмотря на подчинение Риму и обязанность выплачивать дань, восточные правители воспринимали своим личным покровителем именно Помпея, а не сенат или народ. Эта зависимость имела и символическое выражение – в почетных надписях, посвященных самому Помпею, как покровителю и гаранту их власти.

Трансформация *amicitia*, начавшаяся при Помпее и Цезаре, стала особенно заметна с приходом к власти Октавиана Августа – римский мир постепенно изменился. Если раньше иностранные правители искали поддержки у влиятельных римских политиков, то теперь центром власти в Империи стал император, и зарубежные цари понимали, что именно его покровительство и одобрение определяют их дальнейшую судьбу³⁵⁹. В *Res Gestae* Август уверенно заявляет о своих дипломатических достижениях; здесь будет нелишним привести несколько выдержек из политического завещания или *communiqué* Августа римскому народу, где он последовательно перечисляет все, что было сделано им для Рима. В части о внешней политике он говорит следующее: «ко мне из Индии часто отправляются посольства царей, неизвестных до этого времени ни при каком из римских правителей. Нашей дружбы добились (*nostram amicitiam appetiverunt*) через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, которые обитают на этой стороне реки Танаис и по ту сторону, и цари албанов, иберов, и мидян. Ко мне умоляющие прибегали цари Парфян – Тиридат и затем Фраат, сын царя Фраата; мидян Артавазд, адиабенов Артаксеркс, британцев Думнобеллан и Тинкомар, сугамбров Молон, маркоманов и свевов ... Ко мне царь парфян Фраат, сын Орода, своих сыновей и внуков всех отправил в Италию, не войной побежденный, но нашу дружбу ищущий через залог своих детей. И многие другие народы были испытаны народом римским верностью (*expertae sunt populi Romani fidem*) в период моего принципата, у которых прежде с римским народом не было никаких посольств и дружеских отношений. От меня народы парфян и мидян через послов получили искомых царей из первых среди их народов: парфяне Воно-

³⁵⁸ Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Pretoria, 1967. P. 70.

³⁵⁹ Wilker J. Op. cit. P. 165.

на, сына Фраата, внука царя Орода, мидяне – Ариобарзана, сына царя Артавазда, внука царя Ариобарзана» (*Res Gestae* 31–33. пер. – М.Р.).

Этот фрагмент говорит о нескольких аспектах дипломатической *amicitia*. Во-первых, важно заметить, что, как подчеркивает Август, послы и цари обращались лично к нему. Предложения начинаются с формулировки *ad me*, при этом сенат даже не упоминается. Это указывает либо на то, что власть Августа затмила сенатскую, либо на его стремление продемонстрировать такое положение дел. Тем не менее *populus Romanus* продолжает фигурировать в тексте – часто говорится о стремлении к «нашей дружбе». Во-вторых, в *Res Gestae* указывается, что важнейшую роль посредников в установлении отношений *amicitia* играют сами цари: они направляют послов или непосредственно ищут дружбы, как это сделал Фраат, отправивший детей к Августу³⁶⁰. В иных ситуациях Август сам награждал царей, выстраивая контакты с их народами, примером чему служат случаи с парфянами и мидийцами. Наконец, дружба не обязательно устанавливалась напрямую между императором и иностранным царем. Она могла формироваться между Августом и народом, либо между царем и римским народом. Этот фрагмент *Res Gestae* показывает, что дипломатическая *amicitia* могла приобретать самые разные формы. Судя по всему, после смерти Августа эта практика продолжилась – тон дипломатическим отношениям был задан.

Н.А. Машкин, обращаясь к рассмотрению этого фрагмента *Res Gestae*, отмечает, что в нем нашла отражение новая тенденция к единовластному разрешению внешнеполитических вопросов – Август говорит о своем правлении *me principe*. Исследователь также обращает внимание то, что к Августу (*ad me*), смиренно прибегали (*supplices confugerunt*) цари и искали дружбы с ним (*amicitiam nostram*), отмечая при этом, что *nostra amicitia* выступает на смену понятию *amicitia populi Romani*³⁶¹. Однако в данном случае *nostra amicitia* относится не к Августу, а именно к римскому народу. Принцепс здесь выступает как представитель римской власти, который выстраивает дружественные отношения с народами, про-

³⁶⁰ Практика, распространенная среди дружественных царей и подробно описанная Д. Браундом: *Braund D. Rome and the Friendly King...* P. 9–17.

³⁶¹ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 513–514.

явившими *fides* и пожелавшими получить статус друзей Рима. Эта система позже получит отражение в титулатуре дружественных царей, где на рубеже эр к *φιλορῶμαιος* прибавляется еще и *φιλόκαισαρ*. Однако нельзя сказать, что принцепс единолично распоряжался вопросами *amicitia* с римским народом. Известно, что в период Республики внешняя политика находилась в ведении сената: в сенате выслушивались посольства, утверждались договоры и принимались решения о начале войн, а сенаторы нередко сами выступали в роли послов в другие государства. Согласно римским обычаям, царский титул предоставлялся сенатом (см, например: Liv. XXX.17.10f., XXXI.11.14; Just. 38.2.8; Cic. fam. 2.17.7; Sest. 56; Caes. BG. I.43.4). Сенат наделял народы или правителей статусом друга римского народа и принимал послов (Sal.Iug. 13.3; 14.1; 21. 3–4; Caes. BG. I.33, 35, 43, 45; IV.12; Suet. Div. Iul. 11). Правда, теоретически вопрос о войне решался комициями, однако на практике к ним обращались лишь в исключительных случаях, главным образом при угрозе войны с крупной державой. За период с 264 по 30 гг. до н.э. такие вопросы обсуждались на собраниях всего восемь раз, и народ, как правило, одобрял решение сената³⁶². Полководцы могли заключать предварительные соглашения с другими государствами, но окончательное решение оставалось за сенатом. Даже в конце 60-х гг. I в. до н.э., когда Республика уже близилась к закату, сенат все еще сохранял свое влияние: он успешно блокировал утверждение распоряжений, принятых Помпеем на Востоке, несмотря на его военные успехи³⁶³.

Тем не менее, внешняя политика Рима в значительной степени зависела от внутривнутриполитических процессов. Текущая ситуация внутри государства, наряду с событиями на границах, напрямую влияла на выбор стратегий и решений в международных делах. Управление зависимыми территориями – как в форме прямого контроля, так и через косвенное влияние – вызывало интерес у разных социальных слоев и политических группировок. Их борьба за влияние отражалась на внешнеполитическом курсе. При этом в период Поздней республики особо возрастает роль личностного фактора – в 50-е гг. I в. до н.э. сенат утрачивает контроль над действиями

³⁶² Rich J. Fear, greed and glory: The causes of Roman war-making in the middle Republic // War and society in the Roman world. L.; N.Y., 1993. P. 56.

³⁶³ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 105.

выдающихся полководцев – во время своих военных кампаний Помпеи, Цезарь и Красс нередко действовали самостоятельно³⁶⁴. Ключевым фактором становились и личные связи между римской аристократией и местной элитой в зависимых государствах. Эти контакты обеспечивали политическую поддержку и влияли на распределение власти в провинциях. С усилением военной и политической мощи Рима возрастали его возможности диктовать условия союзникам и зависимым царствам – вплоть до прямой аннексии. Политические события внутри Рима все больше влияли на внешние отношения. Формально сенат сохранял свои полномочия в сфере внешней политики и продолжал участвовать в ключевых решениях. Помимо принятия решений о войне и мире, сенат продолжал играть роль в других аспектах внешней политики. Например, в 26 г. н.э. царь Понта Полемон, выразив благодарность за предоставление ему статуса друга и союзника (Dio Cass. LIII.25.1: τοὺς φίλους καὶ ἐς τοὺς συμμαχοὺς τοῦ δήμου ἀνευράφη), даровал «отцам» почетные места во всех театрах его царства³⁶⁵. Это показывает, что именно сенат, как и ранее, присваивал статус друга и союзника Рима. В 3 г. н.э. сенат совместно с Августом передал власть в Армении сначала Ариобарзану, затем Артабазу. По свидетельству Диона Кассия, это следует понимать как утверждение сенатом решения, инициированного Августом (Dio Cass. LV). Аналогично в 8 г. н.э., когда была создана специальная комиссия из трех консуляров для приема иностранных посольств, окончательное решение по их обращениям оставалось за сенатом или императором (Dio Cass. LV.33; LVI.25).

Однако реальный центр власти постепенно смещался к принцепсу. Сенат сохранил все свои функции официально (яркий пример – упоминание сената на более поздних монетах типа *rex datus*, речь о которых шла выше), а некоторые и фактически во внешней политике. Кроме того, Август не мог обойтись без сената, например, в деле создания новой провинции. Август, хотя и учитывал мнение сената, сосредоточил в своих руках решающее влияние, особенно в вопросах объявления войны и заключения мира. Это свидетельствует о постепенном ограниче-

³⁶⁴ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 128.

³⁶⁵ Abele T. von. Der Senat unter Augustus. Paderbon, 1907. S. 28.

нии традиционных полномочий сената и усилении императорской власти во внешнеполитической сфере³⁶⁶.

Неотъемлемой областью деятельности, вверенной принцепсу, по замечанию Страбона, были связи с царями, династами и декархами (καὶ βασιλεῖς δὲ καὶ δυνάσται καὶ δεκαρχίαι τῆς ἐκείνου μερίδος) (Strabo XVII.3.25). Бревиарий Империи, оглашенный Тиберием в сенате, в частности, перечислял все царства, с которыми Август поддерживал личные контакты (Тас. Ann. I.11.4). Персональное участие и позиция принцепса, таким образом, задавали качество отношений Рима со всеми живущими за пределами римских провинций народами, что было показано в предыдущем параграфе. Тем не менее ко времени Августа и позже соседи Империи принимались за таковых по факту обыденного переноса обычая (*quemadmodum*), а не *stricto sensu* на союзных основаниях³⁶⁷. Друзья-цари по обычаю (*more maiorum*) выполняли акт приветствия (*salutatio*) персоны Августа на приемах (Eutrop. 7.10)³⁶⁸. Они пользовались его процессуальным патронатом, который он однажды поручил именно Тиберию, так что принятый стиль подразумевал его преемство (Suet. Tib. 8; Dio. Cass. LVII.17.3–7)³⁶⁹.

Выражение персональной признательности царей к Риму, как воплощение их *gratia* часто принимали форму символических жестов, направленных на то, чтобы подчеркнуть преданность Риму и его правителю. Так, иудейский тетрарх Агриппа основал город Тибериада в Галилее, назвав его в честь императора Тиберия, а фракийский правитель Реметалк II переименовал Филиппополь в Тиберию³⁷⁰. Африканский царь Юба II, получивший покровительство Августа, переименовал свою столицу Иол в Цезарею (Strabo XVII.3.12), тем самым выразив верность и признательность Риму. Подобные случаи переименования городов в честь Авгу-

³⁶⁶ Маркелов А.Ю. Римский сенат в период принципата Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Дисс. ... к.и.н. Казань, 2018. С. 231.

³⁶⁷ Lintott A. Imperium Romanum. Politics and Administration. L.; N.Y., 1993. P. 33.

³⁶⁸ Premierstein A. Clientes // RE. 1900. Bd. IV. Sp. 53.

³⁶⁹ Badian E. The Thessalian clients of Tiberius Nero // ClR. 1974. Vol. 23. № 2. P. 186.

³⁷⁰ Orth W. Die Provinzialpolitik des Tiberius. München, 1970. S. 111.

ста встречаются повсеместно, включая Понт и Боспор³⁷¹; речь о переименованиях городов на Боспоре пойдет в следующей главе.

Принципат как система едва ли терпит безучастность царя к императору при деятельном сохранении *amicitia* с римским народом. Однако вариации в поведении дружественных правителей не отменяли общей формулы, выраженной Прокулом: «те, кого мы некоторым образом рассматриваем в качестве наших клиентов, считаются свободными, хотя они и не равны нам ни авторитетом, ни достоинством, ни мощью» (Dig. 49.15.7: *et quemadmodum clientes nostros intellegimus liberos esse, etiamsi neque auctoritate neque dignitate neque viribus nobis pares sunt*). Внешнеполитическая дружба, основанная на ценностях свободы, в принципе несовместима с прямым подчинением одного народа другому – с властью в ее строгом римском понимании (Dig. 49.15.7). Отношения власти (*imperium*), как правило, сопровождались вмешательством римской администрации – например, назначением префекта в Александрию и Египет (*praefectus Alexandriae et Aegypti*), а также возможностью регулярного изъятия имущества подданных в пользу императорской казны. Именно таков был статус Египта, который с 30 г. до н.э. официально перешел «во власть римского народа» (*in potestatem populi Romani redacta* (RGDA 27.1; Vell. 2.38–39)³⁷². В отличие от этого, союз с царем или иным другом Рима, по наблюдению Д. Браунда, исключал наличие римской администрации на территории союзного государства и, соответственно, невозможность взимания налогов в пользу Рима. Такой союз был формально равноправным, хотя и политически асимметричным³⁷³.

В рамках отношений *amicitia* торговля считалась естественной и уместной составляющей, о чем пишет и Цицерон, говоря об *utilitas* в римской дружбе. Имущественные и экономические интересы друзей Рима защищались разветвленной сетью таможенных пунктов – от Египта и Сирии до северного побережья Галлии (Strabo XVII.1.12; II.5.8; IV.5.3). К 14 г. н.э. и позже Рим успешно поддер-

³⁷¹ Parfenov V.N. Dynamis, Agrippa und Friedensaltar // Historia. 1996. Bd. 45. H. 1. S. 102; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 322–323.

³⁷² Huzar E.G. Alexandria and Aegyptum in the Julio-Claudian Age // ANRW. 1988. Bd. II. 10. I. S. 658. Ср. Златковская Т.Д. Мезия в I–II веках нашей эры. М., 1951. С. 44–47.

³⁷³ Braund D. Rome and the Friendly King. P. 63–64.

живал внешнюю торговлю не только с соседними племенами, но и с более отдаленными народами, включая жителей Британии и даже Индии (Strabo IV.5.3; XV.1.4; XVII.1.13). Боспорские цари старались согласовать весовые стандарты своих монет с римским ассом, что свидетельствует о стремлении к унификации денежного обращения³⁷⁴. Однако признание за друзьями имущественных и торговых прав предполагало и их право на вооруженную защиту этих интересов. Друзья Рима, далекие и близкие, располагали собственными вооруженными формированиями, содержали мастерские по производству оружия и арсеналы для его хранения (Strabo XII.8.11; 14.2.5; Tac. Ann. II.80.1). Таким образом, экономическое сотрудничество в рамках *amicitia* дополнялось военной самостоятельностью, что делало союз не только политическим, но и функционально защищенным.

Территории тех правителей, которые считались надежными союзниками и друзьями Рима, были защищены от самовольного размещения на их землях войск извне. Вести военные действия против таких союзников считалось преступлением³⁷⁵. Размещение армии на территории иноземного правителя воспринималось как знак недоверия – средство подавления произвола соседа, показатель усмирения беспокойной провинции или свидетельство военной кампании или тлеющей войны. Так, в период правления Тиберия три соединения (VIII Augusta, IX Hispana, XV Apollinaris), как правило, стояли в Иллирике-Панноти, столько же размещалось в Западной Испании (IV Macedonica, VI Victrix, X Gemina). В Далмации (VII, XI) и Мезии (IV Scythica, V Macedonica) – четыре. Южные области – от проконсульской Африки (III Augusta) до Египта (III Cyrenaica, XXII Deiotariana) имели три легиона. Сирия, расположенная близ Парфии, располагала четырьмя (III Galilca, VI Ferrata, X Fretensis, XII Fulminata). При этом уже восемь легионов размещалось близ Рейна (II Augusta, XIII и XIV Gemina, XVI Galilca, I Germanica, XX Valeria, V Alaudae, XXI Rapax). Такое явно непропорциональное размещение войск с особым вниманием к германским территориям (что отмеча-

³⁷⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 196–197.

³⁷⁵ Atkinson K. Constitutional and legal aspects of the trials of Marcus Primus and Varro Murena // Historia. 1960. Bd. 9. Hbd. 4. S. 458 f.

лось и античными, и современными авторами)³⁷⁶ свидетельствует о том, что при Тиберии области близ Рейна все еще находились на военном положении.

Внешнеполитическая стабильность, обеспечиваемая волей дружественного царя, становилась зоной ответственности Рима в случае кризиса власти в союзном государстве. В таких ситуациях Империя предпринимала действия для восстановления порядка. Если друг Рима оказывался неспособен управлять своей территорией, вмешательство императора и сената становилось неизбежным. Принцепс был обязан оперативно принять меры для восстановления и поддержания управления там, где образовалась брешь во власти. Так, Август назначал опекунов (*tutor*, ἐπίτροπος) малолетним правителям или брал под свое управление дела тех, кто впадал в безумие (Suet. Aug. 48; Dio Cass. LVII.17.5). Несмотря на личный характер дружественных союзов, помощь Августа оказывалась на официальной основе – через постановления сената. Эту практику продолжил использовать и Тиберий: так, во Фракии, после убийства царя Котиса VIII, к его малолетним детям был приставлен сенатор-преторий – как сказано у Тацита, «по примеру предков» (*exemplo maiorum*, Tac. Ann. II.67.3). Рим, в лице Тиберия – сына божественного Августа и отпрыска династии Юлиев-Клавдиев, не мог допустить сомнений в своем величии ни в Италии, ни в провинциях, ни за их пределами. Это величие выходило за рамки формальных границ и выражалось в политической и идеологической демонстрации власти. Дружественное отношение к Риму предполагало открытое признание его превосходства – в духе *maiestas*. Даже в парфянском городе Вологезиада к середине I в. н.э. воздвигли храм Августа³⁷⁷.

Друг Рима, даже находясь вне прямой римской юрисдикции, обязан проявлять уважение к римским магистратам – даже если те прибывают к нему по частным делам. Так, арест человека, публично оскорбившего Тиберия на союзном Родосе, воспринимался как нормальная и показательная санкция (Strabo XIV.2.5; Suet. Tib. 11.3). Также друзья обязаны ценить ἐλευθερία друг друга: примером

³⁷⁶ Tac. Ann. IV.5; Strabo XVII.1.12; 17.1.53; Dio Cass. LV.23.1–7. Millar F. The Roman Empire and its neighbors. L., 1967. P. 104–105; Парфенов В.Н. Тиберий, Германик и Германия // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 11.

³⁷⁷ Isaac B.H. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxf., 1990. P. 142.

служит Кизик, лишенный статуса *civitas libera* по решению сената из-за недружественных действий – в частности, заключения римлян под стражу (Strabo XII.8.11; Suet. Tib. 37.3). Таким образом, нарушение условий *amicitia* приводило к утрате *fides* – важнейшего основания дружественных отношений с Римом. Даже Август отстаивал традиционные принципы обращения с *foederatae civitates* (Suet. Aug. 47)³⁷⁸. Однако при Тиберии усилился контроль за соблюдением ритуального и политического почтения к императорской власти. Так, кизикенцы нарушили не только обязательства перед римскими гражданами, но и проигнорировали собственное обещание построить храм в честь Августа (Tac. Ann. IV.36.3; Dio Cass. LVII.24.6). Неизвестно, был ли в дальнейшем восстановлен статус союзного города для Кизика, однако это представляется вероятным, учитывая политику Калигулы, направленную на восстановление автономии союзников после 37 г. н.э.³⁷⁹

Друг Рима не был подданным, но обязан был разделять не только интересы, но и тяготы своего римского *amicus*. Так, во время германских походов Тиберия Август принимал дары от дружественных царей и народов (παρὰ βασιλέων δῆμων). Эти субсидии (εἰσφορά) носили целевой характер и добровольно направлялись самими дружественными правителями (ἐπαγγελία), а не являлись обязательными поборами, как было в провинциях (Dio Cass. LV.25.3)³⁸⁰. Участие в военных кампаниях Рима рассматривалось как естественное проявление дружбы. Например, при Тиберии в Африке дружественные правители участвовали в боевых действиях, при этом их войска находились под командованием местных офицеров, а не римских полководцев³⁸¹.

Примером устойчивого имперского соседства служит категория так называемых «сохраненных» или «спасенных» народов (Res Gestae 3.2). Их свобода основывалась на политике Августа, сочетающей терпимость с реализмом: римская безопасность в любом случае оставалась приоритетом (Suet. Aug. 47). Хотя завоеванные земли переходили под власть римского народа, за ними нередко сохранялась автономия – по *exemplo maiorum*, на условиях *amicitia* (Res Gestae 27.2; Suet.

³⁷⁸ Greenidge A.H.J. Roman Public Life. L., 1901. P. 428.

³⁷⁹ Magie D. Op. cit. P. 514–515.

³⁸⁰ Kubitschek W. Aerarium // RE. 1894. Bd. I. Sp. 672.

³⁸¹ Saddington D.B. The Development of the Roman Auxiliary Forces from Augustus to Trajan // ANRW. 1975. Bd. II. 3. S. 182–183.

Tib. 9.1). Подтверждением неизменности дружбы служила, например, личная явка соседа в Рим после прекращения власти прежнего друга, как это было принято на Боспоре и в Иудее (Dio Cass. LIII.25.1), однако нельзя говорить об этом как об обязательной практике. Иногда акт признания свободы дружественного народа трактуется как назначение царя, подразумевая передачу *imperium populi Romani* или *auctoritas* на объект политической власти Рима³⁸². Однако это не было формальной передачей власти, как при назначении проконсула, префекта или императорского легата *pro praetore*³⁸³.

Политика Августа сочетала расчет и демонстрацию силы. По словам Страбона, отправляя экспедицию в Эфиопию, он «надеялся либо приобрести богатых друзей, либо победить богатых врагов» (Strabo XVI.4.22). Даже если греческий автор подает это с прагматической иронией, ясно – встреча с Римом предполагала признание его достоинства, авторитета и могущества – либо мирно, либо силой (Dig. 49.15.7.1). К 14 г. н.э. методика исчерпания серьезных врагов, повсюду, где это было практически возможным, дала свои результаты. Друг не ведет войны против друга и не стремится к противостоянию с чужаком, если он сторона римской *amicitia* (Tac. Ann. I.58.1–2). В результате признания *imperium maiestatemque populi Romani* выстраивалась система авторитарного, но формально равного международного порядка вокруг Средиземноморья. Отказ союзника соблюдать принципы *amicitia* практически гарантировал конфликт. В таких случаях выход за пределы римской досягаемости, как это однажды произошло с восточными номадами, ушедшими за Евфрат (Strabo XVI.2.10), становился единственным способом избежать подчинения.

³⁸² Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды... С. 193; Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 75.

³⁸³ Lintott A. Imperium Romanum... P. 34.

Глава 2. Римская *amicitia* и Боспорское царство

Начиная с I в. до н.э. отношения *amicitia* распространяются на территорию Северного Причерноморья, в особенности на Боспорское царство. На основании анализа титулатуры и монетной чеканки царей Боспора можно выделить пять этапов в развитии дружественных отношений между римскими и боспорскими правителями. Представленное в этой главе деление на параграфы соответствует этим этапам.

2.1. Установление дружественных отношений после смерти Митридата VI

2.1.1. Махар – первый боспорский друг Рима

Начало первого этапа можно условно определить смертью Митридата VI Евпатора, когда его потомки, оказавшись в фарватере римской политики, предстали перед выбором дальнейшего пути развития. Насколько позволяют судить источники, первым из боспорских правителей дружественные отношения с Римом устанавливает сын Митридата – Махар. Рассмотрим исторический фон и основания, на которых такие отношения могли сложиться.

Имя Махара впервые появляется в письменных источниках в 80 или 79 г. до н.э. Так, в тексте Аппиана помещен сюжет о том, что после завершения второй войны с Римом Митридат VI Евпатор, умело используя возникшее затишье (συχολήν ἄγων), вновь подчиняет своей власти отпавший от него Боспор (Βόσπορον ἐχέιροῦτο), после чего назначает боспорцам в качестве правителя одного из своих сыновей, Махара (καί βασιλέα αὐτοῖς τῶν υἱέων ἕνα ἀλεδεΐκνυ Μαχάρην) (App. Mithr. 67.1). При этом не вполне ясно, как и кем управлялся Боспор до этого момента и насколько оправданным и законным было такое распоряжение Митридата³⁸⁴. Известно лишь время и обстоятельства прихода к власти Махара; но особенное внимание античные авторы уделяют трагическому финалу его правления, характеризуя эти события как следствие его измены делу отца. Однако о самом правлении Махара на Боспоре и о характере его власти источники, к сожалению, умалчивают. По этому поводу в исследовательской литературе сложился ряд предположений. Так, в работах XIX в. Маха-

³⁸⁴ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. Вып. 1. С. 55.

ра часто обозначали царем Боспора³⁸⁵, а порой даже определяли его как родоначальника новой ахеменидской династии, которая пришла на смену власти Спартокидов на Боспоре³⁸⁶. Существуют также предположения, что Махар мог быть лишь ставленником Митридата в Северном Причерноморье, а часто характер его власти и вообще не определяется в исследованиях³⁸⁷.

Отсутствие единства по этому вопросу связано с тем, что имеющиеся в нашем распоряжении источники неопределенно или даже противоречиво обозначают юридический статус Махара. Мемнон и Орозий вовсе не определяют его правовое положение на Боспоре, говоря лишь о том, что он был сыном Митридата VI Евпатора (Мемн. 53, 54; Oros. VI.5.3.). Плутарх и Дион Кассий пространно упоминают, что Махар владел (правил) Боспором (Dio Cass. XXXVI.50.2 (κράτεω); Plut. Luc. 24 (ἔχω)). Наиболее подробное описание представлено у Аппиана, который сообщает, что Махар царствовал на Боспоре (βασιλεύοντος), а один раз античный автор даже называет его архонтом (App. Mithr. 67, 78, 83). Латинское обозначение Махара как *rex Bospori* встречается в периихе XCVIII книги Тита Ливия (Liv. Perioch. XCVIII). Однако сообщения Аппиана и Ливия в этом контексте кажутся весьма сомнительными. Как показал Д.Б. Шелов, проанализировавший боспорскую нумизматику рассматриваемого периода, Махар не может считаться царем Боспора, поскольку монеты этого региона не содержат даже намека на продолжительное правление Махара – нет ни его изображений, ни монограмм. На основании этого Д.Б. Шелов заключает, что Махар не мо-

³⁸⁵ Юргевич В. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора // ЗООИД. 1881. Вып. XII. С. 19, 39; Niese B. Straboniana VI. Die Erwerbung der Kusten des Pontos durch Mithridates VI // RhM. 1887. Vol. 42. S. 570; Гиль Х.Х. О боспорских монетах с монограммами // Труды VI АС. Вып. II. Одесса, 1888. С. 107.

³⁸⁶ Юргевич В. Указ. соч. С. 19; Гиль Х.Х. Указ. соч. С. 107.

³⁸⁷ Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 254, 389; Meyer E. Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz, 1879. P. 91; Brandis C. Bosporos // RE. Bd. III. 1899. Sp. 775; Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 587; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 44; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 149; Крушккол Ю.С. Монеты с монограммами из Патрейского клада 1950 г. // ВДИ. 1952. Вып. 3. С. 146; Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Вып. 2. С. 38; Он же. О характере чекана боспорских анонимных оболлов // НС. 1965. Вып. 2. С. 43; Он же. Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре // Klio. № 46. 1965. С. 312; Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 55–72. С.Ю. Сапрыкин описывает Махара как ставленника Митридата на Боспоре (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 260).

жет считаться самостоятельным царем; скорее, он мог быть ставленником и осуществлять власть от имени своего отца, царя Понта и Боспора³⁸⁸.

Не вполне понятно, на какую территорию могла распространяться власть Махара. Часто можно встретить рассуждения о том, что под управлением Махара, помимо территорий Боспорского царства, могли находиться и другие античные государства Северного Причерноморья – Херсонес и Ольвия³⁸⁹. В случае с Херсонесом такие суждения действительно подтверждаются данными письменных источников (Strabo VII.4.3), а также нумизматики³⁹⁰; с Ольвией ситуация значительно сложнее – состояние источниковой базы не позволяет подтвердить, что она также была подчинена власти сына Митридата. Более того, анализ ольвийского декрета в честь амисского капитана³⁹¹ с несомненностью показывает, что в момент составления этого документа, т.е. в конце II или в самом начале I в. до н.э., Ольвия была связана с Понтом непосредственно, а не через Боспор; она получала гарнизон и какую-то помощь прямо из Синопы³⁹². Следует добавить, что Ольвия в это время была более тесно связана с Западным Причерноморьем³⁹³.

Кроме того, весьма вероятно, что Махар в течение какого-то промежутка времени контролировал и часть Восточного Причерноморья – Колхиду, которая принадлежала Митридату. Так, Мемнон сообщает, что некие Клеарх и Селевк, будучи предводителями отрядов Митридата в осажденной римлянами Синопе, тайно отправляли свое имущество, нагрузив его на торговые корабли, к Махару, сыну Митридата, который был в это время в Колхиде (Memn. 53). Именно в этот момент разворачиваются трагические для правления Митридата события, когда его сын совершает измену и вступает в переговоры с Лукуллом, отправляя ему продовольствие, предназначенное для Синопы (Memn. 54; App. Mithr. 83; Plut.

³⁸⁸ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 64.

³⁸⁹ Ростовцев М.И. Митридат Понтийский и Ольвия // ИАК. 1907. № 23. С. 23–25; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 305; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. Т. I / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.). М.; Л., 1955. С. 56, 124.

³⁹⁰ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 59 сл.

³⁹¹ IOSPE I² 35; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 275–290.

³⁹² Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 68.

³⁹³ Там же. С. 68–69; Ср. Ростовцев М.И. Митридат Понтийский и Ольвия. С. 24; Карышковский П.О. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н.э. // НЭ. 1965. Вып. V. С. 70–71; Шелов Д.Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. Вып. 12. С. 101 сл.

Лус. 24). Весьма сомнительно, что Махар, как иногда предполагают³⁹⁴, мог поехать в Колхиду – чуждую для него территорию, которой управлял кто-то другой – только ради того, чтобы отправить оттуда провизию для армии Митридата. Тем более сомнительно, что он начал важные переговоры с Лукуллом, находясь вне своих владений. Гораздо логичнее полагать, что, как сообщает Мемнон, в тот момент Махар контролировал не только Боспор, но и Колхиду³⁹⁵. Это объясняет и действия митридатовских полководцев в Синопе, и поведение самого Махара.

Отдельно следует оговорить сюжет, который в источниках предстает как измена Махару делу своего отца и переход на сторону Рима после того, как исход римско-понтийской борьбы стал ясен. Как сообщает Аппиан, в 72 г. до н.э. после отступления от Кизика Митридат посылает за помощью к Махару (App. Mithr. 78). В это время жители Гераклеи Понтийской, которая была осаждена римским полководцем М. Аврелием Коттой, отправляют послов к херсонеситам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора, прося союза (διεπρεσβεύετο γοῦν παλιν πρὸς τε τοὺς ἐν Σκυθία Χερρωνησίτας καὶ θεοδοσιανούς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας ὑπὲρ συμμαχίας) (Memn. 49). Показательно, что еще в 70 г. до н.э. руководители отрядов Митридата в Синопе, Клеарх и Селевк, собираются передать ему свое имущество, тайно вывозимое из обреченного города (Memn. 53), вероятно, считая его своим соратником. Именно в это время, как сообщают Аппиан, Плутарх и Ливий, обнаруживается стремление боспорского правителя Махара установить дружбу с римлянами (App. Mithr. 83; Plut, Luc, 24; Liv. Perioch. XCVIII). Инициатором установления дружеских отношений выступает Махар, отправивший Лукуллу золотой венок. При этом в тексте упоминается φιλία Махара только с Лукуллом (App. Mithr. 83), а у Плутарха Махар присылает Лукуллу «венец ценой в тысячу золотых с просьбой признать его другом и союзником римского народа». Наиболее подробная информация приводится у Мемнона, по словам которого, «Махар, сын Митридата, отправил к Лукуллу послов о дружбе и союзе» (περὶ φιλίας τε καὶ συμμαχίας). Последний

³⁹⁴ Инадзе М.П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С. 234; Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 94.

³⁹⁵ Reinach Th. Op. cit. P. 355, 389; Minns E. Op. cit. P. 587; Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 60 сл.

милостиво принял послов, заявив, что он «будет считать крепким договор (εἰπὼν βεβαίους νομιεῖν τὰς συμβάσεις), если тот не будет отправлять продовольствие синопцам. И он не только исполнил приказанное, но даже и то, что было приготовлено послать митридатовцам, отослал Лукуллу» (Memn. LIV.1).

В тексте Плутарха, где речь идет о просьбе Махара признать его другом и союзником римского народа, можно встретить фразу “δεόμενος (т.е. Μαχάρης) Ρωμαίων ἀναγραφῆναι φίλος καὶ σύμμαχος” (Plut. Luc. 24.1). Б. Надель, комментируя данный фрагмент, обращает внимание на глагол ἀναγράφω, предлагая формализованный вариант перевода – «вписывать». При этом исследователь, ссылаясь на текст *senatus consultum de Asclepiade* (CIL I.203; IG XIV.951; RDGE 22), утверждает, что в этом случае с подачи Лукулла Махар мог быть вписан в *formula amicorum*. Нельзя исключать, что Махар действительно мог быть официально признан другом Рима по согласованию с сенатом и вместе с тем включен в этот список, хотя и не совсем понятно, каким конкретно образом данный документ, если он вообще существовал, велся. В связи с этим Б. Надель делает весьма спорный вывод, утверждая, что «заключение договора с Римом всегда предшествовало факту именованию нового союзника φίλорώματος»³⁹⁶. Именно с подачи Б. Наделя оксюморон «договор о дружбе» прочно обосновался в исследовательской литературе о Северном Причерноморье в римский период, как было показано во введении. Но такого рода конструкции противоречат самой логике римской дипломатии и традиции установления дружественных отношений, что было подробно описано в первой главе. Договор с Римом действительно мог быть результатом установления дружественных, невраждебных отношений, но ни о каких договорах о дружбе речи идти не может.

Действительно, и Плутарх (Plut. Luc. 24.1), и Мемнон (Memn. LIV.1) сообщают о том, что Махар стремился к установлению φίλία τε καὶ συμμαχία, отправляя послов к Лукуллу. Как было показано Л. Маттеи, конструкция φίλία καὶ συμμαχία в международных отношениях идейно была ближе к неформальной φίλία, чем к формальной и строго структурированной συμμαχία; кроме того, она не представля-

³⁹⁶ Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 212.

ла собой отдельную дипломатическую категорию³⁹⁷. Таким образом, Махар стремится к установлению невраждебных отношений с Римом, обращаясь к Лукуллу как к его представителю. При этом показательно, что *σύμβαςις*, который упоминается у Мемнона (Memn. LIV.1) не предполагал никаких военных обязательств со стороны Махара, а Лукулл просил его лишь не отправлять продовольствия синопцам, то есть не совершать невыгодных для друга действий и не более. Скорее, в этом контексте *σύμβαςις* может означать некоторое неформальное соглашение, не налагавшее юридических обязательств – ведь в данном случае мы не можем говорить ни об официальном договоре о мире (ведь война велась с Митридатом, а не с Махаром), ни о союзе. Как сообщают Плутарх и Аппиан, Махар отправляет к Лукуллу послов, передавая через них золотой венок как дар и символ своей *fides* (Plut. Luc. 24; App. Mithr. 83). Важно также, что источники не упоминают ни о даровании Махару титула «царя», ни о каком-либо признании его в этом качестве со стороны Рима. Точка зрения о том, что Махар после измены отцу принял царский титул³⁹⁸, основана на ошибочном приписывании ему царских монограмм на некоторых боспорских монетах, которые на самом деле датируются другим периодом³⁹⁹. Скорее, речь шла о даровании статуса *amicus et socius populi Romani* – «друг и союзник римского народа». Такой статус имел формально-декларативный характер и не превращал его обладателя в клиента или подданного Рима. В ответ на положительное решение Лукулл просит об оказании ответной *gratia* – не отправлять продовольствие в Синопу. Махар не только выполнил просьбу Лукулла, но и отправил ему приготовленную для Митридата провизию (Memn. LIV.1), что в данном контексте можно рассматривать как *beneficium* по отношению к другу. Непосредственным результатом действий Махара стало падение Синопы, которую до этого момента поддерживали морские поставки продовольствия. Соответственно, такое

³⁹⁷ *Matthaei L.* On the Classification of Roman Allies. P. 185–190.

³⁹⁸ Подшивалов А.М. Некоторые данные для исторического исследования о правителях Боспора Киммерийского по лапидарным и нумизматическим памятникам // Труды VI АС. Вып. II. Одесса, 1888. С. 78; *Magie D.* Op. cit. P. 363; *Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 144.

³⁹⁹ *Шелов Д.Б.* Махар, правитель Боспора. С. 70; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в период эллинизма (III – пер. пол. I в. до н.э.). Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 1994. С. 359.

поведение Махара приблизило поражение Митридата и победу римлян в войне с ним. Показательно, что, как сообщает Плутарх, после этих событий, т.е. заключения дружбы с Махаром, «Лукулл счел, что прежняя война уже окончена, и, оставив Сорнатия с шеститысячным отрядом стеречь Понтийскую область, сам с двенадцатью тысячами пехоты и меньше чем с тремя тысячами конницы отправился вести следующую войну» (Plut. Luc. 24). Нельзя утверждать, что установление невраждебных отношений с Махаром свидетельствовали о подчинении Лукуллом Северного и Восточного Причерноморья⁴⁰⁰. Махар, стремясь обеспечить свою политическую безопасность на случай поражения Митридата, формально признал превосходство Рима, но фактически остался независимым, поскольку ни римляне, ни Митридат временно не располагали силами и возможностями оказать на него давление⁴⁰¹. В подобной ситуации, как и в ряде аналогичных случаев, римляне соглашались устанавливать дружеские отношения с бывшими подданными и союзниками Митридата, так как разрозненные регионы его владений не угрожали римским интересам, а их подлинное подчинение оставалось делом будущего⁴⁰².

Было такое поведение Махара результатом его личного выбора или в какой-то мере являлась отражением антипонтийских настроений его подданных – вопрос спорный. Однако сведений о существовании в этот период какой-либо антимитрида-товской оппозиции на территориях, которые находились под властью Махара, нет. Когда несколько лет спустя Митридат отступал из своих захваченных римлянами малоазийских владений через Кавказ на Боспор, ни колхидяне, ни боспорцы не оказали ему никакого сопротивления. Нельзя однозначно утверждать, что Махар предал отца и перешел на сторону римлян, «выражая стремление городских рабовладельческих кругов»⁴⁰³. Скорее, можно предположить, что Махар сохранил полную преданность дружбе с Римом, проявив инициативу в оказании помощи во время осады Гераклеи, однако впоследствии его связи с Римом не получили дальнейшего развития.

⁴⁰⁰ Схожая трактовка событий представлена у А.Н. Шервин-Уайта (*Sherwin-White A.N. Roman Foreign policy... P. 173*) и А.Р. Панова (*Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 148*).

⁴⁰¹ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С. 70.

⁴⁰² Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 148.

⁴⁰³ Слонимский М.М. Начало римской оккупации Северного Причерноморья // Сборник трудов. Кафедры общественных наук. 1949. Вып. 4. С. 200.

2.1.2. Фарнак II: дружба с Римом и наследие Митридата VI

Первым царем Боспора после смерти Митридата VI Евпатора становится его сын Фарнак⁴⁰⁴. Вообще информация, которой мы располагаем, достаточно скудна – античные авторы практически ничего не сообщают о нем, за исключением сюжета о его причастности к смерти отца, а также о его военном противостоянии Риму⁴⁰⁵. Вероятно, Фарнак мог быть сыном Митридата от одной из его наложниц, Стратоники. Помимо этого, как показал Дж. Портанова, основываясь на сведениях Аппиана и Орозия, Фарнак был братом Махара⁴⁰⁶. Поскольку последний приходился родным братом Ксифару, который описывается как сын Стратоники, то и Фарнак должен был быть сыном той же самой наложницы Митридата (App. Mithr. 107, 113; Oros. VI.5.4; ср. Dio Cass. XXXVII.12.1). Также Фарнак был отцом Динамии, царицы Боспора, Дария, царя Понта (ок. 39–37 гг. до н.э.), и Арсака, узурпатора Понта (ок. 37–36 гг. до н.э.)⁴⁰⁷.

Впервые на страницах истории Боспора Фарнак упоминается как руководитель заговора против своего отца (App. Mithr. 110). Смерть Митридата VI в источниках представлена по-разному: одни авторы сообщают, что он покончил с собой, другие, утверждают, что после неудачных попыток царя отравиться он был убит воинами, преданными Фарнаку, или даже самим Фарнаком⁴⁰⁸. Так или иначе, после смерти Митридата, войска провозгласили (ἀνεπεῖν) его сына Фарнака царем в день самого восстания и даже возложили на его голову свиток вместо диадемы (App. Mithr. 111). После этого, как сообщает Плутарх, Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа (τὰ δὲ ἐκεῖ πάντα

⁴⁰⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 312–313; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 56 сл.; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... М., 2002. С. 14 сл.

⁴⁰⁵ О правлении Фарнака см. Sullivan R.D. Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto, 1990. P. 156 ff.; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 14–54.

⁴⁰⁶ Portanova J. The Associates of Mithridates VI of Pontus. PhD. N.Y., 1988. P. 316–317, 371; Баллестерос-Пастор Л. Некоторые аспекты образа Фарнака II в античной литературе // Antiquitas Aeterna. 2005. Вып. 1. С. 214.

⁴⁰⁷ Sullivan R.D. Near Eastern Royalty... P. 160 ff.

⁴⁰⁸ Самоубийство: App. Mithr. 111; Oros. VI.5.6–7; Aur. Vict. Vir. III.LXXVI.8; Plut. Pomp. 41.5; Eutr. VI.12.3; Eutr. VI.12.3; Flor. Epit. I.40.26; Liv. Per. 102; Fest. Brev. XVI.I; Just. XXXVII.1.9; Gell. NA. XVII.16.5; Paus. 111.23.5; Val. Max. IX.2. ext. 3; cf. Lucan. Phars. I.335–336; Iuv. Sat. VI.661–662. Обвинения Фарнака: Dio Cass. XXXVII.10.4, 13.14, Zon. V.6, 10. 5; cf. Vell. Pat. II.40.10. Критическое рассмотрение литературной традиции по поводу этого сюжета представлена у Баллестерос-Пастор Л. Некоторые аспекты образа... С. 211–213.

πράγματα Φαρνάκης κατεκληρώσατο, καί ἑαυτῷ καί Ῥωμαίοις γέγραφε ποιούμενος) (Plut. Pomp. 41). Помпей в это время находился в создаваемой им новой провинции Вифиния-Понт и занимался реорганизацией бывших владений Митридатидов. Своими действиями, как подчеркивает С.Ю. Сапрыкин, «Фарнак откровенно домогался расположения Рима, стремясь предстать его союзником и даже другом»⁴⁰⁹. Последняя конструкция, как кажется, выглядит достаточно вольным построением, и будто бы не налагает на Фарнака никаких обязательств. Действительно, Фарнак обращается к Помпею с просьбой (очевидно, через послов) сохранить за ним Боспор, ссылаясь на то, что это царство брат его Махар получил в управление от их отца Митридата (δεόμενος ἢ τῆς πατρῶας ἀρχῆς ἢ Βοσπόρου γε βασιλεύειν μόνου, ἢν τινα καί Μαχάρης ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ βασιλείαν παρὰ Μιθριδάτου παρειλήφει. App. Mithr. 113). При этом Фарнак стремится подчеркнуть серьезность своих намерений как потенциального друга Рима, отправляя Помпею разного рода подарки, в том числе и весьма нестандартные. Плутарх сообщает, что, когда Помпей прибыл в Амис, он нашел «множество присланных Фарнаком подарков (πολλὰ μὲν δῶρα παρὰ Φαρνάκου) и многочисленные трупы членов царской семьи. Среди них находился и труп самого Митридата (Plut. Pomp. 42)». Схожее описание приводит и Аппиан – Фарнак посылает на триреме труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания, и многих заложников, которые были захвачены в эллинских и варварских городах (App. Mithr. 113). Дион Кассий также сообщает, что Фарнак забальзамировал тело Митридата и послал его Помпею «в качестве доказательства сделанного, сдался сам и сдал свои владения (καί ἑαυτὸν τὴν τε ἀρχὴν παρέδωκε) (Dio Cass. XXXVII.14.1). Безусловно, этот своеобразный дар Фарнака имел очень важное символическое значение – Рим успешно выдержал самую упорную и тяжелую борьбу на Востоке за всю свою историю, и тело поверженного врага было главным тому подтверждением. В Риме известие о гибели столь опасного врага вызвало всеобщую радость – по инициативе Цицерона были устроены десятидневные молебствия (Cic. De prov. consul. 27). Надо сказать, что весьма достойно и с большим уважением к побежденному врагу поступил Помпей – он устроил пышные похороны Митридата, поручив его слугам похоронить его в царской

⁴⁰⁹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 23.

усыпальнице и положить в Синопе в царской гробнице, «восхищаясь его великими подвигами, считая его лучшим из царей своего времени» (App. Mithr. 113). Показательно, что, как сообщает Аппиан, в триумфе Помпея была представлена сцена смерти Митридата (App. Mithr. 117). Римская история знает триумфы, которые были не менее грандиозны, но триумф Помпея имел четко выраженный идеологический подтекст; если остальные триумфы были просто праздниками в честь победы, пусть даже и замечательной, то триумф Помпея⁴¹⁰ был торжеством во славу новоявленной Империи и ее создателя (Plut. Pomp. 45; App. Mithr. 117).

Но вернемся к делам Боспора. Фарнак отправил дары, в числе которых находилось и тело его отца, а также просьбу сохранить за ним власть на Боспоре, проявляя таким образом свою *fides* по отношению к Помпею и Риму. Показательно, что после смерти Митридата, как сообщает Плутарх, Фарнак первым делом овладел всем, что принадлежало его отцу, обозначая, что сделал он это ради Помпея и римского народа (Plut. Pomp. 41); похожее описание событий находим и у Диона Кассия – Фарнак сдался сам и сдал свои владения (καί ἑαυτὸν τὴν τε ἀρχὴν παρέδωκε) (Dio Cass. XXXVII.14.1–2), что явно выглядит как *deditio in fidem*. Очевидно, что благодарность Помпея за оказанные во время войны с Митридатом и после нее благодеяния Фарнака, а также за присланные ему дары, не заставила себя долго ждать – Помпей передал Боспорское царство Фарнаку как плату за его кровавое деяние и, как пишет Дион Кассий, принял его в число друзей и союзников (τὴν μέντοι βασιλείαν τοῦ Βοσπόρου μισθὸν τῷ Φαρνάκῃ τῆς μαιφονίας ἐχαρίσατο, καί ἔς γε τοὺς φίλους τοὺς τε συμμάχους αὐτὸν ἀνέγραψεν) (Dio Cass. XXXVII.14.2). Степень личного участия Помпея в этом событии подчеркивает и Аппиан, сообщая, что он сделал Фарнака другом и союзником римлян (φίλον καί σύμμαχον Ῥωμαίοις) (App. Mithr. 113), хотя и не вернул ему владения Митридата в Понте и Колхиде (App. Mithr. 113; BC. II.92; Dio. Cass. XXXVII.14.2). Исключение из прежней территории Боспора было сделано только одно – свободу получила Фанагория, первой поднявшая восстание против Митридата (App. Mithr. 108–112;

⁴¹⁰ Deutsch M.E. Pompey's Three Triumphs // ClPh. 1924. Vol. 19. № 3. P. 279; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 18.

Oros. VI.5.1–2)⁴¹¹, и тем самым подавшая пример другим отпасть от него и оказалась, таким образом, виновницей гибели Митридата, а инициатор этого восстания Кастор был объявлен «другом римского народа» (App. Mithr. 108, 113). По сообщению Аппиана, фанагорийцев он сделал свободными и автономными (ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους) (App. Mithr. 113). Таким образом Помпей вознаградил всех боспорян, которые содействовали ему в борьбе с Митридатом – Фарнак был объявлен другом и союзником, а также получил власть на Боспоре. Кастор⁴¹² тоже получил статус друга римского народа, а Фанагория сделалась свободной и автономной по примеру других *civitates liberae*, которые награждались римлянами за оказанное им содействие. Такие полисы – формально независимые города⁴¹³ – фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу «друзей». В этой связи весьма сомнительными выглядят выводы некоторых исследователей о том, что политика Помпея в отношении Фанагории была связана с его стремлением создать в центре Боспорского государства автономную общину, чтобы тем самым расширить социальную опору римлян⁴¹⁴ и одновременно обезопасить себя на случай отхода Фарнака от проримской ориентации⁴¹⁵. Подобные построения противоречат ходу событий – дарование свободы Фанагории было *gratia* Помпея за оказанные в ходе войны с Митридатом благодеяния

⁴¹¹ Об этих событиях свидетельствуют археологические находки, сделанные в Фанагории и ее акватории – т.н. «резиденция», сгоревшая на акрополе (Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории // ВДИ. 2011. Вып. 2. С. 64–94), затонувший корабль из флота Митридата и обнаруженный рядом таран (Кузнецов В.Д., Ольховский С.В. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) // Материалы по археологии и истории Фанагории / А.А. Завойкин (ред.). Вып. 2. М., 2016. С. 338–346; Кузьмин Ю.Н. Таран корабля // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки / В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.). М., 2017. С. 399), постамент статуи Гипсикратии (Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. Вып. 1. С. 238–243).

⁴¹² О Касторе, его происхождении и карьере см.: Панов А.Р. Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // БФ. 2005. С. 41–45; Завойкина Н.В. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // Материалы по археологии и истории Фанагории / В.Д. Кузнецов (ред.). Вып. 1. М., 2013. С. 268–269; Coşkun A. Kastor von Phanagoreia, Präfekt des Mithradates und Freund der Römer // Phanagoreia und darüber hinaus ... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / N. Povalachev (hg.). Göttingen, 2014. S. 131–138.

⁴¹³ Snowden M. Greek Freedom and Roman Hegemony... P. 91–104.

⁴¹⁴ А. Сибирский называет освобождение Фанагории приманкой для других боспорских городов (Сибирский А. Безыменные тетрахаки со скифской лучней. Серебряные и медные монеты царя Фарнака. Монеты римской гегемонии в Боспоре Киммерийском // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877. С. 47), что кажется несколько надуманным.

⁴¹⁵ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 178.

полиса. Скорее, можно говорить об предоставлении ἐλευθερία Фанагории как общей тенденции восточной политики Помпея – предоставлении свободы греческим городам бывшего царства Митридата⁴¹⁶. В ходе боевых действий Первой Митридатовой войны Фанагория, как и другие азиатские города, была поставлена не перед выбором между свободой и порабощением; альтернатива была другая – господство Митридата или гегемония римлян. Выбор был сделан, и теперь Фанагория выступает ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας, получив взамен ἐλευθερία, сохраняя при этом свои νόμοι и свободу распоряжения земельной территорией. В связи с этим особо актуальным кажется посольство фанагорийца Гедика в Рим, где он и был похоронен в колумбарии «Винья Кодини III» (Vigna Codini III) на Аппиевой дороге⁴¹⁷, о чем свидетельствует его эпитафия (CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567 (прил. 2, рис. 18)). Фанагорийский посол мог прибыть в Рим в связи с обретением полисом ἐλευθερία в 63 г. до н.э. – установление дружественных отношений с *civitates liberae* через послов были обычной практикой внешнеполитических контактов Рима и государств эллинистического мира, как было показано в первой главе. Это еще один аргумент в пользу предположения Ю.Н. Кузьмина о том, что Гедик, сын Эвода прибыл в Рим в конце 60-х гг. I в. до н.э. для того, чтобы официально утвердить в сенате новый статус Фанагории – с этого момента свободного и автономного города. Видимо, внутренняя нестабильность в самом Риме (из-за действий противников Помпея новое устройство Востока, созданное в результате его кампаний, было утверждено только в 59 г. до н.э.⁴¹⁸) вынудила фанагорийского посла задержаться в Вечном городе, где он, собственно, и умер⁴¹⁹.

Так или иначе, враги были повержены, а друзья вознаграждены. В связи с установлением дружественных отношений между Помпеем и Фарнаком в исследовательской литературе вновь возникает злосчастная конструкция о заключении договора о дружбе. А.Р. Панов, критикуя сомнения Б. Функа в существовании догово-

⁴¹⁶ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 24.

⁴¹⁷ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева». Н. Новгород, 2023. С. 151–161.

⁴¹⁸ Seager R. Pompey the Great. A Political Biography. Oxf., 2002. P. 81–83.

⁴¹⁹ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме. С. 158.

вора о дружбе и союзе между Помпеем и Фарнаком, поскольку он упоминается «как бы вскользь»⁴²⁰, говорит о том, что такого рода аргумент не слишком сильный, учитывая общую фрагментарность сведений о Боспоре у античных авторов⁴²¹. Пойду дальше и скажу, что договор о дружбе и союзе не только «упоминается как бы вскользь», он вообще не упоминается, и упоминаться не может, поскольку в римской внешней политике такой формулировки в принципе не было. Скорее, речь в данном случае должна идти об установлении отношений *amicitia*, следствием которых действительно мог стать некий договор, налагавший определенные обязательства на стороны, которые его заключили. Но так было далеко не всегда.

Дружба Фарнака с Помпеем примечательна и еще по одной причине – о ней свидетельствуют не только тексты античных авторов, как было в случае с Махаром, но и надписи; хотя долгое время считалось, что Фарнак не употреблял титул *φιλώρμαιος* в официальной титулатуре⁴²². Ситуация изменилась после находки в 2003 г. в станице Тамань посвящения Аполлону, сделанного от имени βασιλέως Φαρνάκου *φιλώρμαιος* (прил. 1; табл. 1)⁴²³. Аналогии в написании букв рассматриваемого памятника можно найти в надписях, датированных временем правления Фарнака (КБН 28, 29), эпитафии Гликарии, супруги Асандра (КБН 913) и найденной в Фанагории эпитафии Гипсикратии, супруги царя Митридата⁴²⁴. Несмотря на фрагментарность надписи, Н.А. Павличенко восстанавливает в ней титул – *φιλώρμαιος*, что является самым ранним его упоминанием в боспорской эпиграфике. Позднее это определение станет неотъемлемой частью титулатуры царей Боспора. По мнению Н.А. Павличенко и А.П. Бехтер, это посвящение из Гермонассы должно относиться к первому периоду правления Фарнака, когда в награду за поддержку Рима в борьбе с

⁴²⁰ Функ Б. Указ. соч. С. 81.

⁴²¹ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 353.

⁴²² См. напр.: Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 353.

⁴²³ Павличенко Н.А. Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // БФ. СПб., 2007. Ч. 2. С. 304–306.

⁴²⁴ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. Вып. 1. С. 238 сл.; Павличенко Н.А. Указ. соч. С. 304.

Митридатом он был провозглашен царем Боспора и удостоен титула *φιλώρῳμαιος*⁴²⁵. Безусловно, для Фарнака это имело огромное значение, поскольку означало признание Римом законности его власти⁴²⁶. При этом монеты царя Фарнака не содержат подобных указаний – интерпретация монограммы на них как сокращения титула *φιλώρῳμαιος* весьма сомнительна⁴²⁷. Золотая и медная чеканка царя Фарнака не свидетельствует о каком-либо существенном влиянии со стороны Рима; хотя в среде исследователей существует точка зрения, что статеры Фарнака «чеканились по форме римских ауреусов»⁴²⁸; однако с этим трудно согласиться, поскольку до массовых выпусков монет Цезаря в самом Риме не существовало регулярной золотой чеканки, а золото играло крайне незначительную роль в римском денежном обращении⁴²⁹.

Положение меняется во второй половине 50-х гг., когда происходит разрыв Помпея с Цезарем. Дружественные цари также оказались втянутыми в это противостояние, поскольку римские политики не раз были вынуждены требовать их оказать помощь. С правителями Востока, что очевидно, в большей степени был связан Помпей (Cic. Fam. IX.9; Att. VIII.11). Большинство правителей откликнулось на его призыв, и многие даже прибыли к нему лично. Судя по описаниям источников, в армии Помпея были представители самых разных народов, а среди союзников особенно выделялись Дейотар и Ариобарзан (Caes. BC. III.4). Артавазд не явился к Помпею, но «Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата» (App. BC. II.71), был, видимо, посланником царя Великой Армении⁴³⁰. К Фарнаку не раз направляли просьбы о помощи, но он отказался поддержать Помпея (Bell. Alex. 69; Dio Cass. XLII.47.4; Lucan Phars. II.636–637), проявляя таким образом себя не как самый достойный друг. Дион Кассий сообщает, что «Фарнак,

⁴²⁵ Бехтер А.П. Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н.э. // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / А.В. Сиренов (отв. ред.). М.; СПб., 2022. С. 58.

⁴²⁶ Sands P.S. Op. cit. P. 40; Seager R. Op. cit. P. 52.

⁴²⁷ Hoben W. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Mainz, 1969. S. 15.

⁴²⁸ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 23.

⁴²⁹ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 52; Поздняков А.В. Начало регулярной чеканки золотой монеты в Риме при Цезарях и причины ее появления // Вестник МГУ. Серия «История». 1980. № 1. С. 71.

⁴³⁰ Sherwin-White A.N. Roman foreign policy... P. 299.

лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем разгорелось междоусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства, так как надеялся, что они потратят много времени на ссоры и будут использовать силы римлян друг против друга; и он теперь начал продвигать свои планы частично потому, что уже однажды начал, и частично потому, что знал о том, что Цезарь был далеко, и он захватил много местностей...» (Dio Cass. XLII.45.2–3). Далее автор сообщает, что «...задумав вернуть себе отцовское царство (τὴν πατρῶαν βασιλείαν), он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея (τοῦ Καίσαρος καὶ τὴν τοῦ Πομπηίου στάσιν) и, так как римляне были тогда заняты собственными делами, а потом были задержаны в Египте...» (Dio Cass. XLII.45.2). Таким образом, в то время как Рим был поглощен гражданскими войнами, боспорский царь Фарнак решил воспользоваться ситуацией. Хотя захватнические амбиции, вероятно, зрели у него давно, активные действия он начал лишь в 48 г. до н.э.⁴³¹ Первым делом он добрался до Колхиды – ее правитель Аристарх, по всей видимости, был убит⁴³². После этого Фарнак захватил Малую Армению и Каппадокию, воспользовавшись отсутствием Дейотара и Ариобарзана, которые сопровождали Помпея в Греции (Dio Cass. XLII.45.3). Это было открытым заявлением о том, что дружественные отношения отныне прекращены, поскольку он напал на территории, которые принадлежали друзьям Рима. Маловероятно, что Фарнак действовал по согласию с Цезарем, как иногда считают⁴³³. Однако боспорский царь, конечно, знал о происходящем в Риме и выбрал момент, когда Рим не смог бы оперативно отреагировать. Его вторжение в Малую Азию, по всей види-

⁴³¹ Называют различные годы: чаще фигурирует 48 г. до н.э. (Brandis C. Op. cit. Sp. 777; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 58 сл.; Гайдукевич В.Ф. История... С. 126; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 130; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 188), некоторые полагают, что это произошло в 47 г. до н.э. (Fuller J.F.C. Julius Caesar: Man, soldier, and Tyrant. L., 1965. P. 257–260; Christ K. Krise und Untergang der Romischen Republic. Darmstadt, 1993. S. 372). Но на основании сведений источников можно утверждать, что это произошло не ранее 50/49 г. до н.э. (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 38).

⁴³² Лордкипанидзе Г.А. Указ. соч. С. 41; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. С. 280.

⁴³³ Моммзен Т. История Рима. В 4-х томах. Ростов н/Д, 1997. Т. 3. С. 365.

мости, произошло вскоре после битвы при Фарсале. Помпеянцы еще считали его союзником, а Цезарь, находясь в Азии, даже не был осведомлен о его действиях⁴³⁴.

Показательно, что, видимо, в это время изменяется титулатура Фарнака – во втором периоде его царствования из надписей пропадает *φίλорώμαιος*⁴³⁵, зато теперь Фарнак принимает титул *βασιλεύς βασιλέων μέγας* (великий царь царей), который помещался и на монетах (прил. 2, рис. 9)⁴³⁶, и в царских надписях (КБН 28, 29, посвящение из Артезиана; прил. 1, табл. 1). Показательно, что Фарнак чеканил свои золотые монеты с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ не только в эмиссионных центрах Боспора, но, видимо, и в Малой Азии⁴³⁷. Без сомнения, Фарнак принял титул *βασιλεύς βασιλέων μέγας* по примеру отца; известно, что Спартокиды не носили подобного титула. Этот титул стал использоваться не позднее 55/54 г. до н.э., когда позиции Фарнака на Боспоре укрепились⁴³⁸. Действительно, Фарнак владел землями вплоть до Танаиса, хотя некоторые племена, которые жили в пределах его царства, ему пришлось подчинять силой. Так, у Страбона содержится сюжет о том, что «Фарнак однажды и Гипанис к дандариям провел, как говорят, через какой-то старый расчищенный им канал и затопил землю» (Strabo XI.2.11: *Φαρνάκης δέ ποτε καί τὸν Ὑπανὶν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διὰ τινος παλαιᾶς διώρυγος ἀνακαθάρας αὐτὴν [καί] κατακλύσαι τὴν χώραν*. пер. – М.Р.). Страбон пишет: «...аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20 тыс. всадников, когда Фарнак владел Боспором, Спадин же, царь аорсов, даже 200 тыс.; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область...» (Strabo XI.5.8). Таким образом сармат-

⁴³⁴ *Панов А.Р.* Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47–46 гг. до н.э. // *Международный круглый стол: «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры»*. 2008. С. 196.

⁴³⁵ *Бехтер А.П.* Указ. соч. С. 58.

⁴³⁶ *Zograph A.N.* Ancient Coinage. Oxf., 1977. P. 301 ff., pl. xliv.

⁴³⁷ *Чопеф М.М.* «Calamitas virtutis occasio»... С. 44–59.

⁴³⁸ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э... С. 225; *Молев Е.А.* О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // *Античный мир: Материалы научной конференции*. Белгород, 1996. С. 90; *Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима... С. 354; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. С. 130; *Golenko K.V., Karyszkowski P.J.* The gold coinage of king Pharnaces of the Bosphorus // *Numismatic chronicle*. L., 1972. P. 32; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... С. 31.

ские племена, обитавшие между Понтом Эвксинским, Меотидой и Каспием, стали основными союзниками Фарнака и помогали ему конницей⁴³⁹.

Интересна в этом отношении КБН 29, которая представляет собой посвящение, сделанное боспорским царем Зевсу Генарху. Полностью царская титулатура представлена здесь следующим образом: [Φαρνάκης? μέγας βασιλεὺς βασιλέων [ἄρχων? Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην – «Фарнак, великий царь царей, правящий европейским Боспором» (КБН 29; прил. 1, табл. 1). Если восстановление второй строки надписи верно, то можно предположить, что власть Фарнака в какой-то период не распространялась на азиатскую часть Боспора, что соответствует свидетельству Аппиана о том, что Помпей предоставил Фарнаку власть над Боспором за исключением Фанагории. Считается, что через некоторое время, после того как Фанагория с подачи Помпея стала свободным городом, Фарнак напал на нее, осадил и вновь подчинил своей власти. По сообщению Аппиана, «Фарнак осаждал фанагорийцев и окрестный Боспор, пока не сразился с фанагорийцами, которые из-за голода вступили в битву, и, не причинив им никакого вреда (βλάβας οὐδέν), но сделав друзьями (φίλους ποιήσάμενος) и взяв заложников, отступил» (App. Mithr. 120. пер. – М.Р.). Действительно, судя по всему, в результате осады города войском Фарнака в середине I в. до н.э. постройки на южной окраине Фанагории оказались в той или иной степени разрушенными, а городские стены демонтированными⁴⁴⁰. Однако это отнюдь не говорит о том, что в ходе этих событий Фанагория была лишена ἐλευθερία, которая была дарована Помпеем после антимиитридатовского восстания 63 г. до н.э. Напротив, судя по сообщению Аппиана, Фарнак пусть и не самым мирным путем, но добился установления дружбы с Фанагорией. Вероятно, это было сделано для того, чтобы избежать судьбы отца – помня пример фанагорийца Кастора, Фарнак, видимо, не хотел, чтобы подобное случилось вновь. Такая политика, очевидно, дала результаты, поскольку источники не сообщают о каком-либо участии Фанагории в событиях конца 50-х – начала 40-х гг. I в. до н.э. Скорее, можно говорить о том, что в Фарнак

⁴³⁹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 33.

⁴⁴⁰ Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических данных // МИА. Вып. 130. М., 1965. С. 234–236; Завойкин А.А. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории в V–I вв. до н.э. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 113–115.

установил невраждебные отношения с Фанагорией, чтобы обеспечить относительное спокойствие на Боспоре, на период своей кампании в Колхиде, Малой Армении и Каппадокии. С этим вполне согласуется наблюдение Г.А. Цветаевой о том, что разбор городской стены в Фанагории «происходил не постепенно, а в очень короткий период и, судя по найденным материалам, датируется I в. до н.э.»⁴⁴¹.

В 2023 г. на городище Артезиан в Крымском Приазовье были открыты остатки храма Зевса Генарха. Храм основан, по-видимому, при Митридате VI и восстановлен после землетрясения 63 г. до н.э. его сыном Фарнаком⁴⁴². Также в храме были обнаружены фрагменты надписи с посвящением: [βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτὴρ]ρ Φαρνάκης κρατή[σας Σκύθας, ὑπὲρ τῶν Κ]ρανέων ἀνέθηκε Διὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ῆρι] – «Великий царь царей и Спаситель Фарнак, победив скифов, за краео-нян посвятил храм Зевсу Родоначальнику и Спасителю» (пер. В.П. Яйленко). При этом Зевс упоминается здесь с эпитетом Γενάρχης, т.е. «родоначальник». Подобное упоминание встречается и в посвятельной надписи на постаменте статуи от имени боспорского царя, согласно дополнению В.В. Латышева, – Фарнака (КБН 29). Не вполне понятно, употреблен ли эпитет Γενάρχης потому, что царь вел свое происхождение от Зевса или же он дан Зевсу в том широком смысле, в каком Гомер называет его «отцом богов и людей»⁴⁴³. Показательно, что этот эпитет очень редок⁴⁴⁴ и в боспорских надписях больше не встречается. Вероятно, его можно рассматривать как часть пропаганды Фарнака – ведь он был первым боспорским царем после смерти Митридата VI. Соответственно и культ Зевса Родоначальника смотрелся бы здесь вполне уместно и ассоциировался с Фарнаком как основателем новой правящей династии, утвержденной на Боспоре с согласия римлян.

⁴⁴¹ Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию... С. 235.

⁴⁴² Винокуров Н.И., Мацнев Д.В., Фесенко А.В. Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. 2024. Вып. 3. С. 150–164. Несмотря на скептическое отношение А.А. Масленникова к популярной точке зрения о землетрясениях как причины массовых разрушений на Боспоре в определенные периоды его истории (Масленников А.А. Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // БЧ. 2008. Вып. IX. С. 182), не следует *a priori* исключать и этот вариант.

⁴⁴³ Болтунова А.И. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. Вып. 1. С. 182.

⁴⁴⁴ Bruchmann C. Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur. Leipzig, 1893. P. 126–128.

Но вернемся к военной кампании Фарнака, которую он начал вопреки установленной с Помпеем дружбе. Рим, видимо, отреагировал только после жалоб Дейотара и Ариобарзана, которые предупреждали, что не смогут выплатить взысканные с них Цезарем деньги, пока Фарнак удерживает их территории (Bell. Alex. 34). В результате вопросом вытеснения боспорского царя из Малой Азии занялся наместник Азии Домиций Кальвин. Он потребовал освободить Каппадокию и Малую Армению (о Колхиде речи не шло), однако, после того как Фарнак отказался подчиниться, вступил с ним в сражение и потерпел поражение при Никополе (Dio Cass. XLII.42.2; App. Mithr. 120; Suet. Caes. 36; Plut. Caes. 50). Цезарь, покинув Египет, выдвинулся навстречу Фарнаку, параллельно решая дела в регионе и принимая делегации послов из городов Востока. Отмечают, что цель его была двойной – не только изгнание Фарнака, но и решение проблем, связанных с обустройством региона⁴⁴⁵.

Встретившись с войском боспорского царя у Зелы, Цезарь был готов простить Фарнаку все его проступки, включая убийства римских граждан, однако сперва потребовал освободить Понт и вернуть все захваченное. Однако он не настаивал на возвращении Малой Армении – скорее всего, чтобы не тратить лишнее время, Цезарь добивался только возвращения непосредственных римских владений. Боспорский царь, зная, как Цезарь спешит в Рим, был готов дать ему самые широкие обещания (Caes. Bell. Alex. 71). Фарнак даже послал ему золотой венок, что вероятно, можно рассматривать как попытку закончить дело миром, как дар от потенциального друга. Однако на это он получил ультимативный ответ – Фарнак должен был немедленно очистить Понт, отпустить откупщиков и возвратить римским союзникам и гражданам все, что еще осталось в его руках (Caes. Bell. Alex. 70). К этому Цезарь добавил, что если он сделает это, то тогда пусть и присылает ему дары и подарки, которые полководцы после удачных сражений привыкли получать от своих друзей (Caes. Bell. Alex. 70: *si fecisset, iam tunc sibi mitteret munera ac dona quae bene rebus gestis imperatores ab amicis accipere consuessent*). Показательно и то, что битву при Зеле начал не Цезарь, как утверждают некоторые античные авторы, а Фарнак (Bell. Alex. 34–40, 65, 69, 74; Dio Cass. XLII.47.1–3; Plin. NH. 6.10; App. Mithr. 120; Plut.

⁴⁴⁵ Magie D. Op. cit. P. 410.

Caes. 50.2; Liv. per. 113; Flor. 2.3.11; Suet. Iul. 37; Strabo 12.3.14; Frontin. 2.2.3; Eutr. 6.22), таким образом окончательно забросив попытки возобновления дружественных отношений с Римом. Как известно, в ходе этих событий Фарнак потерпел поражение. Царь бежал в Синопу и сдал город Домицию Кальвину. Здесь по повелению Цезаря Домиций Кальвин заключил с поверженным царем мир, по условиям которого последний передавал римлянам Синопу и весь Понт. Аппиан, правда, упоминает, что Фарнак заключил с Домицием соглашение, однако употребленное им слово *ὑπόσπονδος* точнее трактовать не как мирный договор, а как временное перемирие, предоставлявшее противнику возможность беспрепятственно отступить – чем Фарнак, собственно, и воспользовался (App. Mithr. 120). После этого опять-таки с позволения римлян Фарнак со своими всадниками отплыл на Боспор, предварительно перебив всех лошадей (Bel. Alex. 71–77; Dio Cass. XLII.47; Plut. Caes. 50.2–4; Flor. II.13.63; Oros. VI.16.3; Suet. Iul. 35.2; App. BC. II.91; App. Mith. 120; Liv. Per. 113; 114; Eutrop. VI.22.3; Plin. NH. VI.10). Во время этой войны Асандр, которого Фарнак оставил наместником Боспора, восстал против царя. Как сообщает Аппиан, Асандр, личный враг (*ἐχθρὸς ἴδιος*), изгнал его из Азии (*ἐξήλασε τῆς Ἀσίας*, App. Mithr. 120). Фарнак попытался вернуть себе свои владения, захватил Феодосию и Пантикапей, но в итоге пал в бою с Асандром (App. Mithr. 120; Dio Cass. XLII.47; Strabo 13.4.3).

2.1.3. Правление Асандра и *amicitia* с Римом

Обстоятельства и причины прихода к власти Асандра освещаются Аппианом, Дионом Кассием и псевдо-Лукианом. Известно, что, отправляясь в Малую Азию, Фарнак оставил управление Боспорским государством Асандру (Dio Cass. XLII.46.4). Из сообщения псевдо-Лукиана следует, что до получения титула царя Асандр был этнархом (*ἐθνάρχης*), причем царские регалии он получил от самого Августа (Luc. Macr. XVII.3: Ἀσανδρὸς δὲ ὁ ὑπὸ τοῦ θεοῦ Σεβαστοῦ ἀντὶ ἐθνάρχου βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς Βοσπόρου). Однако, судя по данным нумизматики, до того, как Асандр стал царем, он имел титул архонта (прил. 2, рис. 10)⁴⁴⁶, а не этнарха. Очевидно, что сообщение псевдо-Лукиана относится по крайней мере к началу

⁴⁴⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 189–191; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 77–80; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 23 сл.

20-х гг. I в. до н.э., судя по тому, что античный автор упоминает почетный титул Σεβαστός (подробнее речь об этом титуле пойдет в третьей главе). С.Ю. Сапрыкин, обращаясь к этому сюжету, высказал предположение, что титул ἐθνάρχης, который не встречался на Боспоре ранее, начал использоваться еще при Митридате VI, поскольку «в Малой Азии им обозначали предводителя племени или группы племен, одновременно являвшегося начальником области или региона, где эти племена находились»⁴⁴⁷. Такое построение кажется несколько вольным, ведь титул ἐθνάρχης на Боспоре не встречается ни до, ни после Асандра, и при этом употребляется по отношению к нему только в тексте псевдо-Лукиана. Известно, что титул ἐθνάρχης использовался в Иудее в период со II по I вв. до н.э., а позже, во II в. н.э. он стал военной должностью в римской армии⁴⁴⁸. Поэтому применительно к боспорским реалиям второй половины I в. до н.э. употребление этого титула кажется анахронизмом; скорее, следуя сообщению Диона Кассия, более уместно обозначать Асандра до принятия им царского титула как ἐπίτροπος, т.е. наместник, который был оставлен на Боспоре Фарнаком⁴⁴⁹ (Dio Cass. XLII.46.4). Так или иначе, Асандр сумел воспользоваться отсутствием Фарнака на Боспоре и захватил престол, хотя и не вполне понятно при каких обстоятельствах. В 47 г. до н.э., когда Асандр поднял мятеж⁴⁵⁰, он принял титул архонта, следуя традициям боспорских правителей, все еще надеясь, пусть и напрасно, получить статус царя от Цезаря⁴⁵¹. Дион Кассий прямо говорит, что Асандр стремился угождать римлянам и рассчитывал получить от них власть над Боспором (Dio Cass. XLII. 46.4). Поскольку римляне утверждали не только царский титул, но и законность самого правления, а Асандр начал чеканить золото и вести летоисчисление

⁴⁴⁷ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 55–56; Он же. Понтийское царство. С. 239, а также ряд других авторов, см.: Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 357, п. 2.

⁴⁴⁸ Coşkun A. Der Ethnarchentitel des Simon (Makkabaïos) und die Verleihung der Souveränität durch Antiochos VII. Sidetes // Scripta Classica Israelica. 2018. Vol. 37. S. 129–161.

⁴⁴⁹ APR: Asandros, King of the Bosphoros.

⁴⁵⁰ Nawotka K. Asander of the Bosphorus... P. 32; Braund D. King Scribonius // БФ. Ч. 1. СПб., 2004. С. 83, 84.

⁴⁵¹ Coşkun A. The Bosphoran Kings in-between the Mithridatic Tradition and Friendship with Rome: the Usurpation of Asandros Revisited // Proceedings of the Conference 'The Black Sea Region in the Context of the Roman Empire' (Athens, 5–8 May 2016). 2017/18. P. 125–148.

без их согласия, однозначно заявивший о своих претензиях на власть архонт ожидал от Рима только формального одобрения своих действий⁴⁵².

Однако действия Асандра прямо противоречили намерениям римских политиков. Как убедительно показал Х. Хайнен, Цезарь направил против Асандра Митридата Пергамского с войском, мотивируя это тем, что Асандр разбил в бою и сверг правителя, заключившего с Римом перемирие (App. Mithr. 120). Это означало, что на тот момент Рим признавал Фарнака законным царем и полноценным субъектом международного права. Следовательно, Рим считал себя обязанным восстановить порядок в дружественном соседнем государстве⁴⁵³. Кроме того, среди причин, которые побудили Митридата Пергамского начать поход против Асандра Дион Кассий обозначает ὅτι πονηρὸς ἐς τὸν φίλον ἐγένετο – потому что дурное дело по отношению к другу было совершено (Dio Cass. XLII.48), т.е. имеется ввиду предательство Асандром Фарнака как друга Рима.

Как уже было сказано, после поражения Фарнака при Зеле, Цезарь решил сменить власть на Боспоре, выбрав своим ставленником Митридата Пергамского. Он уже доказал свою верность Цезарю во время Александрийской войны и, вероятно, имел династические права на трон как возможный сын Митридата Евпатора⁴⁵⁴. По словам Аппиана (App. Mithr. 121), Цезарь действительно передал Боспор Митридату. Но перед этим Фарнак бежал в Синопу, заключил перемирие с Кальвином, вернулся на Боспор, захватил Феодосию и Пантикапей, но в итоге пал в бою с Асандром (App. Mithr. 120). Аппиан не уточняет, был ли Митридат назначен правителем до или после смерти Фарнака, но пишет, что «Фарнак потерял власть, и Цезарь отдал его царство Митридату». Дион Кассий выражается четче: по его версии, Цезарь дал Митридату титул царя и разрешил вести войну с Асандром, который, убив Фарнака, нарушил верность Риму⁴⁵⁵ (Dio Cass. XLII.46–48; Strabo 13.4.3; Bell. Alex. 78.2; App. Mithr. 120–121). Таким образом, назначение Митридата стало реакцией на сверже-

⁴⁵² Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 357.

⁴⁵³ Heinen H. Mithradates von Pergamon... S. 76–78.

⁴⁵⁴ Подробнее о проблеме определения настоящего отца Митридата Пергамского см.: Heinen H. Mithradates von Pergamon... S. 66–70.

⁴⁵⁵ Sullivan R.D. Near Eastern Royalty... P. 158 ff.

ние Фарнака и измену Асандра, которой с точки зрения Рима теперь должен был рассматриваться как узурпатор, не имевший прав на боспорский престол.

Правда, нам не вполне известно происхождение самого Асандра, а также его дальнейшие родственные связи – один из спорных вопросов истории Боспора рубежа эр связан с именем и личностью царя Асандроха. Основная сложность заключается в том, можно ли отождествлять Асандроха с известным боспорским царем Асандром. Первую точку зрения поддерживал М.И. Ростовцев, хотя следует отметить, что гипотеза о тождестве этих двух имен высказывалась в научной литературе и ранее⁴⁵⁶. Долгое время в научной литературе преобладало⁴⁵⁷ именно это мнение: предполагалось, что «Асандрох» представляет собой варваризованную форму греческого имени⁴⁵⁸, либо, наоборот, что «Асандр» – это грецизированная версия варварского имени⁴⁵⁹. Со временем возникли значительные сомнения в правильности такого отождествления⁴⁶⁰, и сформировалось мнение, что Асандр и Асандрох – совершенно разные личности. Автор диссертации не ставит перед собой задачу представить здесь еще один, «оригинальный» вариант решения этой проблемы, но хочет изложить некоторые свои наблюдения.

Рассуждения исследователей по поводу царя Асандроха основаны на трех более поздних надписях, в которых упоминается происхождение боспорского царя Аспурга от царя Асандроха. В КБН 40, найденной на северном склоне горы Митридат в 1865 г., указывается, что βασιλέα μέγαν Ἀσποῦργον φιλορώμαιον, τὸν ἐκ βασιλέως

⁴⁵⁶ Rohden P. Aspurgos // RE. Bd. II. Stuttgart, 1896. Sp. 1741; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 19.

⁴⁵⁷ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 316; Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 154; Устинова В.О. Аспург та аспурпани // ВХУ. № 35. Вип. 3. Харьков, 1969. С. 62; Марченко И.Д. Город Пантикапей. Симферополь, 1974. С. 64; Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 107; Блаватский В.Д. Боспорские города в позднеантичное время // Античная археология и история. М., 1985. С. 243; Масленников А.А. Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. С. 162; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. Вып. 2. С. 153; Сапрыкин С.Ю. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 208.

⁴⁵⁸ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 67.

⁴⁵⁹ Zgusta L. Die Personnamen griechischer... S. 364.

⁴⁶⁰ Каллистов Д.П. Северное Причерноморье.... С. 158; Горемыкина В.И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. // УЗМПИ. 1955. Вып. 11. С. 139; Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья / А.И. Павловская (ред.). М., 1987. С. 43; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 26.

Ἀσανδρόχου, φιλόκαισαρα καὶ φιλορώμαιον, т.е. великий царь Аспург, друг римлян (дружественный римлянам), происходит от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян (дружественного цезарю и римлянам) (прил. 1, табл. 1). Именно этот памятник боспорской эпиграфики стал поводом для некоторых споров в исследовательской среде. Выражение τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου может означать, что Аспург был либо потомком, либо сыном Асандроха. В эпиграфических текстах имеются параллели, подтверждающие как первое⁴⁶¹, так и второе понимание текста⁴⁶². Об имени и личности самого Асандроха были высказаны различные точки зрения. Одни, отождествляя Асандроха с боспорским царем Асандром, считают написание «Асандрох» или ошибкой резчика⁴⁶³, или передачей местной формы имени «Асандр»; с этой точки зрения Асандр/Асандрох оказывается отцом Аспурга. Согласно другому мнению, Асандрох является отличным от Асандра, малоизвестным нам отцом или предком Аспурга. При этом сторонники отождествления Асандроха и Асандра полагают, что в таком случае Аспург приходился сыном Асандру и Динамии и был законным наследником и правителем Боспора⁴⁶⁴. Их оппоненты полагают, что Аспург – родоначальник новой боспорской династии, сын царя Асандроха, мог прийти к власти после смерти Полемона I в 9/8 г. до н.э.⁴⁶⁵ или в 14/15 г. н.э., о чем говорят статеры с монограммой царя.

Однако с течением времени и появлением новых надписей отождествление Асандра и Асандроха стало вызывать все больше сомнений. Причина тому – две новых надписи, обнаруженные в Фанагории и Горгипии. Первая надпись была обнаружена в Фанагории в 2004 г. в ходе визуального обследования морского дна на за-

⁴⁶¹ КБН 44, 55, 59, 60, 1047.

⁴⁶² КБН 979; OGIS 354–356, 382, 384–398, 400, 402, 404, 405.

⁴⁶³ Rostovtzeff M. Queen Dynamis of Bosphorus... P. 19; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 539 сл., а также ряд других авторов.

⁴⁶⁴ Латышев В.В. Краткий очерк истории... С. 106; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 539; Шелов Д.Б. Античный мир... С. 154; Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 107; Sullivan R.D. Near Eastern Royalty... P. 389; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 130–139; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 156–158; Завойкина Н.В. Фанагорийское общество... С. 142.

⁴⁶⁵ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 116–118; Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 165–166; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории... С. 153; Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004. С. 155–156; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 369–370.

падной оконечности акватории затопленной части Фанагории, в 125 м от уреза воды⁴⁶⁶. В надписи пять строк, сохранилась полностью, а ее текст передает, что «царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (*посвятил статую*) Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, в качестве благодарственного дара» (прил. 1, табл. 1)⁴⁶⁷. Надпись датируется годами правления царя Аспурга, т.е. периодом с 14 г. н.э., когда Аспург был официально признан Римом царем Боспора, о чем свидетельствует чеканка им золотых статеров с монограммой ВАР⁴⁶⁸, и до его смерти в 37 г. н.э. При этом в надписи Аспург обозначен не просто как ὁ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, как было в КБН 40, а конкретно βασιλέως Ἀσανδρόχου υἱός, т.е. Асандрох является отцом Аспурга.

Вторая надпись была обнаружена в 2013 г. среди камней, появившихся в ходе демонтажа старого дома в г. Анапа, при этом очевидно, что памятник происходит с территории городища Горгиппия, южная граница которого проходит в 200 м от места расположения постройки, в кладке которой он был вторично использован⁴⁶⁹. Текст надписи следующий: «царь Аспург, друг римлян, (происходящий) от великого царя Асандроха, посвятил Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа, в 315 году» (титул царя: βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς] φιλορώμαιος ὁ ἐκ βασιλέ[ως] μεγάλου Ἀσανδρόχου; прил. 1, табл. 1). Авторы публикации надписи датировали ее 303 г. б.э. (6/7 г. н.э.), на основании чего сделали вывод, что Аспург к тому времени взошел на боспорский престол, поскольку в надписи обозначен как он βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς], φιλορώμαιος⁴⁷⁰. Однако, такая датировка противоречит данным нумизматики, поскольку статоры с монограммой этого царя, содержащие указание на царский титул, начали чеканиться только в 311 г. б.э. (14/15 г. н.э.). Как недавно убедительно показал М.М. Чореф, исследователи неверно прочли дату, приведенную в последней строке надписи; по его мнению, сам текст следует датировать 315 г. б.э. (18/19 г. н.э.)⁴⁷¹.

⁴⁶⁶ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 156–161; Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester...; SEG LVIII 2.

⁴⁶⁷ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 157.

⁴⁶⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 64.

⁴⁶⁹ Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Указ. соч. С. 681; Чореф М.М. К вопросу о датировке посвячительной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгиппии // ПИФК. 2024. Вып. 16. С. 811–836.

⁴⁷⁰ Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Указ. соч. С. 681.

⁴⁷¹ Чореф М.М. К вопросу о датировке... С. 811–836.

Вероятно, имя Асандроха могло также упоминаться в трех фрагментарных надписях, где речь идет об Аспурге, и потому некоторые исследователи предположительно восстанавливают в них и имя его отца (КБН 39; SEG XLII 699 = IOSPE I² 573; AE 2009, 1222 = SEG LIX 842). Однако надписи дошли до нас в очень фрагментарном виде, а потому предложенные исследователями восстановления⁴⁷² являются только лишь предположениями и не могут быть использованы в качестве весомых доказательств при рассмотрении вопроса о царе Асандрохе.

В любом случае, достаточно трудно судить о происхождении самого Асандроха, поскольку его имя фигурирует только в надписях, относящихся к Аспургу. Литературные, эпиграфические и нумизматические свидетельства обозначают преемника Фарнака Асандром, в то время как отца Аспурга в дошедших до нас греческих надписях упорно называют Асандрохом. При этом ни один из античных авторов не подтверждает этого факта, да и вообще не упоминает имя Асандроха. Более того, если бы у Асандра (родившегося около 112 г. до н.э.) действительно был сын от Динамии (предположительно рожденной в 60-х гг. до н.э., – речь об этом пойдет далее), он почти наверняка был бы назначен преемником в 20-х гг. до н.э. или стал бы ее соправителем вместо Скрибония или Полемона I. Еще менее вероятно, что после смерти Асандра его сын – как законный наследник – не стал бы мишенью в династической борьбе за власть на Боспоре. Более того, подобный конфликт вряд ли остался бы незамеченным в античной литературной традиции, однако источники совершенно его игнорируют: ни нарративные тексты, ни эпиграфические памятники не содержат упоминаний о какой-либо связи между Динамией и Аспургом. Поэтому тождество Асандра и отца Аспурга следует категорически отвергнуть. К моменту своей смерти около 20 гг. до н.э. Асандру было около 93 лет (Luc. Macrob. 17). Маловероятно, что у Асандра был сын, который в его преклонном возрасте был слишком мал, чтобы стать соправителем – именно поэтому эту роль исполняла его жена Динамия. Если бы такой сын действительно существовал, Динамия вряд ли бы поддержала узурпатора Скри-

⁴⁷² Подробнее об этих надписях и восстановлениях исследователей см.: *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. Вып. 3. С. 132; *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Указ. соч. С. 138–147; *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. С. 271–276.

бония или правила бы в одиночку после его смерти около 16 г. до н.э. Неубедительно также предположение, что сына Асандра сознательно исключили из борьбы за боспорский престол Август и Агриппа, отдав трон Полемону I в 14 г. до н.э.⁴⁷³ Если Аспург был сыном Асандра и просто еще не достиг возраста для правления, остается непонятным, почему он не унаследовал власть хотя бы после смерти Полемона в 8 г. до н.э., а стал царем только около 14 г. н.э. – почти через 25 лет после смерти Асандра. Тем более что сам Аспург после этого прожил и проправил еще более двадцати лет, что делает такую гипотезу еще менее правдоподобной. Кроме того, все боспорские монеты⁴⁷⁴, литературные источники и надписи, подтверждающие совместное правление с Динамией (КБН 30), однозначно именуют узурпатора, свегнувшего Фарнака II, Асандром. В то же время имя отца Аспурга – Асандрох – последовательно фигурирует отдельно. Более того, сам Аспург нигде не называет Динамию своей матерью, несмотря на ее значительную династическую роль как дочери Фарнака II и внучки Митридата Евпатора. Гипотеза об отождествлении Асандра и Асандроха основана на предположении о том, что сарматское происхождение Асандра якобы свидетельствует о его враждебности к Риму – идея, на первый взгляд привлекательная, но логически замкнутая и противоречащая фактам⁴⁷⁵.

Новая версия биографии Асандра, которая была предложена А. Чошкуну⁴⁷⁶, основанная как на нумизматических данных (где он сначала обозначался как архонт в 1–4 годы, а затем – как царь в 4–29 годы своего правления), так и на литературных свидетельствах о позднем правлении Фарнака II и Митридата VII (Caes. Bell. Alex. 31–41; 65; 69; App. Mithr. 120; Cass. Dio 42.46), датирует его приход к власти мартом или апрелем 47 г. до н.э. Таким образом первый год его архонтства относится к 48/47 г. до н.э., а четвертый год – к 45/44 г. до н.э., когда он, вероятно, получил царский титул от Марка Антония после смерти Цезаря, что нашло отражение и в монетной чеканке

⁴⁷³ APR: Asandros, King of the Bosphoros. Подобные суждения основаны на сообщении Диона Кассия о Полемоне и Агриппе (LIV.24.4–6).

⁴⁷⁴ Nawotka K. Asander of the Bosphorus... P. 21–48; Coşkun A. The Bosporan Kings...

⁴⁷⁵ Coşkun A. Heinz Heinen und die Bosporanischen Könige – Eine Projektbeschreibung // Mobility in Research on the Black Sea. (Iaşi, July 5–10, 2015) / V. Cojocaru, A. Rubel (eds.). Cluj-Napoca, 2016. P. 60–64; Coşkun A. The Bosporan Kings... P. 125–147.

⁴⁷⁶ Coşkun A. The Bosporan Kings... P. 125–147.

Асандра (прил. 2, рис. 11). 29-й год его царствования – это 20/19 г. до н.э., когда он в последний раз упоминается в источниках и, предположительно, умирает. Такая дата его смерти согласуется с другими сведениями – по сообщению псевдо-Лукиана, в возрасте около 90 лет он не уступал никому ни в конном, ни в пешем сражении, но увидев, что накануне битвы его люди переходят к Скрибонию, уморил себя голодом на 93-м году (Lucian. *macr.* 17). Кроме того, известно, что в конце жизни он правил совместно с Динамией (Dio Cass. LIV.24.4, ср. КБН 30), и что это соправление может совпадать с 277 г. б.э., который был указан на первом из двух золотых статеров царицы Динамии (прил. 2, рис. 12 а, б), речь о которых пойдет далее.

Но вернемся к Асандру и его политике на Боспоре. Очевидно, что большее значение для закрепления Асандра на троне имела женитьба на Динамии, поскольку, как уже было сказано, она была дочерью Фарнака, а соответственно имела законные права на боспорский престол⁴⁷⁷. Кроме того, политика Асандра была нацелена на создание дружественных отношений с Римом. Исходя из сведений нумизматики сложно утверждать обратное. В монетных выпусках Асандра влияние Рима прослеживается с трудом. К примеру, мужская голова на аверсе статеров первых лет его правления имеет расплывчатые черты – недостаточно точные, чтобы с уверенностью отождествить изображение с Цезарем, Марком Антонием или Октавианом, как это делают некоторые исследователи⁴⁷⁸. Возможно, это вообще был портрет самого Асандра⁴⁷⁹. Также сомнительно и утверждение С.Ю. Сапрыкина о том, что использование образа Ники на монетах Асандра было заимствованием с римских монет (прил. 2, рис. 10, 11); исследователь считает, что изображение Ники было заимствовано с римских денариев Кассия и Брута, что свидетельствует о симпатиях Асандра к республиканцам. Однако, кажется, что строить на этом предположение о «республиканской» ориентации бос-

⁴⁷⁷ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 12–13; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 313; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 11.

⁴⁷⁸ Minns E. *Op. cit.* P. 592; Зограф А.Н. Античные монеты. С. 189; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 23; Сапрыкин С.Ю. Уникальный статор боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 207; Он же. Боспорское царство... С. 72–73.

⁴⁷⁹ Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление Асандра на Боспоре (по нумизматическим данным) // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 93; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 19.

порского царя несколько необоснованно⁴⁸⁰. Конечно, можно допустить, что Асандр мог в некоторой степени ориентироваться на образы с привозных монет, но прямое заимствование с римской чеканки маловероятно. Асандр явно подчеркивал победную тематику, и Ника как воплощение победы вписывалась в эту линию лучше всего; кроме того, такая иконография была вполне традиционной для Боспора, поскольку встречалась и в монетной чеканке Спартокидов. Также по поводу монет Асандра в литературе можно встретить информацию, что вес его статеров был ближе к римским стандартам, чем у его предшественника Фарнака, однако делать на этом основании вывод о переходе на римскую весовую систему все же рано⁴⁸¹. Вероятнее всего, вес римских ауреусов просто приблизился к весовым стандартам, уже использовавшимся боспорскими монетариями. В дальнейшем тенденции изменения веса в Риме и на Боспоре все равно расходились⁴⁸². Что касается отказа от понтийской эры в датировке монет, то и это вряд ли стоит рассматривать как признак римского влияния. Наоборот, монеты Асандра демонстрируют его как полностью самостоятельного монарха: он размещает на них собственный портрет, титул и символы победы (прил. 2, рис. 10, 11)⁴⁸³.

Однако более всего о характере политики Асандра по отношению к Риму говорят две надписи, которые упоминают его как друга римлян. В посвящении, сделанном навархом Панталеонтом (КБН 30; прил. 1, табл. 1), Асандр упоминается как βα[σιλεύ-
οντος βασιλέως βασιλέων] μεγάλου Ἀσάνδρου [φιλ]ορωμαίου; текст также передает титул Динамии – βασιίσσα, которая выступает его соправительницей. Очевидно, что надпись следует датировать периодом с 45/44 по 20/19 г. до н.э., т.е. временем, когда Асандр был царем Боспора. Как отмечает А.П. Бехтер, текст надписи заметно пере-
кликается с КБН 28 по форме букв и особенно по декоративным элементам, хотя исполнен менее тщательно⁴⁸⁴. Показательно, что к титулатуре митридатидов, восходя-

⁴⁸⁰ Сапрыкин С.Ю. К вопросу о начале правления Асандра на Боспоре // *Античность: события и исследователи*. Межвуз. сб. Казань, 1998. С. 106; *Он же*. Боспорское царство... С. 73–74.

⁴⁸¹ Бертъе-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. М., 1912.

⁴⁸² Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 358.

⁴⁸³ Относительно изображения Ники можно отметить вслед за А.Р. Пановым (*Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 359*), что во Фракии, например, оно исчезло с местных монет после утверждения римского ставленника Котиса. Ср. *Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды... С. 202*.

⁴⁸⁴ Бехтер А.П. Указ. соч. С. 58.

щей к Фарнаку (КБН 28, 29), добавлен титул *φιλορῶμαιος*, свидетельствующий о дружбе с Римом. Таким образом, местные политические традиции не противоречили добрососедским отношениям с Римом. Вторая надпись, в которой упоминается Асандр, была найдена в ходе раскопок Н.И. Сокольского в т.н. резиденции Хрисалиска на Таманском полуострове (прил. 1, табл. 1)⁴⁸⁵. Надпись выполнена крайне небрежно – буквы разнятся по размеру, декоративное оформление отсутствует⁴⁸⁶. Резчик, по-видимому, допустил грубую ошибку – вместо слова *βασιλέως* вырезано *ΒΑΛΕΩΣ*, т.е. пропущен целый слог. Кроме того, в этой надписи впервые в боспорской эпиграфике встречается сокращенная форма *φίλ(ορῶμαιος)*. Однако, как подчеркнула А.П. Бехтер, нельзя исключать, что резчик, плохо владевший греческим языком, просто ошибся при написании нового для него термина⁴⁸⁷. Надпись из резиденции Хрисалиска также следует датировать с 45/44 по 20/19 гг. до н.э. Однако показательно, что в ней Асандр обозначается не как «великий царь царей», как было в КБН 30, а просто как царь. Причины может быть две – либо надписи относятся к разным периодам его правления, либо различия связаны с географией надписей – если посвящение Панталеонта происходит из Пантикапея, то вторая надпись была найдена на азиатском Боспоре, в случае с которым такая титулатура могла быть не слишком уместной, учитывая предыдущий опыт Фанагории. При всем этом боспорский царь уделял значительное внимание укреплению государства и защите его границ: при нем активно велось строительство поселений и возведение оборонительных сооружений как в европейской, так и в азиатской части Боспора⁴⁸⁸. Мощная система обороны, сформированная усилиями боспорских царей к концу I в. до н.э. и включавшая несколько линий укреп-

⁴⁸⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 40 сл.

⁴⁸⁶ Бехтер А.П. Указ. соч. С. 59.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Толстиков В.П. Известные страницы истории... С. 44–46; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 216; Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. Вып. 1. С. 133; Lomtadze G., Zhuravlev D. 'Bosporan Limes' in the Ist Century BC: Fortification of the Bosporan Kingdom during the Reign of King Asander // De Mithridate VI à Arrien de Nicomédie: changements et continuités dans le bassin de la mer Noire entre le Ier s. a.C. et le Ier s. p.C. Actes du colloque de P. Nanterre, 2 et 3 mars 2018 / Th. Castelli, Chr. Müller (eds.). Bordeaux, 2022. P. 231–246.

лений⁴⁸⁹, создавалась не без римской поддержки – укрепление границ союзного государства, граничившего с римскими владениями, явно отвечало интересам Рима.

2.1.4. Боспорская царица Динамия и дружба с Римом

После смерти Асандра власть над Боспором перешла к его супруге Динамии. Ее политическая деятельность отражена в ряде источников – это и упоминания в тексте Диона Кассия (Dio Cass. LIV.24), и лапидарные надписи, и монеты с ее именем и изображением, а также знаменитый портретный бронзовый бюст, на котором, по словам М.И. Ростовцева, «изображена женщина не первой молодости» (прил. 2, рис. 13)⁴⁹⁰. Однако несмотря на такое разнообразие источников, существует ряд спорных моментов, которые касаются времени правления Динамии и ее отношений с Римом. В исследовательской литературе точки зрения о внешнеполитической ориентации боспорской царицы охватывают широкий спектр – от представлений о ней как о лидере антиримского движения против Полемона⁴⁹¹, до обвинений в крайнем сервилизме по отношению к Риму⁴⁹². Не вполне понятно происхождение имени этой царицы⁴⁹³. Судя по сохранившимся надписям и сообщениям античных авторов, Динамия была дочерью Фарнака и внучкой Митридата VI, и соответственно, в отличие от ее первого супруга, имела законные права на боспорский престол (Dio Cass. 54.4; КБН 979). По предположению Э. Миннса, мать Динамии могла происходить из меотов или сарматов⁴⁹⁴. Неясно, была ли Динамия той самой царицей, которую Фарнак предложил в жены Гаю Юлию Цезарю в 47 г. до н.э. (App. Civ. 2.91)⁴⁹⁵.

⁴⁸⁹ Подробнее см.: Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории... С. 44–46; Горончаровский В.А. Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 96–102.

⁴⁹⁰ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 2.

⁴⁹¹ Там же. С. 18; Anderson J.G.C. The Eastern frontier under Augustus // САН. Vol. X. Cambr., 1934. P. 268; Горемыкина В.И. Указ. соч. С. 134; Шелов Д.Б. Античный мир... С. 107; Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. Вып. 100. М., 1965. С. 89; Марченко И.Д. Указ. соч. С. 62; Латышева В.А. О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // ВХУ. Харьков, 1981. Вып. 214. С. 104; Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике... С. 82.

⁴⁹² Дьяков В.Н. Указ. соч. С. 75.

⁴⁹³ Hoben W. Op. cit. S. 32.

⁴⁹⁴ Minns E. Op. cit. P. 152.

⁴⁹⁵ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 98; Hoben W. Op. cit. S. 32; ср. Braund D. Rome and the Friendly King... P. 178f. n. 79.

В течение своей жизни Динамия трижды выходила замуж – античные авторы сообщают, что сначала Динамия была женой Асандра, затем – некоего Скрибония⁴⁹⁶, который восстал против него, после чего Асандр в 19 г. до н.э. уморил себя голодом (Luc. macr. 17; ср. Dio Cass. LIV.24). При этом власть Скрибония была основана именно на браке с Динамией – Дион Кассий сообщает, что Скрибоний получил власть на Боспоре «взяв в жены Динамию, которая получила власть от мужа по наследству и на самом деле была дочерью Фарнака и внучкой Митридата; с помощью этой власти он подчинил Боспор (Dio Cass. LIV.24: γυναῖκα αὐτοῦ Δύναμιν τε καλουμένην καὶ τὴν ἀρχὴν παρὰ τοῦ ἀνδρὸς ἐπιτετραμμένην, ἣ τοῦ τε Φαρνάκου θυγάτηρ καὶ τοῦ Μιθριδάτου ἑγγονος ἀληθῶς ἦν, ἡγάγετο, καὶ τὸν Βόσπορον διὰ χειρὸς ἐποίητο. пер. – М.Р.). После смерти Скрибония в 16/15 г. до н.э. она вышла замуж за Полемона I, царя Понта и Боспора, очевидно, с позволения Августа (Dio Cass. LIV.24: ἥ τε γυνὴ ἡ Δύναμις συνώκησεν αὐτῷ, τοῦ Αὐγούστου δῆλον ὅτι ταῦτα δικαίως αὐτός). Как уже упоминалось выше, не вполне понятно, была ли Динамия матерью царя Аспурга, будущего царя Боспора⁴⁹⁷. Небрежная формулировка послов Фарнака, прибывших к Цезарю накануне битвы при Зеле (App. Civ. 2.91) указывает на то, что в 47 г. до н.э. у боспорского царя была только одна дочь брачного возраста. Вероятно, этой дочерью как раз могла быть Динамия, которая родилась около 60 г. до н.э., а возможно, даже и раньше⁴⁹⁸. Независимо от того, находилась ли она тогда с ним в Малой Азии или на Боспоре (возможно, в статусе заложницы или уже жены Асандра), она, так или иначе, оказалась в руках Асандра не позднее возвращения Фарнака на Боспор, где тот был убит в 47 г. до н.э. (App. Mithr. 120; Dio Cass. 42.47; Strabo 13.4.3). Если Асандр действительно женился на ней – с согласия Фарнака или без – она становилась особенно ценной фигурой в борьбе за поддержку Цезаря, ввиду своего происхождения из царского рода Митридатидов. Получается, что на момент выпуска своих золотых статеров в 21/20 и 17/16 гг. до н.э. (прил. 2, рис. 12 а, б) ей было не менее

⁴⁹⁶ В тексте Диона Кассия он упоминается как Σκριβώνιος τις (LIV.24.4–6). Подробнее о Скрибонии: см. Парфенов В.Н. Загадка Скрибония // ПИФК. 2007. Вып. 17. С. 291–298.

⁴⁹⁷ Saprykin S.Yu. Thrace and the Bosporus under the Early Roman Emperors // Scythians and Greeks: Cultural Interaction in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD) / D. Braund (ed.). Exeter, 2005. P. 170; Braund D. Polemo, Pythodoris and Strabo. Friends of Rome in the Black Sea Region // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / A. Coşkun (Hrsg.). Göttingen, 2005. S. 261.

⁴⁹⁸ APR: Dynamis, Queen of Pontos and of the Bosporos.

40–45 лет. Это подтверждают и портреты на ее монетах – они изображают зрелую женщину, а не молодую девушку, что подтверждает предложенную хронологию.

В статье 1990 г. в АЖА Б. Роуз высказал мнение, что в процессии на южном фризе Алтаря Мира, может быть изображена Динамия и ее малолетний сын⁴⁹⁹. По одной из версий, она могла отправиться в Рим с Марком Випсанием Агриппой⁵⁰⁰ (консулом 37, 28 и 27 гг. до н.э.) в 13 г. до н.э. Такого рода построения кажутся несколько сомнительными – женщина выглядит достаточно юной, а мальчику – на первый взгляд около 5–7 лет. Чтобы эта версия соответствовала действительности, Динамия должна была родить ребенка минимум в 40 лет – теоретически возможно, но маловероятно, особенно учитывая 27-летний бездетный брак с Асандром и ее новое замужество со Скрибонием около 19 г. до н.э. Кроме того, эта версия предполагала бы, что Асандр стал отцом Аспурга в 93-летнем возрасте, незадолго до того, как Динамия оставила его, после чего, по сообщению античных авторов, он уморил себя голодом (Luc. Macr. 17; Dio Cass. LIV.24.4). Такие построения являются крайне вольными, к тому же, как было показано выше, отцом Аспурга был не Асандр, а Асандрох. Точка зрения Б. Роуз была раскритикована также В.Н. Парфеновым и Х. Хайненом, которые предположили, что мальчик, изображенный на фризе, мог быть сыном Динамии от Скрибония⁵⁰¹. Такая версия лучше согласуется с возрастом ребенка, хотя и не устраняет всех противоречий – на момент возможного рождения сына Динамии было как минимум 42 года. Кроме того, у нас нет источников, упоминающих детей Скрибония, а сам он был врагом Августа. Поэтому маловероятно, что его сын воспитывался бы в семье Агриппы⁵⁰². Следовательно, эпизод с пребыванием Динамии в Риме в 13 г. до н.э. сомнителен – в этот период она была гораздо нужнее на Боспоре – для легитимизации власти Полемона. Вместо этого, как предложил Г. Штерн, мальчик, изоб-

⁴⁹⁹ Rose B. Princes and “barbarians” on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94. P. 453–467.

⁵⁰⁰ О «боспорской проблеме» и участии в ней Агриппы см.: Парфенов В.Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 96–106.

⁵⁰¹ Parfenov V.N. Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. 45. S. 95–103; Heinen H. Rome et le Bosphore: notes épigraphiques // CCG. Vol. 7. 1996. P. 85f. n. 10

⁵⁰² APR: Dynamis, Queen of Pontos and of the Bosphoros.

раженный на южном фризе Алтаря Мира, мог быть парфянским или армянским царевичем, а девочка позади, скорее всего, старшая дочь Агриппы⁵⁰³.

Много споров в литературе вызывает и вопрос о времени единоличного правления Динамией. Н.А. Фролова предлагает версию, согласно которой восстание Асандра началось в 49/48 г. до н.э., а Динамия была единоличной правительницей в период с 21/20 по 17/16 гг. до н.э.⁵⁰⁴ Это вызывает некоторые проблемы с подсчетом лет правления Асандра и игнорирует традицию, упоминающую его соперничество со Скрибонием. В то же время Н.А. Фролова говорит о возможности второго или даже третьего правления Динамией после 8 г. до н.э., ссылаясь на монеты с монограммами ΔΥ⁵⁰⁵. Тем самым она разделяет скептицизм С.Ю. Сапрыкина, Д. Браунда и В. Кожокару⁵⁰⁶. Судя по всему, таких эпизодов действительно могло быть несколько – с 20/19 г. до н.э. (смерть Асандра) по 16/15 до н.э. (брак с Полемоном) и 9/8 г. до н.э. (победа над Полемоном его гибель) – 14 г. н. э. (воцарение Аспурга)⁵⁰⁷. Однако судьба Динамией после 14 г. до н.э., а также структура власти на Боспоре в период с 8 г. до н.э. по 14 г. н.э., остаются неясными. Дата ее смерти спорна – одни исследователи указывают 12 г. до н.э.⁵⁰⁸, другие – после 7/8 г. н.э.⁵⁰⁹

Известно, что в 16/15 до н.э. Динамия стала женой Полемона, царя Понта. Как сообщает Дион Кассий, боспоряне подняли восстание против Скрибония и убили его, поэтому прибывший на Боспор по велению Агриппы Полемон застал его уже мертвым. Однако позже жители Боспора отвергли и Полемона, что вынудило Агриппу вмешаться в эти события и подавить восстание, что вновь продемонстри-

⁵⁰³ Stern G. Friends and Family of Augustus on the Ara Pacis – and One or Two Enemies. Emory University, 2015. P. 11.

⁵⁰⁴ Фролова Н.А. Еще раз о времени правления Динамией, царицы Боспора (21/20–17/16 гг. до н.э.) // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А.С. Мельниковой и 90-летию В.В. Узденикова. Москва, 19–20 ноября 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 8–9.

⁵⁰⁵ приписываемую ей Minns E. Op. cit. P. 599–604 и другими исследователями.

⁵⁰⁶ Saprykin S.Yu. Op. cit. P. 171; Braund D. Polemo, Pythodorus and Strabo... P. 258.

⁵⁰⁷ Карышковский П.О., Фролова Н.А. Указ. соч. С. 89–112; Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Указ. соч. С. 97–98; Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 226–249. Альтернативную точку зрения см.: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 97–99.

⁵⁰⁸ Saprykin S.Yu. Op. cit. P. 171; Braund D. Polemo, Pythodorus and Strabo... P. 258.

⁵⁰⁹ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 99; Rose B. Op. cit. P. 458; Parfenov V.N. Op. cit.; Podosinov A.V. Am Rande der griechischen Oikumene // Das Bosporianische Reich / J. Fornasier, B. Böttger (Hrsg.). Mainz, 2002. S. 31; Kearsley R.A. Women and Public Life in Imperial Asia Minor: Hellenistic Tradition and Augustan Ideology // AWE. Vol. 4. 2005. P. 100.

ровало заинтересованность Рима в династическом благополучии на Боспоре (Dio Cass. LIV.24.4–7). После смерти Полемона в 9/8 г. до н.э. Динамия вновь стала править единолично. При этом, в семи надписях Динамия представлена как единоличная правительница Боспора (прил. 1, табл. 1). Одним из памятников эпиграфики периода правления Динамии является надгробие Матиана, ранее хранившееся в Темрюкском музее как стела неизвестного происхождения⁵¹⁰. Уникальной для Боспора является сама инициатива установки памятника – ее проявила лично царица. Это свидетельствует о высоком статусе Матиана и его особом значении для Динамии. Необычной выглядит и палеография надписи. Ряд ее особенностей не имеет аналогов в других памятниках того времени. Эволюцию используемого шрифта можно проследить по декрету из Танаиса, посвященному сыну Матиана⁵¹¹.

Обратимся к надписям с упоминанием Динамии, которые были опубликованы в Корпусе боспорских надписей (КБН 31, 38, 978, 979, 1046; прил. 1, табл. 1). Условно их можно разделить на две группы. Первая группа эпиграфических памятников представляет собой три посвящения от имени Динамии Августу и Ливии, где они прославляются как спасители и благодетели (КБН 38, 978, 1046). Динамия называет Ливию своей благодетельницей (τὴν ἑαυτῆς εὐεργέτιν, КБН 978), а Августа – богом и сыном бога (θεὸν θεοῦ υἱὸν, КБН 38), правителем всей земли и моря (τὸν πάσης γῆς καὶ πάσης θαλάσσης ἄρχοντα, КБН 1046), а также своим спасителем и благодетелем (τὸν ἑαυτῆς σωτῆρα καὶ εὐεργέτην, КБН 38; КБН 1046).

Существует вторая группа надписей с именем Динамии, которые были поставлены в честь царицы фанагорийцами, пантикапейцами и танаитами. Это найденная в районе городища Фанагории в 1859 г. КБН 979 с текстом: «царицу Динамию (ее изображение), друга римлян, дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса, свою спасительницу и благодетельницу, (поставил) народ агриппейцев»; найденная в Керчи в 1957 г. КБН 31 с текстом: «за царицу Динамию, друга римлян, дочь царя великого Фарнака, сына царя Митридата Евпатора Диониса, Афродите Урании – владычице Апатура посвятили Мирон, сын Мирона, и жена Кириена».

⁵¹⁰ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 220–224.

⁵¹¹ Бехтер А.П. Указ. соч. С. 62.

Вероятно, к периоду правления Динамии относится и посвятельная надпись, найденная в Танаисе. Памятник состоит из нескольких нестыкующихся фрагментов, однако имя и титул правительницы удалось почти полностью реконструировать⁵¹².

Если проанализировать указанные надписи в контексте развития титулатуры Динамии, выясняется, что в пяти из рассмотренных документов она именуется $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (КБН 31, КБН 38, КБН 978, КБН 979, 1046; прил. 1, табл. 1). При этом КБН 38, 978 и 1046 представляют собой почетные надписи на постаментах статуй Августа и Ливии, установленных от имени правительницы Боспора. В них Динамия носит довольно скромный титул – $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\alpha$ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. В надписях, которые представляют собой посвящения Динамии, содержится более пышный титул – в них она представлена как друг римлян, дочь великого царя Фарнака и внука царя царей Митридата (КБН 31, КБН 979 и восстановление надписи из Танаиса; прил. 1, табл. 1). Во втором случае перечисление имен и титулов предков Динамией выглядит так, будто она сознательно стремилась подчеркнуть свое законное происхождение и легальность положения царицы. Получается, что титулатура Динамии была сформирована для внешнего (первая группа надписей) использования и для внутреннего (вторая группа), однако факт установления дружественных отношений с Римом подчеркивается в обоих случаях. В этой связи обращает на себя внимание эпитафия Матиана: в ней Динамия именуется просто $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\alpha$ (прил. 1, табл. 1). По предположению А.П. Бехтер, это надгробие, вероятно, было установлено не сразу после победы над Полемоном, а скорее еще в ходе «гражданской войны» – в тот период, когда Матиан, сражаясь на стороне царицы, погиб, а Динамия еще не получила официального признания от Рима⁵¹³. Но в таком случае, можно предположить, что надгробие Матиана могло относиться к первому периоду единоличного правления Динамии после смерти Асандра, ведь в КБН 30 она также фигурирует просто как царица. Таким образом, имеются веские основания полагать, что вся серия надписей, в

⁵¹² Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Указ. соч. С. 95–99. Ср.: Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 208–212 – автор считает, что фрагменты принадлежат к разным текстам, один из которых относится к Митридату, а другой – к Фарнаку.

⁵¹³ Бехтер А.П. Указ. соч. С. 62.

которых Динамия упоминается как $\phi\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, относится ко второму периоду ее единоличного правления, то есть к промежутку с 9/8 г. до н.э. по 8/9 г. н.э.

С этим согласуются монеты, относящиеся к ее правлению, видимо, к его первому периоду. Собственно «монетами» Динамии являются только золотые статеры с ее именем и титулом. Первый относится к 277 г. б.э.=21/20 г. до н.э. (прил. 1, рис. 12 а). Второй – к 281 г. б.э.=17/16 г. до н.э. (прил. 1, рис. 12 б). На обеих монетах на аверсе помещен бюст царицы; на аверсе – восьмилучевая звезда, под которой изображен полумесяц, и надпись ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ. Титул βασιλίσσα на реверсе монет передает официальное положение Динамии. Звезда и полумесяц являются династической эмблемой понтийских царей из династии Митридатидов⁵¹⁴. Получается, что статеры Динамии свидетельствуют о ее полноправии в качестве царицы Боспора. Это, в свою очередь, означает, что в 21/20 г. до н.э. – независимо от того, при жизни Асандра или уже после смерти своего первого супруга – Динамия получает право чеканить золотую монету с собственной легендой, династической эмблемой и датой по вифино-понтийской эре. Очевидно, что случилось это не без участия Рима, подтвердившего по обыкновению право выпуска золотых монет в зависимых царствах⁵¹⁵. Римляне в лице Августа и Агриппы утверждают ее на боспорском престоле и санкционируют эмиссию золотых статеров, где Динамия официально именовалась βασιλίσσα. После неоднозначных событий, связанных с появлением некоего Скрибония на Боспоре (Dio. Cass. LIV.24), который утверждал, будто Август даровал ему титул царя Боспора, Динамия вновь получает подтверждение своей власти, ознаменовав это выпуском статера 281 г. б.э.=17/16 г. до н.э. (прил. 2, рис. 12 б) уже после смерти своего первого супруга Асандра. Очевидно, что иконография монет Динамии также подчеркивает ее династическую связь с Митридатом VI – изображения на реверсе статеров Динамии сходны теми, что были помещены на монетах ее деда⁵¹⁶. Считается, что такая иконография отсылает к персидским богам Митре и Ахурамазде, традиционно изображав-

⁵¹⁴ *Орешников А.В.* Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. С. 68; *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 194; *Reinach T.* Op. cit. P. 289; *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер... С. 204–214.

⁵¹⁵ *Sands P.* Op. cit. P. 135; *Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxf., 1965. P. 51.

⁵¹⁶ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора... № 213; *MacDonald D.* An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of Bosphorus. Lancaster, 2005. № 181.

шимся с теми же символами на диадемах⁵¹⁷. Кроме того, изображение восьмилучевой звезды присутствует на головном уборе на бронзовом бюсте боспорской царицы (прил. 2, рис. 13)⁵¹⁸. Некоторые исследователи рассматривают изображения на медных монетах этого периода как реминисценции эпохи Митридата. Считается, что Динамия подчеркивала свое происхождение от Митридата, размещая на монетах его эмблему и изображения богов – как напрямую связанных с ним (Дионис, Гелиос), так и отражающих его сложные религиозные взгляды⁵¹⁹.

Идея о «митридатизме» и иранской идеологии в политике первых боспорских царей получила распространение благодаря работам М.И. Ростовцева, который противопоставлял традиции Митридата и дружбу с Римом, а после развивалась рядом других исследователей⁵²⁰. Однако здесь следует задаться вопросом – воспринимали ли сами жители Боспора эту символику таким образом? Судя по надписям из Фанагории, Пантикапея и Танаиса (КБН 31, 979 и посвящение в святилище Аполлона) они постоянно подчеркивали родство Динамии с Митридатом. Поэтому логичнее воспринимать эти монеты как напоминание о преемственности династии и о законности правления. Очевидно, что жители региона не видели противоречия в том, чтобы считать своих правителей одновременно друзьями Рима и потомками правителя, открыто выступившего против него⁵²¹. Титул *φιλορῶμιος* в эпиграфике имел разные значения в зависимости от контекста, посвящающего и аудитории. О. Хекстер и Р. Фаулер отмечают, что послания, транслируемые правителями таким образом, многослойны – разные группы населения воспринимали их по-разному и формировали собственные

⁵¹⁷ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 92–93.

⁵¹⁸ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 2.

⁵¹⁹ Брабич В.М. Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. Т. II. М., 1960. С. 45; Сапрыкин С.Ю. Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. Вып. 1. С. 76.

⁵²⁰ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 95, а также ряд работ С.Ю. Сапрыкина, напр., «Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье» и «Боспорское царство на рубеже двух эпох».

⁵²¹ А. Примо утверждал, что Динамия подчеркивала свою связь с Митридатом только в пределах Боспорского царства, тогда как в других местах она подчеркивала свое подчинение Риму (*Primo A. The Client Kingdom of Pontus: Between Mithridatism and Philromanism // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 167*). Это не со всем так, ведь во всех надписях второго периода правления Динамии она именуется *φιλορῶμιος*.

интерпретации⁵²². Подобные пропагандистские сообщения могли быть адресованы подданным, врагам и соперникам, или же, как в случае с Динамией, римским покровителям. Так, в контексте почитания Августа и Ливии титул *φιλορῶμιος* мог служить выражением дружественных отношений царицы Динамии к Риму. Однако сопоставление с надписями, сделанными от имени народа Боспора показывает, что этот титул был частью официальной царской титулатуры и использовался наряду с местными традициями – почитанием благодетелей и указанием династического происхождения. Динамия могла одновременно оставаться и лояльной Риму, и быть частью боспорской политической традиции⁵²³. Более того, ее предшественники уже носили титул *φιλορῶμιος* (прил. 1, табл. 1), а сама *φιλία* с Римом имела место в дипломатической практике в регионе, по крайней мере, уже сто пятьдесят лет к этому моменту, начиная с договора Фарнака I с Херсонесом (IOSPE I² 402). Таким образом, употребление титула могло не столько передавать актуальную политическую позицию, сколько подтверждать легитимность власти Динамии в глазах ее подданных.

Если вернуться к отношениям Динамии с Римом, то исходя из текста надписей ясно, что КБН 38, 978, 1046 являются свидетельствами какого-то большого благодеяния, которое оказали Динамии Август и Ливия, а КБН 31 и 979 свидетельствуют о благодеянии, которое Динамия в свою очередь оказала Пантикапею и Фанагории, переименованных в Кесарию и Агриппию. В них почитается Динамия, и ее титул дается как Динамия *φιλορῶμιος*. Можно сказать, что в этом случае инициаторы установки памятника подчеркивали свою приверженность Риму через фигуру правителя. Население принимало титул *φιλορῶμιος* как часть местной политической и культурной традиции. Так, надпись КБН 979, найденная в Фанагории, была установлена горожанами и, по-видимому, принадлежала постаменту статуи, посвященной самой Динамии. Таким образом, царица устанавливала личную связь с императорской семьей. М.И. Ростовцев использовал сведения о таких контактах боспорских и римских правителей, как аргумент в пользу того, что в этот период территории Северного Причерноморья

⁵²² Fowler R., Hekster O. *Imagining Kings: From Persia to Rome // Imaginary Kings: Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome* / R. Fowler, O. Hekster (eds.). München, 2005. P. 17–38.

⁵²³ Heinen H. *Romfreunde und Kaiserpriester...* S. 189.

были включены в состав Римской империи⁵²⁴. Однако это утверждение, по меньшей мере, спорно. Кроме того, в обеих надписях появляется только *φιλόρῳμαιος*, но нет *φιλόκαισαρ* или, к примеру, *φιλοσέβαστος*. По предположению М.И. Ростовцева, обозначенные выше эпиграфические источники, могут свидетельствовать о повторном воцарении Динамии и должны датироваться временем с 9/8 г. до н.э. по 8/9 г. н.э., т.е. вторым периодом правления царицы; вероятно, что титул *φιλόκαισαρ* вообще не использовался в это время в эпиграфике Боспора (о соотношении *amicitia populi Romani* и *amicitia Caesaris* см. § 4 главы 1). Можно предположить, что эта особенность боспорских надписей последней четверти I в. до н.э. в целом связана с трансформацией отношений римской *amicitia* с внеиталийскими государствами, когда к устоявшейся в римской практике формулировке «царь, друг и союзник римского народа»⁵²⁵, греческим вариантом которой в эпиграфике был титул *φιλόρῳμαιος*, добавляются *φιλόκαισαρ* или *φιλοσέβαστος*, отражающие политические изменения в самом Риме и адресованные теперь не только римскому народу, но и императору. Так уже в посвящениях Аспурга можно встретить эпитеты *φιλόρῳμαιος* и *φιλόκαισαρ* (КБН 40).

Получается, что дружба Динамии с римлянами, отраженная в надписях, была заключена после утверждения ее на боспорском престоле во второй раз. Ответной *gratia* Динамии за лояльность к ее правлению стали посвящения Ливии и Августа, установленные в Фанагории, Пантикапее и Гермонассе. Ливия и Август в этих надписях описываются как спасители и благодетели – эти эпиклезы были давно устоявшимися почетными титулами на греческом Востоке⁵²⁶. Вместо того, чтобы создавать совершенно новые титулы в честь Августа и его семьи, они вписывались в уже существующие местные традиции. Эти посвящения – прямое свидетельство *amicitia* Динамии с домом Августа⁵²⁷. В КБН 38 Август назван «богом и сыном бога», в КБН 1046 – «сыном бога, всей земли и моря правителем, ее спасителем и благодетелем». Н.А. Машкин обратил внимание на тот факт, что формулировки вроде «правитель моря и земли» встречаются исключительно в неофициальных надписях,

⁵²⁴ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство...

⁵²⁵ Braund D. Client kings // Exeter studies in history. 1988. № 18. 1988. P. 95.

⁵²⁶ Erskine A. The Romans as Common Benefactors // Historia. 1994. Vol. 43 (1). P. 71–76.

⁵²⁷ Heinen H. Rome et le Bosphore... P. 86.

связанных с культом Августа⁵²⁸. Титулы *φιλώμαλος*, *σωτήρ* (спаситель), *εὐεργέτης* (благодетель) позволяют предположить, что Динамия воспринимала Августа не как повелителя, а как личного спасителя и благодетеля. Она признавала его *auctoritas*, но не считала себя подчиненной ему. В таком же духе трактует Н.А. Машкин и надпись с посвящением Ливии (КБН 978) – Динамия, ставя памятник жене Августа, оказывает честь императорскому дому. Вероятно, это положение Динамии, нашедшее отражение в надписях, можно трактовать с позиций Д. Браунда⁵²⁹ – отношения римской *amicitia* следует рассматривать как подвижное образование с большим удельным весом в нем межличностных отношений. При этом взаимодействия Рима с «внешней клиентелой» покоились на взаимно обусловленных услугах (*beneficium-officium*) и имели внеюридический характер. Кроме того, на территории Боспорского царства были найдены два бюста Ливии, вероятно, связанные с отношениями Ливии с Динамией или с Пифодорой I⁵³⁰. Приверженность Динамии Риму подчеркивается и переименованием городов: Пантикапей стал Кесарией, Фанагория – Агриппеей. Именно в этих городах были установлены вышеупомянутые статуи⁵³¹.

Относительно переименований боспорских городов существует несколько спорных моментов. Считается, что, во-первых, переименование Пантикапея и Фанагории произошло одновременно (чему нет ни единого доказательства), а во-вторых, что случилось это не ранее 14 г. до н.э.⁵³² Медные монеты, отчеканенные от имени общин кесарийцев и агриппийцев, позволили в свое время А.В. Орешникову предположить, что по инициативе Динамии Пантикапей был переименован в Кесарию в честь Цезаря Августа, а Фанагория – в Агриппию в честь Марка Випсания Агриппы⁵³³. По этому поводу В.Н. Парфенов замечает, что нельзя исключать, что Пантикапей мог быть пе-

⁵²⁸ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 533.

⁵²⁹ Braund D. Rome and the Friendly King...

⁵³⁰ Braund D. Polemo, Pythodorus and Strabo... P. 258.

⁵³¹ Rostovtzeff M. Op. cit. P. 100; Heinen H. Rome et le Bosphore... P. 86. Подробнее о практике переименования городов в честь римских императоров на греческом Востоке см. см. § 4 главы I.

⁵³² Каллистов Д.П. Политика Августа... С. 67 сл.; Ростовцев М.И. Эллинство и иранство... С. 148; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 317; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье... С. 107; Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 92; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 88; Funck B. Das Bosporanische Reich und Rom... S. 34.

⁵³³ Орешников А.В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. 1915. № 3. С. 37 сл.

реименован в честь не Августа (Σεβαστός), а диктатора Цезаря (Καίσαρ), или что это произошло до 27 г. до н.э., когда Октавиан был только Цезарем – в таком случае инициатива этой акции должна была принадлежать Асандру⁵³⁴. Этот момент является несколько спорным, ведь в надписях Динамии Август обозначается и как Καίσαρ, и как Σεβαστός⁵³⁵ (КБН 38: Αὐτοκράτορα Καίσαρα θεὸν θεοῦ υἱὸν Σεβαστὸν и сходная формулировка в КБН 1046), т.е. переименование боспорских городов могло быть сделано во второй период единоличного правления Динамии. С этим тезисом согласуются и данные нумизматики. Известно, что в 16 г. до н.э. в монетном деле Рима произошли радикальные перемены: Август взял под контроль выпуск золотых и серебряных монет, а последние сенатские монетные дворы прекратили работу примерно в 14 или 12 гг. до н.э.⁵³⁶ На Боспоре выпуск статеров возобновился только в 8 г. до н.э., уже после смерти Полемона, при этом монеты существенно изменились внешне. Теперь аверс и реверс статеров украшались изображениями Августа и Агриппы, что отражало идеологические предпочтения Динамии. Как убедительно доказала Н.А. Фролова⁵³⁷, медные монеты Агриппии и Кесарии могли быть выпущены в период после 13 г. до н.э. – времени появления в самом Риме золотых и серебряных монет с изображением на реверсе головы Агриппы, так как только Агриппе в 13–12 гг. до н.э. Августом было даровано право помещать свое изображение на реверсах монет⁵³⁸. Фанагория и Пантикапей действительно могли быть переименованы не одновременно; однако в любом случае такой жест являлся проявлением дружественного отношения Динамии к Риму и был открытым признанием его превосходства – в духе *maiestas*. С этим согласуется и сообщение Светония о правлении Августа – «цари, его друзья и союзники, основывали каждый в своем царстве города под названием Цезаря» (Suet. Aug. 60).

⁵³⁴ Парфенов В.Н. Император Цезарь Август... С. 103.

⁵³⁵ О соотношении Καίσαρ и Σεβαστός речь пойдет в третьей главе.

⁵³⁶ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды... С. 63.

⁵³⁷ Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 60.

⁵³⁸ Mattingly H. A Coins of the Roman Empire in the British. Vol. I. L., 1965. P. LXV. Переименование городов могло быть и не связано с чеканкой ими меди с надписями Кесарии и Агриппии, о чем свидетельствует факт употребления нового названия Фанагории в течение последующих столетий. Так, упоминание о «совете и народе агриппийцев» можно найти в надписях времени правления Савромата 93–123 гг. н.э. (КБН 983) и Котиса II 123–132 гг. н.э. (КБН 982). Эти надписи свидетельствуют о длительном сохранении за Фанагорией нового названия – Агриппии, в то время как чеканка этих медных монет могла прекратиться еще в конце I в. до н.э.

2.2. Боспорские цари – φιλοκαίσαρες καὶ φιλοῤῃμαιοι

Второй этап развития *amicitia* на Боспоре связан с правлением Аспурга и Митридата VIII – именно в начале – середине I в. н.э. в титулатуре боспорских царей происходит ряд изменений, отражающих общий настрой политики внешнеполитической дружбы Рима по отношению к зависимым государствам *orbis terrarum* – к формулировкам о дружбе с рим-ским народом добавляется дружба с римским императором.

2.2.1. Аспург и *amicitia* с Римом

К сожалению, информации о самом Аспурге сохранилось очень мало – о его жизни и политической деятельности прямо сообщают только надписи и монеты. При этом, как уже упоминалось ранее, в надписях Аспург обозначается как сын царя Асандроха (посвящение Афродите Урании из Фанагории, посвящение Гермесу и Гераклу из Горгииппии, КБН 40; прил. 1; табл. 1); в то время как Динамия была замужем за человеком по имени Асандр; к сожалению, никаких других свидетельств об Асандрохе нет. Имя Асандра в надписях передается именно как Ἀσάνδρος (КБН 30). Поэтому кажется маловероятным, что Асандр и Асандрох – один и тот же человек. Однако, как было точно подмечено в монографии Ю.А. Виноградова и В.А. Горончаровского, «...точку в вопросе о статусе отца Аспурга пока ставить еще рано»⁵³⁹. Кроме того, в надписях Аспурга не упоминается его происхождение от Митридата VI Евпатора (прил. 1, табл. 1); поэтому вполне возможно, что Аспург не был сыном Динамии и Асандра. Однако в этом случае не вполне ясно, как он пришел к власти на Боспоре. Такое состояние источниковой базы, относящейся к этому непростому периоду боспорской истории, привело к тому, что со временем объем научных трудов об Аспурге, его происхождении и правлении вырос до весьма внушительных размеров⁵⁴⁰.

⁵³⁹ Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. С. 254–255.

⁵⁴⁰ См., напр., Голубцова Е.С. Северное Причерноморье...; Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 54–58; Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Указ. соч. С. 680–692; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172; Мальшев А.А. Юго-восточная периферия Боспорского царства // *Abraia Antiqua* / А.А. Мальшев (ред.). М., 2009. С. 74–107; Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. Т. 2. С. 60–63; Ростовцев М.И. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. № 54. С. 47–53; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С. 65–78; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство...; Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат никаких указаний на то, откуда родом мог быть Аспург. Некоторые исследователи считают его выходцем из некоего местного племени главным образом потому, что бесспорной признается связь этимологии слова «аспургиане» у Страбона с именем этого правителя. Самих аспургиан, следуя сообщению Страбона, обычно относят к сарматским или меотским племенам, обитавшим на азиатской половине Боспорского царства – на территории древней Синдики и в Прикубанье⁵⁴¹. На основании этого выдвигались предположения, что Асандр мог быть меото-сарматским царем, положившим начало новой сарматской династии на Боспоре⁵⁴². Так или иначе, вся внутренняя и отчасти внешняя политика Аспурга тесно связана с так называемой «проблемой аспургиан». На страницы сочинений античных авторов упоминания об аспургианах попали благодаря тому, что именно они сыграли фатальную роль в судьбе царя Понта и третьего мужа Динамии Полемона I. Так, Страбон, наш основной автор по этому вопросу, сообщает, что «в числе меотов есть сами синды, и дандарии, и тореты, и агры, и аррехи, и еще тарпеты обидиакены, ситтакены, доски и другие более многочисленные. Среди них есть и аспургиане, обитающие между Фанагорией и Горгиппией на 500 стадиях (τούτων δ' εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργίανοι μεταξύ Φαναγορείας οἰκοῦντες καὶ Γοργυπίας ἐν πεντακοσίοις σταδίοις). Попытавшийся завладеть ими под видом дружбы (ἐπὶ προσδοίῃσει φιλίας) царь Полемон, но не сумевший скрыть [своих намерений – *М.Р.*], пошел на них войной и захваченный в плен живым был убит» (Strabo XI.2.11. пер. – *М.Р.*). В другом отрывке из текста Страбона встречаем похожее сообщение о том, что

Вып. 143. С. 21–30; *Сокольский Н.И.* Таманский толос...; *Толстой И.И.* Из области боспорской ономастики // ВДИ. 1955. Вып. 1. С. 9–15; *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора... С. 128–215; *Braund D.* Polemo, Pythodoris and Strabo... P. 253–270; *Горончаровский В.А.* К вопросу о роли аспургиан в военно-политической истории Боспорского царства на рубеже н.э. // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского, Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г. СПб., 2024. С. 293–297. Краткий историографический обзор работ, посвященных тематике, связанной с правлением Аспурга, до середины 1980-х гг. представлен в статье Н.К. Соповой: *Сопова Н.К.* Правление Аспурга на Боспоре в освещении русской (дореволюционной) и советской историографии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 112–123.

⁵⁴¹ *Brandis C.* Op. cit. Sp. 780; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer... S. 35; *Молев Е.А.* Аспургиане у Страбона. С. 60–63; *Горончаровский В.А.* Аспургиане и военно-политическая история... С. 26; *Сокольский Н.И.* Таманский толос... С. 40 сл.

⁵⁴² *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье... С. 71; *Rostowtzeff M.I.* Op. cit. P. 99–103.

Полемон «был убит у так называемых аспургиан из варваров около Синдики» (Strabo XII.3.29: τελευτήσαντος ἐν τοῖς Ἀσπουργιανοῖς καλούμενοις τῶν περὶ τὴν Σινδικὴν βαρβάρων. пер. – М.Р.). С подачи Страбона этот этноним появляется в сочинениях грамматиков (Herodian. VII.180.2; St. Byz. s.v. Ἀσπουργιανοί) и получает отражение в картографической традиции. К примеру, на Пейтингеровой карте XIII в. н.э. (прил. 2, рис. 14), созданной эльзасским монахом, также обозначены «аспургиане». Собственно, это не совсем карта, а копия схемы дорог Римской империи III–V вв.⁵⁴³

Сведения об аспургианах относятся к числу наиболее поздних упоминаний о Боспоре в труде Страбона, который в основной своей части был завершён к 7 г. до н.э.⁵⁴⁴ Гибель Полемона I от рук аспургиан датируется предположительно 8 г. до н.э. – эта дата принята большинством исследователей и основывается на хронологии брачных союзов Полемона (сначала женился на Динамии, затем на Пифодориде в 14 г. до н.э.) и количестве детей (три ребенка), рожденных в последнем браке, что заняло бы около 4–5 лет⁵⁴⁵, а также на дате начала выпуска золотых монет с монограммой ΔΥΜ, относящейся ко второму правлению Динамии, начавшемуся в 289 г. боспорской эры, то есть в 9/8 г. до н.э.⁵⁴⁶ Оценить достоверность источников Страбона в данном конкретном случае достаточно сложно. Важно отметить, что в композиционном отношении первое упоминание об аспургианах у Страбона помещено среди перечисления меотских племен (XI.2.11: τῶν Μαῖωτῶν δ' εἰσὶν...). В этом контексте автор упоминает последних известных ему боспорских правителей – Фарнака, Асандра и Полемона, которые владели землями вплоть до Танаиса. Более поздние события боспорской истории не отражены в труде Страбона. Очевид-

⁵⁴³ Подробнее о Пейтингеровой карте и картографии Таманского полуострова в античное время см.: Подосинов А.В. Таманский полуостров в античной картографии // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. Т. I. С. 373–386.

⁵⁴⁴ Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 г. / А.П. Новосельцев (ред.). М., 1988. С. 32–33.

⁵⁴⁵ Завойкин А.А. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией // Древнейшие государства Восточной Европы. Черноморский регион в Античности и раннем Средневековье: проблемы исторической географии / А.В. Подосинов (отв. ред.). М., 2023. С. 274.

⁵⁴⁶ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 13–15; ср. обзор различных мнений по этому вопросу: Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 97 сл.; Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх... С. 232 сл.

но, что царь Аспург оставался автору неизвестен⁵⁴⁷, что в целом и логично – *terminus post quem* начала его правления устанавливается по царским монограммам на золотых статерах (прил. 2, рис. 15)⁵⁴⁸ и относится к 10 г. н.э.

В.П. Яйленко отмечает, что в произведениях некоторых античных авторов римского времени, например, Дионисия и Мелы, фигурируют синды, но не упоминаются аспургиане. В то же время у других авторов, таких как Птолемей и автор Пейтингеровой карты, обозначены аспургиане, но отсутствуют сведения о синдах. Исходя из этого исследователь заключает, что «в источниках наблюдается известная взаимозаменяемость названий синды и аспургиане... это может быть объяснено двояко: аспургиане либо часть синдов, либо пришельцы»⁵⁴⁹. При этом наиболее поздние упоминания синдов в истории Боспора связаны с правлением царя Аспурга – в надписях они упоминаются в числе подвластных ему племен (КБН 39, 40; прил. 1, табл. 1). Согласно определению Страбона, Синдика располагалась «за Гипанисом» (Strabo XI.2.10), т.е. к югу от русла современной Старой Кубани. В настоящее время не вызывает сомнений, что северная граница Синдики проходила по высокому левому берегу реки Кубань, западная – по черноморскому побережью⁵⁵⁰. Детальное исследование вопроса о том, где именно могли располагаться аспургиане, было проведено А.А. Завойкиным⁵⁵¹ на основании сообщения Страбона и результатов новейших археологических исследований. В.П. Яйленко обращает внимание на то, что «между этими городами обитали не только аспургиане, но и синды, жившие, согласно Страбону, вплоть до Горгииппии (Strabo XI.2.10; Фанагория также лежала в области синдов – Scyl. 72). Между тем в районе Фанагории перешеек между Азовским и Черным морями настолько узок, что тут вряд ли возможно реальное разграничение синдов и аспургиан. Стало быть, здесь синды и аспургиане каким-то образом наложились в сведениях Страбона»⁵⁵².

⁵⁴⁷ Молев Е.А. Аспургиане у Страбона. С. 61.

⁵⁴⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. № 288; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. таб. XI. ил. 24; таб. XII. ил. 1, 2.

⁵⁴⁹ Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх... С. 251–252.

⁵⁵⁰ Малышев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д.О., Жеребятнев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В. СИНДИКА: история, археология, антропогенные ландшафты / А.А. Малышев (отв. ред.). М., 2022. С. 45.

⁵⁵¹ Завойкин А.А. Аспургиане: 500 стадиев... С. 272–307.

⁵⁵² Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх... С. 251–252.

На основании указанного сообщения Страбона в литературе выдвигались различные версии о том, кем могли быть упомянутые им аспургиане. Обычно их считают племенем меото-сарматского или иного происхождения⁵⁵³, либо группой или даже партией политических сторонников Аспурга, имя которого легло в основу их наименования⁵⁵⁴. Абсолютно прав в этом отношении С.Ю. Сапрыкин, который полагает, что обозначение οἱ Ἀσπουργίανοι – латинское по форме образования деноминативное понятие, которое означало «сторонники, последователи Аспурга»⁵⁵⁵. Обращаясь к вопросу о происхождении и роли аспургиан в истории Боспора, С.Ю. Сапрыкин отмечает, следуя за К. Брандисом⁵⁵⁶, что им. падеж к τῶν Ἀσπουργίανων надписей (КБН 36а, 1246=1248) будет не οἱ Ἀσπουργίανοι, а τὰ Ἀσπουργίανά, т.е. «место, замок, местность аспургиан»⁵⁵⁷, на основании чего автор делает вывод, что слово «аспургиане» должно означать определенный район или территорию, населенную людьми, связанными с Аспургом. Далее, рассуждая о том, какую территорию Боспорского царства следует считать «аспурговой», С.Ю. Сапрыкин обращается к административно-территориальному делению Боспора, зафиксированному в надписях. Судя по эпиграфическому материалу, на Боспоре в разные периоды его истории действительно существовали должности наместников Феодосии (КБН 36), царской области или царских земель (КБН 36, 1051), Горгииппии (КБН 1115, 1134), острова (КБН 40, 697, 982, 1000) и аспургиан (КБН 36а, 1246=1248)⁵⁵⁸. Эти доводы легли в основу теории С.Ю. Сапрыкина о т.н. «катойках» – военных поселенцах, наделенных землей, которые находились на службе у боспорских царей и защищали восточ-

⁵⁵³ *Anderson J.G.* The Eastern Frontier... Р. 268; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 316; *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье... С. 112; *Сокольский Н.И.* Таманский толос... С. 107; *Молев Е.А.* Аспургиане... С. 60; *Горончароский В.А.* Аспургиане... С. 54.

⁵⁵⁴ *Brandis C.* Op. cit. Sp. 780; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье... С. 71. *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 10–12; *Устинова В.О.* Указ. соч. С. 61–63; *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст... С. 17; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... С. 178; *Завойкин А.А.* Аспургиане: 500 стадиев... С. 285.

⁵⁵⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане... С. 65–78; *Он же.* Боспорское царство... С. 178.

⁵⁵⁶ *Brandis C.* Op. cit. Sp. 780.

⁵⁵⁷ *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... С. 179.

⁵⁵⁸ Подробнее см.: *Грингоф С.А.* Царский двор и администрация на Боспоре в I–IV вв. н.э. Дисс. ... к.и.н. Тула, 2012.

ные границы государства⁵⁵⁹. Кажется, что в этом построении С.Ю. Сапрыкина кроется ряд логических противоречий и умозрительных допущений. В первую очередь, как верно отмечается автор, *nominativus* к τῶν Ἀσπουργιανῶν действительно может быть не существительное мн.ч. м.р. οἱ Ἀσπουργιανοί, а мн.ч. ср.р. τὰ Ἀσπουργιανά, что в таком случае должно означать не место и территорию расселения аспургиан, а места и территории. При этом, наш единственный источник, описывающий события I в. до н.э. и упоминающий аспуриан, сообщает о них именно как οἱ Ἀσπουργιανοί (Strabo XI. 2.11) или же τοῖς Ἀσπουργιανοῖς в другом месте (Strabo XII. 3.29). Кроме того, должность οἱ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν не встречается в боспорских надписях I в. до н.э. – II в. н.э. Она фигурирует только в трех более поздних надписях, которые датируются III в. н.э. и относятся к правлению Рескупорида II (КБН 1246, 1248 – 220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)) и Тейрана (КБН 36 – 70-е гг. III в. н.э.). Кажется, что переносить административные структуры, упоминающийся в текстах III в. н.э., на реалии I в. н.э. не вполне верно с методологической точки зрения. Таким образом, аргументы в пользу статуса «аспургиан» и «катоиков» на Боспоре, приводимые С.Ю. Сапрыкиным, небесспорны. А.А. Масленников по этому поводу справедливо заметил, что «попытка связать аспургиан с “батареиками” и военно-административной структурой Азиатского Боспора ничего не дает в плане решения вопроса об их этносе и к тому же противоречит свидетельству Страбона о месте их расселения»⁵⁶⁰.

При всем этом очевидно, что слово «аспургиане» должно, помимо прочего, означать определенный район или территорию, населенную людьми, связанными с Аспургом. Страбон упоминает их после перечисления племен, которых он относит к числу меотов, употребляя при этом конструкцию τοῦτων δ' εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοί. Страбон не вполне точен – он прямо не называет аспургиан племенем, однако указывает строго определенную и компактную область их проживания. Важно также отметить, как верно заметил В.П. Яйленко⁵⁶¹, что в тексте Страбона аспургиане описаны как καλουμένοις τῶν περὶ τὴν Σινδικὴν βαρβάρων – «так называ-

⁵⁵⁹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 179 сл., а также ряд других публикаций этого автора.

⁵⁶⁰ Масленников А.А. Население Боспорского государства... С. 82.

⁵⁶¹ Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх... С. 251–252.

емые аспургиане из варваров около Синдики» (Strabo XII. 3.29). Следует также отметить, что в величественной титулатуре великого царя Аспурга (КБН 39, 40) среди перечисленных подвластных ему народов аспургиане не фигурируют. Совершенно очевидно, что это не простое совпадение. Тогда как синды, на землях которых проживали аспургиане, в титулатуре царя присутствуют. Вероятно, это может свидетельствовать о, скорее, социальной, чем об этнической характеристике аспургиан в представлении самих боспорцев⁵⁶². Вероятно, что и имя Аспурга, и название аспургиан были производными от некоторого общего иранского корня – *aspa* – «конь» и производное от него *asrabaka* – «конник, всадник», на что могут указывать и другие сарматские имена Аспарук (Ἀσπαρούκις), Аспаурук (Ἀσπαυρούκης) и Аспурак (Ἀσπυράκης) и др. Само иранское имя царя Аспурга С.Ю. Сапрыкин справедливо ставит в один ряд с именами Митридата, Фарнака и Махара, восходящими к персидскому царскому дому⁵⁶³. Косвенно это подтверждается тем фактом, что старший сын Аспурга и наследник престола был назван Митридатом. Возможно, это было сделано специально, чтобы обосновать претензии будущих наследников на боспорский трон, учитывая, что сам Аспург, скорее всего, не был прямым представителем династии Митридатидов. В таком случае название οἱ Ἀσπουργίανοι, по видимому, произошло от личного имени Ἀσπούργος (с добавлением суффикса -ίανοι). Вероятно, здесь можно предположить, что аспургиане были в значительной степени сформированы либо стали известны имени благодаря действиям Аспурга, а потому получили свое название по его имени по аналогии с латинскими словообразованиями Сулла-сулланцы, Помпей-помпеянцы и т.д.

Помимо вопроса о происхождении царя Аспурга и его связи с аспургианами в литературе достаточно много споров вызывает сюжет о его приходе к власти на Боспоре. Судя по надписям Аспурга, он был утвержден на престоле римским императором и сенатом (об этом см. § 4 главы 1). Вполне вероятно, что Аспург фактически контролировал ситуацию на Боспоре еще до своего визита в Рим, однако

⁵⁶² Brandis C. Op. cit. Sp. 780; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье. С. 71; Толстой И.И. Указ. соч. С. 10–12; Устинова В.О. Указ. соч. С. 61–63; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 17; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65–78; Он же. Боспорское царство... С. 178; Завойкин А.А. Аспургиане: 500 стадиев... С. 285.

⁵⁶³ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане... С. 87.

не осмеливался провозгласить себя царем без официального одобрения императора. Дело в том, что к этому времени передача власти – даже по наследству – требовала предварительного согласования с Римом: если в эпоху Республики сначала происходило наследование, а затем следовало римское утверждение, то после установления принципата порядок изменился⁵⁶⁴. Уже при Августе право назначать преемника стало особой привилегией, даруемой иностранным царям. Так, Ирод, получивший такую честь (Jos. Ant. XVI.4.5), все же посчитал необходимым утвердить свое завещание в Риме (Jos. Bell. I.29.2), а его сын Агриппа не решился провозгласить себя царем без императорского одобрения (Jos. Ant. XVII.8.4; Jos. Bell. II.1.1). Правители, находившиеся в сфере римского влияния, обязаны были получить согласие императора – именно так и поступил Аспург⁵⁶⁵. Об этом недвусмысленно сообщает нам текст т.н. рескриптов царя Аспурга из Горгииппии.

В 1965 г. Т.В. Блаватская опубликовала найденные в Горгииппии два рескрипта боспорского царя Аспурга, направленные этому городу⁵⁶⁶. В первом из них (письмо А) говорится, что во время поездки царя в Рим к императору для получения царского титула Горгииппия оставалась на стороне Аспурга, в то время как другие боспорские полисы, судя по контексту письма, перешли на сторону его политических противников. Во втором рескрипте (письмо В), вырезанном на той же плите, упоминается об освобождении граждан Горгииппии от уплаты подати в царскую казну с вина, пшеницы, ячменя и проса⁵⁶⁷.

После публикации текста рескриптов Т.В. Блаватской был предложен ряд дополнений и поправок⁵⁶⁸; некоторые замечания исследователей стоит рассмотреть подробнее. Начиная с первой публикации этого памятника эпиграфики, в литературе

⁵⁶⁴ Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 26. Сведения Иосифа Флавия подтверждают это: сын Ирода Архелай, имевший законные права на престол, не решился объявить себя царем до утверждения Августа, и позднее его обвинители пытались представить, что он действовал как царь, чем оскорбил императора (Jos. Ant. XVII.8.4; 9.5; Bell. II.1.1).

⁵⁶⁵ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 371.

⁵⁶⁶ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга. С. 197–200.

⁵⁶⁷ Хайнен Х. Указ. соч. С. 278–291.

⁵⁶⁸ Более обстоятельные комментарии к этому тексту приведены в следующих публикациях: Millar F. *Emperors, Kings and Subjects: the politics of two-level sovereignty* // SCI. 1996. Vol. 15. P. 168–170; Хайнен Х. Указ. соч. С. 278–291; Функ Б. Указ. соч. С. 83–87; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 165–174 и ряд других публикаций.

вошло в обычай обозначать эти тексты как рескрипты, хотя в буквальном понимании латинское *rescriptum* означает «ответное послание». В связи с этим возникает вопрос, соответствует ли это узкое значение письмам Аспурга. Сама Т.В. Блаватская утверждает, что в данном случае «инициатива исходила от самого монарха, без каких-либо просьб со стороны города»⁵⁶⁹. По мнению Х. Хайнена, это суждение Т.В. Блаватской не вполне соответствует действительности, поскольку глагол δοκιάζω (письмо А, стк. 8) допускает возможность того, что после рассмотрения предложения горгиппиян Аспург принял решение относительно этого предложения, и при этом решение положительное, исходя из лояльного отношения к царю города во время его поездки в Рим. Правда, о предложении не упоминается ни в одном из писем, что, впрочем, не удивительно, учитывая лаконичность текста надписи. В конце концов, перед нами не переписка между царем и городом (с соответствующим упоминанием относящихся к делу писем), а составленное в виде письма распоряжение царя к его доверенным лицам⁵⁷⁰. Существует точка зрения, что ἀνάβασις в рескриптах Аспурга (письмо А, стк. 7) следует переводить не как «путешествие» или «дипломатическая поездка», а как «военный поход», причем поход победоносный⁵⁷¹. На этом основании строятся предположения, что в борьбе за свои права Аспург был вынужден вступить в вооруженный конфликт с Римом, который завершился признанием его в качестве царя Боспора римским императором⁵⁷². Однако, судя по тексту рескриптов, говорить о каких-либо кампаниях Аспурга против Рима мы не можем; напротив – в титуле царя упоминается дружба с римским народом. Оттенок успешности действия, заложенный в слове ἀνάβασις, вполне объясним и без военного контекста – как верно отметил Х. Хайнен, ἀνάβασις, скорее, означает поездку в резиденцию верховного правителя, которым для Аспурга, безусловно, являлся римский император⁵⁷³. Наконец, в античной литературе нет никаких сведений о том, что

⁵⁶⁹ Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 35.

⁵⁷⁰ Хайнен Х. Указ. соч. С. 290.

⁵⁷¹ Функ Б. Указ. соч. С. 85.

⁵⁷² Там же. С. 84–85.

⁵⁷³ Heinen H. Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporianischen Königs Aspurgos // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. S. 348; Idem. Zwei Briefe des bosporianischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538). Übersehene Berichtigungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere Beobachtungen // ZPE. 1999. Bd. 124. S. 136–137.

в указанный период римляне проводили военные операции в Северном Причерноморье, тем более завершившиеся поражением Рима⁵⁷⁴. В любом случае содержание текста «рескриптов» свидетельствует о поездке боспорского царя к римскому императору. Исследователи датируют это событие по-разному – 14 г. н.э.⁵⁷⁵ или же 16 г. н.э.⁵⁷⁶ Неизвестно, когда точно мог состояться визит Аспурга в Рим, однако в этом случае есть *temimus ante quem* – вероятно, это должно было произойти до 14 г. н.э., когда впервые в обращение поступили его золотые статеры и медные монеты с монограммой ΒΑΡ⁵⁷⁷. На медных ассариях на аверсе был помещен портрет Аспурга и царская монограмма, а на реверсе – портрет Тиберия с его именем и титулом (прил. 2, рис. 16). На золотых статерах на аверсе – портрет Тиберия, на реверсе – бюст Агриппы и монограмма Аспурга (прил. 2, рис. 17). А.Н. Зограф отнес первый выпуск этих статеров к 311 г. б.э. (14 г. н.э.), т.е. к началу правления императора Тиберия⁵⁷⁸. Поэтому весьма вероятно, что визит Аспурга в Рим состоялся уже при новом императоре, о чем свидетельствует монетная чеканка Боспора.

По поводу цели этой поездки, как правило, вопросов не возникает – очевидно, что Аспургу как лицу, не имевшему законных прав на боспорский престол, требовалось согласовать свое положение с римским императором. Об успешности этого предприятия свидетельствуют не только его монеты, но и надписи – по крайней мере, с 15/16 г. н.э. в них начинает появляться титул *φιλώρῳμαιος* (рескрипты царя из Горгиппии, КБН 985 и манумиссия из Мирмекия⁵⁷⁹), т.е. боспорский царь был официально признан другом Рима. Вероятно, об этой поездке также свидетельствует упо-

⁵⁷⁴ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 372.

⁵⁷⁵ Голубцова Е.С. Северное Причерноморье... С. 91; Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 206–207; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 158–159; Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 59.

⁵⁷⁶ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... S. 199; Nawotka K. The Attitude towards Rome... P. 329.

⁵⁷⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 64.

⁵⁷⁸ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 196.

⁵⁷⁹ Надпись представляется собой обломок мраморной плиты с фрагментом манумиссии с упоминанием имени боспорского царя Аспурга. Судя по всему, эта надпись принадлежит к наиболее ранним манумиссиям на Боспоре. Автор публикации отнес ее к 12/13 гг. н.э., однако, вероятно, датироваться она должна, по крайней мере, с 14 г. н.э., т.е. после возвращения Аспурга на Боспор: Бутягин А.М. Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н.э. на Карантинном мысу) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. VI Боспорские чтения. Керчь. 2005. С. 32–36.

минавшееся ранее захоронение в колумбарии «Винья Кодини III» (прил. 2, рис. 18), где рядом с фанагорийским послом Гедиком был похоронен некий Аспург, сын Биомаса, переводчик сарматов, боспорец⁵⁸⁰. Строительство колумбария датируют концом правления Августа и принципатом Тиберия (ок. 10–37 гг. н.э.) или более широко – эпохой Юлиев Клавдиев⁵⁸¹. Судя по имени в эпитафии, Аспург, сын Биомаса, имел сарматское происхождение, и вероятно, мог быть связан с политическими сторонниками боспорского царя, в рамках посольства которого он и мог прибыть в Рим. При этом нередко указывается, что Гедик и Аспург участвовали в одном посольстве⁵⁸². Однако, как верно отметил Ю.Н. Кузьмин, если миссия Гедика относится к более раннему этапу истории Боспора и касается фанагорийско-римских контактов, то включение в ее состав переводчика с сарматского языка выглядит маловероятным. Ведь дипломатические связи Рима с сарматами приобрели актуальность значительно позже, в эпоху принципата Августа⁵⁸³, о чем недвусмысленно свидетельствует и текст *Res gestae* (RGDA 31.2)⁵⁸⁴. О том, что погребения были совершены не одновременно говорит и тот факт, что эпитафии Гедика и Аспурга были выполнены разными резчиками⁵⁸⁵. Кроме того, у нас нет оснований считать Аспурга, сына Биомаса, гражданином Фанагории⁵⁸⁶, в эпитафии он именуется просто «боспорец», что, вероятно, связано с тем, что в Риме географическая и политическая карта Боспора периода правления Аспурга оставалась не совсем понятной (вспомнить хотя бы вопрос с локализацией аспургиан, рассмотренный выше). О неодинаковом происхождении послов свидетельствует и различие в передаче их этникона: если Гедик – *κατὰ Βοδῶπρος*, то Аспург – *Βοσποράνός*. Как справедливо заключает Ю.Н. Кузьмин, Гедика и Аспурга

⁵⁸⁰ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме. С. 154–156.

⁵⁸¹ Borbonus D. *Columbarium Tombs and Collective Identity in Augustan Rome*. N.Y., 2014. P. 34–38, 167–168; Coarelli F. *Rome and Environs. An Archaeological Guide*. Berkeley; Los Angeles; London, 2007. P. 375–376.

⁵⁸² Noy D. *Foreigners at Rome. Citizens and Strangers*. L., 2000. P. 102; Ricci C. *Stranieri illustri e comunità immigrate a Roma: vox diversa populorum*. Roma, 2006. P. 82; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... 139, 322; Завойкина Н.В. Фанагорийское общество... С. 254.

⁵⁸³ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме. С. 158.

⁵⁸⁴ RGDA 31.2: *Nostram amicitiam appetiverunt per legatos Bastarnae Scythaeque et Sarmatarum qui sunt citra flumen Tanaim et ultra reges, Albanorumque rex et Hiberorum et Medorum*.

⁵⁸⁵ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме. С. 159.

⁵⁸⁶ Завойкина Н.В. Фанагорийское общество... С. 254.

могли объединить в одном захоронении в Риме как двух земляков боспорского происхождения, но очевидно, что умерли они в разное время⁵⁸⁷.

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросе о том, какими были результаты этого посольства Аспурга к римскому императору. Очевидно, что после этих событий Аспург официально получил статус друга римлян, о чем свидетельствуют все надписи, относящиеся к периоду его правления (манумиссия из Мирмекия, рескрипты, КБН 985, посвящение Афродите Урании из Фанагории, посвящение Гермесу и Гераклу из Горгии, КБН 40, КБН 39). Примечательно, что в КБН 40 Аспург обозначен не только как *φιλώρωμαιος*, но и как *φίλοκαισαρ*, причем последний титул впервые встречается в боспорской эпиграфике именно в этой надписи. Исследователи по-разному объясняют эту особенность развития титулатуры Аспурга, иногда предлагая несколько сомнительные аргументы. К. Навотка объясняет появление двойной формулы *φίλοκαισαρ καί φιλώρωμαιος* в КБН 40 тем, что титулы были результатом заключения двух договоров; после заключения второго Аспург стал называть себя *φίλοκαισαρ* – титулом, который был эквивалентен латинской формуле *amicus Caesaris*⁵⁸⁸. Б. Надель высказал предположение, что титул *amicus Caesaris* имел юридическое значение и отражал не только пропагандистскую позицию, но и имел реальное политическое значение – после получения титула *φίλοκαισαρ* Аспург стал членом римского сената⁵⁸⁹. Однако ни эпиграфика, ни нумизматика боспорского царя даже косвенно не свидетельствует об этом; более того, у нас нет примеров, когда при схожих обстоятельствах какой-либо царь становился римским сенатором. Как подчеркивает Д. Браунд, получение титулов *φίλοκαισαρ* и *φιλώρωμαιος* не было связано с дарованием рангов в римской элите⁵⁹⁰; если бы боспорский царь действительно был принят в состав сената или бы сделался римским всадником – это явно в той или иной мере было бы отражено в его пропаганде. А.Р. Панов также полагает, что между Аспургом и Тиберием был заключен договор о дружбе и союзе (*sic!*), а ти-

⁵⁸⁷ Кузьмин Ю.Н. Фанагорийский посол в Риме. С. 159.

⁵⁸⁸ Nawotka K. The Attitude towards Rome... P. 329.

⁵⁸⁹ Надель Б. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 123.

⁵⁹⁰ Braund D. Rome and friendly... P. 107.

тул φιλόρῳμαιος в КБН 40 стоит на первом месте именно в силу своей значимости⁵⁹¹. С.Ю. Сапрыкин выстраивает целую юридическую конструкцию, связанную с титулами φιλόκαισαρ и φιλόρῳμαιος. Поскольку его мнение по этому поводу на сегодняшний день в отечественной литературе является господствующим, следует разобрать его доводы подробно. Дабы не исказить построения московского исследователя, процитирую его рассуждения: «заключение договора о дружбе с Римом всегда предшествовало объявлению вассального царя φιλόρῳμαιος, т.е. *amicus populi Romani*. Договор о дружбе с Римом обновлялся при вступлении на престол нового царя, поэтому титул Аспурга “друг римлян” мог быть закреплен за ним при Августе как формально перешедший к нему от Асандра и Динамии, являвшихся просто “друзьями римлян”. Августу оставалось только признать за Аспургом право титуловаться царем, подтвердив этим его полномочия как преемника родителей. Получая титул “друг Рима” и заключив договор о дружбе, цари, как правило, объявлялись римскими гражданами с правом прибавлять к своему имени личное и родовое имена императора, своего покровителя. Поскольку преемники Аспурга, начиная с его сына Котиса I, прибавляли к своему династическому имени римские родовые имена Тибериев Юлиев, а не Гаев Юлиев, то мы вряд ли уйдем далеко от истины, если выдвинем предположение, что договор Аспурга с Августом не был полностью доработан и ратифицирован из-за смерти принцепса в 14 г. н.э. Он обрел юридическую силу лишь частично, вследствие чего Аспург при жизни Августа не только не получил римского гражданства, но и не мог еще титуловаться “другом цезаря”. Видимо, поэтому в надписи 15–16 гг. н.э. он имеет лишь “укороченный” эпитет “друг римлян”. Более пространственный эпитет, утверждение договора и соответственно получение римского гражданства приходятся уже на принципат Тиберия, в результате чего потомки Аспурга получили имена Тибериев Юлиев. Он же не пользовался ими потому, что основной социальной базой его власти по-прежнему были местные племена и военно-хозяйственные поселенцы на царской земле, среди которых антиримские промитридатовские традиции продолжали оставаться весьма сильными. Поэтому царь решил ограничиться прибавлением к своему титулу эпитета “друг цезаря”. Так как в почетное надписи КБН 39 от

⁵⁹¹ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 371.

23 г. н.э. Аспург продолжает величаться просто “другом римлян”, а в близкой ей по времени надписи Менестрата (КБН 40) он назван сначала традиционным “другом римлян”, а затем повторно уже как “друг цезаря и друг римлян”, но весьма вероятно, что последний эпитет был получен вскоре после 23 г. н.э. или незадолго до этого. Это могло произойти после громких побед царя в Таврике, о чем сообщается в этих надписях»⁵⁹². С.Ю. Сапрыкин полагает, что договор Аспурга с Римом был один, но подтвержден он был только при Тиберии и вступил в силу не ранее окончания «крымской» кампании против скифов и тавров, т.е. уже после 16 г. н.э.⁵⁹³

Следует по порядку разобрать аргументы С.Ю. Сапрыкина. Наибольшие сомнения вызывают доводы московского исследователя относительно договора о дружбе и его ратификации. Как было показано в предыдущей главе, отношения *amicitia* вовсе не должны были фиксироваться каким-либо официальным договором, а уж тем более ратифицироваться. Поэтому здесь можно в очередной раз отметить, что конструкция «договор о дружбе» – оксюморон отечественной историографии. Имеющиеся в нашем распоряжении литературные и эпиграфические источники не сообщают о том, что отношения *amicitia* влекли за собой обязательное заключение договора; договор действительно мог быть результатом установления отношений дружбы, однако не был обязательным⁵⁹⁴. Скорее, речь в данном случае должна идти о том, что в результате поездки в Рим Аспург получил согласие императора на царствование на Боспоре и, собственно, подтвердил статус дружественного правителя, о чем свидетельствуют первые выпуски его золотых статеров, где были помещены бюсты Тиберия и Агриппы.

Второй важный момент в построениях С.Ю. Сапрыкина, вызывающий сомнения, касается использования конкретных титулов в надписях Аспурга. Наверное, тут следует сделать замечание методологического характера – титулатуру боспорских царей нельзя рассматривать как замкнутую и устоявшуюся конструкцию, которая имела унифицированный вид и не изменялась в связи с трансформацией римской

⁵⁹² Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 161–162.

⁵⁹³ Там же. С. 162.

⁵⁹⁴ van Wijlick H. Rome and Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44–31 BC: A Study of Political Relations During Civil War. Leiden; Boston, 2021. P. 1, а также ряд других авторов (см. главу 1).

государственности и политики на Востоке. Боспорское царство было вписано в *orbis Romanum* с помощью *amicitia*, при этом оставаясь формально независимым государством. В последнем параграфе первой главы была подробно описана ситуация, когда, начиная со второй четверти I в. н.э., отношения внешнеполитической дружбы все чаще стали связываться с конкретными личностями, будь то Помпей, Цезарь или Август. При всем этом подобные отношения не всегда выражались титулом *φιλόκαισαρ*, как в случае с Боспорским царством. К примеру, киликийский царь Таркондимот чеканил монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΑΡΚΟΝΔΙΜΟΤΟΥ ΦΙΛΑΝΤΩΝΙΟΥ (RPC 3871)⁵⁹⁵. Монеты царя Халкиды, а позднее и Иудеи, Ирода V Халкидского содержали легенду ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΗΡΩΔΗΣ ΦΙΛΟΚΛΑΥΔΙΟΣ (RPC 4778–4779). *Φιλογερμανικός* к своему имени и титулам в надписях прибавляли царь Понта Полемон II и царь Боспора Митридат VIII (речь о нем пойдет ниже)⁵⁹⁶. На Косе были зафиксированы различные вариации титула *φιλόκαισαρ* – в том числе *φιλονέρων* и *φιλοκλαύδιος*⁵⁹⁷. Было обнаружено пятьдесят семь случаев использования титулов *φιλοκλαύδιος* и пять *φιλονέρων*. С. Шервин-Уайт отметил, что многим представителям элиты Коса был предоставлен титул *φιλόκαισαρ*⁵⁹⁸. В одной из надписей, посвященной врачу Гаю Стертинию Ксенофону, которого Тацит обвинил в смерти Клавдия (Тас. Ann. XII.67), ему даны титулы *φιλόκαισαρ*, *φιλοσέβαστος*, *φιλονέρων* и *φιλωρόμαιος* (I.Cos EV 241), что ясно показывает – существовали региональные вариации титула «друг императора», которые могли изменяться в зависимости от смены правителя на римском престоле⁵⁹⁹, хотя в некоторых конкретных случаях логика выбора тех или иных титулов не вполне понятна. Так или иначе, нельзя восприни-

⁵⁹⁵ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды... С. 168–169; Wright N.L. The house of Tarkondimotos: a late Hellenistic dynasty between Rome and the East // *Anatolian Studies*. 2012. Vol. 62. P. 75–76.

⁵⁹⁶ Lintott A.W. Imperium Romanum... P. 40

⁵⁹⁷ Nutton V. Archiatri and the Medical Profession in Antiquity // *Papers of the British School at Rome*. 1977. Vol. 45. P. 196; Buraselis K. Kos: Between Hellenism and Rome. *Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the middle second century B.C. until Late Antiquity*. Philadelphia, 2000. P. 104.

⁵⁹⁸ Sherwin-White S. Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period // *Hypomnemata*. 1978. No. 51. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. P. 152.

⁵⁹⁹ van der Ploeg G. The Impact of the Roman Empire on the Cult of Asclepius. Leiden, 2018. P. 87–107.

мать титулатуру боспорских царей как изначально шаблонную и юридически выверенную конструкцию, как это делает С.Ю. Сапрыкин.

В его аргументации присутствует еще несколько слабых мест, однако все они, по существу, базируются на обозначенных выше недочетах, выражающихся в формулировках в духе «“укороченный” эпитет “друг римлян”», а также утверждениях о том, что получение титула *φιλόκαισαρ* и *φιλορώμαιος* всегда предполагало принятие того или иного правителя в число граждан Рима. Боспорские цари, начиная с правления Котиса I, действительно получали римское гражданство, а вместе с ним и римский *nomen gentilicum*. Однако С.Ю. Сапрыкин переносит традицию, сложившуюся в правление Котиса, на Аспурга (монеты и надписи которого не содержат никаких указаний на то, что он действительно обладал этими римскими именами), что кажется не совсем верным с методологической точки зрения. Также остаются не вполне убедительными и абсолютно не подкрепленными аргументами иностранные заключения о том, что при Аспурге «антиримские промитридатовские традиции продолжали оставаться весьма сильными»⁶⁰⁰.

Учитывая сказанное выше, рассмотрим правление царя Аспурга и его отношения с Римом. Источники очень скромны в освящении его политики – по сути в распоряжении исследователей находятся лишь данные нумизматики, эпиграфики и некоторые археологические свидетельства. Аспург, по-видимому, правил с 10/11 по 37/38 гг. н.э.⁶⁰¹. Последней золотой монетой царя Аспурга считается статер 37 г. н.э. с изображением Тиберия и Агриппы, а медной – ассарий с головой Калигулы вправо и полным именем ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ (прил. 2, рис. 19)⁶⁰². В целом относительно медной чеканки Аспурга следует сказать, что все ассарии несли изображение императора (Тиберия или Калигулы), Аспурга и царскую монограмму. Состав ассариев Аспурга, предназначенных в основном для внутреннего обращения, имеют неустойчивую рецептуру сплава⁶⁰³. Интересна еще одна деталь – на медных семисах Аспурга впервые в боспорской нумизматике появляется лич-

⁶⁰⁰ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство. С. 162.

⁶⁰¹ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... S. 192.

⁶⁰² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 95. Табл. 12 -317, -320; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Т. 1. С. 68, 73. Табл. 13, 16-17.

⁶⁰³ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 33.

ная тамга царя (прил. 2, рис. 20), которая появляется и на обожженных глиняных кирпичах из Горгииппии (прил. 2, рис. 21). Вероятно, это является косвенным свидетельством благорасположения Аспурга к Горгииппии, зафиксированного и в его рескриптах⁶⁰⁴. Судя по всему, большая партия этого кирпича была выпущена в Горгииппии для строительства в городе и его окрестностях каких-то важных общественных зданий, возможно, царской резиденции или святилища⁶⁰⁵. К этой группе находок можно отнести и комплекс сероглиняных сосудов с пометками в виде тамги Аспурга из захоронений в Цемесской долине (прил. 2, рис. 22)⁶⁰⁶.

Видимо, в правлении Аспурга большую роль действительно играла Горгииппия и вообще Синдика – так, Страбон назвал Горгииппию «царской столицей», возможно, имея в виду нахождение здесь одной из царских резиденций. Синдика у Страбона именуется одним из наиболее хлебородных районов Северного Причерноморья, поэтому установление контроля над близким к черноморскому побережью источником изобилия товарного зерна было для Боспора вопросом стратегическим (Strabo VII.4, 6). Существует точка зрения, что с правлением Аспурга и пребыванием здесь его сторонников – аспургиан – связан ряд изменений в этнополитической и хозяйственной системе Синдики – из антропогенного ландшафта оказались вычеркнуты не только «каменные» могильники синдского населения, но и целые поселенческие структуры хоры Горгииппии, что происходило на фоне широкого распространения меотского погребального обряда на юго-востоке азиатского Боспора, т.е. массового расселения мигрантов из Прикубанья⁶⁰⁷. О связях пришлого населения с Прикубаньем свидетельствуют захоронения в подбоях, в которых был рас-

⁶⁰⁴ Блатская Т.В. Рескрипты... С. 197–209; Блатская Т.В. Аспург и Боспор... С. 28–37. Новым свидетельством указанного благорасположения служит недавно открытая надпись об установке Аспургом в горгииппийском гимназии посвятельной статуи Геракла и Гермеса: Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Указ. соч. С. 680–692.

⁶⁰⁵ Малышев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д.О., Жеребятъев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В. Указ. соч. С. 45.

⁶⁰⁶ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. Вып. 2. С. 110. Рис. 3; ср.: Малышев А.А. Полуостров Абрау в римское время // Нуранис. М., 2021. Вып. 3. С. 157. Рис. 10.

⁶⁰⁷ Малышев А.А., Новичихин А.М. К истории и археологии южной части Синдики // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 231–232.

пространен обряд «миска под головой»⁶⁰⁸. Также на рубеже эр в грунтовых некрополях юго-восточной периферии Боспора встречается большое количество воинских погребений, в которых представлено разнообразное наступательное оружие дистанционного (дротики) и ближнего боя (топоры и длинные мечи синдо-меотского типа)⁶⁰⁹. Часто в подобных захоронениях рядом находилось погребение одной или нескольких верховых лошадей⁶¹⁰. Сказанное выше позволяет, вслед за А.А. Завойкиным, предположить, что обитатели небольших укрепленных поселений Анапско-Новороссийского региона и есть те самые аспургиане, о которых упоминал Страбон⁶¹¹. В то же время делать окончательные выводы по этому поводу рано – данные археологии не предоставляют нам достоверной информации ни о судьбе синдов, ни об аспургианах в пределах территории, которую Страбон отнес к их обитанию. Очевидно, что некоторую ясность в этот вопрос могут внести лишь дальнейшие археологические исследования Синдики, на основании которых уже можно будет провести более глубокое и обстоятельное исследование.

Некоторые сведения о правлении Аспурга дает титулатура этого боспорского царя. В надписях, относящихся к первому периоду его правления (до 23 г. н.э.), его титул выдержан в духе предшественников – указание на царское происхождение и дружбу с Римом (φιλορώμιος) (прил. 1, табл. 1). В КБН 39 и КБН 40, датирующихся после 23/24 г. н.э. содержится более пышный титул – Аспург именуется βασιλέα μεύων, продолжая традицию, восходящую к Митридату, а далее по образцу титулатуры Спартокидов следует перечисление подвластных царю территорий (Боспор и Феодосия) и варварских племен⁶¹². Вероятно, эти изменения были связаны с походом

⁶⁰⁸ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 241.

⁶⁰⁹ Малышев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д.О., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В. Указ. соч. С. 46.

⁶¹⁰ Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / А.А. Малышев (отв. ред.). М., 2007. С. 139, 162–169.

⁶¹¹ Завойкин А.А. Аспургиане: 500 стадиев... С. 292.

⁶¹² Бехтер А.П. Указ. соч. С. 64

Аспурга против скифов и тавров, в ходе которого он разгромил Неаполь Скифский и ряд позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму⁶¹³.

Отдельно следует сказать об упоминании *amicitia* в этих двух надписях. В КБН 40, помимо *φιλώρωμαος*, Аспург именуется также *φιλόκαισαρ*; КБН 39 сильно повреждена, поэтому не вполне понятно, был ли там только *φιλώρωμαος* или же присутствовали оба титула. КБН 40 была поставлена несархом Менестратом, сыном Менестрата. Вероятно, он был представителем аристократической боспорской семьи, проживавшей на территории азиатского Боспора. В более поздней эпиграфике можно найти посвящения от имени его потомков: в КБН 1243, датируемой правлением Савромата II, упоминаются пресбевт царя в Танаисе и архигойтонит Юлий Менестрат – тот самый, который, согласно таманской надписи, впоследствии (или немного ранее) занимал должность хилиарха и участвовал в восстановлении разрушенной башни в Танаисе. Тот же Менестрат, будучи архигойтонитом, установил памятник Савромату II в Фанагории, о чем свидетельствует надпись на мраморном постаменте статуи, обнаруженной в 2004 году при раскопках затопленной части Фанагории. Вероятно, к этому же боспорскому роду принадлежал и Менестрат, сын Менестрата, занимавший должность грамматевса при царе Тейране (КБН 36). Менестрат из КБН 40 может также фигурировать в КБН 1082, найденной в Тамани в 1910 г., которая приводит следующий текст: «Менестрат и сын Гиппарх, и мать Гиппарха Хреста, прощай». По характеру письма надпись датируется I в. н.э. Учитывая, что в КБН 40 упоминается, что Менестрат исполнял должность несарха, т.е. заместителя царя на азиатской стороне, вполне логично предположить, что и похоронен он был примерно в том же месте. По предположению С.Ю. Сапрыкина, упомянутый Менестрат мог быть знатным боспор-

⁶¹³ Подробнее об этой военной кампании боспорского царя см.: *Раевский Д.С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – I в. н.э.) // ВДИ. 1973. Вып. 2. С. 113–118; *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 192; *Она же.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 14; *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. Вып. 2. С. 128–129; *Он же.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 18, 29; *Колтухов С.Г.* Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. Вып. 2. С. 187; *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. М., 2006. С. 261; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... М., 2002. С. 217–218; *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003. С. 44; *Антонов Е.Е.* События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам // Нуранис. 2019. Вып. 1. С. 37; *Завойскина Н.В.* О войне царя Аспурга против скифов и тавров // ПИФК. 2023. Вып. 3. С. 252–271 и др.

ским греком, который приорел римское гражданство и родовое имя «Юлий» еще в период правления Юлиев-Клавдиев⁶¹⁴. Однако судить о связях Менестрата с Римом достаточно сложно, ввиду отсутствия у нас иных источников по этому вопросу. Очевидно, что и Менестрат, и его сын Гишпарх, и супруга Хреста носят греческие имена. Однако отрицать иранские влияние на сам текст КБН 40 достаточно сложно, если обратить внимание сочетание двух гласных в слове Βοοσπόρου, а также согласование падежей в тексте. Титул φιλόρῳμαιος встречается в ней дважды, причем в первом случае он согласуется с именем Аспурга в *acc. sing.* (прямое дополнение), а во втором — также стоит в *acc. sing.* По мнению С.Ю. Сапрыкина, этот момент объясняется особенностью говора населения азиатской части Боспорского царства, среди которого присутствовали и представители меото-сарматского этноса, где часто встречается смешение именительного, родительного и винительного падежей, что проявлялось в т.ч. и в надписях. Вероятно, обе конструкции должны относиться к Аспургу, поскольку в надписях более позднего времени этот титул в сочетании с φιλόκαισαρ, являясь эпитетом правящего царя, обычно занимает место вслед за именем его отца (напр., КБН 42, 44, 53, 55). Можно предположить, что боспорский грек Менестрат, помимо должности несарха, мог исполнять и иные государственные должности. Вероятно, он мог быть и послом при боспорском царе и участвовать в поездке к римским императорам вместе с Аспургом, сыном Биомаса (CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567) (прил. 2, рис. 18). В таком случае можно предположить, что знатный боспорянин Менестрат, употребляя в посвящении конструкцию φιλόκαισαρ καὶ φιλόρῳμαιος, переносит устоявшуюся в греческом и римском мире, но еще неизвестную на Боспоре, конструкцию о дружбе с римским императором и народом, отражая трансформацию облика римской внешнеполитической дружбы, речь о которой шла в первой главе.

Подводя некоторый промежуточный итог о правлении Аспурга и его отношениях с Римом, представляется возможным выделить следующие моменты. Очевидно, что приход Аспурга к власти на Боспоре был осуществлен с согласия и при содействии римского императора, о чем свидетельствуют текст рескриптов из Горгиипии и косвенные доказательства о визите царя в Рим. В результате этой поездки Аспург не

⁶¹⁴ Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея... С. 75.

только получает Боспорское царство в законное владение, но и устанавливает дружественные отношения с Римом, о чем недвусмысленно говорят все надписи, относящиеся к периоду его правления. Видимо, именно в начале – середине I в. н.э. в титулатуре боспорских царей происходит ряд изменений, отражающих общий настрой внешнеполитической дружбы Рима по отношению к зависимым государствам *orbis terrarum* – к формулировкам о дружбе с римским народом добавляется дружба с римским императором. При всем этом ни эпиграфика, ни нумизматика Аспурга не обнаруживает каких-либо явных антиримских настроений – золотые статеры боспорского царя содержат изображения Тиберия и Агриппы (прил. 2, рис. 15, 17), медные – на аверсе бюст самого Аспурга и царскую монограмму ВАР, на реверсе – Тиберия и надпись ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ, а начиная с 37 г. н.э. – Калигулы и надпись ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ (прил. 2, рис. 16, 19). Очевидно, что подобная иконография сочетала в себе две тенденции политической пропаганды боспорского царя – с одной стороны подчеркивалось влияние Рима в регионе, а с другой – сохранялись местные традиции. Монеты изображали как римских императоров, так и боспорского царя, причем обе стороны наделялись атрибутами власти: Тиберий представлен в лавровом венке, а Аспург – в диадеме как символе царской власти⁶¹⁵, дополненным монограммой царя. Ранее бытовало мнение, что использование монограмм вместо полного имени на монетах свидетельствует о подчинении боспорских правителей римской власти⁶¹⁶. Однако монограммы широко применялись в нумизматике региона задолго до установления принципата⁶¹⁷. Соответственно, их использование в правление Аспурга, скорее, свидетельствует не о понижении его статуса, а о сохранении традиций, заложенных предшествующими боспорскими царями. Портрет Аспурга на монетах заметно отличается от классического римского: боспорский царь изображен с длинными волосами и царской диадемой (прил. 2, рис. 16, 19). Таким образом, данные

⁶¹⁵ Fowler R., Hekster O. Op. cit. P. 12.

⁶¹⁶ Højberg Bjerg L. Money, power and communication: coin circulation in the Bosporan kingdom in the Roman period. Wetteren, 2014. P. 192.

⁶¹⁷ У Frolova N., Ireland S. The Coinage of the Bosporan Kingdom From the First century BC to the Middle of the First Century AD. Oxf., 2002. P. 3 упоминаются монеты, датируемые 90–80 гг. до н.э., с монограммами городов. Затем Динамия выпустила монеты с монограммой в 9/8 г. до н.э. – 7/8 г. н.э. (P. 6).

нумизматики одновременно свидетельствуют о связи с Римом и о приверженности Аспурга местным традициям – через детали внешности, атрибуты власти и использование царской монограммы. Следовательно, эти монеты не подчеркивали подчиненность Аспурга Риму, а, напротив, служили выражением устойчивых отношений с Империей и продолжения местной царской традиции. Об этом свидетельствуют и эпиграфические источники, в которых титулатура Аспурга сочетала проримские и местные тенденции. Появление титула $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ («друг Цезаря») в КБН 40 указывает на осознание перемен в политической структуре Рима: теперь власть окончательно принадлежала династии Августа, а положение дел на международной арене во многом зависело лично от принцепса. Примечательно, что надпись с титулом $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ была создана не самим царем, а одним из его подданных, что показывает инициативу «снизу» в восприятии и передаче политической символики. Хотя $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ помещен рядом с другими титулами, повторение $\phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ («друг Рима») в той же надписи – $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ldots\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ – говорит о шаблонности и, возможно, формуле, заимствованной из другого контекста. Таким образом, новая конструкция оказалась встроена в систему привычных титулов, но при этом ее использование не было строго унифицировано на тот момент. Тиберий подтвердил установление *amicitia* с Аспургом, а также санкционировал чеканку монет, подтверждавших существование особых отношений между правителями, однако не отменявших самостоятельности политики боспорской стороны. Употребление титула $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ в надписях подтверждает, что эти связи были известны и признаны внутри самого Боспорского царства. Ранее боспорские правители (Фарнак, Асандр и Динамия) обладали титулом $\phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. По мнению Х. Хайнена, добавление $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ к имени Аспурга усиливало его легитимность, демонстрируя более тесные связи с Римом⁶¹⁸. Однако, подобный вывод кажется автору этого текста несколько спорным. Думается, что появление двухчастной конструкции $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ в титулатуре боспорских царей свидетельствует не о теплоте и тесноте отношений между римским императором и Аспургом (достаточно сложно представить, что Тиберий стремился выстраивать близкие неформальные отношения с правителем далекой периферии

⁶¹⁸ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... P. 200.

римского мира), не о большей легитимности власти Аспурга (тоже весьма странное построение, ведь власть она либо легитимна, либо нет), а отражает изменения в политической структуре самого Рима. Можно предположить, что *φίλοκαισαρ* и *φίλωρῳμαῖος* в титулатуре боспорских царей указывали на то, что статус друга Рима был официально утвержден императором, обладающим *imperium*, и римским сенатом, который осуществлял свою власть от имени римского народа. Несмотря на существенные перемены в римском правлении в начале I в. н.э., сенат и далее, как было показано в первой главе этого текста, продолжал играть существенную роль в вопросах внешней политики. По крайней мере, ряд решений императора не мог оставаться без формального утверждения сената. Видимо, это касалось и вопросов внешнеполитической дружбы, о чем свидетельствуют реверсы монет типа *rex datus* с указанием на *senatus consultum*, речь о которых шла в предыдущей главе (прил. 2, рис. 4–7).

При всем этом нельзя отрицать, что, учитывая происхождение Аспурга, были важны указания на *amicitia* с Римом – поскольку он, по-видимому, не был потомком Митридата VI, ему требовались новые основания для укрепления своей власти – и они были найдены в дружественных отношениях с императором Тиберием. Отношения Аспурга с Римом продолжались и при Калигуле, хотя прямых свидетельств об их личном контакте нет. Таким образом, титул *φίλοκαισαρ* постепенно стал восприниматься не как отражение личных отношений между конкретным царем и императором, а как элемент боспорской царской титулатуры, призванный подчеркнуть легитимность правителя в рамках римской системы власти – и одновременно сохранить местные традиции. Традиции дружественных отношений с Римом получили развитие уже при приемниках Аспурга – его сыновьях Митридате и Котисе.

2.2.2. Правление Митридата VIII – последний всплеск боспорского сепаратизма?

После Аспурга власть на Боспоре переходит к его старшему сыну Митридату VIII⁶¹⁹. Его правление не было избаловано вниманием источников – сведения эпи-

⁶¹⁹ Правда, не сразу, судя по данным нумизматики, власть на Боспоре, по крайней мере, полтора года находилась в руках не наследника трона Митридата, а его матери Гепеирии, которая продолжила чеканить на своих золотых монетах покойного Тиберия (Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 166–174). Подтверждает факт соправительства и сообщение Диона Кассия (Dio Cass.

графики и нумизматики сравнительно малочисленны, а нарративная традиция весьма неоднозначна. Политику Митридата принято характеризовать как антиримскую – царя нередко обвиняют в попытке отложиться от Рима, описывая его правление как последнее проявление боспорского сепаратизма, который воплотился в событиях римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э.⁶²⁰ Но было ли правление Митридата в действительности антиримским?

Митридат VIII был сыном царя Боспора Аспурга и Гепеирии, которую считают либо дочерью Котиса III Фракийского и Антонии Трифены⁶²¹, либо дочерью Реметалка I и сестрой Котиса III⁶²². Следует согласиться с предположением Э. Миннса о том, что к моменту прихода к власти царицы Гепеирии после смерти ее супруга в конце 37 г. н.э. их дети – Митридат и Котис – еще не достигли совершеннолетия, что и стало причиной передачи власти не старшему сыну, а вдове Аспурга⁶²³. В это время римский император Калигула проводит активную династическую политику в регионе – в конце 30-х гг. н.э. царем Фракии был провозглашен Реметалк III, а Понта – его брат Полемон II⁶²⁴. В этой связи С.Ю. Сапрыкин выдвинул предположение о том, что «Калигула хотел возродить старый план своих предшественников создать объединенное Понтийско-боспорское государство с тесными связями с Фракией»⁶²⁵, однако это не подтверждается данными источников. Видимо, Митридат, следуя примеру своих предшественников, также был утвержден на боспорском престоле римским императором. Единоличное правление Митридата начинается только в 39 г. н.э., о чем свидетельствует его золотой статер с бюстом Калигулы на аверсе и легендой

LX.28.7). Подробнее об этом сюжете см.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... С. 234–238; *Чореп М.М.* «Vox audita latet, littera scripta manet», или к биографии боспорской царицы Гепеирии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. Вып. 1. С. 94–103.

⁶²⁰ См. напр., *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 225–231; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. С. 19–23; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. С. 31–36; *Nawotka K.* The attitude towards Rome... Р. 329; *Функ Б.* Указ. соч. С. 88; *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. Вып. 4. С. 170–194.

⁶²¹ *Sullivan R.D.* Thrace in the Eastern Dynastic Network // ANRW. 1979. Bd. II. 7.1. P. 207; *Sullivan R.D.* Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. Bd. II. 7.2. P. 922.

⁶²² *Saprykin S.Yu.* Op. cit. P. 172 f.

⁶²³ *Minns E.* Op. cit. P. 601.

⁶²⁴ *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство... С. 240.

⁶²⁵ Там же.

ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ и изображением Ники с венком и ветвью на реверсе (прил. 2, рис. 23)⁶²⁶. Получается, что приход к власти на Боспоре был осуществлен Митридатом с согласия Рима, что и стало основанием для чекана золотых монет с портретом царя в 39 г. н.э.⁶²⁷ Однако существует мнение, что Рим дал добро на правление Митридата только в 41 г. н.э., когда к власти пришел император Клавдий⁶²⁸. Но в таком случае – чем можно объяснить появление бюста Калигулы на монетах Митридата, если не его официальным признанием в Риме? При всем этом некоторые сомнения вызывает трактовка реверса этого монетного выпуска Митридата. С.Ю. Сапрыкин полагает, что изображение богини Ники с венком и пальмовой ветвью⁶²⁹ свидетельствует о стремлении Митридата к большей самостоятельности в политике и подчеркивании независимости от Рима, «как того требовали выдвинувшие царя промитридатовские слои населения Боспора»⁶³⁰. Во-первых, не вполне понятно, на чем основывается исследователь, говоря об антиримских настроениях в среде боспорской элиты. Во-вторых, изображение богини Ники с венком и пальмовой ветвью встречается в боспорской монетной чеканке достаточно часто – как до Митридата, при Асандре (прил. 2, рис. 10, 11), так и после него – при Котисе I (прил. 2, рис. 24) и последующих царях. Поэтому кажется несколько опрометчивой попытка трактовать подобные изображения на монетах как показатель независимости боспорских царей от Рима, как это делают некоторые авторы⁶³¹. Все известные нам до 43 г. н.э. золотые монеты Митридата помещают на аверсе бюст римского императора – поэтому о каком-либо противодействии Риму в этот период говорить не приходится.

⁶²⁶ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 96; Фролова Н.А. О времени правления... С. 172; Она же. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1986. Вып. 4. С. 54; Она же. Монетное дело Боспора... С. 81; ср. Zograph A.N. Op. cit. P. 315. Pl. XLVI-5.

⁶²⁷ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 96; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 174–176; Barrett A. Gaius' Policy in the Bosphorus // TAPhA. 1977. Vol. 107. P. 5, 6.

⁶²⁸ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 326; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории... С. 163, 164; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 83; Болтунова А.И. К надписи IOSPE, II, 400. С. 174.

⁶²⁹ Болтунова А.И. Указ. соч. С. 175; Зограф А.Н. Античные монеты С. 198; Zograph A.N. Op. cit. P. 317; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье... С. 128; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 84; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 177.

⁶³⁰ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 244; Saprykin S.Yu. Op. cit. P. 174.

⁶³¹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 244; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 377–378.

О событиях на Боспоре и в сопредельных областях в это время сообщает Дион Кассий: «Гай Калигула по решению сената подарил Полемону, сыну Полемона, царство его отца» (Dio Cass. LIX.12.2). Исследователи, обращавшиеся к этому сюжету, убедительно доказали, что речь здесь идет о Полемоне II, сыне Котиса III и Антонины Трифены, дочери Полемона I, царя Понта и Боспора. Поэтому в тексте Диона следует читать не «сыну», а «внуку» Полемона⁶³². Принято думать, что Калигула передал Полемону II не только территории Понтийского царства, но и Боспора, ранее входившего во владения его деда⁶³³. Однако, как убедительно показали А. Барретт и В.П. Яйленко, Полемон мог претендовать только на понтийские территории⁶³⁴.

О начальном периоде правления Митридата (при императоре Калигуле), можно судить на основании манумиссии, сделанной от имени некоего Пофа, сына Страбона, происходящей из Горгиипии и датирующейся 338 г. б.э. = 41/2 г. н.э. (КБН 1123). Надпись содержит имя Митридата, однако состояние текста не позволяет с уверенностью восстановить титулатуру царя. На плите сохранились лишь остатки надписи, вырезанной по тонким линиям и сильно стертой, особенно в некоторых местах. Поверх стертых букв позже была нанесена новая резьба (вероятно, уже в Эрмитаже во второй половине XIX в.), выполненная другим инструментом и имевшая, очевидно, целью подновить надпись; местами, там, где буквы сохранились плохо, резчик наносил резьбу, как отмечают авторы КБН, «по-видимому, наудачу, иной раз даже бессмысленно»⁶³⁵. В связи с этим в среде эпиграфистов существует ряд расхождений относительно восстановления и чтения надписи. Л. Стефани реконструирует титулатуру царя как ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥΣ ΚΑΙ ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ⁶³⁶. Относительно восстановления первого из этих титулов среди ученых возникли разногласия. В.В. Латышев отнес

⁶³² Hoffman W. Polemon II // RE. 1963. Bd. 49. Hbd. 47. S. 1285–1287; Minns E. Op. cit. P. 596; Яйленко В.П. Династическая история... С. 175; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 238.

⁶³³ Голубцова Е.С. Северное Причерноморье... С. 128; Гайдукевич В.Ф. История античных городов... С. 129; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 31; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 376.

⁶³⁴ Barrett A. Op. cit. P. 5; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 174–177. Ср. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 239–240; Dmitriev S. Claudius' Grant of Cilicia to Polemo // CIQ. 2003. Vol. 53. № 1. P. 286–291; Панов А.Р. Политика Калигулы на Боспоре // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Н. Новгород, 2007. С. 157–165.

⁶³⁵ КБН С. 657.

⁶³⁶ Восстановление Л. Стефани было принято и другими авторами: Функ Б. Указ. соч. С. 92; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 244.

надпись ко времени правления на Боспоре Полемона II, восстановив первый титул как ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ⁶³⁷. А.И. Болтунова на основании рыбницкой копии надписи видит первый титул как ΦΙΛΟΣΥΜΜΑΧΟΣ⁶³⁸. Последнее утверждение достаточно спорно – как верно показал Б. Надель, титул ΦΙΛΟΣΥΜΜΑΧΟΣ не имеет параллелей в боспорской эпиграфике и, поскольку на камне в начале 5-й строки не находим ни малейших следов сигмы, йоты и второго М, то восстановление, предложенное А.И. Болтуновой не может считаться обоснованным⁶³⁹. Кроме того, не вполне понятно, другом каких союзников в таком случае мог именовать себя Митридат. Два других варианта восстановления первого титула в надписи кажутся более реальными. Последняя по времени аутопсия надписи КБН 1123 была проведена Н.В. Завойкиной. Результаты этого исследования были представлены в ее докладе в рамках конференции «Эпиграфика и эстампажи: от полевых исследований до музейных и архивных коллекций», которая состоялась в начале июня 2025 г. в Санкт-Петербурге. Н.В. Завойкина убедительно показала, что первый титул Митридата в надписи должен восстанавливаться как ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ. К аргументам, приведенным Н.В. Завойкиной в пользу этого прочтения можно добавить еще несколько соображений.

Как уже было отмечено выше, титулатура боспорских царей в этот период не представляла собой устоявшуюся и неизменяемую от правителя к правителю конструкцию, потому необычность использования титулов в КБН 1123 можно объяснить следующим образом. Относительно второго титула Митридата, ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ⁶⁴⁰, в литературе часто замечается, что он выражал стремление царя к более независимой политике и его намерения относительно возрождения самостоятельно-

⁶³⁷ Comm. ad IOSPE I² 400.

⁶³⁸ Болтунова А.И. К надписи IOSPE, II, 400. С. 176. К ее восстановлению присоединились и другие авторы: Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 182; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская... С. 32; Горончаровский В.А. Между империей и варварами... С. 167.

⁶³⁹ Надель Б. Филологические и дипломатические заметки к боспорским манумиссиям // ВДИ. 1958. Вып. 1. С. 144.

⁶⁴⁰ Этот же титул фигурирует в ольвийской надписи IOSPE I² 38 и содержит указание на некоего боспорского царя, имя которого в ряде случаев восстанавливается как Митридат (Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 84; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 173). О других вариантах восстановления этой надписи см.: Растегаева М.Н. К вопросу об участии Ольвии в римско-боспорской войне середины I в. н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2024. Вып. 4. С. 58–63.

сти на Боспоре⁶⁴¹. Однако следует усомниться в явной антиримской направленности этого титула, вслед за В.А. Анохиным⁶⁴². Как показывают надписи с эллинистического Коса, титул ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ давался лицам, совершившим ряд благодеяний в отношении города и принесшим ему значительную пользу, причем делалось это, как правило, путем голосования⁶⁴³. Трудно судить о том, как именно эта процедура проходила на Боспоре, но очевидно, что рассматриваемый титул отражал не антиримские, а пробоспорские настроения. Это наблюдение, а также конструкции «εὐεργέτην τῆς πατρίδος» в титулатуре последующих боспорских царей, которые явно не предпринимали никаких попыток противостоять Риму (прил. 1, табл. 1), заставляют усомниться в антиримском характере титула ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ. Относительно первого титула в КБН 1123 ситуация несколько сложнее, в первую очередь, из-за плохой сохранности текста. Вероятно, окончательный выбор в пользу восстановления в надписи ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ или ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΣ сделать на данный момент сложно. Однако автору этой работы кажется, вслед за В.В. Латышевым, В.Ф. Гайдукевичем и Н.В. Завойкиной, более вероятным первое восстановление. Для такого заключения есть две причины. Судя по сложившимся к I в. н.э. традициям в титулатуре боспорских царей, в надписях первым размещался титул, обозначающих дружественные отношения правителя с римским императором (прил. 1, табл. 1). Как показывают надписи этого времени из других регионов эллинистического мира, эти отношения могли воплощаться в титулах по-разному – к примеру, φιλοκλαύδιος или φιλονέρων⁶⁴⁴. Поэтому вполне возможно рассматривать КБН 1123 в духе этой тенденции – титул φιλογερμανικός подчеркивал дружественные отношения Митридата с Калигулой (к этому можно добавить и бюст императора на монетах этого царя (прил. 2, рис. 23)), а φιλόπατρις демонстрировал его заслуги перед отечеством. Видимо, можно говорить о том, что титулатура боспорских царей в это время не была строго установленной конструкцией. Но в любом случае, КБН 1123,

⁶⁴¹ Болтунова А.И. К надписи IOSPE, II, 400. С. 176; Фролова Н.А. Золотая монета... С. 55; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. 1. С. 83–84; Функ Б. Указ. соч. С. 88; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 245; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 377.

⁶⁴² Анохин В.А. Монеты античных городов... С. 60.

⁶⁴³ Buraselis K. Op. cit. P. 105–106.

⁶⁴⁴ Nutton V. Op. cit. P. 196; Buraselis K. Op. cit. P. 104.

свидетельствовала об установлении этим царем дружественных отношений с Римом при Калигуле. Как неоднократно подчеркивалось выше, в согласовании с римской администрацией нуждался статус друга в целом, а его региональные воплощения на монетах и в надписях зависели от местных традиций⁶⁴⁵. Отношения *amicitia* были универсальным инструментом римской дипломатии, однако в каждом регионе, видимо, существовали свои особенности их демонстрации.

О том, что Митридат VIII действительно мог официально стать другом Рима в первый период своего правления, косвенно свидетельствует сообщение Тацита, который передает фразу боспорского царя, якобы произнесенную им после пленения в ходе событий римско-боспорской войны перед императором – *non sum remissum ad te, sed reversus*⁶⁴⁶ (Тас. Ann. XII.21). Соответственно, если Митридат упоминает о возвращении в Рим, значит, он явно бывал там ранее⁶⁴⁷. Как справедливо отмечает А.Р. Панов, единственной возможностью для его пребывания в Риме могло быть урегулирование вопроса о правах на боспорский престол, и, следовательно, личная встреча с Калигулой вполне могла состояться⁶⁴⁸. Видимо, в результате этой поездки между государствами были официально установлены отношения дружбы, что нашло отражение в надписях и монетах Митридата VIII.

Такое положение, по-видимому, сохранялось до прихода к власти Клавдия. Видимо, Митридат VIII, следуя уже устоявшейся на Боспоре традиции, попытался подтвердить *amicitia* с новым римским императором. Посредником в установлении дружественных отношений стал младший брат Митридата Котис – Дион Кассий замечает, что он был отправлен в Рим с φίλιους λόγους (Dio Cass. LX.28.7; Petri Patric. Fr.H.Gr. IV.185. fr. 3). Однако итоги этого посольства, видимо, оказались несколько неожиданными для Митридата, и *amicitia* между двумя правителями так и не была установлена. Судя по сообщениям Тацита и Диона Кассия, на Боспоре в середине 40-х гг. I в. н.э.

⁶⁴⁵ Сходную точку зрения см.: van der Ploeg G. Op. cit. P. 87–107.

⁶⁴⁶ Этот сюжет встречается и у Диона Кассия, который утверждает, что Митридат в суде ответил императору Клавдию фразой: «меня не привели к вам; я пришел. Если вы сомневаетесь в этом, отпустите меня и попытайтесь найти меня» (ἐγὼ οὐκ ἠνέχθην πρὸς σέ, ἀλλὰ ἀρῆγμαι εἰ δὲ ἀπιστεῖς, ἄφες με καὶ ζήτηι. Dio Cass. LXI.32.4a. пер. А.В. Махлаюка).

⁶⁴⁷ Это соображение впервые было высказано С.В. Дьячковым (Дьячков С.В. Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВХУ. 1992. Вып. 26. С. 85).

⁶⁴⁸ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 376–377.

возник некоторый внутривосточный конфликт, потребовавший непосредственного вмешательства Рима. Традиционно эти события в исследовательской литературе обозначаются как римско-боспорская война 45–49 гг. н.э. Однако сведения источников об этом сюжете весьма неоднозначны. О причине и начале этого внутривосточного конфликта на Боспоре источники, к сожалению, умалчивают – судя по всему, рассказ о низложении боспорского царя Митридата и воцарении Котиса содержался в утраченной части «Анналов» Тацита. Эксцепт из «Историй» Петра Патрикия, восходящий к Диону Кассию, содержит следующий сюжет: «Царь иберов Митридат задумал вернуть дело и стал готовиться к войне с римлянами. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть свои намерения, но продолжая свои приготовления, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения (φιλίου λόγους). Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем Иберии вместо Митридата» (Dio Cass. LX.28.7; Petri Patric. Fr.Gr.H. IV.185. fr. 3; пер. В.П. Яйленко с изм.). Это сообщение Диона Кассия кажется несколько сомнительным с точки зрения исторической достоверности, учитывая тезисность изложения событий конфликта, а также то, насколько автор был по времени удален от происходящего. Кроме того, Митридат здесь ошибочно назван иберским, а не боспорским царем⁶⁴⁹. В любом случае виновником войны Дион Кассий считает именно Митридата, чьи антиримские, как сообщает источник, планы не были поддержаны семьей и ближайшим окружением. В пассаже Тацита, где описываются события второго этапа римско-боспорской войны, можно встретить несколько иную версию. Так, повествуя о бедственном положении царя Митридата после вмешательства в конфликт римлян, Тацит сообщает, что боспорский царь не мог теперь довериться брату Котису, который в прошлом стал для него предателем (*proditor olim*), а теперь оказался врагом (*deinde hostis*) (Тас. Ann. XII.18.1). Не вполне понятно, почему именно Котис стал врагом своему брату, но очевидно, что некоторую роль в этом сыграло предательство, о котором сообщает Дион Кассий – Котис изменил своему брату, представив его в неблагоприятном свете перед

⁶⁴⁹ Т. Моммзен доказал, что речь здесь идет не об иберийском, а о боспорском царе Митридате: Mommsen T. Romische Geschichte. B., 1894. Bd. V. S. 291. Ср. Орешиников А.В. Указ. соч. С. 5; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 213; Чореф М.М. Vox audita latet... С. 99, прим. 2.

императором Клавдием (Dio Cass. LX.28.7; Petri Patric. Fr.Gr.H. IV.185. fr. 3). Последнего, по словам Тацита, на продолжение борьбы с Митридатом «толкала горечь нанесенных обид и жажда мести (*hinc dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat*)» (Тас. Ann. XII.20). Неизвестно, что скрывалось за этой обидой Клавдия; обычно такое отношение римского императора к делам на Боспоре в это время рассматривают как реакцию на проявление антиримского курса Митридата. По мнению С.Ю. Сапрыкина, в деятельности Митридата VIII отчетливо прослеживаются традиционные для Митридаидов черты в политике по отношению к Риму – «под прикрытием дружбы и показного признания его власти усиливать тенденцию к независимости и самостоятельности в политике, подчас даже весьма агрессивной и направленной вразрез римским интересам»⁶⁵⁰. Еще дальше пошел В.А. Горончаровский, который полагает, что политика Митридата сопровождалась антиримскими акциями, к примеру, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с династией императоров⁶⁵¹. Подобные варианты реконструкции событий покоятся на зыбких основаниях и, по существу, не подтверждаются источниками; ведь, как было показано выше, Митридат все же мог установить *amicitia* с предыдущим римским императором. Более близкой к действительности кажется версия А.Р. Панова – исследователь полагает, что вмешательство римлян во внутренний конфликт на Боспоре могло быть связано с тем, что Митридат какими-то своими действиями вмешался в римскую область компетенции, связанную с порядком распределения властных полномочий на Боспоре. В таком случае Митридат мог ущемить права своей матери Гепеирии, ранее признанные Римом, что и стало формальным поводом для обращения Котиса за помощью к императору Клавдию⁶⁵². Несмотря на всю привлекательность такой трактовки событий, она не дает ответы на все вопросы, а именно – почему Калигула утвердил на престоле Митридата⁶⁵³, а Клавдий, после победы над Митридатом доверил власть на Боспоре Котису, а не законной

⁶⁵⁰ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 247.

⁶⁵¹ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. Вып. 3. С. 165.

⁶⁵² Панов А.Р. Клавдий и начало боспоро-римской войны // *Via in tempore*. История. Политология. 2012. Вып. 19 (138). С. 10–14.

⁶⁵³ Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 115; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт... С. 162, 164.

правительнице Гепеирии. Так или иначе, дело действительно могло касаться разделения власти на Боспоре, но то, каким именно образом был поставлен вопрос, видимо, так и останется для современного исследователя непонятным. Судя по всему, дело действительно было серьезным – Тацит сообщает, что Митридат совершил *iniuria*⁶⁵⁴ по отношению к императору Клавдию (Тас. Ann. XII.20), а Дион Кассий – что боспорский царь, после того как потерпел поражение в войне с римской армией и был доставлен в Рим, был вынужден предстать перед судом (Dio Cass. LXI.32.4a). Однако вопрос о том, за что именно могли судить Митридата, видимо, также пока остается без ответа⁶⁵⁵.

Так или иначе, возникшие противоречия привели к продолжительной римско-боспорской войне 45–49 гг. н.э. Она неоднократно становилась предметом как специальных, так и общих исследований по истории Северного Причерноморья⁶⁵⁶, поэтому, думаю, что нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно. Действительно, на основании многочисленного археологического материала, зафиксированного на территории и Европейского, и Азиатского Боспора, можно проследить следы активных боевых действий конца 40-х гг., которые соотносятся археологами с событиями римско-боспорской войны⁶⁵⁷. Но иногда в литературе можно встретить весьма патетические суждения по этому поводу – к примеру, Н.И. Винокуров и С.М. Крыкин полагают, что римско-боспорская война не была рядовым

⁶⁵⁴ Комментарий об употреблении термина *iniuria* в этом фрагменте см.: Панов А.Р. Клавдий и начало боспоро-римской войны. С. 10–14.

⁶⁵⁵ Существует точка зрения, что антиримские настроения Митридата были приписаны ему самим Котисом, римской пропагандой или античными авторами, зафиксировавшими этот сюжет, подробнее см.: Batty R. Rome and the Nomads: The Pontic-Danubian Realm in Antiquity. Oxf., 2007. P. 434–437.

⁶⁵⁶ См. напр., Зубарь В.М., Шмалько А.В. Указ. соч. С. 225–231; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская... С. 19–23; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская... С. 31–36; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт... С. 165 и ряд других исследований на эту тему.

⁶⁵⁷ См. напр., Винокуров Н.И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). 2010. Вып. 1. С. 38–44; Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. Вып. 3. С. 93–146; Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. Вып. 2. С. 50–73; Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V. Op. cit. P. 287–295; Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. Вып. 2. С. 51–56; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт... С. 168–169; Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // БФ. СПб., 2018. С. 140–148.

военным столкновением, а соотносилась с дальнейшим выбором пути развития боспорской государственности, когда с одной стороны находился самостоятельный курс развития, а с другой – закрепление за Боспором положения союзника Рима, который в перспективе должен был отстаивать интересы имперской политики в Северном Причерноморье⁶⁵⁸. Но, судя по всему, этот конфликт не был столь глобальным – скорее, дело касалось внутривластных борьбы за власть между сыновьями Аспурга. После прямого вмешательства римских войск под командованием легата провинции Мезия Авла Диция Галла⁶⁵⁹ боспорский царь Митридат III был подавлен силой римского оружия, а на его место был поставлен, заручившийся поддержкой римского императора, Котис I (Тас. Ann. XII.15–21).

В связи с завершением войны показателен еще один сюжет – как сообщает Тацит, после того как армия Митридата была разбита у Танаиса, он обратился за помощью к царю аорсов Эвнону, который воевал на стороне римлян, но не питал боспорскому царю личной вражды и, вступив недавно в дружбу с римлянами (*nobiscum amicitia*), пользовался большим влиянием (Тас. Ann. XII.18.2). Таким образом Митридат сдается на милость римлян (Тас. Ann. XII.19.1: *quod suam dextram petendae veniae delegit*), а Эвнон, как дружественный по отношению к Риму правитель, становится посредником в этом. По словам Тацита, царь аорсов направил к императору послов с письмом, в котором просил о том, чтобы побежденного Митридата не заставили следовать за колесницей триумфатора и не казнили. В этой связи примечательна фраза, которую Тацит приписывает Эвнону: «Начало дружбе между римскими императорами и царями великих народов кладется схожестью занимаемого ими высокого положения» (Тас. Ann. XII.19.2: *populi Romani imperatoribus, magnarum nationum regibus primam ex similitudine fortunae amicitiam*). Видимо, это стало одной (но не основной) причиной положительного решения императора Клавдия⁶⁶⁰ – Митридат был доставлен в Рим, утверждая, что прибыл туда по своей воле (Тас. Ann. XII.21.1; Dio Cass. LXI.32.4a), где и оставался в качестве пленника вплоть до своей смерти (Plut. Galba 13, 15).

⁶⁵⁸ Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Римская политика... С. 171.

⁶⁵⁹ О нем см. Saprykin S.Yu. Op. cit. 174 f.

⁶⁶⁰ Исследователи подчеркивают, что римляне не умалили царского статуса побежденного противника: Braund D. Client kings. P. 73–74; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 379.

2.3. Формула дружбы: стандартизация титулатуры боспорских царей от Котиса I до Савромата I

Третий этап развития отношений *amicitia* можно ограничить началом правления Котиса I и концом правления Савромата I. После беспокойных событий 40-х гг. н.э. к власти на Боспоре приходит младший сын Аспурга Котис. Судя по всему, его полномочия были санкционированы римским императором, о чем свидетельствует выпуск золотых статеров с бюстом Клавдия на реверсе (прил. 2, рис. 25). В целом золотая чеканка Котиса возвращается к тому виду, который она имела до Митридата VIII – на монетах изображаются члены императорской *familia* (Британник, Клавдий, Агриппина, Нерон, Поппея) в сопровождении полной титулатуры, а имя боспорского царя зашифровано в монограмме⁶⁶¹. Лишь на одном выпуске медного семиса, датированном 49 г. н.э., на аверсе помещен бюст Аспурга, а на реверсе – самого Котиса, выполненные в традиционной боспорской стилистике (прил. 2, рис. 26). Видимо, таким образом боспорский царь пытался подчеркнуть законность своего положения, поскольку, как верно отметил А.Р. Панов, «обстоятельства его прихода к власти были далеко не блестящими»⁶⁶². Сюда же можно добавить и сведения эпиграфики – в надписях, относящихся к периоду правления Котиса (КБН 41, 958 и надпись из Горгииппии⁶⁶³; прил. 1, табл. 1) упоминается его происхождение от Аспурга. Безусловно, продолжением политики отца стала и *amicitia*, установленная между Котисом и римскими императорами. По крайней мере, в четырех надписях боспорский царь именуется как $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (прил. 1, табл. 1) – именно с его правления эти определения становятся неотъемлемой частью титулатуры всех последующих правителей Боспора.

Несмотря на верность традициям, Котис внес ряд важных изменений в практику *amicitia* на Боспоре. При нем впервые в боспорской эпиграфике появляются *tria nomina* – три элемента римского имени, первые два из которых оставались неизменными – Тиберий Юлий (прил. 1; табл. 1), хотя среди восточных правителей эта прак-

⁶⁶¹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 219; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 34.

⁶⁶² Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 381.

⁶⁶³ Болтунова А.И. Новые эпиграфические материалы из Горгииппии // ВДИ. 1982. Вып. 3. С. 62–63.

тика не была распространенной⁶⁶⁴. Существует мнение, что сочетание *Tiberius Iulius* в надписях указывает на императора Тиберия, поскольку считается, что он мог предоставить римское гражданство Аспургу, но источники, фиксирующие это, до нас не дошли⁶⁶⁵. Согласно другой версии, имя Тиберий было принято в честь императора Клавдия (полностью его именовали Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик), а второе имя – Юлий – царь мог получить по фракийской линии от матери⁶⁶⁶. В любом случае, право присоединять к своему имени *praenomen* и *nomen* правящего императора предоставлялось лицам, получавшим римское гражданство, поскольку незаконное присвоение римских имен в период до издания эдикта Каракаллы 212 г. н.э. рассматривалось как тяжкое преступление⁶⁶⁷. Еще одним новшеством титулатуры Котиса, который закрепился у царей Боспора вплоть до конца III в. н.э. (прил. 1, табл. 1), стал эпитет *εὐσεβής* – «благочестивый», который иногда трактуют как «указанием на отношения пиетета, связывавшие царя-клиента и патрона-императора»⁶⁶⁸.

Видимо, *gratia* Котиса за оказанное ему римским императором содействие стал титул «пожизненный верховный жрец императора», который впервые в боспорской эпиграфике встречается в посвящении царя Нерону (КБН 41: ἀρχιε[ρὲς] [τῶν Σεβαστῶν]), и остается в официальных надписях Боспора вплоть до конца правления Рескупорида II⁶⁶⁹ (прил. 1, табл. 1). Показательно, что этот титул, как правило, встречается только в официальных посвящениях боспорских царей римским императорам – особенность, которую можно трактовать как проявление благодарности покровителям (в КБН 41 Котис именует Нерона как τὸν ἐ[α]υτοῦ σωτ[ῆ]ρα καὶ εὐεργέτην; прил. 1, табл. 2) и демонстрацию верности Риму. Широко известно, что римские императоры часто опирались на жречество в восточных странах⁶⁷⁰, однако

⁶⁶⁴ Braund D. Rome and the Friendly King... P. 45–46.

⁶⁶⁵ Magie D. Op. cit. P. 41; Millar F. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2: Government, Society, and Culture in the Roman Empire. L., 2004. P. 241.

⁶⁶⁶ Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 172; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 380.

⁶⁶⁷ Подробнее об этом см Ramsay W.M. The social basis of Roman power in Asia Minor. Aberdeen, 1941. P. 6 ff.

⁶⁶⁸ Панов А.Р. Нерон и статус Боспора в римско-боспорских отношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 180.

⁶⁶⁹ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... P. 201–204.

⁶⁷⁰ Ramsay W.M. Op. cit. P. 3–4.

боспорский прецедент по своей сути уникален, поскольку здесь функции жреца, как считается, должен был исполнять сам царь⁶⁷¹. Очевидно, что это был не столько религиозное действо, сколько выражение политической лояльности к Риму и обожествленному императору. В некотором роде это можно рассматривать как развитие культа эллинистического правителя в реалиях римской действительности – вместо того, чтобы быть обожествленными при жизни боспорские цари подчеркивают свое высокое положение через особые отношения с римской правящей династией. Вероятно, это нововведение Котиса нашли отражение и в монетной чеканке Боспора периода правления Нерона – на реверсе дупондиев 63–68/69 гг. н.э. появляется изображение пятиколонного и семиколонного храма (прил. 2, рис. 27, 28), который трактуют как храм Юпитера Капитолийского в Риме, пантикапейский храм Афродиты-Апатуры, или как храм обожествленного императора, культ которого получил широкое распространение на Боспоре⁶⁷².

Такие существенные идеологические изменения, вероятно, были связаны с более глобальными переменами – после похода против Митридата VIII Клавдий в 46 г. н.э. создал провинцию Фракия, которая занимала земли на востоке Балканского полуострова, от Дуная до Эгейского моря⁶⁷³, тем самым сократив расстояние между напрямую контролируемой римской территорией и царством Котиса. При всем этом источники умалчивают о каких-либо заметных внешнеполитических предприятиях Боспора в это время. Несколько лет спустя молодой император Нерон продолжил

⁶⁷¹ *Millar F.* Rome, the Greek World... P. 243; *Batty R.* Op. cit. P. 432.

⁶⁷² Подробнее см.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора... С. 102–103. Интерпретация как храм в Пантикапее: *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике... С. 97; *Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // *Античная цивилизация и варвары.* М., 2006. С. 227–228; храм Афродиты-Апатуры в Фанагории: *Карышковский П.О.* Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // *ВДИ.* 1953. Вып. 3. С. 188; просто местный храм без уточнения: *Назаров В.В.* Архитектурные сооружения на монетах Боспора // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры.* Киев, 1986. С. 160. Кроме того, не исключено, что в Фанагории был отдельный Кесарейон (*Пичикян И.Р.* Культовая античная архитектура европейского и азиатского Боспора // *Античная культура Северного Причерноморья.* Киев, 1984. С. 91; *Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // *Античная археология и история.* М., 1985. С. 193). *Чореф М.М.* К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана // *Stratum.* 2015. № 6. С. 111–130; *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Указ. соч. С 35.

⁶⁷³ *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н.э. // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки.* 2016. Вып. 2. С. 64–73.

политику своего предшественника, присоединив Понтийское царство к провинциальной сети. Региональный и исторический фон этой провинциализации был иным, поскольку Понт соседствовал с Арменией и, таким образом, стал краеугольным камнем романо-парфянских отношений. Несмотря на такие намерения, все большая часть побережья Черного моря попадала под прямое римское влияние. Поэтому выбор Котиса во многом следует рассматривать как ответ на это развитие событий⁶⁷⁴. Характер римско-боспорских отношений при Нероне был и до сих пор остается предметом горячих споров среди ученых⁶⁷⁵. Как пишет С.Ю. Сапрыкин относительно царствования Котиса «при Нероне и царе Котисе I Боспорское царство как никогда было близко к тому, чтобы стать провинцией Империи»⁶⁷⁶. Планировали ли римляне в действительности создать очередную провинцию на Боспоре? К сожалению, источники не дают точный ответ на этот вопрос. Повествуя о событиях 66 г. н.э. Иосиф Флавий сообщает, что народы, обитающие близ Понта и Меотиды и ранее не признававшие даже местных правителей, теперь подчиняются трем тысячам легионеров, в то время как сорок военных кораблей поддерживают мир на море, которое прежде было беспокойным (Bell. Jud. II.16.4). Действительно, в период правления Котиса I, как предполагает ряд исследователей на основании сообщения Тацита (Tas. Ann. XII.16) и данных археологии, на Боспоре стали дислоцироваться римские гарнизоны⁶⁷⁷. Кроме того, для монетной чеканки Боспора этого периода было характерно, во-первых, прекращение выпуска статеров – последний из известных датируется 359 г. б.э. (62/63 гг. н.э.), причем монограмма Котиса заменяется монограммой Нерона⁶⁷⁸, а во-вторых, в обращении появляются дупондии и сестерции, причем

⁶⁷⁴ Millar F. Rome, the Greek World... P. 235; Saprykin S. Op. cit. 172–175;

⁶⁷⁵ См. напр. статью А.Р. Панова (Панов А.Р. Нерон и статус Боспора... С. 179–184). Разброс исследовательских мнений простирается от предположения о превращении Боспора в провинцию подобно Понтийскому царству (Латышев В.В. Краткий очерк истории... С. 111; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 143) до более осторожного суждения о том, что Нерон планировал, но не успел это осуществить (Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида II // НЭ. 1968. Т. VII. С. 47; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 16).

⁶⁷⁶ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 259.

⁶⁷⁷ См. напр., Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 34; Nawotka K. The attitude towards Rome... P. 331 и ряд других более поздних работ.

⁶⁷⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 97; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 34.

дупондии чеканились из аурихалка⁶⁷⁹. Именно эти данные привели ряд исследователей к мысли, что Боспор был захвачен Нероном и по его замыслу должен был стать римской провинцией, что, однако, так и не было осуществлено из-за смерти последнего из представителей династии Юлиев-Клавдиев в 68 г. н.э.⁶⁸⁰

Тем не менее, с уверенностью говорить о том, что Нерон перевел или же планировал перевести Боспор в положение провинции в период правления Котиса I мы не можем, поскольку прямые доказательства, подтверждающие это, отсутствуют. К упомянутому сообщению Иосифа Флавия следует относиться с осторожностью, поскольку оно взято из риторической речи царя Агриппы II, тесно связанного с Римом во время иудейского восстания. Даже если римские войска и корабли действительно находились в Меотиде, это вполне могло быть следствием недавней кампании. Существует и другая гипотеза, согласно которой Котис скончался в начале или середине 60-х гг. н.э. Возможно, царь мог быть убит скифами в ходе конфликта с участием Херсонеса и римских войск (CIL. XIV.3608; ср. IOSPE I² 369). В таком случае римляне могли установить протекторат для обеспечения плавного перехода власти, пока сын Котиса не достигнет совершеннолетия. Действительно, известно, что Рескупорид I занял трон совместно со своей матерью Эвникой в 68/9 г. н.э.⁶⁸¹ Однако такая трактовка развития событий сталкивается с некоторыми противоречиями – так, в ряде монет 68 г. н.э. все еще встречается монограмма Котиса. Вероятно, чеканка могла быть возобновлена вскоре после смерти Нерона. Но подобное объяснение не является единственным: Эвника и Рескупорид могли использовать старую монограмму в условиях кризиса или просто на переходном этапе до появления новой царской иконографии. В любом случае вопрос о статусе Боспора в период правления императора Нерона до сих пор остается открытым.

После Котиса I власть на Боспоре переходит к его сыну Рескупориду, который взошел на престол в 67/68 г. н.э. и, судя по данным нумизматики, правил до 93/94 г.

⁶⁷⁹ *Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // *ДБ. Т. 4. М., 2001. С. 336; MacDonald D.* Op. cit. P. 67–68; *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Указ. соч. С. 34; *Панов А.Р.* Нерон и статус Боспора... С. 182.

⁶⁸⁰ *Minns E.* Op. cit. P. 599; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 47; *Фролова Н.А.* Монетное дело Рескупорида II. С. 47; *Saprykin S.Yu.* Op. cit. P. 172–175.

⁶⁸¹ APR: Ti. Iulius Kotys I, King of the Bosporos.

н.э.⁶⁸² Античные авторы ничего не сообщают о его правлении, поэтому в распоряжении исследователей имеются только лишь его монеты и надписи. В надписях царь именуется как Тиберий Юлий Рескупорид (Ρησκοῦπορις, КБН 70, 76, 986, 1047, 1118, 1126). При этом на монетах вплоть до 87 г. н.э. он именуется ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ или ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ (прил. 2, рис. 30). В исследовательской литературе существует мнение, что он мог быть либо первым, либо вторым боспорским правителем с именем Рескупорид. Ранее считалось, что это имя он унаследовал от деда Аспурга – такая версия основывалась на трактовке одной из царских монограмм⁶⁸³. Предполагается, что имя Рескупорид (в качестве тронного) мог носить Аспург, основатель династии⁶⁸⁴. Однако эпиграфические источники не подтверждают этого; в надписях Аспург упоминается только под своим именем⁶⁸⁵. Поэтому большинство исследователей сегодня отвергают эту гипотезу⁶⁸⁶, а именовать этого боспорского царя следует именно Рескупорид I. Так или иначе, в 68/69 г. н.э. после смерти Нерона происходит новый расцвет царской власти на Боспоре⁶⁸⁷. Была выпущена серия монет царицы Эвники (прил. 2, рис. 27, 28)⁶⁸⁸, которая, судя по всему, недолгое время правила самостоятельно. Видимо, после смерти Котиса его сын был еще слишком мал, чтобы править самостоятельно. Обстановка усугублялась гражданской войной в Риме – открытая поддержка любого претендента на трон могла быть опасной. Видимо, в течение некоторого времени после смерти Нерона Боспорское царство оставалось без внимания со стороны Рима, что дало боспорской династии возможность проводить более свободную политику, чем при

⁶⁸² Minns E. Op. cit. P. 598 f.; Зограф А.Н. Античные монеты. С. 200 сл.; MacDonald D. Op. cit. P. 69–72.

⁶⁸³ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 103 сл.; Яйленко В.П. Династическая история Боспора... С. 170 сл.

⁶⁸⁴ Бертъе-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // Бертъе-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Т. I. Симферополь, 2009. С. 69 сл.; Завойкина Н.В. Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы // БЧ. 2016. Вып. XVII. С. 160–166.

⁶⁸⁵ КБН 39, 40, 958, 985; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 157.

⁶⁸⁶ Gajdukevič V.F. Op. cit. S. 338; MacDonald D. Op. cit. P. 69.

⁶⁸⁷ Панов А.Р. Нерон и статус Боспора... С. 179–184; Фролова Н.А. Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. 1976. № 3. С. 103–111; Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом. С. 56–62

⁶⁸⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Т. I, таб. XXVIII -11–18, таб. XXIX, -16–18, 21; Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V. Op. cit. P. 298–299; MacDonald D. Op. cit. P. 68.

нем. Первый выпуск царских монет Рескупоридом, по всей вероятности, состоялся еще до его официального утверждения на троне, причем на реверсе отсутствовал какой-то известный образ⁶⁸⁹, что вполне объяснимо в условиях политической неопределенности в Риме после смерти Нерона. Важно при этом отметить, что титул *φιλόκασιар καὶ φιλορῶμαιος* встречается в надписях Рескупорида с самого начала его правления, судя по тексту манумиссии из Горгииппии (КБН 1126).

Видимо, Рескупориду удалось сделать ставку на Веспасиана – после его победы Рескупорид был утвержден царем и возобновил практику чеканки, начатую его отцом: золотые и бронзовые монеты снова стали сочетать портреты императоров Веспасиана и Тита и царскую монограмму (прил. 2, рис. 29)⁶⁹⁰. Проявлением благодарности Рескупорида за его утверждение на престоле стала надпись на базе статуи Веспасиана, поставленной боспорским царем в 71 г. н.э., где император назван *κύριος τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου* – «господин всего Боспора» (КБН 1047; прил. 1, табл. 2). При этом сочетание *κύριος τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου* в боспорской эпиграфике встречается только в этой надписи и часто рассматривается как показатель зависимости Боспора от Рима в этот период⁶⁹¹. Остается не совсем ясным вопрос, от чьего имени было сделано это посвящение. По мнению В.В. Латышева посвящение могло быть сделано от имени «народа агриппейцев», т.е. граждан Фанагории⁶⁹². Учитывая фрагментарность надписи, а также ее не вполне понятное происхождение, делать выводы о положении Боспора в этот период несколько опрометчиво.

В надписях Рескупорида после 71 г. н.э. также упоминается, что он был пожизненным верховным жрецом Августа (КБН 1047, 1118, 42), что к тому моменту являлось уже устоявшейся практикой на Боспоре⁶⁹³. Кроме того, царь именуется как *εὐεργέτης τῆς πατρίδος*, что может в самом широком смысле означать благодеяния, совершенные им во благо отечества. Показательно при этом различие титулатуры в

⁶⁸⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Рескупорида II. С. 48; Анисимов А.И. Неопубликованная монета и некоторые вопросы чеканки Рескупорида II (68–93 гг.) // ВДИ. 1989. Вып. 1. С. 93–96.

⁶⁹⁰ Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V. Op. cit. P. 298.

⁶⁹¹ Schur W. Die Orientpolitik des Kaisers Nero. Leipzig, 1923. S. 87; Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ. 1942. Вып. 1. С. 40 сл.; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 330; Зограф А.Н. Античные монеты. С. 198 сл.

⁶⁹² Латышев В.В. Краткий очерк истории... С. 112.

⁶⁹³ Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... P. 201–204.

официальных надписях и в частных. Если в посвящении римскому императору и самому Рескупориду его титул представлен достаточно пышно – указано его происхождение от Котиса и Эвники, должность пожизненного верховного жреца Августа, благодетеля отечества (КБН 1047, 1118, 42), то в манумиссиях и частном посвящении богам (КБН 986, 70, 76) царь именуется только как *φίλοκαισαρ καί φίλорώμαιος* и *εὐσεβής* с римским *nomen gentilicum*. Вероятно, такую особенность титулатуры Рескупорида можно связать с характером надписей – если в официальных текстах подчеркивалось его происхождение из царского рода, *fides* по отношению к римскому императору и своему отечеству, то в текстах, предназначенных, так сказать, для внутреннего пользования эти аспекты опускались. Вместе с тем во всех надписях неизменно присутствуют два мотива – благочестивость боспорского царя и его дружба с Римом, что, по-видимому, имело значение как для городов Боспора, так и для внешнего политического окружения. К. Навотка отметил, что титулатура, ставшая стандартной для всех последующих боспорских царей вплоть до III в. н.э., была создана именно при Рескупориде⁶⁹⁴, хотя, на самом деле, говорить о более-менее устоявшейся формуле можно уже применительно к его отцу – Котису I. Тогда же утвердилась и практика использования *tria nomina*, за которым следовали титулы *φίλοκαισαρ* и *φίλорώμαιος*. В ряде надписей после этих эпитетов также появляется *εὐσεβής* – «благочестивый» (прил. 1, табл. 1).

Военные кампании императора Домициана против даков, вероятно, оказали влияние на положение Боспора, но прямых доказательств участия Рескупорида или его армии в этих событиях нет. Эпиграфика не дает нам никакой информации по этому поводу. Более результативно обращение к монетным выпускам Рескупорида. В начале 80-х гг. н.э. боспорская золотая чеканка претерпела важные изменения. Рескупорид вернул ряд элементов, введенных ранее Митридатом VIII или царицей Гепеирией, от которых отказался Котис. Теперь на аверсе изображается сам боспорский царь, а на реверсе – римский император. Такая иконография в монетах

⁶⁹⁴ Nawotka K. The Attitude towards Rome... P. 333.

Боспора будет сохраняться до конца их чеканки в IV в. н.э.⁶⁹⁵ По мнению В.Ф. Гайдукевича, такого рода проявления самостоятельности на Боспоре были связаны со вступлением на престол императора Домициана и разгромом римлян в войне с даками под предводительством Децебала⁶⁹⁶. Показательно, что со второй половины 80-х гг. на монетах Рескупорида появляется и римское TIBERIOС IOYΛIOС.

При всем этом исследователи обращают внимание на ослабление римского влияния на боспорскую чеканку в этот период, что проявляется, в частности, в изменении веса золотых статеров. Так, монеты Аспурга, Гепеирии, Митридата и Котиса имели средний вес в пределах 7,81–7,89 г, что несколько превышает вес синхронных римских ауреусов Тиберия, Калигулы и Клавдия (7,7–7,76 г)⁶⁹⁷ и свидетельствует о том, что на Боспоре золото чеканилось по нормам, установленным еще при Августе⁶⁹⁸. В правление Рескупорида, однако, наблюдается снижение как веса, так и пробы золота в монетах (в среднем до 70 %; прил. 2, рис. 31). Это часто интерпретируется как признак ослабления или даже прекращения римского контроля над боспорской чеканкой⁶⁹⁹. Обращают на себя внимание разнообразные типы медных монет, которые были отчеканены Рескупоридом, что вероятно, говорит о возросших по какой-то причине тратах. Примечательно, что значительная часть этих типов носит ярко выраженный военный характер – изображения трофеев, пленники, Ника⁷⁰⁰ или венок⁷⁰¹. Учитывая военную символику, сопоставимую с римскими сестерциями, можно предположить, что такие монеты предназначались для выплаты жалованья войскам. Это соответствует общей тенденции конца I в. н.э., когда боспорская армия все чаще выступала в роли ключевого сдерживающего фактора на восточной периферии Римской империи.⁷⁰² Вторым сюжетом на медных монетах Рескупорида ста-

⁶⁹⁵ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 102; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 384; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 35.

⁶⁹⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 333.

⁶⁹⁷ Бертъе-Делагард А. О монетах властителей Боспора... С. 209.

⁶⁹⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг.) // НС. 1977. Ч. 5. Вып. 2. С. 221.

⁶⁹⁹ Смекалова Т.Н. Указ. соч. С. 337; Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001. С. 93.

⁷⁰⁰ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... Табл. XXXIII -9–18.

⁷⁰¹ Там же. Табл. XXXIV -6–7.

⁷⁰² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 333.

новятся инсигнии – курульное кресло, венок, скипетр, круглый щит, копье, голова коня, топор, шлем и меч. К этому добавляется и надпись ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. По мнению В.Ф. Гайдукевича подобные изображения были знаками царской власти, которые были дарованы римским императором боспорскому царю как дружественному⁷⁰³; а потому монеты чеканились в знак утверждения царя на троне. Существует и альтернативная точка зрения: эти типы рассматриваются как часть серии, прославляющей воинскую доблесть царя. Атрибуты кавалерийского снаряжения подчеркивают роль Рескупорида как верховного военачальника, возглавляющего армию в борьбе с набегами варваров и защищающего города Боспора⁷⁰⁴.

После Рескупорида I к власти на Боспоре приходит его сын Савромат I. На монетах и в надписях царь обозначается как Савромат (Σαυρομάτης) или же как Тиберий Юлий Савромат (прил. 1, табл. 1)⁷⁰⁵. Он был первым из четырех боспорских царей с таким именем. Это имя, вероятно, производное от наименования сарматов – племенного союза, находившегося под властью Боспора⁷⁰⁶. Судя по сохранившимся монетам этого царя, его правление укладывается в период с 93/94 по 123/124 гг. н.э. Титулатура Савромата I в целом следует устоявшимся традициям – во всех надписях царь именуется как *φίλόκαισαρ καί φίλорώμαιος и εὐσεβής* с римским *nomen gentilicum*, а в посвящениях официального характера (строительные надписи, посвящение от союза молодых никейцев) к этому списку добавляется титул пожизненного верховного жреца (прил. 1, табл. 1), что вполне соответствует практике, сложившейся при Рескупориде I – набор титулов и эпитетов боспорских царей в надписях зависит от характера и автора посвящения. В нескольких случаях дается указание на происхождение Савромата – в КБН 42–44, 1254, 1048 он назван сыном Рескупорида, а в КБН 1048 среди его предков обозначены Посейдон и Геракл.

⁷⁰³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 329. Схожее мнение встречаем и у А.Р. Панова (Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 394).

⁷⁰⁴ Фролова Н.А. Монетное дело Рескупорида II. С. 58; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 106; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 36–37.

⁷⁰⁵ Minns E. Op. cit. P. 599 f.; Zograph A.N. Op. cit. P. 323–324; MacDonald D. Op. cit. P. 73–80; Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх... С. 497–503.

⁷⁰⁶ Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх... С. 251–253.

Среди эпиграфических памятников, относящихся к периоду правления Савромата I примечательна КБН 46, которая была поставлена в Пантикапее от имени народа Синопы боспорскому царю. Это первая и единственная надпись, где имя и титул правителя Боспора переданы не на греческом, а на латинском языке – *regem Ti(berium) Iul(ium) Sauromaten amicum Imp(eratoris) populiq(ue) R(omani) praestantissimum*. Если рассматривать эту надпись с римской точки зрения, то получается, что конструкция *Imperator populusque Romanus* заменяет устоявшуюся формулу *Senatus populusque Romanus*. Однако, учитывая содержание иных надписей Савромата, а также эпиграфику его предшественников и последователей, то становится очевидно, что титулатура боспорского царя в КБН 46 по существу является латинским переводом греческой формулы *φίλοκαισαρ καί φίλορώμαιος*. Этот момент вновь подтверждает неоднократно обозначавшуюся ранее мысль о том, что титулатура боспорских правителей не была устоявшейся конструкцией, а могла меняться в зависимости от характера посвящения и его автора. Действительно, адресантом КБН 46 является не боспоряне, а народ *Colonia Julia Felix Sinope*⁷⁰⁷, при этом сам Савромат назван «превосходнейшим другом императора и римского народа» (КБН 46). Видимо, такую версию написания титулатуры Савромата можно назвать региональной вариацией народа Синопы по мотивам уже устоявшейся боспорской конструкции. О благожелательности малоазийских городов к боспорскому царю свидетельствует и текст КБН 44, где он назван *εὐεργέτην τῆς πατρίδος καί κτίστην* (прил 1, табл 1). *Εὐεργέτης* – почетное звание, дававшееся первоначально в греческих государствах чужеземцам, получавшим права прокшенов, с течением времени приобрело более широкое значение и стало служить для обозначения лиц (граждан либо иностранцев), которые оказали государству какие-либо услуги. *Κτίστης* – буквально «основатель». В послеклассическое время этим словом в почетных декретах именовали лиц, оказавших государству благодеяния⁷⁰⁸. По мнению В.В. Латышева, город Никея, «молодежь» которой поставила Савромату статую, по видимому, может являться Никеей Вифинской. Однако автор не объясняет, каким об-

⁷⁰⁷ О присвоении Синопе в 46/45 г. до н.э. названия *Colonia Julia Felix* и ее связях с Боспором см.: Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.-Л., 1956. С. 301 сл.; С. 350 сл. Обозначение *ex decurionum decreto*, которое приведено в последней строке КБН 46, встречается также на монетах Синопы.

⁷⁰⁸ КБН. С. 52–53.

разом боспорский царь мог быть основателем объединения молодежи в Никее⁷⁰⁹. Оживленные сношения Северного Причерноморья с Вифинией, как и вообще с областью Южного Причерноморья в первые века н.э., засвидетельствованы многочисленными эпиграфическими памятниками⁷¹⁰. При этом если в КБН 46 приведен краткий вариант титула Савромата, то в КБН 44 он назван происходящим от Рескупорида I, великим царем, другом цезаря и другом римлян, благочестивым и пожизненным верховным жрецом. Соответственно нельзя утверждать, как это делает А.Р. Панов, что за пределами Боспора пышная титулатура царей не воспринималась как обязательный элемент их статуса⁷¹¹. Таким образом, политические центры черноморского бассейна, включенные в состав Римской империи, продолжали воспринимать боспорского царя как влиятельного *amicus* Рима. В этом случае благодарность синопцев, по-видимому, была связана с ролью Савромата как покровителя и защитника морской торговли в Черном море. Его деятельность по пресечению набегов пиратов приобретала особое значение, учитывая, что римский флот в этом регионе был слаб.

Еще одним важным моментом, связанным с титулатурой боспорского царя, являются вариации его основного титула – Савромат в разных случаях именуется царем, великим царем или великим царем царей (прил. 1; табл. 1). В среде исследователей эта особенность часто трактуется как показатель римско-боспорских отношений. Так, Н.В. Левченко полагает, что титул «царь царей» связан с «либерализмом» императора Адриана по отношению к Боспору⁷¹², а В.П. Толстиков видит в этом проявление более самостоятельной и враждебной Риму политики Савромата⁷¹³. В схожей манере С.Ю. Сапрыкин считает, что Савромат перестал именовать себя «царем царей» только

⁷⁰⁹ IOSPE I² 39

⁷¹⁰ Так, Никея упоминается в тексте двух почетных декретов из Ольвии (IOSPE I² 40, 41) среди городов, увенчавших золотыми венками ольвиополитов, отличившихся в деле установления прочных связей Ольвии с другими центрами, главным образом причерноморскими. О связях Боспора с Никеей в период правления Савромата I свидетельствуют и отрывки из писем Плиния Младшего (Plin. Ep. 10.63–64, 67), в которых сообщается о переписке между боспорским царем и римским императором.

⁷¹¹ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 387.

⁷¹² Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1996–1997. С. 218.

⁷¹³ Толстиков В.П. Указ. соч. С. 57.

по настоянию римлян⁷¹⁴. Более правдивой кажется версия А.Р. Панова о том, что такие изменения в титулатуре боспорского царя были связаны с его успехами в деле покорения соседних народов, а не свидетельствовали о его антиримских настроениях⁷¹⁵. Например, Полемон II в конце своего правления в Понте также носил титул «великий царь», однако это не послужило основанием для его обвинений в какой-либо антиримской деятельности⁷¹⁶. К аргументам А.Р. Панова можно добавить и то, что титулы «великий царь» и «великий царь царей» появляются у Савромата I не с начала его правления, а с 116/17 г. н.э., судя по дате на КБН 44 (прил. 1, табл. 1). О военных успехах Савромата свидетельствуют и другие надписи – КБН 32 и 33 указывают на обострение отношений Боспора со скифами в конце I – начале II вв. н.э., что привело, по крайней мере, к двум войнам, имевшим место в период двух-трех десятилетий⁷¹⁷.

В монетном деле Савромат I также продолжил традиции своего отца – на золотых статерах на аверсе помещался бюст царя и его именем и титулом, а на реверсе – портрет правящего императора⁷¹⁸ (прил. 2, рис. 32). При этом до 98 г. н.э. статеры Савромата I хотя и достаточно высокопробны – 63–70 % золота, но весьма немногочисленны. С приходом к власти императора Адриана в 117 г. н.э. количество статеров увеличивается, а содержание золота в них в среднем составляет около 50 % (прил. 2, рис. 31). Видимо, рост числа ежегодно выпускаемых на Боспоре статеров можно связать с тем, что на их выпуск шла часть средств, которые Рим выплачивал в виде «даров» в знак обновления отношений *amicitia* с новым римским императором⁷¹⁹. Большим иконографическим разнообразием отличались медные сестерции Савромата – на них помещались изображения с военными и триумфальными сценами, τεῦραι (курульное кресло, венок, голова коня, шлем, меч, топор; прил. 2, рис. 33); лишь на отдельных медных монетах помещался бюст Домициана

⁷¹⁴ Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения», 17 февраля 1997 г. Казань, 1997. С. 94.

⁷¹⁵ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 386–387.

⁷¹⁶ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство... С. 338.

⁷¹⁷ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 335; Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх... С. 310–327.

⁷¹⁸ Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V. Op. cit. P. 73 f.

⁷¹⁹ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 37.

или Нервы⁷²⁰. Сюжеты медных сестерциев Савромата с одной стороны подчеркивали его дружественные отношения с Римом (τειαί⁷²¹ на монетах символизировали дары римских императоров, отправляемые боспорской стороне в знак установления отношений *amicitia*), а с другой демонстрировали результаты его успешной военной деятельности. Снижение пробы золота в статерах и резкое увеличение выпуска медной монеты в начале правления Савромата, по-видимому, также связаны с активизацией внешнеполитической деятельности, поскольку выделенные средства направлялись на покрытие военных расходов⁷²². В любом случае, изображения на монетах Савромата демонстрируют, что дружба с Римом и императором выступала элементом царской идеологии, а не была знаком подчинения.

Однако, помимо сведений эпиграфики и нумизматики, правление Савромата I было отображено и в письменной традиции. Так, в *Breviarium historiae romanae* римского историка Евтропия сообщается, что император Траян *Hiberorum regem et Sauro-matarum et Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit* (VIII.3.1). Это краткое замечание привело ряд исследователей к мысли, что боспорский царь Савромат I попытался выступить против Рима, однако эта попытка была пресечена Траяном⁷²³. В качестве аргументов, подтверждающих этот факт, приводились данные нумизматики, титул «царь царей» в надписях Савромата, а также сведения археологии – уничтожение оборонительной системы Фонталовского полуострова и даже укреплений акрополя Пантикапея⁷²⁴. Обстоятельная критика гипотезы об этом военном конфликте между Римом и Боспором представлена в обстоятельной статье В.Н. Парфенова⁷²⁵, где автор убедительно доказал, что «сепаратистские» тенденции в политике Савромата I не подтверждаются фактами. Изображение на монетах боспорских царей I–II вв. н.э. регалий и почетных даров, скорее, служит индикатором воен-

⁷²⁰ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 37.

⁷²¹ Различные трактовки символики этих монетных выпусков Савромата представлены в статье В.Н. Парфенова (Парфенов В.Н. К оценке римско-боспорских отношений в I–II вв. н.э. // БИ. 2011. Вып. 25. С. 147–152).

⁷²² Смекалова Т.Н. Указ. соч. С. 337.

⁷²³ Minns E. Op. cit. P. 604; Фролова Н.А. Боспор и Рим... С. 142 сл; Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. Вып. 4. С. 58 и ряд других авторов.

⁷²⁴ Толстиков В.П. Указ. соч. С. 54–65. Следует отметить, что следы разрушений на «батареях» могут датироваться и более широко – в пределах всей первой половины II в. н.э.

⁷²⁵ Парфенов В.Н. К оценке римско-боспорских отношений... С. 143–158.

ных и дипломатических успехов Боспора, поощряемых римской властью. Относительного сообщения Евтропия можно заметить также, что *accipere in fidem* в данном случае следует переводить не как «подчинил», а как «принял под свое покровительство». Как было показано в первой главе *fides* следует, скорее, трактовать как обозначение «связи», содержащей в себе также идею ответственности⁷²⁶. Подобные выражения часто встречаются в контексте установления отношений *amicitia* с народами эллинистического Востока и варварскими племенами, а потому и в этом случае не следует искать конфликт там, где его не было. Военные успехи Савромата в борьбе с соседними племенами и связанное с этим укрепление военной мощи Боспорского царства считаются общепризнанным фактом. Однако на этом основании преждевременно делать вывод о неизбежном отчуждении боспорского царя от Рима. Военные кампании Савромата I, подтверждаемые в том числе археологическими данными⁷²⁷, никоим образом не противоречили интересам Рима в Северном Причерноморье, а напротив – органично вписывалась в их систему. Так, энкомий неизвестного деятеля эпохи правления Савромата I, содержащий сведения об устройстве боспорской армии и взаимоотношениях с варварскими племенами, свидетельствует, что цари и их наместники на периферии предпочитали действовать убеждением, а не силой – подход, который находил прямое одобрение у римлян. Такая политика позволяла расширять боспорские владения в Центральном и Юго-Западном Крыму, а также осуществлять протекторат над Херсонесом, скифами и таврами⁷²⁸. Как все чаще отмечают исследователи, местные цари были заинтересованы в поддержке Рима – в том числе и военной – не меньше, а порой даже больше, чем сами римляне нуждались в их содействии⁷²⁹.

Дружественный характер отношений между Римом и Боспором при Савромате I подтверждается также отрывком из писем Плиния Младшего (Plin. Ep. 10.63–64, 67). Наместник Вифинии сообщает Траяну, что императорский вольноотпущенник Ликорм (Lycormas) просил задержать боспорское посольство до своего прибытия, однако Плиний посчитал невозможным исполнить эту просьбу (Plin. Ep. 10.63; 67).

⁷²⁶ Voigt M. Op. cit. S. 709.

⁷²⁷ Толстиков В.П. Указ. соч. С. 62.

⁷²⁸ Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея... С. 45–81.

⁷²⁹ Браунд Д. Указ. соч. С. 52; Функ Б. Указ. соч. С. 76 сл.; Nadel B. Op. cit. P. 133.

Кроме того, в личном письме к Плинию Савромат сообщил, что царский гонец должен как можно скорее доставить императору важные сведения⁷³⁰ – *rex Sauromates scripsit mihi esse quaedam, quae deberes maturissime scire* (Plin. Ep. X.64). Таким образом, активная переписка между Траяном и Савроматом свидетельствует об отсутствии серьезных разногласий между ними и убедительно показывает, что Савромат продолжал проводить политику, дружественную по отношению к Риму.

2.4. Боспорское царство и римская *amicitia* при Антонинах и Северах

Четвертый этап развития отношений римско-боспорской дружбы может быть помещен между правлением Котиса II и правлением Рескупорида II.

В 123/124 г. н.э. Савромат I умирает при неизвестных обстоятельствах, после чего власть на Боспоре переходит к его сыну Котису. Известно, что Котис II был сыном царя Савромата I (КБН 34, 1054) и правил в период с 123/124 по 132/133 гг. н.э., а в последние два года своего царствования он делил власть с Реметалком I, что подтверждается данными нумизматики. При этом степень их родства остается нам неизвестной, поскольку источники не сообщают о том, принадлежал ли Реметалк к царскому роду⁷³¹. Источники не сообщают и о каких-либо внутренних противоречиях или о вмешательстве со стороны Рима, что позволяет предположить, что власть была передана по наследству без существенных потрясений. Видимо, вскоре после прихода к власти Котис II столкнулся с нападением крымских скифов, о чем свидетельствует текст надписи КБН 33. Видимо, политическая нестабильность после смерти Савромата могла быть достаточным поводом для нападения кочевников. Котис одержал победу, подтвердив военное превосходство Боспора в Крыму, хотя и не положив конец давлению, оказываемому фракийцами и сарматами в его северной части⁷³². Это давление, скорее всего, стало причиной решения императора Адриана лишить Херсонес автономии и передать управление

⁷³⁰ Некоторые исследователи, основываясь на этом сообщении Плиния, а также некоторых данных археологии, выстраивают целую детективную историю о «двойной игре» Савромата I и антиримском союзе Дакии, Боспора и Парфии (Толстиков В.П. Указ. соч. С. 57; Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. Вып. 1. С. 203 сл.). Подробнее об этих гипотезах см.: Парфенов В.Н. К оценке римско-боспорских отношений... С. 153–154.

⁷³¹ APR: Kotys II, King of the Bosporos.

⁷³² Minns E. Op. cit. 604 f.; Gajdukevič V.F. Op. cit. S. 350; Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх... С. 504 сл.; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 335.

городом Котису (Phlegon Trall. Olymp. 15). Такой шаг одновременно подтверждал легитимность боспорского царя как римского внешнеполитического друга, способного защитить город от варварских (фракийских или сарматских) нападений. Это также свидетельствует о продолжении дружественных отношений между Котисом и Римом после смерти Савромата I.

Вполне возможно, что между боспорским и римским правителями имели место и личные контакты. Судя по сообщению Филострата, во II в. н.э. некий боспорский царь, «получивший хорошее эллинское образование», посетил Смирну, чтобы познакомиться с Ионией, заплатив при этом 10 талантов за возможность пообщаться с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I.24). Хотя эта сумма, скорее всего, преувеличена, сам факт встречи с философом кажется правдоподобным, как и стремление последнего получить достойное вознаграждение⁷³³. Учитывая годы жизни Антония Полемона, этим неизвестным боспорским царем мог быть либо Котис II, либо Реметалк⁷³⁴.

Правление Котиса было коротким, и сохранившиеся источники – монеты и надписи – немногочисленны, что затрудняет оценку его образа как правителя, его династической политики и взаимодействий с Римом. На его золотых статерах по-прежнему помещался бюст царя с титулом и именем на аверсе и изображение императора на реверсе (прил. 2, рис. 33). Как показали результаты недавних естественнонаучных исследований, в правление Котиса II содержание золота в статерах сохранялось на уровне около 60 % (с колебаниями от 45 до 70 %) ⁷³⁵ (прил. 2, рис. 31). Остальные монеты, изготовленные из медных сплавов, продолжали традиционные боспорские мотивы – Геракл, Посейдон, курульное кресло⁷³⁶. Особое значение в монетной чеканке Котиса, видимо, имела серия монет с надписями ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ (на аверсе) и ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ (на реверсе) (129–132 гг. н.э.)⁷³⁷. Возможно, эмиссия этих монет была проведена в начале правления

⁷³³ Скржинская М.В. Образование в древнегреческих колониях Северного Причерноморья // БИ. 2013. № 28. С. 89.

⁷³⁴ Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I. С. 97.

⁷³⁵ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 38.

⁷³⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 324; MacDonald D. Op. cit. P. 80–82.

⁷³⁷ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Табл. LV -21.

Котиса II и была связана с некоторой крупной победой боспорян над скифами. Видимо, речь об этой победе может идти в тексте КБН 33, датированной 123 г. н.э.⁷³⁸ К этому следует добавить и упоминание Аспурга в тексте на реверсе – видимо, Котис II таким образом почитал Аспурга как родоначальника царской династии. В целом монетная чеканка Котиса II не выходила за рамки ранее установленных традиций: на золотых монетах размещались портреты самого царя и римского императора, а для медной чеканки характерными оставались изображения бюста царя, Ники, лаврового венка, царских инсигний и скачущего всадника⁷³⁹.

Надписи Котиса также вписываются в уже сложившиеся традиции боспорской титулатуры, которая содержала как римские, так и местные элементы – он по-прежнему обозначается как пожизненный верховный жрец Августа (КБН 982), именуется римским *tria nomina* (КБН 33, 34, 1054), а также титулом *φίλοκαισαρ καὶ φίλορώμαιο* (КБН 834, 33) и *εὐσεβής*. Видимо, в самом начале своего правления Котис принимает титул «царь царей», что было отражено в двух его надписях – КБН 33 и КБН 982. Вероятно, это было связано с его победой над скифами. В любом случае, использование титула «царь царей» и указание на своих царственных предков (КБН 33, 34, 982) следовали сложившейся боспорской традиции и сомнительно, чтобы это как-либо затрагивало римские интересы. Видимо, в этот период отношения Рима с боспорскими царями оставались стабильными и мирными, поскольку источники не содержат сведений о конфликтах или напряженности. Напротив, передача Херсонеса Котису II, его титул «царь царей», указание на *amicitia* с римским императором и народом в надписях и активная чеканка монет свидетельствуют о том, что его власть не была обременена какими-либо ограничениями со стороны Рима.

Ситуация меняется после смерти Котиса, о которой, к сожалению, нам ничего неизвестно. В перипле Арриана сообщается, что император Адриан был обеспокоен ситуацией на Боспоре и, видимо, допускал возможность римского вмешательства: «крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт. Но когда я услышал о смерти Котиса,

⁷³⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 139–141.

⁷³⁹ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 389.

царя Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и путь до Боспора, для того чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем» (Arr. Peripl. 26). Несмотря на сомнения относительно подлинности этого отрывка, высказанные Э. Миннзом⁷⁴⁰, такая обеспокоенность императора была вполне логична – судя по всему в последние два года своего правления Котис разделял власть с Реметалком, который позже стал его преемником⁷⁴¹. Поскольку надписи Реметалка не обозначают его как сына Котиса, такое распределение власти и ранняя смерть Котиса при неясных обстоятельствах могут указывать на некие внутренние конфликты, внешнюю угрозу или болезнь боспорского царя. В этой ситуации обеспокоенность Адриана ситуацией в регионе выглядела оправданной – особенно если учитывать, что давление сарматов и скифов на Боспор и римскую Дакию усилилось.

Судя по данным эпиграфики, приход к власти Реметалка был согласован с римским императором – в посвящении Адриану 133/4 г. н.э. (430 г. б.э.) боспорский царь называет его благодетелем всего Боспора (τὸν τοῦ [παντὸς Βοσπόρου] εὐεργέτην) и своим утвердителем (ἰδιὸν κτίστην) (КБН 47), причем последняя формулировка не встречается в надписях Боспора ни до, ни после Реметалка (прил. 1, табл. 2), что свидетельствует о том, что это было ситуативным изобретением царской титулатуры, видимо, связанным с непосредственным вмешательством Адриана во внутренние дела царства. Причиной этому В.В. Латышев считал подтверждение Адрианом прав на престол⁷⁴², а Б.И. Надель – включение Реметалка в список друзей⁷⁴³. Скорее, более правдивой является первая версия, и характеристика ἰδιὸν κτίστην связана именно с передачей власти на Боспоре. Видимо, права Реметалка на престол после смерти Котиса не были бесспорными, а потому он смог занять трон во многом благодаря поддержке императора⁷⁴⁴. Действительно, судя по сооб-

⁷⁴⁰ Minns E. Op. cit. P. 605.

⁷⁴¹ APR: Kotys II, King of the Bosphoros.

⁷⁴² Латышев В.В. Краткий очерк истории... С. 144.

⁷⁴³ Надель Б.И. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. С. 214.

⁷⁴⁴ Шелов Д.Б. Тамга Риметалка // Культура античного мира. М., 1966. С. 274–275. Гипотезу о династической борьбе принимают и другие исследователи: Голубцова Е.С. Некоторые вопросы политической истории Боспора I–II вв. нашей эры // ВДИ. 1960. Вып. 1. С. 115–116; Бокищанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. С. 266; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 110. Против этого выска-

щению Арриана, в Риме были обеспокоены внутривосточной нестабильностью в регионе – римский император, услышав о кончине Котиса II, получил от Арриана подробное описание пути до Боспора на случай, если Адриан задумает «что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем» (Arr. Peripl. 26). Главным соперником Реметалка, видимо, был Евпатор, предъявивший свои претензии на боспорский престол еще при Антонине Пие⁷⁴⁵. Однако как Адриан, так и его преемник поддержали кандидатуру Реметалка. В уже упомянутом посвящении римскому императору Реметалк выражает ему благодарность за включение его в число друзей (КБН 47: ἐπὶ τῷ ἐς [τοὺς φίλους ἐγ]γραφ[ῆναι]), употребляя при этом, вероятно, стандартную формулировку с глаголом γράφω. Видимо, подтверждение дружественных отношений с Римом было следствием одобренной смены власти на Боспоре и было сделано одновременно с началом правления Реметалка. Надо сказать, что его титулатура вполне стандартна – все известные нам надписи, датирующиеся периодом правления Реметалка, обозначают его как царя с римским именем Тиберий Юлий, друга цезаря и друга римлян, благочестивого – Τιβερίος Ἰούλιος βασιλεὺς Ροιμητάλκης, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρόμαιος, εὐσεβής (КБН 47; 976; 966; 1052; 1261; прил. 1, табл. 1). При этом отсутствуют, ставшие к тому моменту шаблонными, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτης τῆς πατρίδος, которые встречаются еще у его предшественника Котиса II. Монетная чеканка также соответствует боспорским традициям – на золотых статерах на аверсе помещен бюст царя с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ (прил. 2, рис. 33), а на реверсе – бюст правящего императора – сначала Адриана, а затем и Антонина Пия. Видимо, результатом политической и как следствие экономической нестабильности на Боспоре, помимо прочего, стал перерыв в чеканке золотых, а

зывается лишь Н.А. Фролова (*Фролова Н.А.* Монеты Котиса II (123–132 гг. н.э.) // Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Ч. 9. Труды ГИМ. 1986. Вып. 61. С. 67).

⁷⁴⁵ О споре Реметалка с Евпатором говорится в биографии Антонина Пия (SHA Pius. IX.8). Правда, прочтение «Евпатор» не является общепризнанным, но оно кажется более вероятным, чем предлагаемый В.В. Латышевым и принимаемый В.Ф. Гайдукевичем и Н.А. Фроловой вариант «куратор». Подробнее об этом см.: *Доватур А.И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. Вып. 4. С. 37–41; *Гайдукевич В.Ф.* Из истории Боспора во II в. н.э. // Древний мир. М., 1962. С. 487–488; *Фролова Н.А.* Из истории Боспора в середине II в. н.э. // ВДИ. 1972. Вып. 1. С. 192.

скорее всего – и медных, монет в период с 137 по 141 г. н.э.⁷⁴⁶ При этом сюжеты на медных монетах повторяли чеканку предшественников – курульное кресло с венком, круглый щит и копье, скипетр, скачущий всадник с копьем.

Ряд значимых изменений происходит в это время в Таврике – известно, что Херсонес дважды посылал посольства в Пантикапей, чтобы заключить союз с Боспором, о чем свидетельствует текст херсонесского декрета в честь Аристона, сына Аттина (IOSPE I² 423). Этот же декрет сообщает, что Аристон был отправлен к римскому императору для ходатайства о свободе Херсонеса, причем посольство его длилось шесть лет. Но, видимо, его деятельность как посла все-таки имела результаты – Херсонес получает элевтерию в 138 г. н.э. при посредничестве Гераклеи Понтийской (IOSPE I² 362); видимо, в честь этого события была выпущена специальная серия монет. Безусловно, обретение элевтерии Херсонесом означало, прежде всего, избавление от власти боспорского царя⁷⁴⁷.

Реметалка на боспорском троне сменил Тиберий Юлий Евпатор, что, видимо, случилось лишь в 154 г. н.э., поскольку с 142 по 153 гг. н.э., продолжали выпускать статеры Реметалка. Иные сведения о начале правления Евпатора на Боспоре отсутствуют⁷⁴⁸. Его полный титул, согласно надписям из Танаиса (КБН 1239, 1241, 1260, 1260а) и одной из надписей фиаса Горгииппии⁷⁴⁹, выглядел как βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Εὐπάτορος, φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς (прил. 1, табл. 1), т.е. в общем виде полностью повторяется титулатура Реметалка и предшественников. Однако, в надписях Евпатора не упоминается его происхождение – видимо, он не был связан родственными связями с предыдущим царем. При всем этом Евпатор продолжает именовать себя другом цезаря и римлян, что свидетельствует о том, что в Риме были осведомлены о смене власти на Боспоре, а новый царь, следуя сложившейся традиции, поспешил возобновить *amicitia* с Римом. На золотых моне-

⁷⁴⁶ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 110.

⁷⁴⁷ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 463.

⁷⁴⁸ Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеимперскую эпоху (середина II – середина IV в. н. э.). Дисс... д.и.н. СПб., 2009. С. 230.

⁷⁴⁹ Завойкина Н.В., Новичихин А.М. Указ. соч. С. 135.

тах его правления на аверс помещается надпись – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ (прил. 2, рис. 34)⁷⁵⁰, а на реверс – портрет императора.

С начала правления в Риме соправителей (161 г. н.э.) на Боспоре резко увеличивается ежегодный объем чеканки статеров – приблизительно втрое, судя по сохранившимся экземплярам. Одновременно снижается средняя проба золота: монеты с содержанием золота менее 40 % начинают встречаться значительно чаще⁷⁵¹ (прил. 2, рис. 31). Недавно в специальном исследовании был опубликован состав сплава одного из статеров Евпатора, датированного 160/161 гг. н.э., из клада, обнаруженного в 2013–2014 гг. на поселении Волна-1 на Таманском полуострове⁷⁵². Характерной чертой монетной чеканки при Евпаторе стало необычайно большое количество золотых выпусков и минимальное количество медных монет⁷⁵³. Массовое изготовление статеров привело к возникновению особой маркировки – дифферентов, используемых для разделения серий: на монетах появляются точки, звездочки, полумесяцы и прочие символы⁷⁵⁴. Среди специалистов существует мнение, что подобные диффиренты на монетах, а также изображение женской головы в калафе, помещенное напротив профиля Евпатора на аверсе⁷⁵⁵, указывают на некоторый возврат к символике времен Митридатидов⁷⁵⁶; учитывая имя нового боспорского царя, такая версия кажется вполне реалистичной. К правлению Евпатора относится первое непосредственное упоминание о получении римских субсидий, о чем сообщает Лукиан (Lucian. Alex. 57). Речь идет о денежной помощи из Рима царю Евпатору при посредничестве наместника провинции Вифиния-Понт⁷⁵⁷. Этот момент подтверждается Зосимом, который сообщает, что благополучие Боспора зависело, кроме всего прочего, от ежегодных даров от импера-

⁷⁵⁰ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 288–300.

⁷⁵¹ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 203; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 145–146.

⁷⁵² Золото – 62,41 %, серебро – 31,19 %, медь – 6,61 % (Абрамзон М.Г., Безуглов С.И., Гунчина О.Л., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н., Устаева Э.Р. Последнее золото Боспора: клады статеров III в. н.э. из поселения Волна 1. М., 2020. С. 44).

⁷⁵³ Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида III... С. 18; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 38.

⁷⁵⁴ Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 230.

⁷⁵⁵ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 203.

⁷⁵⁶ Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 231.

⁷⁵⁷ Minns E. Op. cit. P. 605. n. 9; Кругликова И.Т. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. С. 14 сл.; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 333.

торов, что позволяло удерживать натиск враждебных варварских племен (Zosim. Hist. Nova. I.32.2). При всем этом Н.А. Фролова высказала сомнение о регулярности этих субсидий, хотя и Лукиан, и Зосим называют их ежегодными⁷⁵⁸. Н.А. Фролова полагает, что со второй половины II в. н.э. боспорские цари периодически получали римские субсидии, которые предназначались главным образом для укрепления оборонительных рубежей, прикрывавших в конечном счете и римские границы. Субсидии выплачивались в наиболее распространенной форме – денариях – и не попадали внутрь экономики Боспорского царства, а расходовались на оплату наемных войск из числа варваров и подкуп племенной элиты соседних народов, потенциально опасных для Боспора. Отсюда относительно невысокое количество находок денариев и прочих римских монет на территории Боспора: деньги покидали пределы государства, становясь средством расчетов между различными племенами⁷⁵⁹.

После Евпатора власть на Боспоре переходит к Савромату II, что произошло, судя по выпускам статеров с изображениями инсигний и курульного кресла, в 174 г. н.э. (471 г. б.э.) (прил. 2, рис. 35). При этом в надписях Савромата указывается, что он был сыном «великого царя» Реметалка (КБН 1134, 1242, 1243, 1256: μεγάλου βασιλέως Ροιμητάλκου), т.е. законным наследником. Видимо, ему пришлось выдержать упорную борьбу за трон, поскольку разрыв между последней эмиссией Евпатора и первой Савромата составляет три года⁷⁶⁰. В целом можно сказать, что титулатура Савромата за весь период его правления не претерпела каких-либо значительных изменений – практически во всех надписях он обозначается стандартной формулой βασιλέως Τιβερίου Ίουλίου Σαυρομάτου φιλοκαίσαρος καί φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς (прил. 1, табл. 1), а в некоторых к этому добавляется его происхождение от царей (КБН 1049, 1135). Несколько выделяются из этой картины две надписи, происходящие из Горгиппии и Гермонассы, в которых он назван «великим царем» (КБН 1049, 1135). Обе надписи не имеют точной даты и хронологически ограничены правлением Савромата (174–201 гг. н.э.), а потому не вполне понятно, с чем могло быть связано такие изменения в титуле царя. В лю-

⁷⁵⁸ Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях... С. 57.

⁷⁵⁹ Там же. С. 61.

⁷⁶⁰ Голубцова Е.С. Некоторые вопросы... С. 117.

бом случае, титул друга и римское имя Тиберий Юлий в надписях, инсигнии и курульное кресло на монетах свидетельствуют о том, что Савромат был по примеру предшественников утвержден на боспорском престоле римским императором и установил с ним дружественные отношения⁷⁶¹. Скорее всего, это событие приходится на очень тревожный для Рима период – Маркоманские войны, а потому боспорский *amicus* на границе варварского мира в тот момент был весьма кстати. В *Scriptores Historiae Augustae* сообщается, что в этих столкновениях участвовали не только германские племена, наносившие основной удар, но и народы Сарматии, часть которых обитала в непосредственной близости от границ Боспорского царства: «все племена от пределов Иллирика до Галлии объединились; это были маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свевы, сарматы, лакринги и буреи...эти и другие вместе с виктуалами, созибы, сикоботы, роксоланы, бастерны, аланы, певкины, костобоки. Грозилась война и с парфянами, и с британцами» (SHA Vita Mark Ant. 22.1). В этот период Марк Аврелий провел масштабные оборонительные мероприятия – в глубоком тылу Империи были построены военные укрепления для защиты Италии и Альпийских проходов; сеть укреплений строилась от предгорий Альп до Черного моря, города внутренних провинций были обнесены стенами и башнями⁷⁶². После завершения Маркоманских войн активность внешней политики Рима неуклонно идет на спад. Так уже при Северах действия императоров во многом определяли постоянные нападения варваров на границы Империи, а забота правителей об обороне не отступала от старых традиций. В эти традиции вписывалась и политика правителей Боспорского царства.

Продолжение Савроматом II успешной внешней политики отразилось в надписях. В одной из них, датированной 193/4 г. н.э. (489 г. б.э.), сообщается, что в период правления Савромата были покорены скифы и сираки, «земля Таврическая была присоединена по договору; море в Понте и Вифинии было сделано свободным для мореплавателей» (КБН 1237). В нескольких других надписях, говорится о мерах, принятых для укрепления самого отдаленного северо-восточного пункта

⁷⁶¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 335–337.

⁷⁶² В общем виде об организации обороны сообщает Юлий Капитолин (SHA Mark Ant. 14.6). Более полную картину дают археологические и эпиграфические материалы.

Боспорского царства – Танаиса (КБН 1242, 1243, 1244). Вероятно, в период правления Савромата II состоялось важное событие – совместная с I Италийским легионом военная кампания против варварских племен на территории Боспора или рядом с его границей⁷⁶³. Большинство исследователей считает, что солдаты легиона могли прибыть в Восточный Крым из Херсонеса и Харакса, где и располагались их вексилляции⁷⁶⁴. Однако, имеющиеся источники не дают оснований судить о причинах и целях кампании, а также о ее результатах. Это был лишь второй случай в истории Боспора, когда на его территорию вводились значительные римские контингенты, первый имел место в период римско-боспорской войны⁷⁶⁵. Это вмешательство, видимо, было связано с рядом чрезвычайных обстоятельств. Главным событием на Боспоре в этот период, подтвержденным эпиграфическими источниками (КБН 1237, 953), стала победа Савромата II над скифами и сираками, а также присоединение Таврики к Боспору по договору⁷⁶⁶. Судя по данным нумизматики, датировать эти события можно периодом между 186 и 193 гг. н.э. В 186 г. н.э. Савромат II провел денежную реформу, необходимую для покрытия резко возросших военных затрат⁷⁶⁷. Монеты этого периода несут изображение бюста царя, обращенный вправо, на аверсе и орла, обращенного анфас, с венком в клюве на реверсе (прил. 2, рис. 36). Такой тип реверса в боспорской нумизматике встречается редко. В.М. Зубарь рассматривает эту серию монет как следствие крупного события – победы над сираками и скифами, а также присоединения Таврики. Орел, традиционный символ римского войска, символизирует сотрудничество Боспора и Рима в борьбе с варварами⁷⁶⁸. В результате этих совместных действий, по мнению В.М. Зубаря, значительные территории на юго-западе и востоке Крыма оказались под контролем Боспора и римской администрации, образовав

⁷⁶³ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 108; Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 236.

⁷⁶⁴ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 109; Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 237.

⁷⁶⁵ Хотя, как упоминалось выше, существуют версии, что подобные события могли также происходить в правление Котиса I и Савромата I.

⁷⁶⁶ Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства... С. 204; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 112.

⁷⁶⁷ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 115.

⁷⁶⁸ Там же; Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 238.

своеобразный буфер между варварскими племенами, с одной стороны, и Херсонесом с Боспором – с другой. Вероятно, находка пряжки с тамгой Савромата II в Чернореченском могильнике может быть связана именно с этими событиями (прил. 2, рис. 37)⁷⁶⁹. Также Савромат II, согласно надписи из Танаиса, «сделал море свободным для мореплавателей в Понте и Вифинии (КБН 1237)⁷⁷⁰.

Вероятно, результатом этих событий стали два посвящения от имени боспорского царя римским правителям – КБН 52 и КБН 955 (прил. 1, табл. 1). В надписи на пьедестале статуи Марка Аврелия Антонина Каракаллы в Пантикапее римский император именуется «благодетелем царя и всего царства» (КБН 52). Фрагмент другой почетной надписи Савромата II, обнаруженный в поселке Партенит у подножия горы Аю-Даг (КБН 955), представляет собой посвящение от имени боспорского царя римской императрице, названной в тексте благодетельницей царя и всего Боспора. В.Ф. Гайдукевич предполагает, что римская императрица каким-то образом способствовала присоединению Таврики к Боспору⁷⁷¹. Скорее всего, речь в этой надписи идет о Юлии Домне – супруге императора Септимия Севера, чьи портреты появляются на боспорских статерах уже с начала его правления в 193 г. н.э.⁷⁷² Характерно, что эти надписи являются последними известными нам посвящениями римским правителям от имени боспорских царей.

После смерти Савромата II власть на Боспоре переходит к его сыну, который, судя по надписям, принимает имя Тиберий Юлий Рескупорид (КБН 53–56, 1245, 1246, 1248, 953, 997, 1281, 1008). Судя по данным монетных выпусков его правление укладывается в период между 211 и 228–229 гг. н.э. В надписях постоянно подчеркивалось родство с предыдущим царем (КБН 53, 953, 1245, 1248), от которого, судя по всему, Рескупориду II досталось богатое наследство – в ряде надписей он именуется «великий царь» (КБН 953), «царь всего Боспора и тавроскифов» (КБН 1008) или «царь всего Боспора и окрестных племен» (КБН 54, 56). В КБН 1008 речь идет о победе Савромата II над скифами и таврами и присоединении Та-

⁷⁶⁹ Золотая бляшка конской упряжи с тамгой из погребения с золотой маской (*Шаров О.В.* Боспор и варварский мир... Рис. 71).

⁷⁷⁰ *Внуков С.Ю.* Указ. соч. С. 228.

⁷⁷¹ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 337.

⁷⁷² *Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 304.

врики к Боспору, засвидетельствованном и в тексте КБН 1237. Таким образом, к началу III в. н.э. боспорские цари распространили свою власть на всю территорию прежнего Скифского царства в Крыму⁷⁷³. Вполне возможно, что и при Рескупориде власть боспорских царей распространялась вплоть до Центрального Крыма.

Внешняя политика Рескупорида II, судя по всему, также строилась на поддержании дружественных отношений с Римом, что подтверждается рядом надписей, где боспорский царь именуется другом императора и римлян (строительная надпись из Фанагории⁷⁷⁴, КБН 53–56, 953, 1281). Лишь в одной из сохранившихся надписей Рескупорид обозначен как пожизненный верховный жрец Августа – судя по всему, это последнее упоминание данного титула в боспорской эпиграфике (КБН 53). Подобно своим предшественникам, Рескупорид поддерживает активные экономические и политические связи с провинцией Вифиния-Понт, в ведении администрации которой ранее находился Боспор⁷⁷⁵. Интенсивность этих связей находит отражение и в ряде посвящений от малоазийских городов, таких как Амастрия и Пруса, которые через послов в 20-х гг. III в. н.э. возводят статуи в честь боспорского царя (КБН 54, 55, 953).

Ко II – первой трети III вв. н.э. относится период расцвета Римской империи и наибольшей стабильности в ее восточных провинциях и в бассейне Черного моря⁷⁷⁶. При всем этом контакты с боспорскими городами развивались преимущественно через торговлю⁷⁷⁷. Дружеские отношения с Римской империей могли способствовать экономическому процветанию Боспора, а римская военная помощь позволяла укрепить границы государства и подчинить власти боспорских правителей местные варварские племена⁷⁷⁸. Кроме того, поселения дружественного Риму Боспорского царства являлись постоянным и самым крупным потребителем южно-понтийской продукции. Именно здесь доминируют среди находок массовые скоп-

⁷⁷³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 335 сл.

⁷⁷⁴ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. Вып. 1. С. 238–243.

⁷⁷⁵ Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.) / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова (отв. ред.). М., 2022. С. 92.

⁷⁷⁶ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 18, 19.

⁷⁷⁷ Внуков С.Ю. Указ. соч. С. 224–225; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство... С. 177.

⁷⁷⁸ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 7, 9.

ления узкогорлых светлоглиняных амфор с дипинти⁷⁷⁹. Особенно важными в это время, как показал С.Ю. Внуков, оставались контакты с Гераклеей Понтийской⁷⁸⁰.

Некоторые сведения о правлении Рескупорида II предоставляют и данные нумизматики. В 218 г. н.э., судя по выпуску серии медных монет с изображением поверженного воина под копытами лошади, Рескупорид II одержал какую-то крупную победу⁷⁸¹. На аверсе денариев этой серии изображен бюст царя в панцире римской вспомогательной конницы, а на реверсе – сам царь в доспехах, восседающий на коне (прил. 2, рис. 38)⁷⁸². Кроме того, согласно последним исследованиям, в этот период вновь наблюдается уменьшение содержания золота в статерах – до 30 %⁷⁸³ (прил. 2, рис. 31). К 215–217 гг. н.э. относится увеличение количества статеров и ухудшение качества металла, средний процент золота составляет всего 27 %. В конце правления Рескупорида II, в 228 г. н.э., выпускаются статеры, содержащие лишь 21–25 % золота⁷⁸⁴. Несмотря на падение качества монет, сюжеты монетных выпусков остаются вполне традиционными – надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ и профиль царя на аверсе и профиль императора на реверсе (прил. 2, рис. 39). Активизация работы монетного двора в середине правления Рескупорида II связана с ростом экономической активности Боспора⁷⁸⁵. Как отмечает В.Ф. Гайдукевич, в начале III в. н.э. Боспор оставался достаточно сильным государством, поддерживавшим оживленную торговлю с городами южного Причерноморья⁷⁸⁶. Замедление темпов чеканки после 219–220 гг. н.э., по-видимому, отражает наступление экономического кризиса и начало постепенного упадка античных государств⁷⁸⁷.

⁷⁷⁹ *Ильяшенко С.М.* Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III – IV вв. н.э. Симферополь; Керчь. 2013. С. 6.

⁷⁸⁰ *Внуков С.Ю.* Указ. соч. С. 16–17; 48–57.

⁷⁸¹ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 31 -647.

⁷⁸² *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора... Табл. XVI -4.

⁷⁸³ *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Указ. соч. С. 42.

⁷⁸⁴ *Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л.* Указ. соч. С. 94.

⁷⁸⁵ *Фролова Н.А.* Монетное дело Рескупорида III... С. 18.

⁷⁸⁶ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 338.

⁷⁸⁷ *Фролова Н.А.* Монетное дело Рескупорида III... С. 26.

2.5. От Котиса III до Дуптуна: римско-боспорская дружба на закате Империи

Пятый этап римско-боспорской дружбы можно условно поместить в следующие рамки: правление Котиса III – правление Тейрана.

Дружественные отношения боспорских царей с Римом в III в. н.э. поддаются реконструкции с большим трудом из-за скудности источниковой базы – чаще всего о правлении тех или иных личностей нам сообщают только надписи и монеты; о некоторых царях мы не знаем практически ничего. Однако отдельные замечания по этому поводу сделать все же можно. Общий исторический фон отношений дружбы между боспорскими и римскими правителями выглядит следующим образом – середина III в. н.э. стала периодом серьезного кризиса для Боспорского царства, когда к его границам подступили новые варварские племена, разрушившие прежние связи между степными кочевниками и городами Причерноморья. Экономическая и политическая стабильность региона была дополнительно подорвана глубоким социальным и политическим кризисом, охватившим саму Римскую империю. В этих условиях боспорским правителям уже нельзя было рассчитывать на военную поддержку со стороны Рима для отражения варварских нашествий. Изменение политической ситуации на Боспоре частично подтверждается нумизматическими данными – с 226 г. н.э. выпуск золотых статеров резко прекращается, а с 227 г. н.э. монеты начинает выпускать Котис III, причем одновременно со своим отцом – Рескупоридом II⁷⁸⁸. По предположению В.А. Анохина, такие изменения свидетельствуют о том, что в это время казна переходит к наследнику престола⁷⁸⁹. В начале правления Котиса III содержание золота в статерах составляло 20–27 % (прил. 2, рис. 31)⁷⁹⁰. Все известные надписи, относящиеся к периоду правления Котиса III, содержат весьма стандартную титулатуру – царь именуется благочестивым, другом цезаря и другом римлян, а также носит римское имя Тиберий Юлий (КБН 1230, 1247, 1283, 1284, 1288). Исключением из этого ряда является только одна строительная надпись из Танаиса, в которой титул царя представлен весьма скромно (КБН 1247; прил. 1, табл. 1). С 233 г. н.э. начинают чеканиться моне-

⁷⁸⁸ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 133; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 120.

⁷⁸⁹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 119.

⁷⁹⁰ Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Указ. соч. С. 95; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 43.

ты его нового соправителя Рескупорида III⁷⁹¹, о котором нам практически ничего не известно. Единственная надпись, свидетельствующая о его правлении, также называет царя φιλόκαισαρ, φιλορώμαιος, εὐσεβής, обозначая его как Тиберия Юлия Рескупорида (КБН 1285). Однако на основании этих сведений судить о его отношениях с Римом достаточно сложно.

Нестабильность политической ситуации сохраняется и далее – в 234 г. н.э. к власти приходит Тиберий Юлий Ининфимей, сменяющий Котиса III и совместно чеканящий монеты с Рескупоридом III в течение первого года своего правления⁷⁹². Общая обстановка в Северном Причерноморье и на Дунае в этот период оставалась крайне напряженной. Согласно свидетельству Петра Патрикия, начиная с 230/231 г. н.э. римские наместники провинции Мезия в течение какого-то времени могли выплачивать дань готским вождям (Petr. Patr. fr. 7)⁷⁹³. Внешнеполитическая ситуация осложнилась для Рима и тем, что в 233 г. н.э., после потери значительной части армии в Иране, остатки легионов возвращаются из Антиохии под командованием Александра Севера, восстанавливая ненадолго порядок на дунайских рубежах⁷⁹⁴. Следствием этой нестабильности могут быть несколько кладов, найденных на азиатской части Боспора, которые были спрятаны в это время из-за угроз, возникших на восточных границах⁷⁹⁵. Вероятно, ведущую роль в этих событиях играла северокавказская группа аланов⁷⁹⁶. В столь сложной обстановке к власти на Боспоре пришел царь с иранским именем Ининтимей (в литературе иногда именуемый Ининфимей или Ининсимей), которого некоторые исследователи считают узурпатором из среды кочевников⁷⁹⁷. По мнению В.М. Зубаря, в этот период по неизвестным нам причинам была нарушена традиция наследственной передачи престола, и власть стала перехо-

⁷⁹¹ Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Указ. соч. С. 95.

⁷⁹² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 121.

⁷⁹³ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 83.

⁷⁹⁴ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С. 616.

⁷⁹⁵ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. С. 43.

⁷⁹⁶ Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир... С. 95.

⁷⁹⁷ Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев, 1997. С. 154.

дять к представителям боковых ветвей правящей династии⁷⁹⁸. Но, судя по данным эпиграфики и нумизматики, Ининтимей не был узурпатором. В дошедших до нас надписях этого царя он носит родовое имя Тиберий Юлий, а также именуется *φιλόκασις καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής* (КБН 1249, 1250), т.е. сохраняются традиционные для боспорской царской титулатуры элементы, хотя о строгом соблюдении этого шаблона, судя по двум надписям из Танаиса, говорить не приходится (КБН 1251, 1252; прил. 1, табл. 1). Вероятно, упоминание о дружбе с Римом в надписях, а также изображение бюста императора на монетах (прил. 2, рис. 40), позволяют говорить о том, что Ининтимей, следуя устоявшейся практике, также был утвержден на боспорском престоле после согласования с римским императором и сенатом⁷⁹⁹.

Ряд замечаний следует сделать относительно личности самого Ининтимея. Его имя, которое в переводе означает «имеющий большую храбрость», очевидно, имеет сарматское происхождения – правитель с похожим именем чеканил монеты в Ольвии на рубеже I–II вв. н.э. Тамги Ининтимея по типу близки к подобным знакам сарматского царя Фарзоя, который в последней трети I в. н.э. чеканил золотые монеты в Ольвии⁸⁰⁰. Как отмечает О.В. Шаров, верхняя часть тамги Савромата II представляет собой фрагмент тамги именно Фарзоя⁸⁰¹. Это дает основание предположить, что Ининтимей мог состоять в родстве с Савроматом II и его сыном Котисом III. Такое происхождение объясняет, почему он носил римское родовое имя Тиберий Юлий, а также статус друга цезаря и римского народа, полученный от Рима в соответствии с давней боспорской политической традицией. Стоит отметить наблюдение О.В. Шарова о том, что тамга Ининтимея не содержит нижней части обычной боспорской тамги, присутствующей у предыдущих правителей. Это, вероятно, указывает на то, что Ининтимей происходил из боковой ветви боспорской династии⁸⁰². Правление Ининтимея для Боспора было озна-

⁷⁹⁸ *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. С. 134–135.

⁷⁹⁹ О том, что эта практика все еще использовалась в римской практике внешнеполитических отношений в этот период было сказано в первой главе.

⁸⁰⁰ *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

⁸⁰¹ *Шаров О.В.* Боспорское царство и варварский мир... С. 95.

⁸⁰² Там же.

меновано рядом строительных мероприятий – судя по надписям, снова восстанавливаются, прежде всего, стены и башни Танаиса (КБН 1249–1252).

Последние монетные выпуски Ининтимея датированы 238 г. н.э. и обозначают завершение его правления. Как раз в это время император Максимин Фракиец возвращает верные ему легионы с дунайского лимеса и выводит паннонскую армию, включая германские контингенты, в Италию, оставив тем самым границы без защиты. После этого в пределы Империи начинают вторгаться германские племена⁸⁰³. Об этих событиях сообщает Дексипп, рассказывая, что еще при императорах Пупиене и Бальбине «карпы сражались с мисийцами, и в то же время началась скифская война и была разорена Истрия» (Dexipp fr.13)⁸⁰⁴. Эти военные столкновения на границе Римской империи, вероятно, оказали воздействие и на боспорские территории. Вполне возможно, что в этот период прекращается финансирование Боспора со стороны Рима; вероятно, военные действия начались одновременно и в Крыму⁸⁰⁵.

После прекращения монетной чеканки Ининтимея наступает определенный перерыв; выпуск монет возобновляется лишь в 242 г. н.э.⁸⁰⁶ и связан теперь он был уже с именем нового боспорского царя – Рескупорида IV⁸⁰⁷. Как полагает В.М. Зубарь⁸⁰⁸, есть основания считать, что в 242 г. н.э., на фоне ухудшения обстановки на Боспоре, его царю была оказана финансовая, а возможно, и военная поддержка со стороны Рима – о чем сообщает и Зосим (Zosim I.31–33). Участие Рима в политической жизни в регионе проявилось и в титулатуре Рескупорида IV – во всех известных нам надписях он именуется родовым именем Тиберий Юлий, обозначается как благочестивый царь, друг цезаря и римлян (КБН 58–60), что, видимо, позволяет заключить, что им также были установлены официальные отношения дружбы с Римом. Это подтверждают и монеты этого царя – на них, начиная с 242 г. н.э. чеканится портрет

⁸⁰³ Ковалев С.И. Указ. соч. С. 629–634.

⁸⁰⁴ Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 42–43.

⁸⁰⁵ Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир... С. 94–95.

⁸⁰⁶ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Смекалова Т.Н., Куликов А.В. Клад боспорских статеров 234–253 гг. н.э. из Керчи (1988 г.) // ВДИ. 2008. Вып. 1. С. 65–81.

⁸⁰⁷ Часто в исследовательской среде он считается Рескупоридом V (Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 443; Зограф А.Н. Античные монеты; Фролова Н.А. Монетное дело Рескупорида III...; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора...).

⁸⁰⁸ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 136.

римского императора. При всем этом все, имеющиеся в распоряжении исследователей, надписи Рескупорида IV происходят из Пантикапея и датируются временем, начиная только с 249 г. н.э. (прил. 1, табл. 1). Кроме того, в КБН 59 и 60, датирующихся 250-е гг. н.э., подчеркивается, что Рескупорид IV происходит от предков-царей, т.е. явно делается акцент на том, что этот правитель принадлежит к основной царской династии, а не к ее боковой ветви. Что касается монетной чеканки этого царя, то можно отметить следующее: монеты чеканились непрерывно вплоть до 253 г. н.э., причем качество металла в статерах в период с 243/244 по 250/251 гг. н.э. было выше, чем в более поздних выпусках. Так, если статеры указанного периода содержат от 30 до 54 % серебра и от 0,5 до 2,8 % золота, то в последующие годы содержание серебра резко сократилось до 8–20 %, лишь изредка повышаясь до 30–40 %⁸⁰⁹. С чем могли быть связаны эти изменения в монетном деле? Вероятно, такое положение экономики Боспора в 50-х гг. III в. н.э. могло быть связано с морским походом варварских племен Меотиды третьей четверти III в. н.э.⁸¹⁰

Походы варваров с берегов Меотиды или Боспора Киммерийского принято относить к 255/256 гг. н.э. (первый поход) и 257 г. н.э. (второй поход)⁸¹¹. Сведения о них сообщает Зосим, перечисляя среди участников этих походов готов, боранов, карпов и уругундов (Zosim I.27; 31). В контексте первого похода автор сообщает следующее: «пока у них (у боспорцев) были цари, получавшие власть по наследству, т.е. сын от отца, то вследствие дружбы римлян (τὴν πρὸς Ῥωμαίους φιλίαν), благоприятно развивающихся торговых сношений и ежегодно посылаемых им

⁸⁰⁹ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 44.

⁸¹⁰ Абрамзон М.Г., Гунчина О.Л. Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243 – 257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) // ПИФК. 2016. Вып. 4. С. 280–329; Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М. Исследование химического состава сплава боспорских билонных статеров III в. н.э. методами РФА-спектроскопии, нейтронной томографии и дифракции // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. 2018. Вып. 2. С. 25; Abramson M.G., Saprykina I.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K.M. A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction // Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques. 2018. Vol. 12 (1). P. 115; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 45.

⁸¹¹ Буданова В.П. Указ. соч. С. 92; Лавров В.В. Готы и Боспор в III в. н.э. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества, СПб., 1995. С. 114–115.

(боспорским царям) императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновению царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились» (Zosim I.31.2–3. пер. В.В. Латышева).

Кого же Зосим называет «недостойными и презренными» правителями? По этому поводу в историографии существует две версии. Сторонники первой полагают, что речь в этом отрывке идет о царе Фарсанзе⁸¹², хотя его правление не совпадает с описываемыми автором событиями. Последователи второй видят в этом сюжете Рескупорида IV⁸¹³. Видимо, следуя некоторым наблюдениям О.В. Шарова по поводу этого сюжета, можно реконструировать ситуацию на Боспоре в это время следующим образом. В начале 250-е гг. н.э. Боспор продолжает сохранять дружественные отношения с Римом – Рескупорид именуется другом (КБН 58–60), получает дары и, по-видимому, средства на чеканку монеты⁸¹⁴. После поражения римской армии под Абриттом и гибели императора Деция в 251 г. н.э. ситуация изменяется – германские племена с берегов Меотиды начинают угрожать азиатским территориям Боспора. Чтобы защитить свои азиатские владения, Рескупорид IV стремится найти ресурсы и союзников, заключая военный и политический союз с аланами⁸¹⁵. Можно предположить, что ряд кладов, обнаруженных на территории Боспора, отражает нарастающую внешнеполитическую нестабильность. К ним относятся, в частности, третий патрейский клад 1970 г., таманский клад 1970 г., керченский клад 1964 г., а также два клада из Керчи – 1871 и 1988 гг.⁸¹⁶ Вероятно, с этими событиями связаны также разрушения и пожар в Танаисе, датируемые 251–254 гг. н.э.⁸¹⁷

При всем этом остается не вполне ясной внутривнутриполитическая ситуация на Боспоре, хотя очевидно, что тут было все очень непросто. Видимо, в 253 г. н.э. властью на

⁸¹² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство; Блаватский В.Д. Пантикапей...

⁸¹³ Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир... С. 100.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ Там же.

⁸¹⁶ Там же. С. 101.

⁸¹⁷ Анисимов А.И. О передвижении племен готского союза в Северном Причерноморье в середине III в. н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 129–130; Шаров О.В. Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир. С. 100–101.

Боспоре временно овладел Фарсанз – царь аланов или представитель высшей аланской знати. Рескупорид IV, происходящий от предков-царей, не в силах устранить политическую нестабильность, либо временно отходит от власти, либо устраняется Фарсанзом и его сторонниками, что отражено в письменной традиции как появление «недостойных и презренных людей» (Zosim. I.31.3). Судя по всему, после того, как угроза Боспору миновала, престол вновь занимает законный царь Рескупорид, о чем свидетельствуют его статеры, сделанные, правда, из низкопробного биллона, где в 255 г. н.э. содержится лишь 3,5 % серебра, а в 256 г. н.э. – 0,006 %. В 256 г. н.э. эмиссия сократилась вдвое, а монет Рескупорида 257 г. н.э. известно всего лишь 2 экземпляра⁸¹⁸.

В 50-х гг. III в. н.э. ситуация как в самом Риме, так и на его окраинах продолжает оставаться нестабильной – после смерти императора Деция Траяна в 251 г. н.э. германские племена переходят Рейн, готы снова вторгаются в римские провинции и доходят до Ахайи, африканские владения римлян подвергаются нападению мавританских племен (Oros. VII.22. 6–9; Eutr. IX.8.2; Aur. Victor. Caes. XXXIII.3). Фактически Империя распадается на части. Ослабление Римской империи, терпящей поражения почти на всех рубежах, наиболее ярко проявлялось в проникновениях германских племен через Альпы непосредственно в Италию (например, аламаны в 256 г. н.э.), а также полной неспособностью противостоять готскому союзу припонтийских племен – готам, герулам, скифам и сарматам (SHA. Gall. VI.1–2; Eutr. IX.8.2). Несмотря на отдельные успехи императоров Клавдия Готского и Аврелиана в борьбе против готов (Eutr. IX.11.2; 13.1; Oros. VII.23.1.4; Aur. Vict. Caes. XXXIV.3–5; SHA. Claud. VI–IX), имперская власть медленно сдавалась под давлением варварских вторжений. Так, император Галлиен вынужден был оставить Декуматские поля на Верхнем Рейне, освобождая провинции от римских воинов и поселенцев. Примерно в 255 г. н.э. ситуация осложняется утратой контроля над провинцией Дакия (Aur. Victor. XXXIII.3), окончательно покинутой Римом в результате эвакуации населения Аврелианом в

⁸¹⁸ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора... С. 54–55.

272 г. н.э. (Eutr. IX.15.1). Это событие не просто символизировало временную слабость государства, а было началом эпохи постепенного распада Империи⁸¹⁹.

В это время Римскую империю сотрясают все новые удары варварских племен Скифии. В 266 г. н.э. побережье Гераклеи подверглось разграблению придунайскими готами, а уже в 267/268 гг. н.э. центр событий перемещается в Меотиду⁸²⁰. В этой непростой ситуации к власти на Боспоре приходит еще один друг императора и римского народа – Тейран. Судя по единственной дошедшей до нас надписи этого царя, его полное имя звучало как Тиберий Юлий Тейран (КБН 36). Надпись происходит из Пантикапея и датируется 70-е гг. III в. н.э. В ней сообщается о какой-то значимой победе, одержанной Тейраном; по мнению О.В. Шарова, речь в этом случае может идти о победе над готами и герулами, возвращавшимися из набега 276 г. н.э.⁸²¹ Вероятно, после морской битвы близ Таврики варварские племена могли высадиться на территориях Боспора, где и были добиты боспорским войском⁸²². Видимо, решающую роль в этих событиях сыграл Тейран – как предполагает О.В. Шаров, боспорский царь мог лично возглавлять сухопутное войско⁸²³.

О самом правлении Тейрана известно сравнительно немного. Первой монетой с его именем является уникальный статер 266 г. н.э. из Таманского клада 1958 г.⁸²⁴, однако начало регулярной чеканки относится только к 275–278 гг. н.э., что порождает проблему хронологических рамок его царствования⁸²⁵. Эпиграфические и письменные свидетельства о Тейране в дальнейшем также отсутствуют. Поэтому, неизвестно при каких обстоятельствах завершилось его правление. Следующие несколько лет боспорской истории представляются весьма темными. Внутренняя политика Тейрана была связана с проведением денежной реформы, суть которой заключалась в замене серебряных статеров медными, что, видимо, было связано со сложной эко-

⁸¹⁹ Булкин И.Ю. Этапы и характер римского военного проникновения в Северное Причерноморье (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс. ... к.и.н. Саратов, 1999. С. 133.

⁸²⁰ Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 270

⁸²¹ Там же. С. 281–282.

⁸²² Лавров В.В. Указ. соч. С. 120–122.

⁸²³ Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 281–282.

⁸²⁴ Кунин В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Боспора. Ч. 2. Симферополь, 1962. С. 343.

⁸²⁵ Фролова Н.А. Монетное дело Тейрана (226, 275–278 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 103.

номической ситуацией на Боспоре после готских походов⁸²⁶. Среднее содержание серебра в статерах Тейрана стабильно ниже, чем в монетах Савромата IV⁸²⁷ и составляет примерно 5–7%⁸²⁸. Некоторые статеры были отчеканены из сплава, вовсе не содержащего ни золота, ни серебра⁸²⁹. Недавние исследования материалов фанагорийского клада 2011 г., проведенные М.Г. Абрамзоном и его соавторами, выявили значительную неоднородность содержания серебра в монетах Тейрана: показатели варьировались от 5,16 % до 18,46 % в зависимости от точки измерения⁸³⁰.

Сказать что-то конкретное и обстоятельное об отношениях Тейрана с Римом весьма сложно из-за скудности источниковой базы. Единственное упоминание о римско-боспорских контактах содержится в КБН 36, где царь именуется другом цезаря и другом римлян, а полный его титул представлен классической формулировкой βασιλέω[ς], φιλόκαισαρος καί φι[λο]ρωμαίου, εὐσεβοῦ (прил. 1, табл. 1). Видимо, это позволяет высказать предположение о том, что какие-то контакты с Римом в 70-е гг. III в. н.э. все же сохранялись, что выразилось и в официальном установлении дружественных отношений. Как было показано в первой главе на аналогиях из других регионов римского мира, внешнеполитическая *amicitia* и в этот период не теряет своей актуальности, хотя прибегают к ней значительно реже, что, в целом, логично, учитывая непростую ситуацию в самом Риме и на его границах. По-видимому, римские влияния на Боспоре в это время продолжали играть значимую роль. Подтверждением этого вывода могут служить погребения, датируемые временем после завершения «готских войн». В первую очередь стоит отметить погребение с золотой маской, в котором ярко проявляется сочетание ирано-сарматских и римских тради-

⁸²⁶ Фролова Н.А. Монетное дело Тейрана... С. 103–112.

⁸²⁷ Абрамзон М.Г., Ефимова Ю.Ю., Котцева Н.В., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. Последнее серебро Боспора: Мультианалитический подход к исследованию Боспорской серебряной чеканки III в. н.э. М., 2021. С. 85.

⁸²⁸ Такое содержание серебра в статерах Тейрана в целом коррелирует с данными, полученными при анализе поверхности римских монет III–IV вв. н.э., для которых было отмечено частичное истирание верхнего слоя. См.: *Klockenkamper R., Bubert H., Hasler K. Detection of Near-surface Silver Enrichment on Roman Imperial Silver Coins by X-ray Spectral Analysis // Archaeometry. 1999. Vol. 41 (2). P. 318.*

⁸²⁹ Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Указ. соч. фототабл. X -19; XII -10.

⁸³⁰ Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Указ. соч. С. 46.

ций⁸³¹. В нем были найдены две конские упряжи, многочисленные золотые бляшки костюма, выполненные в полихромной иранской манере, а также значительное количество римской серебряной и бронзовой посуды⁸³². После завершения правления боспорского царя Тейрана, победившего варваров, Боспор выходит из-под контроля Рима и, видимо, начинает совершать набеги на римские провинции. В связи с этим начиная с эпохи правления императора Диоклетиана между Боспором и Херсонесом, занявшим проримскую позицию, разворачивается серия военных столкновений, в которых победу одерживали херсонесские войска⁸³³.

В связи с римской дружбой на Боспоре интересна еще одна надпись, датируемая разными исследователями в диапазоне от конца IV до начала VI в. н.э., где содержится последнее упоминание о боспорском царе – друге императора и римского народа. Это неоднозначная по своему характеру строительная надпись из Пантикапея, поставленная в правление царя Тиберия Юлия Дуптуна. Текст надписи сообщает о строительстве башни ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτούνο[υ] βασιλ(έως) εὐσεβο[ῦ]ς, φιλοκέσαρος καὶ [φ]ιλορωμέου (КБН 67). Из-за многочисленных повреждений и мелких выбоин надпись читается с трудом. По этой причине однозначная датировка надписи также невозможна. Имя этого царя не известно нам ни из текстов античных авторов, ни по монетам, ни по другим надписям. Упоминание в тексте КБН 67 о воздвигнутой башне дало В.В. Латышеву основание сопоставить этот факт со свидетельством Прокпия Кесарийского (De aedif. Iust. III.7) о восстановлении императором Юстинианом стен «города Боспора»⁸³⁴. Надпись отражает положение Боспора в последний и малоизвестный нам период его истории, в частности говорит об отношениях с Римом.

В среде исследователей существует ряд споров относительно датировки этой надписи. В.П. Яйленко и С.В. Ярцев относят создание надписи к концу IV – началу

⁸³¹ Шаров О.В. Погребение с Золотой маской. История открытия и хронология комплекса // Тайна золотой маски: каталог вставки: Санкт-Петербург, 21 апреля – 3 сентября 2009 г. Государственный Эрмитаж / А.М. Бутягин (науч. ред.). СПб., 2009. С. 17–42.

⁸³² Шаров О.В. Боспор и варварский мир... С. 104.

⁸³³ Там же. С. 164.

⁸³⁴ Марти Ю.Ю. Научно-исследовательская работа Керченского Историко-археологического музея им. А.С. Пушкина в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1939. Вып. 2. С. 132.

V вв. н.э.⁸³⁵, Ю.Г. Виноградов и Н.И. Храпунов – к концу V в. н.э.⁸³⁶, Н.Н. Болгов и И.В. Зайцева – к началу VI в. н.э.⁸³⁷ Ю.Г. Виноградов восстанавливает конкретную дату надписи – 20 октября 483 г. н.э.⁸³⁸, аргументируя такое решение тем, что в КБН 67 были использованы две системы датировки – по боспорской эре и по индиктам. В.В. Латышев полагал, что Дуптун мог править не ранее IV в. н.э., как о том свидетельствуют характер букв в этой надписи и написание $\phi\lambda\omicron\kappa\acute{\epsilon}\sigma\alpha\rho\varsigma\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ [ф]\lambda\omicron\rho\omega\mu\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$. Обращает на себя внимание и то, что эпитет $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\varsigma$ помещен в КБН 67 до конструкции $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \phi\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, тогда как во всех более ранних надписях этот эпитет традиционно ставился последним (прил. 1, табл. 1). Видимо, эта особенность надписи позволяет говорить о том, что здесь он мог быть употреблен в христианском значении. По мнению Ю.А. Кулаковского, это было показателем того, что Дуптун был христианином⁸³⁹.

Некоторую ясность в вопрос о датировке надписи вносят замечания В.П. Яйленко – по мнению исследователя, строительная надпись Дуптуна носит не византийский, а типично позднеантичный характер, подобно надписям предшествующих царей Боспора. Она открывается обычной, в таких случаях, формулой «в добрый час» и построена по позднеантичному формуляру⁸⁴⁰. Очевидно, как предполагал еще Э. Миннс, она не может быть отделена большим периодом от надписей предшествующих царей⁸⁴¹. Необычно и само имя боспорского царя, не вполне отвечающее нашим представлениям об антропонимике боспорских прави-

⁸³⁵ Яйленко В.П. Гунно-булгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимике // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 303–331; Ярцев С.В., Лебединец Н.В. Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна // Власть истории – история власти. 2020. Вып. 6. С. 774–783.

⁸³⁶ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. Вып. 1. С. 233–247; Храпунов Н.И. К дискуссии о «Надписи Дуптуна» // БФ. 2002. Т. 1. СПб., С. 88–90.

⁸³⁷ Болгов Н.Н. Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье: Конец III–VI вв. Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 2003. С. 345; Болгов Н.Н., Зайцева И.В. Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия // МАИАСП. 2019. Вып. 11. С. 517–526.

⁸³⁸ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор... С. 236.

⁸³⁹ Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 1891. Вып. 6. С. 25.

⁸⁴⁰ Яйленко В.П. Гунно-булгары... С. 303–331.

⁸⁴¹ Minns E. Op. cit. P. 610.

телей. В.П. Яйленко считает Дуптуна эллинизированным гунном⁸⁴², что, по-видимому, свидетельствует об этнической смене правящей верхушки государства. Такому выводу трудно возразить, учитывая, что двухчастная структура и вторая часть имени Дуптуна, полностью соответствует особенностям более поздних имен гунно-булгарских ханов и родов. Все это однозначно свидетельствует о материальном единстве, таких имен, как Дуптун, Гостунъ, Вихтунъ, Дукум⁸⁴³. В таком случае имя Дуптуна может означать «имеющий (дикую) лошадку»⁸⁴⁴. Учитывая данную особенность имени царя В.П. Яйленко, в духе идей М.М. Казанского, полагает, что Боспорское царство в этот период мог возглавить представитель гуннов (т.е. Дуптун), а его династическое имя Тиберий Юлий – чистая фикция⁸⁴⁵.

Северопонтийский регион в конце IV – начале VI вв. н.э. постоянно находился в центре внимания Империи из-за интенсивного передвижения народов, играющего ключевую роль в судьбе государства. V в. н.э. был временем стратегического отступления Империи, которая, не находясь в регионе непосредственно, продолжала активное участие в отношениях племен вокруг античных центров – основной целью дипломатии в этот период было обеспечение собственной безопасности от варваров Северного Понта через посредничество Херсонеса и особенно Боспора. Если Херсонес в разное время продолжал исполнять роль опорного пункта Империи в регионе, то Боспор фактически оказался предоставлен своей судьбе несмотря на то, что в 483 г. н.э. при царе Дуптуне было восстановлено старое династическое имя – Тиберий Юлий, явно указывающее на проримские настроения⁸⁴⁶, хотя не совсем ясно, как конкретно они проявлялись. В более поздних надписях и письменной традиции упоминания о дружественных отношениях отсутствуют.

Так завершился долгий и непростой период *amicitia* между Римом и Боспорским царством.

⁸⁴² Яйленко В.П. Гунно-булгары... С. 306–324.

⁸⁴³ Внуков А.А., Ярцев С.В., Брынза Т.В. К вопросу о взаимоотношениях «царских» гуннов и акациров в Северном Причерноморье в начале V в. // МАИАСП. 2023. Вып. 15. С. 611.

⁸⁴⁴ Яйленко В.П. Гунно-булгары... С. 303–331; Внуков А.А., Ярцев С.В., Брынза Т.В. Указ. соч. С. 611.

⁸⁴⁵ Яйленко В.П. Гунно-булгары... С. 306–324.

⁸⁴⁶ Болгов Н.Н. Проблемы континуитета... С. 345.

Глава 3. Эпитет *σεβαστόνωστος* в надписях Северного Причерноморья

3.1. Императорский титул *Σεβαστός* в региональной эпиграфике

Античные авторы достаточно четко передают ситуацию, когда в 27 г. до н.э. Гай Октавий объявил о сложении своих полномочий триумвира и получил множество различных почестей, среди которых было и почетное прозвище *augustus*, греческим эквивалентом которого, как считается, является слово *Σεβαστός*⁸⁴⁷. С этого момента оно входит в состав официального имени римского императора и на протяжении хода истории уже Римской империи играет весьма существенную роль в формировании идеологии раннего принципата⁸⁴⁸.

В некоторых греческих надписях *Σεβαστός* и *Αὔγουστος* употребляются совместно как два различных слова, что едва ли можно объяснить как простую тавтологию⁸⁴⁹. Скорее, это говорит о том, что для греков *Σεβαστός* звучало как официальный титул, обозначавший римского правителя, в то время как *Αὔγουστος* было неофициальным названием императора. По мнению А.Н. Токарева, обозначенные выше моменты указывают на то, что слово *Σεβαστός* было искусственным нововведением, впервые использованным в греческом языке после 27 г. до н.э. Оно появилось как официальный перевод латинского титула римских императоров и стало неологизмом для греческого общества эпохи Августа⁸⁵⁰. Исследование значения *augustus* показало, что это слово было достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии, который характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами⁸⁵¹.

Если обратиться к эпиграфике Северного Причерноморья, то можно обнаружить, что в этом регионе существует всего лишь тридцать надписей, где употребляется эпитет *Σεβαστός*, либо производное от него – *σεβαστόνωστος*. Надписи происходят из Ольвии, Херсонеса и Боспора и датируются периодом между I в. до н.э.

⁸⁴⁷ Подробнее о нем см.: *Vaniuek A. Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Leipzig, 1877. Bd. 2. S. 1031–1033; *Thesaurus graecae linguae*. P., 1863. Vol. 7. P. 116–123; *Liddell H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon* / Rev., augment. by H.S. Jones, R. McKenzie. Oxf., 1940. P. 1587.

⁸⁴⁸ *Токарев А.Н. Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов. Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков, 2005. С. 165–177.

⁸⁴⁹ *Thesaurus graecae linguae*. P., 1863. Vol. 7. P. 120.

⁸⁵⁰ *Taylor L.R. The Divinity of Roman Emperor*. N.Y., 1979. P. 160.

⁸⁵¹ *Токарев А.Н. Указ. соч.* С. 167.

и III в. н.э. Все эти надписи по контексту употребления эпитета Σεβαστός можно условно разделить на пять групп:

1. надписи, посвященные римским императорам, которые имели почетный эпитет Σεβαστός;
2. надписи, в которых боспорские цари упоминаются как «пожизненные верховные жрецы августов» (ἀρχιερέος τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου);
3. надписи, посвященные политическим деятелям Северного Причерноморья, в которых упоминается, что они либо сами были «известны августам» (σεβαστόγυνωστος), либо же их предки были «известны августам»;
4. надписи, посвященные наместникам Нижней Мезии;
5. надписи, посвященные послам к римским императорам.

Краткий анализ этих групп надписей будет проведен далее. Надписи, посвященные римским императорам, которые имели почетный эпитет Σεβαστός, датируются периодом с 21 г. до н.э. по 217 г. н.э. и происходят из Пантикапея (КБН 38, 41, 47, 52), Фанагории (КБН 978), Гермонассы (КБН 1046, 1047) и Ольвии (IOSPE I² 181, 174, 199) (прил. 1, табл. 2). Они представляют собой либо надписи на базах статуй, которые изображали римских императоров, либо надписи, которые помещались на построенных зданиях, посвященных римским императорам. При этом все боспорские надписи были сделаны от имени боспорских царей, а в случае с Ольвией – от имени совета и народа или от имени знатных граждан полиса, как в ситуации с Абабом, сыном Каллифсена (IOSPE I² 181). Сам характер посвящений весьма формален – в них прославляются конкретные римские императоры как спасители и благодетели (σωτήρ καὶ εὐεργέτης) (КБН 38, 978, 1046, 41, 52), и утвердители (ἴδιος κτίστης) (КБН 47). Такие эпитеты свидетельствуют о некоем содействии, которое было оказано политическим деятелям Северного Причерноморья римскими императорами, что можно рассматривать в рамках установившихся неформальных отношений *amicitia*. Императоры в данном случае выступают в роли спасителей, благодетелей и утвердителей, предоставляя некоторую поддержку гражданам полиса или боспорским правителям, за что получают ответную *gratia* в виде установки им статуй и посвящений монументов.

Далее перейдем к надписям, посвященным боспорским царям, в которых они упоминаются как пожизненные верховные августов (КБН 1118, 981, 44, 982, 53, 42, 1122, 1045). В первую очередь, здесь следует отметить, что титул пожизненный верховный жрец августов был формальным содержанием титулатуры практически всех боспорских царей, начиная с Котиса I, и означал, что правители Боспора исполняли функции жрецов римских императоров⁸⁵². Римские императоры опирались на жречество в восточных странах⁸⁵³, и наделение правителей функциями жрецов делало их связи с Римом более прочными. Сведения о подобных посвящениях содержат не только эпиграфические, но и нарративные источники. Так, в труде позднеримского историка Аммиана Марцеллина встречаем сообщение о появлении в Ольвии алтаря, посвященного Александру Великому и Цезарю Августу: “*Dein Borysthenes a montibus oriens Nerviorum, primigeniis fontibus copiosus concursuque multorum amnium adulescens, mari praeruptis undarum verticibus intimatur, cuius in marginibus nemorosis Borysthenes est civitas et Cephalonesus, et arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae*” (Amm. Marc. XXII.8.40). Эти события последовали за тем, как, согласно *Res gestae*, в самом конце I в. до н.э. бастарны, скифы и цари сарматов, обитавшие по обе стороны Танаиса, стремились установить дружеские отношения с первым римским принцепсом, направляя к нему своих послов (*Res Gestae* 31.2). Впервые в античной традиции подобные сооружения в Северном Причерноморье упоминает Клавдий Птолемей, правда, на Танаисе: *Infra inflexum autem Tanais fluvii positae sunt Alexandri Arae et Caesaris Arae* (Ptol. III.5.12). Для Котиса I и его преемников участие в культе императора имело значение не столько как религиозный акт, сколько как политический жест – свидетельство сохранения доброжелательных и невраждебных отношений с Римом. Надписи, посвященные боспорским царям, в которых они упоминаются как «пожизненные верховные жрецы августов» датируются периодом с 68 г. н.э. и до 216 г. н.э. и происходят с территории Боспорского царства – Горгииппии, Пантикапея, Фанагории и Герсонассы. Это также либо базы статуй, либо строительные надписи. Что касается ад-

⁸⁵² Панов Р.А. Взаимоотношения Рима... С. 380–381.

⁸⁵³ Ramsay W.M. Op. cit. P. 3–4.

ресантов, то ими были либо граждане того или иного полиса Боспора (напр., Горгия или Фанагория (КБН 1118, 982, 983)), либо боспорские цари, либо уполномоченные должностные лица (напр., хилиарх Ульпий Антисфен (КБН 53)). Мотивировка посвящений в основном формальна – благодарственные посвящения «владыкам и благодетелям» за некоторую оказанную помощь и содействие, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем. При этом здесь речь явно не идет о каком-то конкретном событии – это вполне мог быть целый комплекс мероприятий, в рамках которых тому или иному лицу было оказано содействие. Кроме того, замечу, что в надписях упоминаются не конкретные римские императоры, а только лишь их почетный титул, поскольку речь идет не о них самих, а о боспорских царях, которые выполняли роль жрецов императоров.

Итак, перейдем к третьей группе надписей – надписи, посвященные политическим деятелям Северного Причерноморья, в которых упоминается, что они либо сами были «известны августам» (σεβαστόγνωστος) (IOSPE I² 39; 79, КБН 58, 64), либо же их предки были «известны августам» (IOSPE I² 42, 43, 44) (прил. 1, табл. 3). Это семь надписей, которые происходят из Ольвии и Пантикапея и датируются периодом с первой половины I в. н.э. и до 306 г. н.э. В случае с Ольвией адресантом являет народ полиса, который предлагает посмертно почтить Оронта, «возвысившегося до известности Августам» «μέχρι τᾶς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προκόψαντος» (IOSPE I² 79), Карзоаза, который «прославился до самых пределов земли, перенося опасности ради дружбы и до сих пор поддерживая августов союзом» «ἀλλὰ καὶ <μέχρι> περάτων γῆς ἐμαρτυρήθη τοὺς ὑπὲρ φιλίας κινδύνους μέχρι Σεβαστῶν συμμαχία παραβολευσάμενος» (IOSPE I² 39)⁸⁵⁴, Каллисфена, который происходил «от знаменитых предков, известных Августам» «ἀν[ὴρ γεν]όμενος προγόνων ἐπισήμωντε καὶ σεβαστογνώστω[ν]» (IOSPE I² 42); и Каллисфена, который был потомком «знаменитого рода, известного Августам» «γένους γενόμενο λαμπροῦ καὶ σεβαστογνώστου» (IOSPE I² 43, 44). Иными словами граждане Ольвии увекове-

⁸⁵⁴ Подробнее о нем: *Rastegaeva M.N.* A Few Notes about the Honorary Decree of Karzoazos, Son of Attalos (IOSPE I² 39) // *Young Scholars' Research in the Humanities. Proceedings of the XI All-Russia conference for young researchers "Young Scholars' Research in the Humanities"*. Saratov, 2024. P. 154–159.

чивают памятником тех или иных выдающихся лиц за многочисленные заслуги перед отечеством. При этом сам эпитет *σεβαστόγνωστος* восходит к представителям новой ольвийской аристократии, которые возвысились в период «второго основания» города в середине I в. н.э. Потомки этого рода также использовали данный титул, однако применительно к предкам, от которых они происходили, поэтому статус *σεβαστόγνωστος* не передавался по наследству⁸⁵⁵.

В случае с надписями из Пантикапея *σεβαστόγνωστοι* являются римский всадник Аврелий Родон (КБН 58) и наместник Феодосии Аврелий Валерий Сог (КБН 64). Оба были высшими должностными лицами Боспорского государства. Стоит упомянуть, что у них также были римские имена (Сог использовал имена своих покровителей, Диоклетиана и Максимиана), один из них даже был римским всадником (*ἰππεὺς Ῥωμαίων*). Употребление слова *σεβαστόγνωστος* происходит вместе с указанием других титулов и почетных имен (напр., КБН 58: *τὸν σεβαστόγνωστον Αὐρήλιον Ῥόδωνα Λολλαίου, τὸν ἐπὶ τῆς βασιλ[ε]ίας κ<α>ὶ χειλίαρχον καὶ ἰππέα Ῥωμαίων*). Стоит также отметить, что надпись в честь Аврелия Родона была поставлена его сыном Аврелием Цельсом, который был гражданином Гераклеи. Вероятно, гражданином Гераклеи мог быть и сам Аврелий Родон. Что касается второй боспорской надписи, с упоминанием Аврелия Валерия Сога, то в ней указано, что он «долго находился в отсутствии и оставался на чужбине 16 лет» (КБН 64). Вероятно, этот момент, как и другие подобные указания в упомянутых надписях могут свидетельствовать о том, что эти политические деятели могли быть послами в Рим или римские провинции и содействовать налаживанию экономических и/или политических контактов с Империей (отсюда и римские имена в КБН 58 и КБН 64). При этом упоминаются не конкретные римские императоры, а обобщенное *Σεβαστός*. Таким образом, эпитет *σεβαστόγνωστος* использовался не высшим слоем римского общества, а богатыми провинциалами, некоторые из них, вероятно, были римскими гражданами.

Четвертая группа надписей – надписи, посвященные наместникам Нижней Мезии (IOSPE I² 421, IOSPE I² 422). Обе происходят из Херсонеса и датируются последней четвертью I в. н.э., были поставлены от имени народа Херсонеса лега-

⁸⁵⁵ *Растегаева М.Н.* Ольвиополиты «известные Августам»... С. 325–332.

там и пропреторам императоров Веспасиана и Домициана. Таким образом херсонеситы чествовали наместников Нижней Мезии Секста Ветулла Цериалия и Секста Октавия Фронтоня, которые посетили их город в период между 73–97 гг. н.э., но чествовали довольно скромно – краткими почетными надписями под статуями с указанием пропреторского ранга. Поскольку надписи имеют официальный характер, т.к. в них упоминаются должностные лица, Σεβαστός указывает на конкретных императоров.

Последняя группа надписей – надписи, посвященные послам к римским императорам. Они также происходят из Херсонеса и датируются второй половиной II в. н.э., были поставлены от имени народа Херсонеса гражданам Аристону (IOSPE I² 423) и Демократу (IOSPE I² 425). Примечательны здесь указания «бывшего послом для ходатайства о свободе к божественному Августу шесть лет и утомившегося» (IOSPE I² 423), а также «дважды исполнявшего славнейшую должность и много раз даром отправлявшегося послом к Августам для ходатайства о благе отечества» (IOSPE I² 425). При этом упоминаются не конкретные римские императоры, а обобщенное Σεβαστός, соответственно упомянутые граждане многократно совершали посольства к римским императорам, потому и могли стать известными августам.

3.2. Σεβαστόγυνωστος в Ольвии: от Абаба до Каллисфена⁸⁵⁶

В эпиграфике Ольвии римского времени не встречаются широко распространенные на Боспоре титулы φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος. Однако здесь вероятной реминисценцией этих определений может являться эпитет σεβαστόγυνωστος, о котором пойдет речь далее. Σεβαστόγυνωστος встречается только в нескольких греческих надписях римского времени. Семантическое значение σεβαστόγυνωστος довольно прозрачно – «знакомый с Августами» или же «известный Августам». Г. Мендель, рассматривает его как проявление «провинциального честолюбия»⁸⁵⁷. Этимологические словари передают σεβαστόγυνωστος как греческий аналог латинских выражений

⁸⁵⁶ Основные положения этого параграфа отражены в статьях: *Растегаева М.Н.* Ольвиополиты «известные Августам»... С. 325–332; *Rastegaeva M.N.* A Few Notes about... P. 154–159; *Rastegaeva M.N.* The epithet Σεβαστός... P. 202–207.

⁸⁵⁷ *Mendel G.* Inscriptions de Bithynie // *Bulletin de Correspondance Hellénique.* P., 1901. Vol. XXV. P. 64. Ср. *IGR 1422*; *Rober L.* Études Anatoliennes / M. Albert Gabriel (ed.). P., 1937. P. 227–228.

amicus imperatoris или *amicus Caesaris*, рассматривая его как почетный титул⁸⁵⁸, однако это утверждение весьма спорно. Σεβαστόγνωστος не может являться региональной лексической вариацией наиболее распространенных титулов φιλοσέβαστος – ὁ φίλος τοῦ Σεβαστοῦ – *amicus Augusti*, поскольку в Малой Азии σεβαστόγνωστος употребляется вместе с φιλοσέβαστος. Кроме того, как полагает Б. Надель⁸⁵⁹, титулы имеют совершенно разное значение, поскольку восходят к различным понятиям – φιλία и γνῶσις. Получается, что σεβαστόγνωστος представляет собой почетный эпитет, который не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

В Ольвии эпитет σεβαστόγνωστος встречается в двух почетных декретах, относящихся к периоду правления императора Септимия Севера – надпись в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IOSPE I² 42), и Каллисфена, сына Дада (IOSPE I² 43). Оба занимали должность архонта-эпонима. Первый происходил «от знаменитых предков, известных Августам» (ἀν[ὴρ γεν]όμενος προγόνων ἐπισήμωντε καὶ σεβαστογνώστῳ[v]); второй был потомком «знаменитого рода, известного Августам» (γένους γενόμενο λαμπροῦ καὶ σεβαστογνώστου).

Curriculum vitae Каллисфена, сына Каллисфена, достаточно подробно освещен в ольвийской эпиграфике – он четыре раза занимал должность архонта-эпонима, а также получил эпитет «отец города» (πατὴρτῆς πόλεως) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 174, НО 86)⁸⁶⁰. Он упоминается и в надписи IOSPE I² 174, которую В.В. Латышев и вслед за ним В.П. Яйленко датируют 196/198 гг. н.э., соответственно политическая деятельность Каллисфена, сына Каллисфена, приходится на третью – последнюю четверти II в. н.э. Очевидно, что к архонству Каллисфена относится серия ольвийских медных монет, отчеканенных в период правления Септимия Севера. Первая из них, состоящая из четырех номиналов, по замечанию В.А. Анохина, имеет автономный (или квази-автономный) характер – на аверсе

⁸⁵⁸ Herweeden H. *Lexicon Graecum* / H. Herweeden (ed.). Leiden, 1910; *A Greek-English Lexicon* / H.G. Liddell, R. Scott, S. Jones, R. Mc Kenzie (eds.). Oxf., 1948.

⁸⁵⁹ Nadel B. A note about Σεβαστόγνωστος // *Eos*. 1962. Vol. 52. P. 298.

⁸⁶⁰ Русяева А.С. Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // *Древнее Причерноморье* / А.Г. Загинайло (отв. ред.). Одесса, 1991. Вып. II. С. 83–84; Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 570–571.

монет помещается указание на ольвийского эпонима, в наиболее полном виде читаемое как ΑΡ · ΚΑΛ · ΤΟ · Δ, т.е. «архонта Кал... в четвертый раз». Иконография монет: сидящий на троне Зевс и стоящая Тихе; бык и орел с венком в клюве; стоящий воин и кадуцей; лира и стоящий Аполлон⁸⁶¹.

При этом греческое личное имя Каллисфен не упоминается в Северном Причерноморье в доримский период⁸⁶². В римский период это имя часто встречается, особенно в городах Боспорского царства и в Ольвии⁸⁶³, где оно, вероятно, было излюбленным в одном аристократическом роду. Имя Каллисфен упоминается также в почетном декрете в честь неизвестного сына Каллисфена (IOSPE I² 44), имя которого приходится на лакуну между сохранившимися фрагментами. В этом тексте В.П. Яйленко восстанавливает и эпитет σ[εβαστόγυνωστο]ς, указывая в переводе, что Ант, сын Каллисфена, «происходит от предков славных и известных императорам, многие и значительные благодеяния оказал народу превосходным образом, соревнуя достоинству рода <...>, во всех случившихся для города <...> и осознавая славу рода <...> вследствие чего удрученный город <...> добровольно принял на себя <...> доходы <...> сооружение <...> в тяжком <...>»⁸⁶⁴. Однако восстановление имени Анта в надписи принимают не все исследователи, поэтому достоверно мы можем реконструировать только, что некий сын Каллисфена был потомком σ[εβαστόγυνωστο]ν.

Современником Каллисфена, сына Каллисфена, был Каллисфен, сын Дада, упоминаемый в IOSPE I² 42 как один из докладчиков на всенародном собрании. В IOSPE I² 174 он фигурирует как архонт. В его честь принят декрет IOSPE I² 43, в котором он обозначен как трижды занимавший эпонимные должности, честно и справедливо исполнивший срок магистратур и, в бытность стратегом, всячески заботившийся о мире. Встречается Каллисфен, сын Дада и в других ольвийских надписях, где он фигурирует как архонт-эпоним периода правления Септимия Севера (193–211 гг. н.э.) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 43, IOSPE I² 174). Имя Δάδος имеет фракийское

⁸⁶¹ Анохин В.А. Монеты античных городов... Табл. XXIII -384–387; Зограф А.Н. Античные монеты. С. 143; Табл. XXXIV.

⁸⁶² Cojocaru V. Populația zonei nordice... P. 123–380.

⁸⁶³ A Lexicon of Greek Personal Names / P.M. Fraser (ed.). Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxf., 2005. 183 f.

⁸⁶⁴ Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 527.

происхождение⁸⁶⁵, причем в этом варианте встречается только в Северном Причерноморье (LGPN IV 84).

Получается, что политическая деятельность и Каллисфена, сын Каллисфена, и Каллисфена, сын Дада, проходила в Ольвии в конце II – начале III вв. н.э., и оба политика вели род от предков знаменитых и известных римским императорам. Однако сведения о каких-либо прямых контактах этих ольвиополитов с римской политической элитой отсутствуют.

Очевидно, что ключ к пониманию эпитета σεβαστόγυνωστος в ольвийских надписях рубежа II–III вв. н.э. следует искать в более ранней эпиграфике. Известно, что σεβαστόγυνωστος фигурирует и в надписи времен Тиберия или Калигулы – почетном декрете IOSPE I² 79, изданном гражданами Византия в честь ольвиополита Оронта, в котором приводится информация о том, что отец Оронта, Абаб, был хорошо известен не только в своем отечестве, но и по всему Понту, и возвысился настолько, что был знаком с Августами (μέχρι τᾶς τῶν Σεβαστῶν γνῶσεως προκό[ψ]αντος)⁸⁶⁶. При этом и сам Оронт унаследовал от отца благосклонность к народу и проксению, а потому народ Византия счел нужным «похвалить ольвиополита Оронта, сына Абаба, за его постоянную и унаследованную от предков заботу к народу» (ἐπαίνῃσθαι μὲν Ὀρόνταν Αβαβου Ὀλβιοπολείταν ἐπὶ ταῖς διανεκεῖ ποτὶ τὸν δᾶμον καὶ διὰ προγόνων προνοίαι· εἵμεν δὲ αὐτὸν καὶ πολείταν καὶ τοὺς ἐγγόνους αὐτοῦ). Изучение этой надписи имеет уже достаточно длительную историю – еще в 1843 г. А. Бек предложил ее чтение с некоторыми краткими комментариями (SIG 2060). Но лишь относительно недавно В. Кожокару был проведен детальный анализ этого текста⁸⁶⁷.

Остановимся на некоторых деталях, относящихся к этой надписи. Первый вопрос – о происхождении имени самого Оронта и его отца Абаба. По этому поводу существует несколько версий. А. Бек высказал мнение о сирийском происхождении обоих имен⁸⁶⁸, вероятно, полагая, что имя Оронт могло происходить от названия реки в Сирии. Это мнение поддержал В.В. Латышев (IOSPE I² 79). Л. Згуста и

⁸⁶⁵ Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1976. S. 110.

⁸⁶⁶ Латинские аналоги – Robert L. Études épigraphiques et philologiques. P., 1938. P. 85.

⁸⁶⁷ Cojocarui V. Von Byzantion nach Olbia... S. 41–56.

⁸⁶⁸ Corpus Inscriptionum Graecarum II. Pars XI. Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio / A. Boeckh (ed.). Berolini, 1843. S. 130.

В.П. Яйленко, полагают, что имена и Абаба, и Оронта имели иранское происхождение⁸⁶⁹. Ряд других лингвистических исследований также определяет иранское происхождение имени Ὀρόντας или Ὀρόντης, которое в основном зафиксировано в эпиграфических источниках, относящихся к пограничной области греко-персидской культуры в Армении, Малой Азии и в Северном Причерноморье⁸⁷⁰. В Северном Причерноморье обладатели имени Оронт безусловно связываются с иранской средой⁸⁷¹.

Сложнее дело обстоит с происхождением имени отца Оронта, Абаба, поскольку оно встречается в Северном Причерноморье только в двух надписях середины I в. н.э. – IOSPE I² 79 и IOSPE I² 181, а иные обладатели этого имени в других районах греко-римского мира зафиксированы не были. Αβαβος используется лишь на юге Сирии и считается семитским мужским именем⁸⁷². Однако версия о семитском происхождении имени ольвиополита Абаба считается сомнительной⁸⁷³. Л. Згуста обращается к более общим языковым аналогам из Малой Азии, и, приводя ряд имен малоазийского происхождения (Ἀβα, Ἀβας и Ἀβηβας), полагает, что в разных языковых группах эти имена могли происходить от общих корней⁸⁷⁴, т.е. были «детскими» именами. Исследователь упоминает имя Абабы, матери императора Максимиана Фракийца, которая в источниках упоминается как *femina Alanica* (Iord. Get.83; SHA Max. 1.6). Однако практически все исследователи отвергают это сообщение, полагая, что имена родителей императора являются вымышленными, ведь

⁸⁶⁹ Zgusta L. Die Personennamen griechischer... S. 293; Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 563.

⁸⁷⁰ Zgusta L. Die Personennamen griechischer... S. 276. Л. Згуста полагает, что имя имеет персидское происхождение, приводя лишь свидетельства из Северного Причерноморья (S. 250). Армения как регион распространения упоминается у Ф. Джасти (*Justi F. Iranisches Namenbuch*. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963. S. 235). Некоторые формы этого имени встречаются также среди личных имен в Малой Азии, напр., Ὀρόνδας, Ὀρόνδιάνη и Ὀρόνδιάνος, но их связь с именем Ὀρόντης спорна (Zgusta L. *Kleinasiatische Personennamen*. S. 381. Anm. 63).

⁸⁷¹ Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia... S. 43–44.

⁸⁷² Wuthnow H. Die semitischen Menschnennamen in griechischen Inschriften und Papyri des vorderen. Leipzig, 1930. S. 6; cp. Lidzbarski M. *Ephemeris für semitische Epigraphik*. Bd. I–II. Gießen, 1902. S. 218; Vidman L. Ababa und Αβαβος. Ein Beitrag zur Onomastik der nördlichen Schwarzmeerküste // *Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes* / Hrsg. J. Irmscher, D.B. Schelow. B., 1961. S. 157.

⁸⁷³ Zgusta L. Die Personennamen griechischer... S. 291.

⁸⁷⁴ Ibid. S. 293; Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 563; Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх... С. 128.

даже в «Истории Августов» эти сведения упоминаются в качестве слухов⁸⁷⁵. Впрочем, Ю.Б. Циркин отмечает, что с точки зрения филологии имена родителей императора Максимиана Фракийца вполне могут быть подлинными, поскольку соответствуют правилам скифо-иранской и германской ономастики⁸⁷⁶, даже если в конкретном источнике они могут быть плодом воображения самого императора.

Получается, что сведения ономастики в этом случае дают следующее – имя Оронта определенно имеет иранское или персидское происхождение, имя Абаба – вероятно, аланское (т.е. сарматское)⁸⁷⁷. Как полагает В.П. Яйленко, Абаб мог быть представителем скифского или сарматского рода, который занимался торговлей с греческими, а именно ольвийскими купцами. В таком случае весьма конкретное наполнение получают слова из «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома о том, что после так называемой гетской экспансии⁸⁷⁸ конца I в. до н.э. Ольвия возрождается согласно желанию скифов⁸⁷⁹ в результате чего, по мнению античного автора, город «варваризируется»⁸⁸⁰ (Dio. Chr. XXXVI.4–5). При этом в ольвийских надписях с конца I / начала II вв. н.э. по 30-е гг. III вв. н.э. встречается множество имен

⁸⁷⁵ *Wiegels R.* Tribunus legionis III (Italicae)? Zu einer Notiz in der Historia Augusta und zur Vita des Maximinus Thrax vor seiner Kaisererhebung // *Klio*. 2012. Bd. 94. S. 440; *Syme R.* Emperors and biography. Oxf., 1971. P. 182; *Любжин А.И.* Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 357; *Vidman L.* Ababa und Αβαβος... S. 158.

⁸⁷⁶ *Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» в Римской империи. СПб., 2015. С. 39; ср.: *Altheim F.* Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1957. Bd. II. S. 294; *Belezza A.* Massimino il Trace. Genova, 1964. P. 22–28; *Lippold A.* Kommentar zur Vita Maximini Duo der Historia Augusta. Bonn, 1991. S. 204.

⁸⁷⁷ *Яйленко В.П.* История и эпиграфика... С. 563.

⁸⁷⁸ *Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Suppl. 3. Симферополь, 2007. С. 144; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 263–272. Согласно общепринятой точке зрения, Ольвия и ее округа были разорены или почти полностью уничтожены гетами и вплоть до конца I в. до н.э. здесь не прослеживается никаких следов жизни. Город возрождается не ранее конца I в. до н.э., а скорее всего – в первой четверти I в. н.э., что можно считать следствием исчезновения угрозы со стороны гетов.

⁸⁷⁹ О сарматизации региона см.: *Heinen H.* Antike am Rande... S. 61–65; *Hupei J.* Einleitung // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / J. Hupei (Hrsg.). Rahden; Westf., 2006. S. 12, 16–17; *Книпович Т.Н.* Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50. С. 119–153.

⁸⁸⁰ См. обстоятельный анализ этого фрагмента «Борисфенитской речи» у А.В. Подосинова (*Подосинов А.В.* Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии и эпиграфики // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. М., 2012. № 6. С. 21–52; ср.: *Hupei J.* Dion von Prusa zum Kult des Achilleus in Olbia // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / J. Hupei (Hrsg.). Rahden; Westf., 2006. S. 165–172.

варварского, преимущественно иранского происхождения – многие архонты стратеги и жрецы – т.е. представители полисной верхушки – имеют иранские, вероятно, сарматские имена⁸⁸¹. Кроме того, в период с 50-х по 80-е гг. н.э. сарматский царь Фарзой и его преемник Иненсимей чеканят золотые и серебряные монеты в Ольвии⁸⁸². Как подчеркивает С.Р. Тохтасьев, «по-прежнему остается единственно обоснованной концепция, согласно которой ольвиополиты-выходцы из северопричерноморской иранской среды были сарматского происхождения»⁸⁸³.

Основываясь на этом факте, В. Кожокару приходит к тому, что семья Абаба и Оронта могла происходить из среды так называемых *μῆσοβάρβαροι*⁸⁸⁴ и подняться до ольвийской знати именно в период между гетским завоеванием и восстановлением города⁸⁸⁵. По предположению некоторых авторов, население Ольвии в трудный для него период могло укрыться либо в других античных центрах, либо среди эллинизированного населения нижнеднепровских городищ⁸⁸⁶, а потому нельзя исключать, что отец Абаба, Каллисфен (IOSPE I² 181) мог жениться на представительнице сарматской знати, отсюда и иранские корни имени сына. Такая версия является не более чем предположением, однако весьма соответствует сложившейся ситуации, тем более что смешанные греко-варварские браки известны в Северном Причерноморье и в более ранний период⁸⁸⁷. Но эта гипотеза сталкивается с существенным препятствием – имя *Καλλισθένης* не встречается в Ольвии и других поли-

⁸⁸¹ Книпович Т.Н. Население Ольвии... С. 134; Тохтасьев С.Р. Иранские имена... С. 565–607; Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц в Ольвии I–III вв. н.э. // ВДИ. 1977. Вып. 4. С. 156–186; Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения... С. 86–95.

⁸⁸² Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.). Киев, 1982. С. 66–82; Карышковский П.О. Монеты Ольвии... С. 108–115; Анохин В.А. Монеты античных городов... С. 112 сл.; Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 67–71 и др.

⁸⁸³ Тохтасьев С.Р. Иранские имена... С. 606.

⁸⁸⁴ Casevitz M. Le vocabulaire du mélange démographique: mixobarbares et mixhellènes // *Origines gentium* / éd. V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux, 2001. P. 41–48.

⁸⁸⁵ Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia... P. 49–50.

⁸⁸⁶ Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 296; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 271.

⁸⁸⁷ См., напр., Hdt. IV.78; ср.: Ruscu L. Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre (Die Außenbeziehungen der griechischen Städte der rumänischen Schwarzküste). Cluj-Napoca, 2002. 51ff.

сах Северного Причерноморья в догесткий период⁸⁸⁸. Впервые Каллисфен упоминается в IOSPE I² 181, сообщающей о строительной деятельности его сына Абаба. В. Кожокару приводит второй возможный вариант появления Каллисфена в Ольвии – он мог переселиться сюда с берегов Западного и Южного Понта или из внепонтйской греческой или греко-семитской области⁸⁸⁹.

Так или иначе, о почетном положении Оронта и Абаба в среде ольвийской городской аристократии после гетского нашествия говорится в IOSPE I² 79. В тексте почетного декрета в честь Оронта подчеркиваются заслуги его отца: “ἀνδρὸς οὐ μόνον τὰς πατρίδος, ἀλλὰ καὶ σύνπαντος τοῦ Ποντικοῦ πρατιστεύσαντος ἔθνεος καὶ μέχρι τὰς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προκό<ψ>αντος”. При этом использование в надписи оборота *genetivus absolutus* (ἀνδρὸς и причастий πρατιστεύσαντος и προκό<ψ>αντος)⁸⁹⁰ говорит о том, что все перечисленные заслуги относятся именно к отцу Оронта, Абабу – «мужу первенствовавшему не только в отечестве, но и во всем Понтийском народе и возвысившемуся до известности Августам, а также принесшему много пользы и городу Византийцев в общественных нуждах и в покровительстве приезжавшему в торговую гавань» (IOSPE I² 79. пер. В.В. Латышева).

Примечательно, что именно в проксении Византия Абаб обозначен как μέχρι τὰς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προκό[ψ]αντος (возвысившийся до известности Августам), т.е. это первое упоминание эпитета σεβαστόγνωστος в эпиграфике Ольвии. Возникает вполне логичный вопрос – как μιζοβάρβαρος из среды провинциальной ольвийской аристократии мог возвыситься до известности Августам? По предположению В. Кожокару, Абаб мог получить это положение благодаря своему участию в посольстве либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия, для того чтобы заручиться поддержкой сильного союзника в борьбе против варварского окружения. Более того, будучи влиятельным человеком, он мог представлять римские интересы на своей родине⁸⁹¹. Ю.Г. Виноградов даже предполагает, что Абаб, возможно, занимал высо-

⁸⁸⁸ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 272.

⁸⁸⁹ Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia... S. 50.

⁸⁹⁰ Момент, требующий уточнения, поскольку некоторые авторы ошибочно приписывают деяния Абаба Оронту (Diehl E. Orontes 8 // RE. Bd. XVIII. Hbd. 1. Stuttgart, 1939. Sp. 1166).

⁸⁹¹ Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia... S. 46–48; Diehl E. Op. cit. Sp. 1166 (деяния Абаба ошибочно приписаны Оронту).

кий пост на службе императора⁸⁹². Однако в этом случае следовало бы ожидать соответствующего подтверждения в надписях. Поэтому в отсутствии надежных свидетельств источников все догадки исследователей являются лишь гипотетическими построениями. Единственный факт о политической деятельности Абаба, надежно зафиксированный в надписях, свидетельствует о его участии в возведении общественных построек. Так, надпись IOSPE I² 181 сообщает о строительстве портика, посвященного императорам Августу и Тиберию и народу: «Императору Кесарю, богу, сыну бога, Августу, величайшему верховному жрецу, отцу отечества и всего человеческого рода, и императору Августу, сыну бога, Тиберию Кесарю и народу Абаб, сын Каллисфена, из собственных средств посвятил портик» (IOSPE I² 181. пер. В.В. Латышева).

Фрагмент, на котором была размещена надпись, был найден в Очакове, поэтому место его расположения до вывоза из Ольвии остается неизвестным. Предполагаемая датировка – после 4 г. н.э., т.е. время, когда Тиберий был усыновлен Августом и получил имя *Tiberius Iulius Caesar*, а в надписи он обозначен именно Τιβέριος Καῖσαρ. Причем титул Тиберия в надписи – Αὐτοκράτωρ Σεβαστός, т.е. титул Императора Августа, что означает, что надпись могла быть сделана только после смерти Августа в 14 г. н.э.⁸⁹³. Возможным археологическим подтверждением существования этого сооружения с посвящением являются обнаруженные в юго-восточной части Верхнего города Ольвии остатки пятиколонного дорического портика, который авторы раскопок связывают с именем Абаба⁸⁹⁴. Существует расхожее мнение, что это посвящение Абаба и упоминание в нем римских императоров

⁸⁹² Vinogradov Ju.G. Olbia und Traian // Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997. S. 342.

⁸⁹³ Русяева А.С. Абаб, сын Каллисфена – политический деятель Ольвии Понтийской // АМА. 2002. Вып. 11. С. 182. А.И. Иванчик на основании рассмотрения титулатуры императора предлагает более точную датировку этой надписи – между 17 сентября 14 г., когда Тиберий получил титул Августа, и 10 марта 15 г., когда он стал великим понтификом (Иванчик А.И. Новое посвящение стратегов... С. 641).

⁸⁹⁴ Крапивина В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья / С.Б. Охотников (ред.). Одесса, 1997. С. 125. Интересной аналогией портику Абаба в Ольвии может являться храм в Истрии, построенный при жизни императора Августа (ISM I 146) (Pippidi D.M. Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft. B., 1962. Bd. 34. S. 151).

может свидетельствовать о том, что полисная элита возрожденной Ольвии могла таким образом демонстрировать свою лояльность римским императорам за содействие в их политической и экономической деятельности⁸⁹⁵. Однако кажется весьма сомнительным, что строительная деятельность на территории города проводилась без санкции гражданской общины⁸⁹⁶, тем более что третьим адресатом в IOSPE I² 181 является народ. Вероятно, к деятельности Абаба можно относить еще одну надпись – IOSPE I² 275, где В.П. Яйленко восстанавливает имя [Ἄ]βαβος, определяя ее как стихотворную эпитафию или же строительно-мемориальную надпись⁸⁹⁷: «<...> Абаб воздвиг (?) – весьма славный град и <...> статуя (рельеф) <...> любви <...> отца (?)<...>» (IOSPE I² 275. Чтение и перевод В.П. Яйленко).

Учитывая, что создание IOSPE I² 181, IOSPE I² 275 и соответственно строительные мероприятия Абаба относятся ко второй четверти I в. н.э., их можно связать с так называемым δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως, т.е. вторым основанием города, когда Ольвия, как и Истрия (ISM I 191; 193)⁸⁹⁸, заново отстраивалась после ликвидации гетской угрозы⁸⁹⁹. При этом граждане, финансирующие строительство, сравниваются с основателями города, как видно из эпиграфики Ольвии II в. н.э. (IOSPE I² 42; 43; 44)⁹⁰⁰. Интересную интерпретацию выражения δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως можно встретить у Л. Робера⁹⁰¹, который отождествляет «основателей города» с эвергетами, добившимися от римлян ряда привилегий политического порядка, при этом предложенная версия французского исследователя базируется на материалах греческого Афродизиаса. Похожие соображения уже на основе надписи из Фанагории были высказаны Х. Хайненом, который полагает, что в данном случае κτίστης мог вполне буквально относиться к деятельности политика как реставратора государственного

⁸⁹⁵ Яйленко В.П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / А.И. Павловская (отв. ред.). М., 1987. С. 73.

⁸⁹⁶ Vinogradov Ju. G. Olbia und Traian. S. 342.

⁸⁹⁷ Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 576–577.

⁸⁹⁸ Avram A. An Istrian Dedication to Leto // Cauldron of Ariantas / P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus, 2003. P. 318.

⁸⁹⁹ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 271–272.

⁹⁰⁰ Существует мнение, что под предками «основавшими город» в IOSPE I² 42 и IOSPE I² 43 может пониматься один из олигархических родов первых колонистов (Латышев В.В. Исследования об истории... С. 146), однако, как говорилось выше, имя Каллисфен не встречается в Ольвии до I в. н.э.

⁹⁰¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 271.

устройства и основателя новых построек или же в переносном смысле характеризовать его как благодетеля города. Он обосновывает связь между κτίστης и εὐεργέτης и рассматривает «основание города» как всеобъемлющую форму эвергетизма⁹⁰².

Получается, что эпитет σεβαστόγυνωστος восходит именно к Абабу, сыну Каллисфена, т.е. «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, возвысился до известности Августам. Остается не совсем понятным, требовали эта «известность» личного знакомства с римскими правящими кругами, поскольку источники не отражают этот момент, хотя, кажется, что подобное предприятие должно было быть запечатлено в камне. Вероятно, «известность» могла быть и не связана с личным знакомством, а ограничиваться лишь известностью тех или иных заслуг косвенным способом – сегодня наиболее популярной является точка зрения, согласно которой гражданин провинциального северопонтийского города мог получить этот эпитет благодаря своей деятельности в качестве посла либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия⁹⁰³. При этом очевидно, что известность Августам была лишь следствием политического возвышения провинциального рода, которое в дальнейшем будет проявляться в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44).

Стоит обратить внимание, что эпитет явно не мог передаваться по наследству – если Абаб был σεβαστόγυνωστος, то Оронт происходил от известного Августам отца (IOSPE I² 79), а Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сына Дада – «от знаменитых предков, известных Августам» (IOSPE I² 42; 43), т.е. эпитетом обладал только сам Абаб. Тем более, что источники не дают нам никакой информации о каких-либо контактах потомков Абаба с римской администрацией. Но если сам эпитет σεβαστόγυνωστος наследственным быть не мог, то память о былых достижениях предков передаваться в роду могла, по аналогии с тем, как память о принадлежно-

⁹⁰² Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester... S. 203.

⁹⁰³ Cojocaru V. Von Byzantion nach Olbia... S. 46–48; Chaniotis A. Political culture in the cities of the northern Black sea region in the “Long hellenistic age” (the epigraphic evidence) // The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions / V. Kozlovskaya (ed.). Cambr., 2017. P. 150.

сти к роду первооснователей сохранялась у греков в течение столетий⁹⁰⁴. Известность императору, как и следовало ожидать, считалась высокой честью и заслуживала быть увековеченной в камне, даже в случае, если такого положения достигли близкие родственники (как в случае с Оронтом) или предки (IOSPE I² 42 и 43).

Исходя из высказанных выше соображений можно заключить, что эпитет *σεβαστόγυνωστος* восходит к Абабу, сыну Каллисфена – представителю новой ольвийской аристократии, происходящему из среды *μυζοβάρβαροι*. Вероятно, он мог возвыситься в период *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως*, т.е. «второго основания» Ольвии в середине I в. н.э., когда город восстанавливался после ликвидации гетской угрозы, о чем свидетельствуют надписи о его строительной деятельности (IOSPE I² 181, IOSPE I² 275). Сведения эпиграфики позволяют говорить, что Абаб, «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, стал «известным Августам» и в широком смысле был для Ольвии эвергетом. Не вполне понятно, какими именно деяниями Абаб добился такого положения, но очевидно, что оно было лишь следствием политического возвышения провинциального рода. В дальнейшем представители этой семьи также подчеркивали почетный эпитет Абаба, отмечая, что их близкие родственники (IOSPE I² 79) или же предки (IOSPE I² 42; 43; 44) были известны римским императорам. При этом сам эпитет *σεβαστόγυνωστος* не был наследственным, но очевидно давал ряд преимуществ в политической жизни провинциального северопричерноморского города, что проявлялось в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44). Получается, что эпитет *σεβαστογυνώστος* использовался не представителями высшего слоя римского общества, а состоятельными провинциальными жителями или влиятельными лицами из регионов, включенных в сферу римских интересов. Кроме того, как было показано, *σεβαστόγυνωστος* не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

В почетных декретах II в. н.э. также содержится ряд упоминаний о контактах ольвиополитов с римскими властями. В одном из них встречается имя Карзоаза, сы-

⁹⁰⁴ *Graham A.J.* ΟΙΚΗΟΙ ΠΕΡΙΘΙΟΙ // *JHS. Oxf.*, 1964. Vol. 84. P. 73. Аристократические роды сохраняли генеалогическое древо на множество поколений.

на Аттала, о котором известно, что «и от пределов земли дошли свидетельства, что он подвергся опасности ради заключения дружбы и союза с Августами» (IOSPE I² 39; пер. В.В. Латышева с исправлениями Ю.Г. Виноградова). Несмотря на то, что первая публикация этого декрета состоялась более века назад⁹⁰⁵ и он неоднократно подвергался интерпретациям, чаще всего его рассматривали в контексте сарматского влияния на этнический состав ольвийского полиса в римский период⁹⁰⁶. Действительно, в ольвийских надписях конца I/начала II вв. н.э. до 30-х гг. III в. н.э. встречается множество имен варварского, преимущественно сарматского происхождения – многие архонты, стратеги и жрецы – т.е. представители полисной верхушки – имеют иранские, вероятно, сарматские имена⁹⁰⁷. В то же время биография самого Карзоаза, сына Аттала, в научной литературе изучена недостаточно.

О Карзоазе, сыне Аттала, мы узнаем из двух почетных декретов (IOSPE I² 39, IOSPE I² 169), датированных второй половиной II вв. н.э.⁹⁰⁸ Однако вторая надпись сохранилась лишь фрагментарно и предоставляет мало сведений – из нее узнаем только лишь, что Зорсан, сын Никерата, поставил этот декрет Карзоазу Атталову (IOSPE I² 169). Поэтому попытаемся проанализировать наиболее информативную IOSPE I² 39. Плита высотой около 1,5 м, на которой помещалась надпись, была найдена на ольвийском городище в 1871 г., после чего доставлена И.К. Суручаном в Музей древностей в Кишиневе, где ее позже смог изучить В.В. Латышев. Дальнейшая судьба надписи неизвестна.

Л. Уссинг, основываясь на упоминании Σεβαστῶν, отнес надпись ко времени правления Марка Аврелия и Луция Вера (161–169 гг.)⁹⁰⁹. Других источников о биографии Карзоаза нет. Ономастика позволяет сказать лишь, что и Карзоаз, и его

⁹⁰⁵ Henzen W. Instituto di corrispondenza archeologica. *Bulle ino dell'Instituto di corrispondenza archeologica*, Rome, 1876. P. 60–63.

⁹⁰⁶ Podossinov A.V. Barbarians and Greeks in the Northern Pontus in the Roman Period // *Ancient West and East*. 2009. № 8. P. 155. Ср. Forster F. R. Die Polis im Wandel: Ehrendekrete für eigene Bürger im Kontext der hellenistischen Polisgesellschaft. Göttingen, 2018. S. 352.

⁹⁰⁷ Книпович Т.Н. Население Ольвии... С. 134; Тохтасьев С.Р. Иранские имена... С. 565–607; Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц... С. 156–186; Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения... С. 86–95.

⁹⁰⁸ Podossinov A.V. Barbarians and Greeks... P. 155.

⁹⁰⁹ Ussing L. Græske indskrifter fra Olbia // *Oversigt over det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs*. Kjøbenhavn, 1881. S. 127; См. IOSPE I² C. 69.

отец Аттал носили имена иранского происхождения. Кроме того, в эпиграфике Ольвии нет упоминаний о семье и предках политика. Если обратиться к тексту почетного декрета, то можно сделать ряд наблюдений.

Во введении к почетному декрету ольвиополиты восхваляют Карзоаза как «мужа прекрасного, шедшего по следам государственной деятельности и стремившегося к жизни неукоризненной» (ἄνδρα καλῶς ἐπιβεβηκότα τοῖς τῆς πολιτείας ἔχνεσι κ αἰζηλώσαντα βίον ἀλοιδόρητον) (IOSPE I² 39, 3–5; пер. В.В. Латышева с исправлениями Ю.Г. Виноградова). При этом в самом тексте почетного декрета изложены основные моменты, связанные с политической жизнью Карзоаза. В строках 5–10 декрета содержится информация о пути Карзоаза в политику – ἐδοκίμασεν αὐτοῦ ἡ πεῖρα τοὺς κόπους – «опыт проверил его труды». При этом употребляется глагол δοκιμάζω, который в древнегреческом языке может означать ряд испытаний, которые должен был пройти гражданин, чтобы доказать, что он достоин занимать ту или иную государственную должность⁹¹⁰. Кроме того, дополнение κόπους, переводимое в общем смысле как «труд, бремя», в тексте надписи следует за глаголом ἐδοκίμασεν, приобретая в этом контексте негативную коннотацию и чаще всего связано с физическими трудностями». Эта мысль находит подтверждение в тексте декрета и далее – «в государственных нуждах Карзоаз, добровольно исполняя повинности, нес нежеланное бремя и, предупреждая поручение, доказывал целостность всякого выбора», т.е. доказывая каждый раз, преодолевая некоторые трудности, что его избрание на ту или иную государственную должность было удачным решением гражданского коллектива. Получается, что путь Карзоаза в политику был связан с его действиями на благо города, а не основывался на достижениях влиятельных предков. Глагол δοκιμάζω и его синонимы не встречаются больше нигде в ольвийском корпусе надписей, что может говорить об экстраординарности этого случая. Кроме того, в греческой эпиграфике глагол δοκιμάζω упоминается в контексте включения в число граждан иностранцев. Эпиграфические свидетельства подобной процедуры в этом контексте впервые встречаются в Афинах в надписи, датированной 318 г. до н.э., где говорится

⁹¹⁰ Hansen M.H. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology*. Oxf., 1991. P. 218–220; Feyel C. *Dokimasia: la place et le rôle de l'examen préliminaire dans les institutions des cites grecques*. Nancy, 2009.

о присвоении проксении эвбейцам Амфериту и Гераклеодору⁹¹¹. Подобная процедура неоднократно засвидетельствована в других полисах в эллинистический период⁹¹² и часто связана с событиями, когда было необходимо усилить гражданское коллектив за счет включения в его состав инородных групп населения⁹¹³.

II в. н.э. в истории Ольвии как раз был таким сложным периодом. Известно, что в конце I в. – начале II в. н.э. в Северном Причерноморье происходят события, которые сопровождаются активными боевыми действиями, о них свидетельствует то, что были оставлены почти все позднескифские поселения Северо-Западного Крыма – перестают существовать такие крупные населенные пункты, как Калос Лимен, Беляус, Южно-Донузлавское и многие другие⁹¹⁴. Затронуты были и территории Боспора – на азиатской части в этот же период горят и разрушаются поселения Патрей, Кучугуры, Красноармейское⁹¹⁵, Батарейка I и II⁹¹⁶. Вероятно, в преддверии какой-то опасности приходится восстанавливать или строить заново укрепления Горгииппии (КБН 1122). На европейской стороне Боспора в пожаре гибнет укрепленная усадьба у с. Михайловка⁹¹⁷. Если предположить, что все перечисленные разрушения были следствием одного исторического процесса, а не различных, но практически одновременных, то таким событием могло явиться какое-то передвижение сарматских племен. Это предположение не имеет надежного подтверждения в источниках, но в указанное время сарматы представляли собой единственную в Северном Причерноморье политическую силу, способную одновременно действовать на огромных территориях от Кавказского побережья Черного моря на востоке до Приднепровья и Побужья на западе. М.Б. Щукин выделил несколько волн сарматских миграций, одна из которых относится к интересующему

⁹¹¹ *Feyel C.* La dokimasia des nouveaux citoyens dans les cités grecques // *Revue des Études Grecques*. 2007. № 120–1. P. 28; *Feyel C.* Dokimasia... P. 222.

⁹¹² *Feyel C.* Dokimasia... P. 261–378.

⁹¹³ *Ibid.* P. 363.

⁹¹⁴ *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; *Храпунов И.Н.* О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 167.

⁹¹⁵ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 89.

⁹¹⁶ *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 184; *Сокольский Н.И.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. С. 114.

⁹¹⁷ *Петерс Б.Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 126.

нас периоду. Документируется она сарматскими погребениями, расположенными значительно западнее позднескифских поселений, в Молдавии и Румынии⁹¹⁸, однако сарматские захоронения конца I – начала II вв. н.э. зафиксированы и в Крыму. Вероятно, эти события могли найти отражение и в тексте декрета в честь Карзоаза.

После фрагмента о пути Карзоаза в политику в декрете следуют сведения о его деятельности в качестве полисного магистрата и посла. В строках 12–14 декрета упоминается, что всякий раз, когда его отечество (*patris*) обращалось к нему, он «подражая жизни лучших государственных деятелей, являлся юношеству примером» (μειμούμενο[ς] τῶν ἄριστα πολειτευομένων τὸν βίον) (IOSPE I² 39, 12–14). Получается, что Карзоаз оказывается вписан в гражданскую генеалогию города, и его заслуги восходят к добродетели достойных политиков прошлого, а не основаны на знатности и известности рода. В строке 15 Карзоаз описывается как гражданин, заслуживающий доверия (πιστῶς), трудолюбивый (πονικῶς) и решительный (ἀόκνως), т.е. обладающий качествами, определяющими его место в гражданском коллективе. Кроме того, надпись создает образ благодетеля, работающего на благо своего города, пользующегося широкой известностью у народа (ἐδοκίμασεν). Утверждается даже, что Карзоаз прожил свою жизнь для народа (δημόφελῶς), что позволяет в широком смысле охарактеризовать его как эвергета по отношению к гражданскому коллективу Ольвии.

Благодеяния Карзоаза распространялись не только на его сограждан. Он проявлял человеколюбие (φιανθρωπία) и «любовь к иноземцам» (φιλοξενία), «дух родства» (συνγενικὸν πάθος) (IOSPE I² 39, 21–23). В строках 22–23 текста говорится, что Карзоаз оказывал гостеприимство чужеземцам, посещавшим город, проявляя радушие, он обнаруживал к ним вполне родственные чувства (φιλοξενῶν συνγενικὸν πάθος ἐπεδείκνυτο)⁹¹⁹. Термин φιανθρωπία, как и φιλοξενέω, несомненно, относится к римским гражданам, которые посещали и проживали в городе, а также к жителям других греческих городов Понтийского региона и за его пределами – и, в более об-

⁹¹⁸ Щукин М.Б. К истории Нижнего Приднепровья в первые века н.э. // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 50.

⁹¹⁹ Chaniotis A. Political culture in the cities of the northern Black sea region in the “Long hellenistic age” (the epigraphic evidence) // The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions / V. Kozlovskaya (ed.). Cambr., 2017. P. 159.

щем плане, ко всем получателям *φιανθρωπία* Карзоаза, которые не были гражданами Ольвии. Однако эти термины имели особое значение в той части греческого мира, которая имела тесные связи с коренным населением, особенно когда почетным лицом был тот, кто был связан с этими общинами⁹²⁰.

Отсюда следует еще один важный факт биографии Карзоазоса. В строках 15–17 упоминается, что Карзоаз «исполнял поручения в посольствах к соседним царям» (*ἀόκνως τὰ ἐπ[ι]τασσόμενα каторθούμενος ἐν ταῖς πρὸς τοὺς γεινιῶν τας βασιλέας πρεσβείαις*). Вероятно, это были варварские скифские и сарматские цари⁹²¹, хотя нельзя отрицать, что здесь могли подразумеваться и цари Боспорского царства⁹²². Однако гораздо большее значение имело посольство Карзоаза к римским императорам. В строках 26–28 упоминается, что «и от пределов земли дошли свидетельства, что он подвергся опасности ради заключения дружбы и союза с Августами» (*ἀλλὰ καὶ περάτων γῆς ἐμαρτυρήθη τοὺς ὑπὲρ φιλίας κινδύνους μέχρι Σεβαστῶν συμμαχία παραβολευσάμενος*). По этому поводу следует сделать ряд комментариев. Выражение *περάτων γῆς*, буквально «от пределов земли», обозначает пределы известности Карзоаза от Скифии, где расположена Ольвия, до Рима⁹²³. *Σεβαστῶν* может относиться к императорам 161–169 гг. н.э. – Марку Аврелию и Луцию Вету⁹²⁴. Если это так, то *συμμαχία*, упомянутая в строке 28, есть союз Ольвии и Рима, заключенный Карзоазом, путешествовавшим к императорам в Рим. Согласно толкованию М.И. Ростовцева, речь идет о посольстве Карзоаза в Рим для ходатайствования перед императором о получении Ольвией статуса дружественного и союзного с римлянами полиса (*amica et foederata civitas populi Romani*). В. Яйленко отмечает в этой связи, что к этому времени в Ольвии в деятельности отдельных олигархов вроде Карзоаза возобладали тенденции к союзу с Римом (*συμμαχία*), и именно они обратились к Антонину Пию, который послал армию помочь ольвиополитам, чтобы нападавшие тавро-

⁹²⁰ *Dakin E.* The honorary decree for Karzoazos, son of Attalos (IOSPE I² 39). A Monument for a “new man?” // *The Black Sea region in the context of the Roman Empire: international symposium dedicated in memory of Victor I. Sarianidi* (Athens 5–8 may 2016). 2022. P. 406.

⁹²¹ *Яйленко В.П.* История и эпиграфика... С. 601.

⁹²² *Dakin E.* Op. cit. P. 407.

⁹²³ *Яйленко В.П.* История и эпиграфика... С. 595.

⁹²⁴ Там же. P. 596.

скифы были разбиты⁹²⁵. Сходные по смыслу события отражены и в более раннем ольвийском декрете в честь Дадага, сына Падага, который «участвовал в посольстве к гегемонам..., когда над городом нависла большая и тяжелая опасность» (НО № 42). Данные эпиграфики согласуются с результатами археологических исследований – на всех укрепленных поселениях ольвийской округи зафиксированы следы пожаров и разрушений, которые произошли около середины II в. н.э.⁹²⁶ Еще один интересный момент связан с упоминанием слова φιλία, т.е. дружбы, в этом контексте – дружбы с римскими императорами. Вероятно, Карзоаз способствовал установлению дружбы с римскими императорами, а также был послом при заключении какого-то союза, оставшегося нам неизвестным.

Обозначенные выше моменты можно резюмировать следующим образом. Прежде всего, известно, что в декретах в честь политиков Ольвии римского периода всегда упоминаются заслуги и добродетели предков, от которых они происходили⁹²⁷. Соответственно, можно предположить, что род Карзоаза не занимал высокого положения в городе, поэтому в тексте надписи о нем не упоминается. Кроме того, использование глагола δοκίμαζω предполагает, что семья Карзоаза сравнительно недавно вошла в состав граждан. Карзоаз был в политическом плане *homines novi*, чьи предки никогда не исполняли полисных магистратур. Во-вторых, иранское происхождение имени Карзоаз и его отца может указывать на то, что род мог возвыситься из числа μιξέλληνοί, т.е. варваров, эллинизированных населением Ольвии, восстановленной после нашествия гетов в I веке нашей эры. Более того, роль Карзоаза как полисного магистрата требовала, чтобы он был богатым человеком. О том, что так оно и было, свидетельствуют упоминания о деятельности Карзоаза на благо города. Особенно это относилось к участию в посольствах, поскольку расходы на подобные поездки, особенно к императорам, могли себе позволить только состоятельные лю-

⁹²⁵ Яйленко В.П. История и эпиграфика... С. 596.

⁹²⁶ Буйских С.Б., Иевлев М.М. О топографии городищ нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 72–73.

⁹²⁷ Ср. почетные указы в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IOSPE I² 42), и Каллисфена, сына Дада (IOSPE I² 43) и др.

ди⁹²⁸. Получается, что, будучи ольвийским магистратом и эвергетом, Карзоаз способствовал установлению отношений *amicitia Caesaris et populi Romani* в форме неизвестного нам союза, который, вероятно, предполагал оказание римскими властями некоторого содействия в борьбе ольвиополитов с сарматскими племенами.

3.3. Боспорские σεβαστόγυνωστοι: между Римом и местной традицией

В эпиграфике Боспорского царства эпитет σεβαστόγυνωστος встречается только в двух надписях – КБН 58 (249 г. н.э.) и КБН 64 (306 г. н.э.). Первым из известных по боспорским надписям σεβαστόγυνωστος был Аврелий Родон, сын Лоллия, хилиарх и римский всадник (ἱππεὺς Ῥωμαίων), надпись в честь которого датирована 249 г. н.э. (КБН 58). Римские преномен и номен – (Марк) Аврелий. Римское гражданство, а с ним и римское имя, могли быть получены (Марком) Аврелием Родоном при императоре Каракалле между 212–217 гг. н.э. Принятие римского гражданства представителями аристократических родов греческого Востока после эдикта Каракаллы 212 г. н.э. зачастую было связано с их службой в римской армии⁹²⁹. ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας сообщает о должности Аврелия Родона – «начальник царской резиденции». Хилиарх – его воинское звание. Вслед за другими авторами издатели КБН понимали χειλίαρχος как боспорский военную и придворную должность⁹³⁰. Судя по этой надписи, римский всадник, вероятно, занимал высокое положение в боспорской административно-политической иерархии, однако остается не вполне понятным, какие именно благодеяния позволили ему возвыситься до известности императору.

Вторая боспорская надпись, содержащая эпитет σεβαστόγυνωστος – КБН 64. Это строительная надпись, датированная 306/307 г. н.э., поставленная от имени Аврелия Валерия Сога, который по обету выстроил молельню (ἡ προσευχή⁹³¹) Богу Высочайшему. Надпись находилась на высокой мраморной плите, оббитой сверху, и была вы-

⁹²⁸ Chaniotis A. Op. cit. P. 150.

⁹²⁹ Ramsay W. Op. cit. P. 6–8; Кудрявцев О.В. Эллинические провинции Балканского полуострова в II в. н.э. М., 1954. С. 225–226.

⁹³⁰ КБН. С. 66.

⁹³¹ Словом προσευχή всегда обозначались иудейские молельни. См.: Levinskaya I. A Jewish or Gentile Prayer House? The Meaning of ΠΡΟΣΕΥΧΗ // Tyndale Bulletin. 1990. Vol. 1. P. 154–159.

бита по тонким линиям⁹³². Текст надписи сообщает об Аврелии Валерии Соге, что он «военачальник Феодосии, почтенный известностью августам от Диоклетиана до Максимиана, он же прозванный в епархии Олимпианом, долго отсутствовавший и оставшийся на чужбине 16 лет и много бед испытывший...»⁹³³. На камне σεβαστόγυνωστον – аккузатив, исправленный издателями как ошибка в окончании слова на номинатив. В.А. Сидоренко полагает, что употребление в данном случае аккузатива является допустимым, если связанное причастием σεβαστόγυνωστον τετιμηθεὶς ὑπὸ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ означало «почтенный известностью августам от Диоклетиана и Максимиана». Таким образом, оборот выражал назначение Аврелия Валерия Сога на должность ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας<ς> римскими императорами Диоклетианом и Максимианом. В.Ф. Гайдукевич полагал, что отсутствие Сога на родине было связано с его пребыванием вдали от Боспора. Преномен и номен (Марка) Аврелия Сога совпадают с преноменом и номеном императора Максимиана (*Marcus Aurelius Valerius Maximianus*⁹³⁴), но последний сам получил свое родовое имя от Клавдия (*Marcus Aurelius Valerius Claudius*), а в период тетрархии гражданским преномен-номен было принято *Gaius Valerius*. Таким образом римское гражданство могло быть получено Согом при Клавдии II (268–270 гг. н.э.). Можно предполагать, что римское гражданство Сог получил, находясь на военной службе на чужбине, тем более что в 268–270 гг. н.э. пребывание римских подразделений в Таврике не обнаруживается.

Помимо обозначенных надписей, происходящих с берегов Северного Понта, существует еще три надписи с эпитетом σεβαστόγυνωστος, которые происходят с территории Малой Азии – это Пруса на Гипии и Пруса Олимпийская, т.е. территории римской провинции Вифиния и Понт (I. Prusa ad Olympron 21 – 138–161 гг. н.э., I. Prusias Nuriūm 7 – 212 г. н.э. и 11 – 219–221 гг. н.э.). Надписи датируются концом II – серединой III вв. н.э. (т.е. тем же периодом, что и надписи Ольвии и КБН 58) и посвящены Поплию Неоптолему, который исполнял должность агоранома, а также Марку Домицию Паулину и Марку Аврерию Асклепиаду, которые были филархами.

⁹³² Бехтер А.П. Указ. соч. С. 71.

⁹³³ Пер. по: Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н.э. // БИ. 2001. Вып. 1. С. 142.

⁹³⁴ В дальнейшем те же преномен и номен у Максенция: *Marcus Aurelius Valerius Maxentius* (Groag E. Maxentius // RE. Bd. XIV. Hbd. 2. 1930. Sp. 2417 ff.).

В этой связи следует отметить, что в конце II – середине III вв. н.э. Боспор продолжал поддерживать широкие сношения с Южным Причерноморьем. Города Малой Азии, извлекавшие не мало выгод от торгового обмена с Боспором, неоднократно выражают в это время благодарность боспорским царям за их заботу о развитии торговли. Известно, что Рескупорид II поддерживал контакты с провинцией Вифиния-Понт, в ведении администрации которой находился ранее Боспор. Вероятно, именно этим объясняется тот факт, что города Амастрия и Пруса в 221–223 гг. н.э. поставили в его честь статуи через своих послов – Аврелия Элия Элиана, Дионисия и Марка Аврелия Маркиана (КБН 54, 55, 953). Причем Марк Аврелий Маркиан был «первым архонтом блистательнейшего города Прусы» (КБН 953). Малоазийское влияние на культуру боспорского населения прослеживается в гораздо большей степени, чем это можно было ожидать от торговых связей. Вероятно, не последнее место в развитии контактов занимало и переселение жителей городов Южного Причерноморья на Боспор. Приток населения не прекращался на протяжении всех первых веков. Переселенцев привлекала главным образом столица государства – Пантикапей. Вместе с тем область проживания выходцев из Малой Азии не ограничивалась Пантикапеем. К примеру, на Боспоре малоазийские переселенцы зафиксированы среди жителей поселения Фронтное II. Обнаружено два надгробия с именами малоазийского происхождения⁹³⁵. Датируются они II – началом III в. н.э.

Этот краткий обзор надписей Северного Причерноморья с эпитетом *σεβαστό-υωτος* позволяет сделать ряд наблюдений. Дошедшие до нас надписи из Ольвии, датирующиеся рубежом II – III вв. н.э., упоминают, что Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сын Дада, принадлежали к известному с начала I в. н.э. знатному роду, представитель которого был известен Августам и совершил множество благодеяний для своего отечества, а именно активно финансировал строительство и, вероятно, мог участвовать в посольствах к римским императорам или, скорее всего, к римским наместникам провинции Мезия. При этом важно отметить, что конструкция, содержащая сведения об известности Августам, была впервые в эпиграфике Северного

⁹³⁵ Корпусова В.Н. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 143; Яйленко В. П. Малоазийские имена... С. 69–70.

Причерноморья использована в почетном декрете, поставленном в честь его сына Оронта гражданами Византия, что свидетельствует об изначальном малоазийском происхождении указанной языковой формулы. К этому можно добавить и декрет в честь Карзоаза, сына Аттала, который «поддерживал союзников даже до Августов». При этом имя адресата надписи, а также его отца, говорит нам об их возможном малоазийском происхождении, что вполне соответствует общим тенденциям, сложившимся в регионе в указанное время – широкие сношения с Южным Причерноморьем неоднократно подтверждены как данными эпиграфики, так и данными археологии. Поэтому можно осторожно предположить, что последняя надпись была поставлена народом Ольвии в честь переселившегося сюда с территории Южного Причерноморья Карзоаза или по крайней мере имевшего некоторые связи с этим регионом. Однако остается не совсем понятным, требовала ли эта «известность» личного знакомства с римскими правящими кругами, поскольку источники не отражают этот момент, хотя, кажется, что подобное предприятие должно было запечатлеться в камне. Вероятно, «известность» могла быть и не связана с личным знакомством, а ограничиваться лишь известностью тех или иных заслуг косвенным способом – сегодня наиболее популярной является точка зрения, согласно которой гражданин провинциального северопонтийского города мог получить этот эпитет благодаря своей деятельности в качестве посла либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия. При этом очевидно, что известность Августам была лишь следствием политического возвышения провинциального рода, которое в дальнейшем будет воплощаться в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44).

Боспорские надписи, датирующиеся второй половиной III – началом IV в. сообщают о двух боспорских должностных лицах, которые имели римские имена и, вероятно, римское гражданство – наместник Феодосии Аврелий Валерий Сог, «находившийся в отсутствии и остававшийся на чужбине 16 лет и много бед испытывавший», использовал имена своих покровителей – Диоклетиана и Максимиана, а Марк Аврелий Родон, будучи римским всадником, мог принять имя императора Каракаллы. При этом декрет в честь последнего был поставлен неким Аврелием

Цельсом, который, как указано, происходил из Гераклеи. Употребление слова σεβαστόγνωστος происходит вместе с указанием других эпитетов и почетных имен (например, КБН 58: τὸν σεβαστόγνωστον Αὐρήλιον Ῥόδωνα Λολλαίου, τὸν ἐπὶ τῆς βασιλ[ε]ίας κ<α>ὶ χειλίαρχον καὶ ἱππέα Ῥωμαίων). Учитывая активные взаимодействия и многочисленные посвящения боспорским царям от имени граждан городов провинции Вифиния в это время, а также схожие по конструкции надписи из этого региона, можно предположить, что указанные боспорские надписи были созданы под влиянием малоазийских традиций подобных посвящений. Обращает на себя внимание и тот факт, что эпитет σεβαστόγνωστος встречается только в надписях Северного Причерноморья и Вифинии в период с конца II – по начало IV в., что позволяет говорить о нем, как о региональной лексической традиции. При этом не вполне правомерно рассматривать его как вариацию наиболее распространенных эпитетов φίλος σεβαστος – ὁ φίλος τοῦ Σεβαστοῦ – *amicus Augusti*, поскольку в Малой Азии σεβαστόγνωστος употребляется вместе с φίλος σεβαστος⁹³⁶. Показательно, что слово φίλος σεβαστος отсутствует не только в Ольвии и Боспоре, но и в Вифинии. Кроме того, эпитеты имеют совершенно разное значение, поскольку восходят к различным понятиям – φίλια и γνῶσις. Суммируя изложенные выше соображения, можно заключить, что эпитет σεβαστόγνωστος предполагал известность заслуг тех или иных деятелей не самим римским императорам, а скорее представителям римской власти в провинциях, в данном случае Мезии и Вифинии. Это могла быть их служба в римской армии, участие в посольствах, а также содействие в создании и поддержании ранее сложившихся экономических связей.

⁹³⁶ IGR III. 777. 1215 и 1216.

Заключение

В заключении представляется возможным сделать ряд выводов о римской внешнеполитической *amicitia* и особенностях ее применения на периферии античного мира – в Северном Причерноморье.

В первую очередь, следует сказать несколько слов о самой *amicitia* в римской дипломатии. Безусловно, вопрос этот весьма сложный и многогранный, о чем недвусмысленно говорит регулярно пополняющийся список статей и монографий по соответствующей тематике. Конечно, автор диссертации не ставил перед собой тщеславную задачу дать ответы на все существующие в историографии споры; в первой главе была предпринята лишь скромная попытка обозначить некоторые имеющиеся в среде исследователей точки зрения об *amicitia* для того, чтобы попробовать перенести эти наработки на берега Северного Понта. Оговорюсь, что основные тезисы были восприняты из работ Э. Грюэна, Д. Браунда, П. Бертон, Х. Хайнена и А. Чошкуна, на что указывают соответствующие ссылки. В грубом и конспективном виде *amicitia* можно охарактеризовать следующим образом.

Начиная с III в. до н.э. определяющими элементами внешней политики Рима становятся отношения *amicitia populi Romani*, которые по общему определению представляют собой результат невраждебных связей Рима и иностранного государства. Подобные неформальные и внеправовые отношения могут быть обозначены как основное средство включения средиземноморского мира в римское государство и общество, когда Рим распространял свое влияние и дипломатические «узы дружбы» без официального присоединения территорий к *orbis Romanum*. Постепенно подобная дружба становится удобным инструментом для установления контроля надо всем средиземноморским регионом и, видоизменяясь, существует как политический институт вплоть до IV в. н.э., как, к примеру, в случае с Боспорским царством. При этом обнаружить *amici populi Romani* и *amici Caesaris* можно на территориях по ту сторону Рейна, Дуная и Ефрата вплоть до поздней античности.

Надо сказать, что *amicitia* не была изобретением римских дипломатов; во многом она была основана на греческой *φιλία*, которая представляла собой важную форму межгосударственных отношений задолго до прихода римлян, которые пере-

осмыслили эллинистические образцы в своих интересах. Тем не менее, *amicitia* сохраняла свое первоначальное значение согласно греческой традиции. При этом нередко встречающиеся в источниках понятия *socii et amici*, *societas*, *amicitia*, φίλια, φίλος καὶ σύμμαχος не являются показателем существования формального договора между двумя государствами. Дружба и союзный договор не были равнозначны – одно могло существовать без другого (дружба без договора и наоборот); хотя в отдельных случаях *amicitia* могла привести к заключению союзного соглашения, сама по себе она, как правило, не влекла за собой конкретных союзных обязательств. В римской системе внешнеполитических отношений не существовало понятия нейтралитета, поэтому противоположностью *amicitia* была *inimicitia*, которую в русском переводе лучше передавать именно как «недружба», а не «вражда».

В греко-римских межгосударственных отношениях дружба (φιλία / *amicitia*) была центральной формой дипломатии – между государствами, полисами или отдельными политическими деятелями. Дружба воспринималась как отношения, которые устанавливались в ответ на проявленную в прошлом и ожидаемую в будущем доброжелательность (εὖνοια / *salus*) и верность (πίστις / *fides*) – добродетели, которые регулярно подчеркивались и греческой, и римской сторонами. Демонстрация этих моральных качеств или их последовательное проявление в прошлом (προαίρεσις) вознаграждались со стороны римлян благодеяниями (φιανθρωπία, εὐεργεσία / *beneficia*) и благодарностью (χάρις / *gratia*), такими как дарование свободы, неприкосновенности, защиты, материальной помощи, содействие в решении земельных споров, освобождение от налогов и прочего, что рассматривалось как проявление римской εὖνοια и свидетельство ее ἀρετή. Греки, со своей стороны, прославляли римский народ как благодетеля (εὐεργέτης) и спасителя (σωτήρ) – как отдельных городов, так и всего эллинского мира (κοῖνοι εὐεργεταὶ καὶ σωτῆρες). Со временем, в период Поздней республики, акценты несколько сместились: все большую роль в политической жизни стали играть отдельные римляне, действовавшие от лица государства. Это проявлялось в том, что конкретный человек именовался покровителем (πάτρων / *patronus*) города, проявившего доброжелательность и верность. При этом даже *civitates liberae* – формально независимые города – фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему

статусу «друзей». Однако следующие из отношений *amicitia* ожидания и обязательства сторон регулировались моралью (*fides*), а не законом.

Amicitia в греко-римских отношениях была тесно связана с более широкой темой соотношения полисной свободы и римской гегемонии. Но понятия ἡγεμονία и ἐλευθερία не противоречили друг другу – зарождающееся представление о дружбе как об отношениях с гегемоном не нарушало традиционных норм φιλία, а развивалось в рамках понятий о взаимной поддержке и моральной обязанности. Следуя этим представлениям, римская ἡγεμονία часто преподносилась как проявление доброй воли по отношению к греческим друзьям, а верность полисов Риму – как моральное обязательство, долг перед другом. Греческие полисы, вставшие на сторону Рима, теперь сражались ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας, и при этом римская гегемония ставилась в один ряд с идеей общей свободы греков, даже когда на деле речь шла о политической необходимости, ведь отказ поддержать Рим мог иметь серьезные последствия. Но публично подобные решения преподносились как выражение воли народа – действия независимого полиса, руководствующегося моральным долгом и нормами традиционной φιλία, а не страхом перед могущественным союзником.

Постепенно формируется не только граница Римской империи и ее территориальный состав, но и идеология, основанная на взаимовыгодных отношениях между ее составляющими частями, которую Цицерон выразит фразой: «можно... с большим основанием говорить о нашем покровительстве над всеми странами, а не о нашем владычестве» (Cic. de off. 2.27). В орбиту *Pax Romana* попадали племена и народы варварской периферии – на слуху у римлян, чем дальше, тем больше, появлялось множество племенных названий и топонимов: адиабены, албаны, бастарны, харида, сабеи, индийцы, скифы, сарматы, иверы, британцы, маркоманы, парфяне, мидяне и многие другие. Судя по сообщениям античных авторов, некоторые из этих народов и племен обращались к римским магистратам и императорам, стремясь установить дружественные отношения. С римской точки зрения, подобные посольства, неформальные отношения дружбы или даже внешние выражения почтения делали те или иные племена и народы частью римского мира. Римские императоры воспринимались как владыки, умиротворители и попечители всей ойку-

мены, что часто отображалось в посвящениях им. С римской точки зрения, если какой-либо царь или народ был когда-либо побежден Римом или заключил с ним союз, то он уже становился частью Империи. В этом смысле они действительно создали, по выражению Вергилия, *imperium sine fine*.

Для варварских царей *amicitia* с римским народом и императором, безусловно, была неким статусом, который они зачастую подчеркивали официальными титулами *amicus Caesaris et populi Romani* или φιλόκαισαρ и φιλορῶμαιος. При этом римские магистраты и императоры никогда не использовали подобных определений для обозначения своих невраждебных отношений с другими правителями и народами. Необходимо отметить, что отношения внешнеполитической дружбы с Римом, вероятно, не всегда отражались в почетных титулах – как было показано в первой и второй главах этого текста, отношения *amicitia* могли существовать и без принятия формальных титулов. Очевидно, что в римском утверждении нуждался статуса друга вообще, а воплощаться в пропаганде того или иного варварского династа он мог по-разному в зависимости от региона.

Надо сказать, что в римском мире существовали некоторые универсальные инструменты и методы, с помощью которых отношения *amicitia* устанавливались между народами и государствами. Как правило, статус друга приобретался или подтверждался с помощью послов, которых правители и города направляли в Рим. Однако в ряде случаев дружественные цари приезжали в столицу Империи лично, а некоторые даже воспитывали там своих детей, однако нельзя говорить об этом как об обязательной практике. Все это укрепляло связи между императорским домом и царскими семьями, создавая долгосрочные отношения, которые оказывались особенно полезными в периоды политических кризисов. Ключевой частью римской дружбы был обмен дарами и благодеяниями (*munera* и *beneficia*), наряду с демонстрацией *fides* и *gratia* – римские правители, варварские династы и эллинистические города отправляли друг другу различные подарки и обменивались значимыми для сторон *amicitia* услугами, формально подтверждая благие и невраждебные намерения. Римские императоры направляли различного рода субсидии иностранным царям, а те в свою очередь могли оказывать им содействие в проведении военных кампаний. В

ряде случаев можно встретить ситуации, когда римские императоры либо даровали царей варварским народам, либо позволяли им выбирать своих, что нашло отражение в иконографии монет типа *rex datus* со сценами инвеституры ставленников Рима, которые, очевидно, имели явное пропагандистское значение. Выражение личной признательности царей Риму, как воплощение их *gratia*, часто принимало форму символических жестов, направленных на то, чтобы подчеркнуть преданность Риму и его правителю. Это могли быть основания и переименования городов в честь римских военачальников и императоров (примеры из Иудеи, Понта и с Боспора), установка статуй и посвящений, строительство храмов.

Дружеские отношения с другими государствами, хотя и рассматривались римлянами сквозь призму собственных интересов, все же не были пустым звуком. *Amicitia* предполагала установление некоторых обязательств для каждой из сторон – как правило экономического и внешнеполитического характера. В рамках отношений дружбы уместной и естественной считалась торговля – имущественные интересы друзей Рима охранялись разветвленной сетью таможенных пунктов от Египта и Сирии до северных берегов Галлии. Признание имущественных и торговых прав *amici* подразумевало также их право на вооруженную защиту этих интересов. Земли правителей, считавшихся надежными друзьями Рима, были защищены от произвольного размещения на них войск извне. Дислокация римской армии на территории иноземного правителя свидетельствовало о внешне- или внутривнутриполитической нестабильности – будь то произвол соседнего царя или варварского племени или же династические распри. Внешнеполитическая стабильность, обеспечиваемая властью дружественного царя, в случае внутренних кризисов становилась зоной ответственности Рима – если друг Рима утрачивал способность управлять своей территорией, вмешательство императора и сената становилось необходимым. Так, Август назначал опекунов (*tutor*, ἐπίτροπος) малолетним правителям или брал под свое управление дела тех, кто впадал в безумие. Друг Рима формально не был подданным, но был обязан разделять не только интересы, но и тяготы своего римского *amicus*. Друг не мог вести войну против другого римского *amicus* – таким образом обеспечивалась гарантия безопасности всем участникам римской

дружбы; хотя достаточно часто встречались случаи, когда зависимые правители и города втягивали Рим в свои междоусобицы. В результате признания *imperium maiestatemque populi Romani* выстраивалась система авторитарного, но формально равного международного порядка вокруг Средиземноморья. Нарушение условий *amicitia* вело к утрате *fides* – важнейшего основания дружественных отношений с Римом, а отказ друга соблюдать принципы *amicitia* практически неизбежно вел к конфликту. Эти методы оставались актуальными для отношений Рима с иностранными государствами вплоть до IV в. н.э.

Однако *amicitia* нельзя рассматривать ни как неизменно данную, ни как рационально predetermined составляющую международных отношений античности – очевидно, что она трансформировалась по ходу развития римской государственности. Так, начиная со второй четверти I в. н.э., античные авторы все чаще сообщают о внешнеполитической дружбе не с римским народом в целом, а с конкретными римскими политиками – Суллой, Помпеем, Цезарем или Августом. Эти изменения стали особенно заметны с приходом к власти Октавиана Августа – если ранее иностранные правители стремились заручиться поддержкой влиятельных римлян, то теперь центром власти в Империи стал принцепс. Император отныне выступал как представитель Рима, который выстраивал дружественные отношения с народами, проявившими *fides* и пожелавшими получить статус друзей Рима. Эта система позже получит отражение в титулатуре дружественных царей, где на рубеже эр к *φίλοςοῦμος* прибавляется еще и *φίλοςκαίσαρ*, демонстрируя, что тот или иной правитель теперь является официально признанным другом сената, римского народа и императора. Однако нельзя сказать, что принцепс единолично распоряжался вопросами *amicitia* – внешняя политика находилась в ведении сената, и именно сенат предоставлял тем или иным народам или правителям статус друга римского народа и принимал послов (яркий пример – указание на *senatus consultum* на монетах типа *rex datus*). Однако реальный центр власти постепенно смещался к принцепсу – неотъемлемой частью его деятельности стали связи с царями, династами и декархами. При всем этом подобные отношения не всегда выражались титулом *φίλοςκαίσαρ* – как показывают надписи из разных регионов эллинистического мира, существовали региональные вариации титула «друг

императора» – φίλοκλαύδιος, φίλογερμανικός, φίλοσέβαστος, φίλονέρων, которые могли изменяться в зависимости от смены правителя на римском престоле. Видимо, можно говорить о том, что титулатура дружественных царей не была строго установленной конструкцией – в согласовании с римской администрацией нуждался статус друга в целом, а его региональные воплощения на монетах и в надписях зависели от местных традиций. Отношения *amicitia* были универсальным инструментом римской дипломатии, однако в каждом регионе существовали свои особенности их демонстрации.

Начиная с I в. до н.э. отношения *amicitia* распространяются на территорию Северного Причерноморья, в особенности на Боспорское царство, титулатура правителей которого часто содержит определения φλόκαισαρ и φιλорώμαιος. Специфика заключается в том, что Северное Причерноморье являлось своеобразной зоной контактов между античной цивилизацией и варварским миром; оно, даже став зависимым от Рима, не было превращено в провинцию, а осталось особым формированием на границах Империи. Римлянам в Северном Причерноморье пришлось быть втянутыми в сложный узел социально-политических противоречий, обусловленных, прежде всего, противоборством интересов греческих городов и скифо-сарматских племен. Отчасти именно поэтому этот регион нельзя целиком уместить ни в одну из стандартных моделей (если о каком-то стандарте здесь вообще можно говорить) взаимоотношений Рима с зависимыми от него государствами, в чем и состоит его уникальность.

В целом можно сказать, что дружественные отношения в Северном Причерноморье выстраивались сторонами с помощью вполне стандартных приемов и методов римской *amicitia* – взаимные дары и благодеяния (субсидии, содействие императоров в делах экономических и политических), благодарности неримской стороны в виде многочисленных посвящений, статуй, храмов, переименований городов, а также посольства граждан полисов к «гегемонам» и поездки боспорских царей в Рим. Однако, судя по всему, дружественные отношения выстраивались в этом регионе в двух направлениях – в одной стороны это *amicitia* с боспорскими царями и влиятельными политиками городов Северного Причерноморья, а с другой – с формально независимыми в разные периоды *civitates liberae*, такими как Херсонес и Фанагория, которые фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему стату-

су друзей. В этой работе были рассмотрены дружественные отношения Рима с конкретными историческими фигурами; к сожалению, изучение вопроса целиком по объективным причинам не может уложиться в рамки кандидатской диссертации, поэтому автор позволил себе оставить вторую часть темы для дальнейших исследований. При этом и *amicitia* с конкретными политиками северопричерноморского региона также можно разделить на две большие части – это дружба царей Боспора с императором и римским народом (титуты $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ – глава 2), и знакомство знатных ольвийских и боспорских политических деятелей с римским императором (эпитет $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ – глава 3). На основе проведенного исследования попытаюсь поочередно обозначить выводы по этим двум пунктам.

На основании анализа титулатуры и монетной чеканки царей Боспора можно выделить пять этапов в развитии дружественных отношений между римскими и боспорскими правителями. Начало первого этапа можно условно определить смертью Митридата VI Евпатора, когда его потомки, оказавшись в фарватере римской политики, предстали перед выбором дальнейшего пути развития. Ставка была сделана на *amicitia* с Римом, которую впервые в истории Боспора устанавливают Махар и Фарнак. В это беспокойное и для Северного Причерноморья, и для Рима в целом время инициаторами создания дружественных отношений становятся боспорские правители – упомянутые сыновья Митридата VI, Асандр и Динамия, которые, проявляя свою *fides*, посылают римским военачальникам и императорам дары и совершают разного рода благодеяния, подтверждающие их невраждебные намерения по отношению к римской власти. Именно в этот период впервые в боспорской эпиграфике появляется титул $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ – другом Рима в надписях именуется сначала Фарнак, а потом и Асандр с Динамией. В дальнейшем это определение станет неотъемлемой частью титулатуры царей Боспора, помещаясь в надписях за именем правителя. Важной особенностью эпиграфики царей-друзей Рима в это время является отсутствие титула $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$, который характерен практически для всех более поздних боспорских династов. Видимо, он вообще не использовался в надписях до начала I в. н.э., что вполне перекликается с обозначенными выше особенностями развития *amicitia* в эпоху падения Республики и создания Империи. Золотая чеканка Боспора в этот период не свидетель-

ствуется о каком-либо существенном влиянии со стороны Рима – на аверсе помещался бюст правителей, а на реверсе – вполне традиционные боспорские сюжеты с именем и титулом царей (Ника как воплощение победы – у Фарнака и Асандра, восьмилучевая звезда, под которой изображен полумесяц – у Динамии). Таким образом, местные политические традиции не противоречили добрососедским отношениям с Римом, и, кроме того, подчеркивали официальный статус царей. Показательна в этом плане титулатура Динамии – в ее посвящениях римскому императору и императрице она носит весьма скромный титул – βασιλεὺς φιλομήτορος, а в надписях от имени боспорян к этому добавляется перечисление имен и титулов ее предков, подчеркивавших ее законное происхождение и преемственность династии Митридата. Ситуация на Боспоре и за его пределами в это время оставалась напряженной. Фарнак не по своей воле оказался втянут в конфликт между Помпеем и Цезарем, однако воспользовался ситуацией в своих целях, проявив себя не как самый достойный друг и напад на территории, которые принадлежали друзьям Рима. Асандр, придя к власти на Боспоре не самым законным способом, стремился заручиться поддержкой римлян, упрочив свои позиции женитьбой на внучке Митридата Динамии. При этом и в самом Риме, судя по всему, были обеспокоены внутривосточной нестабильностью на Боспоре – римляне считали себя обязанными восстановить порядок и династическое благополучие в дружественном государстве, о чем свидетельствуют сюжеты с Митридатом Пергамским и Полемоном. Кроме того, к концу I в. до н.э. боспорские цари создали мощную систему обороны, включавшую несколько линий укреплений, – и это, несомненно, происходило при римской поддержке, ведь укрепление границ государства, граничившего с римскими владениями, явно отвечало интересам Рима. Благодарностью за помощь во внутренних делах, очевидно, могли быть посвящения от имени Динамии Августу и Ливии, в которых они описаны как спасители и благодетели, а также переименования Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию.

Второй этап развития *amicitia* на Боспоре связан с правлением Аспурга и Митридата VIII – именно в начале – середине I в. н.э. в титулатуре боспорских царей происходит ряд изменений, отражающих общий настрой политики внешнеполитической дружбы Рима по отношению к зависимым государствам *orbis terrarum* – к формули-

ровкам о дружбе с римским народом добавляется дружба с римским императором. Φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος в титулатуре боспорских царей указывали на то, что статус друга Рима был официально утвержден императором, обладающим *imperium*, и римским сенатом, который осуществлял свою власть от имени римского народа. Новая конструкция оказалась встроена в систему привычных титулов, но при этом ее использование не было строго унифицировано на тот момент, о чем говорит вариативность титулатуры Митридата VIII. Судя по надписям и монетам, и Аспург, и Митридат были утверждены на престоле римским императором и сенатом, при этом оба царя, вероятно, явились для этого в Рим лично, на что указывают текст рескриптов из Горгииппии и сообщение Тацита. В результате этих поездок правители получили согласие на царствование и подтвердили статус друзей римского народа и императора. Важной особенностью золотой монетной чеканки в этот период становится портрет римского императора на аверсе, что свидетельствует о влиянии Рима, подтвердившего по обыкновению право выпуска золотых монет в зависимых царствах. На медных монетах Аспурга на аверсе также помещался бюст этого царя и его монограмма, а на золотых статерах Митридата на реверсе – изображение Ники с венком, ветвью и легендой. Очевидно, что подобная иконография сочетала в себе две тенденции политической пропаганды боспорского царя – с одной стороны подчеркивалось влияние Рима в регионе, а с другой – сохранялись местные традиции. Кроме того, судя по сообщению Тацита, *amicitia* на Боспоре в это время могла устанавливаться не только с его правителями, но и с вождями варварских племен. Внимание римской стороны к боспорским делам особенно проявилось во время внутривластной борьбы за власть между сыновьями Аспурга, в которую оказались втянуты и войска Империи.

Третий этап можно ограничить началом правления Котиса I и концом правления Савромата I. Судя по всему, полномочия боспорских царей в это время также санкционируются римскими императорами, о чем свидетельствуют золотые статыры с их портретами. Начиная с правления Рескупорида I, на реверсе боспорских монет стали размещать изображение царя и его титул. Эта иконографическая традиция сохранялась вплоть до прекращения чеканки монет Боспорского царства в IV в. н.э. Начиная с надписей Котиса I, титулы Φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος становятся неизмен-

ными для всех последующих правителей Боспора. Но к этой уже знакомой формуле были добавлены несколько важных изменений – впервые в боспорской эпиграфике появляются *tria nomina* – три элемента римского имени, первые два из которых затем оставались неизменными от царя к царю – Тиберий Юлий, хотя среди восточных правителей подобная практика не была распространенной. Право присоединять к своему имени *praenomen* и *nomen* правящего императора предоставлялось лицам, получавшим римское гражданство, поэтому считается, что боспорские цари отныне становились частью Империи. Конечно, есть некоторые споры относительно того, какой смысл римское гражданство имело на Боспоре – очевидно, что определенное значение оно приобретало только в рамках контактов с Римом. Еще одним новшеством титулатуры Котиса, который закрепился у царей Боспора вплоть до конца III в. н.э., стал эпитет εὐσεβής – «благочестивый», а также титул «пожизненный верховный жрец императора». Показательно, что этот титул, как правило, встречается только в официальных посвящениях боспорских царей римским императорам – особенность, которую можно трактовать как проявление благодарности покровителям и демонстрацию верности Риму. Широко известно, что римские императоры часто опирались на жречество в восточных странах, но боспорский прецедент по своей сути уникален, поскольку здесь функции жреца, как считается, должен был исполнять сам царь. Очевидно, что это было не столько религиозное действие, сколько выражение политической лояльности к Риму и обожествленному императору.

Начиная с Рескупорида I боспорские цари именуется εὐεργέτης τῆς πατρίδος, что может в самом широком смысле означать благодеяния, совершенные им во благо отечества. Показательно при этом различие титулатуры в официальных надписях и в частных – если в официальных текстах подчеркивалось его происхождение из царского рода, *fides* как римскому императору, так и собственному отечеству, то в надписях «внутреннего» характера эти аспекты обычно опускались. В то же время во всех надписях упоминались благочестивость царя и его дружба с Римом, что, видимо, было важно и для городов Боспора, и для внешнего мира. Еще одним нововведением Рескупорида становятся ΤΕΙΜΑΙ на монетах, которые были даром римского императора боспорскому царю в знак установленной дружбы, а потому такой выбор

сюжетов также был связан с официальной пропагандой боспорских царей. Изображения на монетах боспорских царей I–II вв. н.э. регалий и почетных даров могут рассматриваться как индикатор военных и дипломатических достижений Боспора, поощряемых римской стороной. Особое значение для политики и экономики Боспорского царства в это время играла Вифиния, как и вообще область Южного Причерноморья, о чем свидетельствуют многочисленные посвящения от имени полисов этого региона боспорскому царю Савромату I. Таким образом, политические центры черноморского бассейна, включенные в состав Римской империи, продолжали считать боспорского царя влиятельным *amicus* Рима, а его титулатура воспринималась как обязательный элемент и за пределами Боспора.

Четвертый этап – от Котиса II до Рескупорида II. Римские императоры подтверждали легитимность боспорских правителей как внешнеполитических друзей Рима, способных защищать границы от варварских (фракийских или сарматских) нападений. Однако их власть не была обременена какими-либо ограничениями с римской стороны. В надписях этих царей титулы представлены достаточно скромно – они именуются только римским *tria nomina*, титулом *φιλόκαταρ καὶ φιλόρωμαλος* и *εὐσεβής*. При этом цари Реметалк и Евпатор, судя по надписям, не были пожизненными верховными жрецами августов, что, вероятно, может быть связано с их происхождением. На золотых статерах по-прежнему помещался бюст царя с титулом и именем на аверсе и изображение императора на реверсе; по-прежнему сохранялись монеты с *TEIMAI*, а в правление Котиса также появились монетные серии с упоминанием Аспурга как родоначальника царской династии. Вполне возможно, что между боспорскими и римскими правителями имели место и личные контакты. В условиях общей внутривосточной нестабильности на Боспоре римские императоры вновь проявляли обеспокоенность династическим благополучием – к примеру, император Адриан после смерти Котиса II получает сообщение о ситуации в регионе. *Gratia* боспорской стороны за покровительство Рима также выражалась в посвящениях императорам как благодетелям и утвердителям, причем такого рода жесты, как правило, делались, когда права на престол того или иного царя были под вопросом. Вероятно, подобные формулировки явля-

лись ситуативным изобретением царской титулатуры, видимо, связанным с непосредственным вмешательством императора во внутренние дела царства. Судя по всему, со второй половины II в. н.э. боспорские цари при посредничестве наместника провинции Вифиния-Понт периодически получали римские субсидии, которые предназначались главным образом для укрепления оборонительных рубежей, прикрывавших в конечном счете и римские границы. Вероятно, в период правления Савромата II состоялось важное событие – совместная с I Италийским легионом военная кампания против варварских племен на территории Боспора или возле его границ, что нашло отражение в монетных выпусках – на них появляются изображения орла, обращенного анфас, с венком в клюве. Вероятно, отголоском этих событий могли стать и два посвящения римской императорской семье – последние известные нам в эпиграфике Боспора. В этот период поддерживаются активные экономические и политические связи с провинцией Вифиния-Понт, что также было зафиксировано рядом посвящений боспорским правителям. Дружеские отношения с Римской империей могли способствовать экономическому подъему Боспора, а римская военная помощь позволяла укрепить границы государства и подчинить власти боспорских правителей местные варварские племена.

Пятый этап – правление Котиса III – правление Тейрана. Дружественные отношения боспорских царей с Римом в III в. н.э. поддаются реконструкции с большим трудом из-за скудности источниковой базы. Видимо, боспорские правители продолжают следовать традиции установления *amicitia* с Римом – в надписях они именуются как φιλόκαισαρ, φιλωρώμαιος, εὐσεβής, носят римское имя Тиберий Юлий, однако из титулатуры пропадает определение «пожизненный верховный жрец августов». Вероятно, упоминание о дружбе с Римом в надписях, а также изображение бюста императора на монетах, позволяют говорить о том, что цари Боспора, следуя устоявшейся практике, также утверждались на боспорском престоле после согласования с римским императором и сенатом – внешнеполитическая *amicitia* и в этот период не теряет своей актуальности, хотя прибегают к ней значительно реже, что, в целом, логично, учитывая непростую ситуацию в самом Риме и на его границах. Середина III в. н.э. стала периодом серьезного кризиса для Боспорского царства, когда к его границам подошли

новые варварские племена, разрушившие прежние взаимоотношения между степными кочевниками и городами Причерноморья. Византийский историк Зосим резюмирует, что в это время прерывается боспорский царский род, который поддерживал стабильность в регионе вследствие дружбы с Римом, активных торговых связей и регулярных римских выплат, после чего к власти приходят «недостойные и презренные люди», которые оказываются не в состоянии сдерживать натиск варварских племен. Вполне возможно, что, в связи с возникшей в Риме внутри- и внешнеполитической нестабильностью, в это время прекращаются выплаты субсидий боспорской стороне. Показательно, что начиная с правления Котиса III, фиксируется значительное ухудшение качества металла в золотых статерах. Несмотря на это, упоминания о дружбе с римским народом и императором сохраняются в титулатуре боспорских правителей вплоть до конца III в. н.э. О дальнейшем развитии этого метода дипломатии на Боспоре нам, к сожалению, ничего не известно.

Однако отношения *amicitia* в Северном Причерноморье складывались не только между боспорскими царями и римскими императорами: согласно эпиграфическим данным, дружественные связи поддерживались также между римскими властями и знатными провинциалами региона. Так, в надписях Ольвии и Боспора есть ряд упоминаний политических деятелей, которые характеризуются как *σεβαστόγυνωστοί* — «знакомые с Августами» или же «известные Августам». Это семь надписей, которые происходят из Ольвии и Пантикапея и датируются периодом с первой половины I в. н.э. и до 306 г. н.э. В случае с Ольвией адресантом является народ полиса, который предлагает почтить тех или иных выдающихся лиц за многочисленные заслуги перед отечеством. При этом сам эпитет *σεβαστόγυνωστος* восходит к представителям новой ольвийской аристократии, которые возвысились в период «второго основания» города в середине I в. н.э. Потомки этого рода также использовали данный титул, однако применительно к предкам, от которых они происходили, поэтому статус *σεβαστόγυνωστος* не передавался по наследству, но, очевидно, был неким статусом. В случае с надписями из Пантикапея *σεβαστόγυνωστοί* являются высшие должностные лица Боспорского царства, которые носят римские имена, а один из них даже был римским всадником. Вероятно, эти политические деятели могли быть послами в Рим или в

римские провинции и содействовать налаживанию экономических и/или политических контактов с Империей. При этом упоминаются не конкретные римские императоры, а обобщенное Σεβαστός. Обращает на себя внимание и тот факт, что эпитет σεβαστόγυνωτος встречается только в надписях Северного Причерноморья и Вифинии в период с конца II – по начало IV в. н.э., что позволяет говорить о нем как о региональной лексической традиции. Учитывая активные взаимодействия и многочисленные посвящения боспорским царям от имени граждан городов провинции Вифиния в это время, а также схожие по конструкции надписи из этого региона, можно предположить, что указанные боспорские надписи были созданы под влиянием малоазийских традиций подобных посвящений.

Получается, что эпитет σεβαστόγυνωτος использовался не высшим слоем римского общества, а богатыми провинциалами. Видимо, римские власти оказывали какое-то содействие этим политическим деятелям, правда, не вполне понятно, были ли σεβαστόγυνωτοι действительно знакомы с августами. Эпитет σεβαστόγυνωτος предполагал известность заслуг тех или иных деятелей не самим римским императорам, а, скорее, представителям римской власти в провинциях, в данном случае Мезии и Вифинии. Это могла быть их служба в римской армии, участие в посольствах, а также содействие в создании и поддержании ранее сложившихся экономических связей. А потому можно сказать, что эпитет σεβαστόγυνωτος и производные от него был, скорее всего, умозрительной характеристикой, а не официальным титулом, который предоставлялся римскими правителями. Как и в случае с друзьями Рима на Боспоре, «знакомые с августами» выражали свою *gratia* римским императорам, возводя постройки в их честь и посвящая статуи, а также отправляя посольства к «гегемонам». Поэтому можно сказать, что несмотря на лексическую разницу φίλια и γυνῶσις, титулы и эпитеты, восходящие к этим понятиям, свидетельствовали об установлении *amicitia*, правда, на разных уровнях. При этом методы установления дружбы и в том, и в другом случае были примерно схожими.

Безусловно, предпринятое в рамках кандидатской диссертации исследование не может дать ответы на все спорные вопросы истории Северного Причерноморья в т.н. римский период – вероятно, для нынешнего поколения историков и археоло-

гов так и останутся загадкой вопросы о том, кто такой Скрибоний, сколько раз правила Динамия, планировал ли Нерон создать провинцию на Боспоре и т.д. Кроме того, заявленные в заглавии работы глобальные рамки вынудили автора рассматривать некоторые эпизоды поверхностно, порой ограничиваясь лишь ссылками на соответствующие публикации, а некоторые важные сюжеты и вовсе были преступно пропущены. Однако, подводя некоторый итог проведенному исследованию, хотелось бы сделать несколько общих замечаний, которые следует учитывать при дальнейшей разработке темы римской внешнеполитической дружбы в Северном Причерноморье. Начать нужно с устоявшейся в отечественной историографии сентенции о том, что после смерти Митридата VI боспорские правители под маской дружбы к Риму постоянно совершали сепаратистские попытки вернуться к самостоятельной политике. Такая бинарная оппозиция, в духе М.И. Ростовцева, привела и до сих пор приводит некоторых исследователей к попыткам обнаружить конфликт там, где его на самом деле не было. Критика данного положения во многом восходит к трудам Х. Хайнена, что автор этого текста, в общем-то, и не скрывает, но к выводам немецкого ученого, основываясь на результатах проведенного исследования, можно добавить еще несколько соображений.

Очевидно, что нельзя говорить об антагонизме римских и боспорских элементов в Северном Причерноморье в период, начавшийся после смерти Митридата VI – правители и политические деятели региона умело сочетали местные традиции с новшествами, определенными реалиями *Pax Romana*. Отношения с Римом не сводились к подчиненности – они вписывались в более сложную региональную систему представлений о монархии. Цари Боспора одновременно подчеркивали свой статус друзей Рима, сохраняя при этом верность устоявшимся политическим порядкам – это проявлялось в их титулах и монетной чеканке. В этом отношении пропаганда боспорских правителей преследовала двойную цель – с одной стороны подчеркивала легитимность их положения в рамках римской системы власти и лояльность царей Риму, а с другой – их суверенитет в глазах собственных подданных. Последние, судя по всему, не видели каких-либо серьезных противоречий в том, чтобы считать своих правителей одновременно друзьями Рима и потомками правителя, открыто выступившего против

него. Думается, что эта специфика местной политической традиции не ущемляла сколь-нибудь существенным образом политические амбиции гегемона – римские императоры не были заинтересованы в том, чтобы серьезно вмешиваться в жизнь дружественных царств; впрочем, и не было у них для этого ни необходимых средств, ни институтов. Римляне, несмотря на автократический характер своей власти, стремились править по-граждански – не столько принуждением и военной силой, сколько учитывая местные особенности и политические традиции, а система предоставляемых и получаемых благодеяний делала возможным управление Империей в отсутствие многочисленного бюрократического аппарата. Политика в отношении друзей Рима, как правило, была направлена на поддержание порядка внутри государства и защиту его границ, что, в конечном итоге, затрагивало и римские интересы. Надо сказать, что статус друга Рима предполагал ряд преимуществ – видимо, местные правители были заинтересованы в поддержке, в том числе и военной, не меньше, а порой и больше, чем сами римляне нуждались в них. Они часто вовлекали Рим в свои внутренние конфликты, нередко прямо провоцируя римлян на действия против своих соперников. Установление отношений *amicitia*, как правило, сопровождалось активизацией торговли с римскими территориями, однако внешнеэкономические процессы являлись лишь отражением более глубоких изменений в военно-политических сфере.

Amicitia с римским народом и императором не предполагала включения территорий в *orbis Romanum* – формально государства Северного Причерноморья продолжали оставаться независимыми, сохраняя свои законы и политическое устройство. Однако на деле они становились частью *Pax Romana*, принимая римский образ мыслей и правила политической игры, хотя и нельзя сказать, что в этой ситуации мог быть какой-то иной выбор. Весьма поэтично эта мысль выражена в «Наставлениях о государственных делах» Плутарха, который советовал магистратам греческих городов следующее: «Проще надо шить хламиду, не забывать о преторе, стоя на месте для ораторов, и не возлагать непомерных горделивых упований на свой венок, видя римский сапог над головой» (Plut. Praes. ger. reip. 17). Большинство из тех, кто находился у власти в этом новом порядке, сначала были неримлянами, а позже, получая права римского гражданства, становились как бы «новыми римлянами», которые отныне являлись частью военной и

политической элиты. В этой связи можно цинично перевернуть устоявшуюся в отечественной историографии конструкцию «римское присутствие в Северном Причерноморье» – по существу речь шла о присутствии Северного Причерноморья в фарватере римской политики, которая и задавала тон международным отношениям. Римская внешнеполитическая дружба – это не просто казенный штамп титулатуры правителей Боспорского царства. Это основа римской дипломатии, с помощью которой Республика, а затем уже и Империя выстраивала отношения с государствами Северного Причерноморья. Именно поэтому любое исследование, аналогичное настоящему, должно исходить из римского понимания определенных политических институтов и практик. Иными словами – говорить о римской внешней политике следует на языке римлян.

На фоне этих патетических рассуждений можно сделать несколько замечаний методологического характера. Политику и пропаганду боспорских царей не следует рассматривать изолированно от общей ситуации в римском мире. В особенности это касается титулатуры правителей Боспора – она не была замкнутой и устоявшейся конструкцией, а изменялась по ходу трансформации римской государственности и политики на Востоке; титулы и эпитеты царей и политиков Северного Причерноморья во многом зависели от характера посвящения и его автора. Эти замечания и в целом применимы к практике *amicitia* в регионе – очевидно, что дружественные отношения были ключевой составляющей, в рамках которой развивались контакты с Римом. Именно в связи с этим политическая история Северного Причерноморья нуждается в основательной ревизии. Тема римской *amicitia* поистине необъятная, и ее успешная разработка могла бы сделать честь целому коллективу исследователей. Не претендуя на абсолютность выводов, предпринятая работа представляет лишь некоторые наброски к теме, которая, безусловно, должна рассматриваться более глубоко и системно – подробного изучения требуют вопросы об отношениях Рима с *civitates liberae* Северного Причерноморья, контактах с провинцией Вифиния-Понт, боспорских посольствах в Рим и многие другие, обстоятельное рассмотрение которых позволит уточнить и дополнить по существу наши представления о римской *amicitia* в Северном Причерноморье. Но в этой работе они были оставлены за скобками.

Feci quod potui faciant meliora potentes.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Авл Геллий. Аттические ночи / А.Я. Тыжов, А.П. Бехтер (общ. ред.). СПб., 2007–2008; Кн. I–X / пер. А.Б. Егорова (кн. 1–5), А.П. Бехтер (кн. 6–10). СПб, 2007. 480 с.; Кн. XI–XX / пер. А.Г. Грушевого (кн. 11–15, 17, 18), О.Ю. Бойцовой (кн. 16, 19, 20). СПб., 2008. 448 с.
2. Аврелий Виктор. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях / пер. с лат. В.С. Соколов (пер.) // ВДИ. 1963. Вып. 4. С. 214–257.
3. Аммиан Марцеллин. Деяния (отрывки из книг XVII, XIX, XXV) / пер. с лат. Я.Н. Любарского // Историки Рима. М., 1970. С. 401–433.
4. Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера. М., 1998. 726 с.
5. Арриан. Диспозиция против аланов / пер., комм. и вступ. ст. А.К. Нефедкина // Арриан. Тактическое искусство. СПб., 2010. С. 195–261.
6. Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве (XXXVI) / пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. М., 1961. С. 92–97.
7. Евтропий. Краткая история от основания Города / пер. с лат. А.И. Донченко // Римские историки IV века / М.А. Тимофеев (отв. ред.). М., 1997. С. 7–73.
8. Зосим Комит. История новых времен / пер., ст., прим. Н.Н. Болгова. М., 2024. 568 с.
9. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / пер. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011. 456 с.
10. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб., 2014. 680 с.
11. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т. 1. Античные источники / сост. А.В. Подосинов. М., 2009. С. 181–195.
12. Корпус боспорских надписей / В.В. Струве (ред.). М.; Л., 1965. 951 с.
13. Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций / А.К. Гаврилов (отв. ред.). М., 2004. Т. I–II.
14. Лукиан. Александр, или Лжепророк / Лукиан. Избранное. М., 1962. С. 104–126.
15. Мемнон. О Геракле / пер. В.П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. Вып. 1. С. 281–316.
16. Надписи Ольвии (1917–1965) / Т.Н. Книпович, Е.И. Леви (ред.). Л., 1968. 220 с.
17. Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подг. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1978. 271 с.
18. Орозий Павел. История против язычников / пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 2004. 544 с.
19. Павел Диакон. Эпитома сочинения Секта Помпея Феста «О значении слов» / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.А. Павлова. М.; СПб., 2018. 496 с.
20. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура. М., 1982. 407 с.
21. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш (ред.). М., 1994. 672 с.

22. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / пер. М.Л. Гаспарова. М., 1993. 364 с.
23. Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / пер. А.Б. Рановича; вступ. ст. и комм. А.А. Новикова. СПб., 1996. 224 с.
24. Страбон. География в 17 книгах / пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского. М., 1964. 943 с.
25. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. М., 2003. 984 с.
26. Amici Populi Romani. Prosopographie der auswärtigen Freunde Roms. (APR) <https://www.altaycoskun.com/apr> (дата обращения: 03.05.2025 г.).
27. Appiani Historia Romana. Vol. 1: Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba (ed.). Lipsiae, 1962. 545 p.
28. C. Plini Caecili Secundi Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus. / M. Schuster, R. Hanslik (ed.). Lipsiae, 1958. 432 p.
29. Corpus inscriptionum Graecarum / A. Böckh (ed.). B., 1828–1877.
30. Corpus Inscriptionum Latinarum / A. Degrassi (Hrsg.). B., 1862; N.S., 1981.
31. Das Delphinion in Milet. Köigliche museen zu Berlin / G. Kawerau, A. Rehm (Hrsg.). Bd. I. Ht. 3. B., 1914.
32. Dio Chrysostom. Orations VII, XII, XXXVI / D.A. Russel (ed.). Cambr., 1992.
33. Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / V. Latyshev (ed.). Petropoli. Vol. I: 1885; II: 1890; III: 1901; I²: 1916.
34. Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / R. Cagnat et al. (eds.). P., 1901–1927.
35. Inscriptiones latinae selectae / H. Dessau (Hrsg.). Berolini, 1892–1916. Vol. I–III.
36. Pliny the Younger. Complete Letters / transl. P.G. Walsh. Oxf., 2006. 432 p.
37. Plutarchi Vitae parallelae: in 4 vol. / rec. Cl. Lindskog, K. Ziegler. Lipsiae, 1914–1939.
38. Roman Documents from the Greek East / R.K. Sherk (ed.). Baltimore, 1969. 396 p.
39. Scriptores Historiae Augustae. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. Д.Е. Афиногенова, комм. О.Д. Никитинского, А.И. Любжина. М., 1992. 384 с.
40. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.
41. Sylloge Inscriptionum Graecarum / W. Dittenberger (ed.). Leipzig, 1915. Vol. II.
42. Tacitus. The Annals. Books IV–VI, XI–XVI / transl. J. Jackson. Cambr. (Mass.), 1937.
43. The inscriptions of Sinope / D. French (ed.). Vol. I. Bonn, 2004.

Литература

1. *Абрамзон М.Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. 269 с.
2. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. 748 с.
3. *Абрамзон М.Г.* Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие монетных типов // ВДИ. 2002. Вып. 1. С. 122–142.

4. *Абрамзон М.Г.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II: Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) // *БИ. Supplementum*. 2011. Вып. 7 / В.Н. Зинько (ред.). Симферополь-Керчь, 2011. 280 с.
5. *Абрамзон М.Г., Безуглов С.И., Гунчина О.Л., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н., Устаева Э.Р.* Последнее золото Боспора: клады статеров III в. н.э. из поселения Волна 1. М., 2020. 168 с.
6. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // *ВДИ*. 2012. Вып. 3. С. 93–146.
7. *Абрамзон М.Г., Гунчина О.Л.* Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243 – 257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) // *ПИФК*. 2016. Вып. 4. С. 280–329.
8. *Абрамзон М.Г., Ефимова Ю.Ю., Концева Н.В., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н.* Последнее серебро Боспора: Мультианалитический подход к исследованию Боспорской серебряной чеканки III в. н.э. М., 2021. 126 с.
9. *Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории // *ВДИ*. 2011. Вып. 2. С. 64–94.
10. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Смекалова Т.Н., Куликов А.В.* Клад боспорских статеров 234–253 гг. н.э. из Керчи (1988 г.) // *ВДИ*. 2008. Вып. 1. С. 65–81.
11. *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. Т. I / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.). М.; Л., 1955. 448 с.*
12. *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Монетные сплавы античного Боспора: Рентгено-флуоресцентные исследования монет довоенной коллекции, переданной Федеративной Республикой Германии Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику. СПб., 2023. 160 с., 48 илл.
13. *Абрамзон М.Г., Федосеев Н.Ф.* Клад медных боспорских монет конца I–III вв. н.э. из Пантикапея (2009 г.) // *Scripta antiqua*. 2015. Вып. 4. С. 451–491.
14. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы: от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи / пер. А.И. Любжина. Т. III. М., 2005. С. 1391–2001.
15. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 178 с.
16. *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. 125 с.
17. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. 250 с.
18. *Античные государства Северного Причерноморья / Б.А. Рыбаков, Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М., 1984. 392 с.*
19. *Антонов Е.Е.* События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам // *Нуранис*. 2019. Вып. 1. С. 33–42.
20. *Баллестерос-Пастор Л.* Некоторые аспекты образа Фарнака II в античной литературе // *Antiquitas Aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 211–217.
21. *Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. М., 1912. 87 с.

22. *Бертье-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // Бертье-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Т. I. Симферополь, 2009. 244 с.
23. *Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28–37.
24. *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. Вып. 2. С. 197–209.
25. *Блаватская Т.В.* Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. 1976. С. 92–97.
26. *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. 232 с.
27. *Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–62.
28. *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. 279 с.
29. *Болгов Н.Н.* Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье: Конец III–VI вв. Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 2003. 575 с.
30. *Болгов Н.Н., Зайцева И.В.* Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия // МАИАСП. 2019. Вып. 11. С. 517–526.
31. *Болтунова А.И.* К надписи IOSPE, II, 400 // ВДИ. 1954. Вып. 1. С. 168–176.
32. *Болтунова А.И.* Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. Вып. 1. С. 176–183.
33. *Болтунова А.И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 1982. Вып. 3. С. 61–66.
34. *Браунд Д.* Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. Вып. 4. С. 168–173.
35. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. 232 с.
36. *Буйских С.Б., Иевлев М.М.* О топографии городищ нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 64–76.
37. *Булкин И.Ю.* Этапы и характер римского военного проникновения в Северное Причерноморье (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс. ... к.и.н. Саратов, 1999. 267 с.
38. *Бутягин А.М.* Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н.э. на Карантинном мысу) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. VI Боспорские чтения. Керчь. 2005. С. 32–36.
39. *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. 288 с.
40. *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. Вып. 3. С. 130–139.
41. *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. Вып. 2. С. 151–170.
42. *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. Вып. 1. С. 233–247.
43. *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. 332 с.
44. *Винокуров Н.И.* Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). 2010. Вып. 1. С. 38–44.

45. *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н.э. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2016. Вып. 2. С. 64–73.
46. *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. Вып. 4. С. 170–194.
47. *Винокуров Н.И., Мацнев Д.В., Фесенко А.В.* Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. 2024. Вып. 3. С. 150–164.
48. *Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы научной конференции. СПб., 2018. С. 140–148.
49. *Внуков А.А., Ярцев С.В., Брынза Т.В.* К вопросу о взаимоотношениях «царских» гуннов и акациров в Северном Причерноморье в начале V в. // МАИАСП. 2023. Вып. 15. С. 607–614.
50. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. М., 2006. 235 с.
51. *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. 207 с.
52. *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 208 с.
53. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. 624 с.
54. *Гиль Х.Х.* О боспорских монетах с монограммами // Труды VI АС. Вып. II. Одесса, 1888. С. 104–113.
55. *Голенко К.В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Вып. 2. С. 28–40.
56. *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. 134 с.
57. *Горемыкина В.И.* Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. // УЗМПИ. 1955. Вып. 11. С. 130–140.
58. *Горончаровский В.А.* Аспургiane и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. Вып. 3. 2000. С. 54–58.
59. *Горончаровский В.А.* Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003. 221 с.
60. *Горончаровский В.А.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. Вып. 3. С. 161–170.
61. *Горончаровский В.А.* Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Материалы V Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 96–103.
62. *Горончаровский В.А.* К вопросу о роли аспургиан в военно-политической истории Боспорского царства на рубеже н.э. // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского, Санкт-Петербург, 5-8 ноября 2024 г. СПб., 2024. С. 293–297.

63. *Грацианская Л.И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 г. / А.П. Новосельцев (отв. ред.). М., 1988. С. 6–175.
64. *Грингоф С.А.* Царский двор и администрация на Боспоре в I–IV вв. н.э. Дисс. ... к.и.н. Тула, 2012. 173 с.
65. *Доватур А.И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. Вып. 4. С. 33–42.
66. *Дьяков В.Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. Вып. 3–4. С. 71–88.
67. *Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ. 1942. Вып. 1. С. 3–92.
68. *Дьяков С.В.* Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВХУ. 1992. Вып. 26. С. 82–92.
69. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. 388 с.
70. *Завойкин А.А.* Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории в V–I вв. до н.э. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 105–118.
71. *Завойкин А.А.* Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией // Древнейшие государства Восточной Европы. Черноморский регион в Античности и раннем Средневековье: проблемы исторической географии / А.В. Подосинов (отв. ред.). М., 2023. С. 272–305.
72. *Завойкина Н.В.* Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // Материалы по археологии и истории Фанагории / В.Д. Кузнецов (ред.). Вып. 1. М., 2013. С. 240–313.
73. *Завойкина Н.В.* Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы // БЧ. 2016. Вып. XVII. С. 160–166.
74. *Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А.* Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 2018. Вып. 3. С. 680–692.
75. *Завойкина Н.В.* О войне царя Аспурга против скифов и тавров // ПИФК. 2023. Вып. 3. С. 252–271.
76. *Завойкина Н.В., Новичихин А.М.* Надписи из раскопок в пригороде античной Горгиппии // ВДИ. 2022. Вып. 1. С. 133–149.
77. *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003. 212 с.
78. *Зограф А.Н.* Римские монеты из Ольвии // ИГАИМК. 1930. Т. 6. Вып. 4. С. 5–15.
79. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. 264 с.
80. *Зограф А.Н.* Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // АГСП. 1956. С. 148–163.
81. *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. Вып. 2. С. 118–129.
82. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. 180 с.
83. *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. 200 с.
84. *Зубарь В.М., Русяева А.С.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004. 239 с.
85. *Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Suppl. 3. Симферополь, 2007. 240 с.

86. *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 225–231.
87. *Иванчик А.И.* Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома // ВДИ. 2017. Вып. 3. С. 636–650.
88. *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 95–107.
89. *Ильяшенко С.М.* Стандартные *dirinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III – IV вв. н.э. Симферополь; Керчь. 2013. 288 с.
90. История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / В.Г. Вовина-Лебедева (сост.); А.В. Сиренов (отв. ред.). М.; СПб, 2022. 464 с.
91. *Каллистов Д.П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. Вып. 2. С. 65–77.
92. *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. 185 с.
93. *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–251.
94. *Карышковский П.О.* Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1953. Вып. 3. С. 179–190.
95. *Карышковский П.О.* Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н.э. // НЭ. 1965. Вып. V. С. 62–74.
96. *Карышковский П.О.* Находки монет Римской империи в Ольвии // НС. 1965. № 2. С. 50–75.
97. *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.). Киев, 1982. С. 66–82.
98. *Карышковский П.О.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 25–36.
99. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988. 167 с.
100. *Карышковский П.О.* Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. Вып. 1. С. 73–96.
101. *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* Правление Асандра на Боспоре (по нумизматическим данным) // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 89–112.
102. *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н.э.) // АМА. 1990. Вып. 7. С. 41–50.
103. *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. 374 с.
104. *Книпович Т.Н.* Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50. С. 119–153.
105. *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. 184 с.
106. *Крапивина В.В.* О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э.–III в. н.э. // БФ. 2005. Вып. 6. С. 186–192.

107. *Крапивина В.В., Буйских А.В.* Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья* / С.Б. Охотников (ред.). Одесса, 1997. С. 122–127.
108. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. 224 с.
109. *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. 478 с.
110. *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2006. Вып. 1. С. 155–172.
111. *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2007. Вып. 1. С. 227–243.
112. *Кузнецов В.Д., Ольховский С.В.* Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) // *Материалы по археологии и истории Фанагории* / А.А. Завойкин (ред.). Вып. 2. М., 2016. С. 325–352.
113. *Кузьмин Ю.Н.* Фанагорийский посол в Риме // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева» / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2023. С. 151–161.
114. *Лавров В.В.* Готы и Боспор в III в. н.э. // *Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества*, СПб., 1995. С. 112–122.
115. *Ланцов С.Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // *ВДИ*. 1999. Вып. 1. С. 121–136.
116. *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. 314 с.
117. *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // *ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря*. СПб., 1909. С. 60–128.
118. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *ВДИ*. 1948. Вып. 2. С. 1–277.
119. *Латышева В.А.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // *ВХУ*. 1981. Вып. 214. С. 101–107.
120. *Лордкипанидзе Г.А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. 147 с.
121. *Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. 198 с.
122. *Лысенко Н.Н.* Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2007. 647 с.
123. *Мальшев А.А.* Юго-восточная периферия Боспорского царства // *Abraui Antiqua* / А.А. Мальшев (ред.). М., 2009. С. 74–107.
124. *Мальшев А.А.* Полуостров Абрау в римское время // *Hyparion*. 2021. Вып. 3. С. 147–170.
125. *Мальшев А.А., Новичихин А.М.* К истории и археологии южной части Синдики // *Сибирские исторические исследования*. 2022. № 3. С. 213–240.
126. *Мальшев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д.О., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В.* СИНДИКА: история, археология, антропогенные ландшафты / А.А. Мальшев (отв. ред.). М., 2022. 68 с.

127. *Маркелов А.Ю.* Римский сенат в период принципата Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Дисс. ... к.и.н. Казань, 2018. 346 с.
128. *Марченко И.Д.* Город Пантикапей. Симферополь, 1974. 88 с.
129. *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. 232 с.
130. *Масленников А.А.* Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // БЧ. Керчь, 2008. Вып. IX. С. 180–187.
131. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. 688 с.
132. *Межеричский Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. 442 с.
133. *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в период эллинизма (III – пер. пол. I в. до н.э.). Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 1994. 424 с.
134. *Молев Е.А.* Аспургиане у Страбона // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. Т. 2. С. 60–63.
135. *Молев Е.А.* Властелин Понта. Н. Новгород, 1995. 144 с.
136. *Молев Е.А.* О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир: Материалы научной конференции. Белгород, 1996. С. 85–91.
137. *Моммзен Т.* История Рима. В 4-х томах. Ростов н/Д, 1997.
138. *Надель Б.* Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. Вып. 3. С. 212–216.
139. *Надель Б.* Филологические и дипломатические заметки к боспорским манумиссиям // ВДИ. 1958. Вып. 1. С. 137–145.
140. *Нефедкин А.К.* Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999. № 3. С. 173–188.
141. *Орешиников А.В.* Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. 123 с.
142. *Орешиников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. 1915. № 3. С. 1–68.
143. *Павличенко Н.А.* Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 2. С. 304–306.
144. *Павличенко Н.А.* Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // БФ. СПб., 2007. Ч. 2. С. 304–306.
145. *Панов А.Р.* Рим и Боспор. Проблемы сотрудничества и противостояния в I веке до н.э. – I веке н.э. Н. Новгород, 1999. 250 с.
146. *Панов А.Р.* Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // БФ. 2005. С. 41–45.
147. *Панов А.Р.* Политика Калигулы на Боспоре // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 157–165.
148. *Панов А.Р.* Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47–46 гг. до н.э. // Международный круглый стол: «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры». 2008. С. 195–204.
149. *Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период Поздней республики – Ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дисс. ... д.и.н. Н. Новгород, 2009. 634 с.

150. *Панов А.Р.* Клавдий и начало боспоро-римской войны // *Via in tempore. История. Политология.* 2012. Вып. 19 (138). С. 10–14.
151. *Панов А.Р.* Нерон и статус Боспора в римско-боспорских отношениях // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 5 (1). С. 179–184.
152. *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки / В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.). М., 2017. 438 с.*
153. *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб., 2001. 278 с.
154. *Парфенов В.Н.* Дакийская война Домициана: победа или поражение Рима? // *Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения.* 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 46–55.
155. *Парфенов В.Н.* Домициан и Децебал: нереализованный вариант развития римско-дакийских отношений // *АМА.* 2006. Вып. 12. С. 215–227.
156. *Парфенов В.Н.* Загадка Скрибония // *ПИФК.* 2007. Вып. 17. С. 291–298.
157. *Парфенов В.Н.* К оценке римско-боспорских отношений в I–II вв. н.э. // *БИ.* 2011. Вып. 25. С. 147–152.
158. *Перевалов С.М.* Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // *Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 318–335.*
159. *Подосинов А.В.* Таманский полуостров в античной картографии // *Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. Т. I. С. 373–386.*
160. *Подосинов А.В.* Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии и эпиграфики // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2012. № 6. С. 21–52.*
161. *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. 381 с.
162. *Растегаева М.Н.* Ольвиополиты «известные Августам»: титул *σβασιλεύωντος* в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 325–332.*
163. *Растегаева М.Н.* *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии // *Via in tempore. История. Политология.* 2025. Вып. 52 (1). С. 22–32.
164. *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // *ИАК.* 1915. Вып. 58. С. 1–16.
165. *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности. Т. XXV. М., 1916. С. 1–24.*
166. *Ростовцев М.И.* Медь Динамии и Аспурга // *ИТУАК.* 1918. № 54. С. 47–53.
167. *Ростовцев М.И.* Эллиństwo и иранство на Юге России. Петроград, 1918. 190 с.
168. *Ростовцев М.И.* Международные отношения и международное право в древнем мире // *Современные записки.* 1921. Кн. IV. С. 128–159 (цит. по: *Ростовцев М.И.* *Международные отношения и международное право в древнем мире // Вестник СПбГУ. Сер. 14.* 2013. Вып. 4. С. 67–84.
169. *Русяева А.С.* Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // *Древнее Причерноморье / А.Г. Загинайло (отв. ред.). Одесса, 1991. Вып. II. С. 83–84.*
170. *Русяева А.С.* Абаб, сын Каллисфена – политический деятель Ольвии Понтийской // *АМА.* 2002. Вып. 11. С. 182–187.
171. *Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгиипии // *ВДИ.* 1983. Вып. 1. С. 68–78.

172. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65–78.
173. Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204–214.
174. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. 348 с.
175. Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения», 17 февраля 1997 г. Казань, 1997. С. 89–94.
176. Сапрыкин С.Ю. К вопросу о начале правления Асандра на Боспоре // Античность: события и исследователи. Межвуз. сб. Казань, 1998. С. 102–106.
177. Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. Вып. 1. С. 191–205.
178. Сапрыкин С.Ю. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 207–223.
179. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. 271 с.
180. Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. Вып. 2. С. 45–81.
181. Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 138–147.
182. Сибирский А. Безыменные тетрахаки со скифской лучней. Серебряные и медные монеты царя Фарнака. Монеты римской гегемонии в Боспоре Киммерийском // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877. С. 36–55.
183. Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н.э. // БИ. 2001. Вып. 1. С. 137–146.
184. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. 112 с.
185. Смекалова Т.Н. Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 324–349.
186. Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001. 204 с.
187. Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс... к.и.н. Саратов, 1997. 233 с.
188. Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. Вып. 100. М., 1965. С. 86–96.
189. Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
190. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 125 с.
191. Сопова Н.К. Правление Аспурга на Боспоре в освещении русской (дореволюционной) и советской историографии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 112–123.
192. Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц в Ольвии I–III вв. н.э. // ВДИ. 1977. Вып. 4. С. 156–182.
193. Токарев А.Н. Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов. Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 165–177.

194. Толстиков В.П. Известные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 52–64.
195. Толстой И.И. Из области боспорской ономастики // ВДИ. 1955. Вып. 1. С. 9–15.
196. Тохтасьев С.Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // Commentationes Iranicae: сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / С.Р. Тохтасьев, П.Б. Лурье (ред.). СПб., 2013. С. 565–607.
197. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. Вып. 2. С. 50–73.
198. Устинова В.О. Аспург та аспурпани // ВХУ. № 35. Вип. 3. Харьков, 1969. С. 58–64.
199. Утченко С.Л. Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1973. Вып. 4. С. 30–47.
200. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима III–I вв. до н.э. М., 1977. 256 с.
201. Фролова Н.А. Боспор и Рим в конце I – начале II вв. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. Вып. 2. С. 133–144.
202. Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида II // НЭ. 1968. Т. VII. С. 43–67.
203. Фролова Н.А. Из истории Боспора в середине II в. н.э. // ВДИ. 1972. Вып. 1. С. 187–193.
204. Фролова Н.А. Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. 1976. № 3. С. 103–112.
205. Фролова Н.А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг.) // НС. 1977. Ч. 5. Вып. 2. С. 219–238.
206. Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49–61.
207. Фролова Н.А. История правления Рискупорида V (242–276 гг. н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. Вып. 3. С. 58–76.
208. Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг.) // НЭ. 1980. Вып. XIII. С. 13–37.
209. Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 55–63.
210. Фролова Н.А. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1986. Вып. 4. С. 54–59.
211. Фролова Н.А. Монеты Котиса II (123–132 гг. н.э.) // Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Ч. 9. Труды ГИМ. 1986. Вып. 61. С. 66–81.
212. Фролова Н.А. Монетное дело Тейрана (226, 275–278 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 103–110.
213. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 187–247.
214. Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет из Горгииппии III в. до н.э. – 238 г. н.э. // Древнее Причерноморье. КСОАМ. Одесса, 1993. С. 87–90.
215. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I–II. 448 с.
216. Фролова Н.А. Еще раз о времени правления Динамии, царицы Боспора (21/20–17/16 гг. до н.э.) // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А.С. Мельниковой и 90-летию В.В. Узденикова. Москва, 19–20 ноября 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 8–10.

217. Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 74–93.
218. Хайнен Х. Два письма боспорского царя Аспурга (АЕ. 1994, 1538). Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 278–291.
219. Хайнен Х., Чошкун А. *Amici populi Romani*. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима» // *Antiquitas aeterna*. Вып. I. Казань, 2005. С. 280–303.
220. Храпунов И.Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 167–169.
221. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. 135 с.
222. Циркин Ю.Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб., 2015. 472 с.
223. Чореф М.М. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2012. № 6. С. 105–111.
224. Чореф М.М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2012. № 4. С. 171–200.
225. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. Т. 22. № 7 (126). С. 44–59.
226. Чореф М.М. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 111–130.
227. Чореф М.М. «Vox audita latet, littera scripta manet», или к биографии боспорской царицы Гепеирии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. Вып. 1. С. 94–103.
228. Чореф М.М. К вопросу о датировке посвятельной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгии // ПИФК. 2024. Вып. 16. С. 811–836.
229. Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II – середина IV в. н. э.). Дисс... д.и.н. СПб., 2009. 571 с.
230. Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.) / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова (отв. ред.). М., 2022. 304 с.
231. Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. 195 с.
232. Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. 185 с.
233. Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. Вып. 1. С. 55–72.
234. Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. Вып. 4. С. 52–63.
235. Шелов Д.Б. Аппиан – историк Митридатых войн // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 113–117.
236. Шталь И.В. Понятие «дружба» и эволюция эстетического идеала человека в римской литературе I в. до н.э. (по произведениям Цицерона и Катутла) // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 281–292.
237. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. 160 с.

238. *Шукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. 324 с.
239. Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / А.А. Малышев (отв. ред.). М., 2007. 258 с.
240. *Яйленко В.П.* Малоазийские имена в надписях Боспора // *Античная балканистика: Тез. докл. симпоз.* М., 1980. С. 69–70.
241. *Яйленко В.П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // *Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья* / А.И. Павловская (отв. ред.). М., 1987. С. 4–105.
242. *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья* / А.И. Павловская (ред.). М., 1987. С. 4–200.
243. *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // *Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья.* М., 1990. С. 128–215.
244. *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире.* М., 1995. С. 220–224.
245. *Яйленко В.П.* Гунно-булгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // *ДБ.* 2002. Вып. 5. С. 303–333.
246. *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. 740 с.
247. *Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб., 2016. 1024 с.
248. *Ярцев С.В., Лебединец Н.В.* Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна // *Власть истории – история власти.* 2020. Вып. 6. С. 774–783.
249. *Яценко С.А.* Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // *Stratum plus.* СПб.; Кишинев, 1997. С. 154–163.
250. *Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Y.V.* Two hoards of Bosporan coins // *Revue numismatique.* 2001. Т. 157. Р. 287–303.
251. *Alonso V.* War, Peace, and International Law in Ancient Greece // *War and Peace in the Ancient World* / К.А. Raaflaub (ed.). Malden, 2007. Р. 206–225.
252. *Avram A.* An Istrian Dedication to Leto // *Cauldron of Ariantas* / P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus, 2003. Р. 87–91.
253. *Badian E.* Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf., 1958. 342 p.
254. *Badian E.* Rome and Antiochus the Great: A Study in Cold War // *CIPh.* 1959. Vol. 54. No. 2. Р. 81–99.
255. *Badian E.* Roman imperialism in the late Republic. Pretoria, 1968. 117 p.
256. *Badian E.* The Thessalian clients of Tiberius Nero // *CR.* 1974. Vol. 23. № 2. Р. 160–172.
257. *Badian E.* Hegemony and independence. Prolegomena to a Study of the Relations of Rome and the Hellenistic States in the Second Century B.C. // *Actes du VIIe Congres de la F.I.E.C.* 1983. Vol. 1. Р. 397–414.

258. *Baronowski D.* Treaties of Military Alliance between Rome and Hellenistic States in the Last Three Centuries BC. Ph.D. Toronto, 1982. 295 p.
259. *Birley A.R.* Hadrian: The Restless Emperor. L.; N.Y., 1999. 399 p.
260. *Bleicken J.* Review of Foreign Clientelae (264–70 B.C.) by E. Badian // *Gnomon*. 1964. Bd. 36 (2). P. 176–187.
261. *Barrett A.* Gaius' Policy in the Bosphorus // *TAPhA*. 1977. Vol. 107. P. 1–9.
262. *Batty R.* Rome and the Nomads: The Pontic-Danubian Realm in Antiquity. Oxf., 2007. 688 p.
263. *Bohn O.* Qua condicione iuris reges socii populi Romani fuerint. Berolini, 1876.
264. *Borbonus D.* Columbarium Tombs and Collective Identity in Augustan Rome. N.Y., 2014. 310 p.
265. *Bosworth A.B.* Arrian and the Alani // *HSCP*. 1977. P. 217–255.
266. *Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxf., 1965. 188 p.
267. *Bowman A.D.* The formula sociorum in the Second and First Centuries B.C. // *CIJ*. 1990. Vol. 85. P. 330–336.
268. *Brandis C.* Bosphoros // *RE*. Bd. III. 1899. Sp. 741–789.
269. *Braund D.* Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. L.; Canberra; N.Y., 1984. 226 p.
270. *Braund D.* Client kings // *Exeter studies in history*. 1988. № 18. P. 69–96.
271. *Braund D.* Hadrian and Pharasmanes // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte*. 1991. Bd. 73. S. 208–219.
272. *Braund D.* Georgia in Antiquity. L., 1994. 359 p.
273. *Braund D.* King Scribonius // *БФ. Ч. 1. СПб.*, 2004. С. 81–86.
274. *Braund D.* Polemo, Pythodoris and Strabo. Friends of Rome in the Black Sea Region // *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat* / A. Coşkun (Hrsg.). Göttingen, 2005. S. 253–270.
275. *Brunt P.* Amicitia in the Late Republic // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1965. Vol. 191. P. 1–20.
276. *Brunt P.* Italian Manpower, 225 BC–AD 14. Oxf., 1971. 784 p.
277. *Brunt P.* Amicitia // *The Fall of the Republic and Related Essays*. Oxf., 1988. P. 351–381.
278. *Buraselis K.* Kos: Between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the middle second century B.C. until Late Antiquity. Philadelphia, 2000. 189 p.
279. *Burton P.* Clientela or Amicitia? Modelling Roman International Behaviour in the Middle Republic (264–146 BC) // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte*. 2003. Vol. 85. S. 333–369.
280. *Burton P.* Friendship and Empire. Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 BC). Cambr., 2011. 393 p.
281. *Carcaterra A.* Intorno ai “bonae fidei iudicia”. Napoli, 1964. 231 p.
282. *Casevitz M.* Le vocabulaire du mélange démographique: mixobarbares et mixhellènes // *Origines gentium* / éd. V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux, 2001. P. 41–47.
283. *Chaniotis A.* Political culture in the cities of the northern Black sea region in the “Long hellenistic age” (the epigraphic evidence) // *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions* / V. Kozlovskaya (ed.). Cambr., 2017. P. 141–166.

284. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1968. 1368 p.
285. *Christ K.* Krise und Untergang der Römischen Republic. Darmstadt, 1993. 540 p.
286. *Cimma M.R.* Reges socii et amici populi Romani. Milano, 1976. 80 s.
287. *Coarelli F.* Rome and Environs. An Archaeological Guide. Berkeley; Los Angeles; London, 2007. 555 p.
288. *Cojocaru V.* Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice (Die Bevölkerung der nördlichen und nordwestlichen Schwarzmeerküste vom 6. bis 1. Jh. v. Chr. auf Grundlage des Inschriftenmaterials). Iași, 2004. 500 p.
289. *Cojocaru V.* Von Byzantion nach Olbia: Zur Proxenie und zu den Außenbeziehungen auf der Grundlage einer Ehreninschrift // *Arheologia Moldovei*. Bukarest, 2009/2010. Vol. 32. S. 41–56.
290. *Coşkun A.* Freundschaft und Klientelbindung in Roms auswärtigen Beziehungen. Wege und Perspektiven der Forschung // *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen, 2005. S. 1–30.
291. *Coşkun A.* Kastor von Phanagoreia, Präfekt des Mithradates und Freund der Römer // *Phanagoreia und darüber hinaus ... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / N. Povalachev (hg.)*. Göttingen, 2014. S. 131–138.
292. *Coşkun A.* Heinz Heinen und die Bosporanischen Könige – Eine Projektbeschreibung // *Mobility in Research on the Black Sea*. (Iași, July 5–10, 2015) / V. Cojocaru, A. Rubel (eds.). Cluj-Napoca, 2016. P. 51–71.
293. *Coşkun A.* Der Ethnarchentitel des Simon (Makkabaios) und die Verleihung der Souveränität durch Antiochos VII. Sidetes // *Scripta Classica Israelica*. 2018. Vol. 37. S. 129–161.
294. *Coşkun A.* Chersonesos Taurike, Asandros and Rome – A New Interpretation of the Embassy of C. Julius Satyrus to Rome, 46 BC (IOSPE I² 691) // *Philobiblos. Scritti in onore di Giovanni Geraci / A. Bencivenni, A. Cristofori, F. Muccioli, C. Salvaterra (eds.)*. Milan, 2019. P. 281–306.
295. *Coşkun A.* The Bosporan Kings in-between the Mithridatic Tradition and Friendship with Rome: the Usurpation of Asandros Revisited // *Proceedings of the Conference ‘The Black Sea Region in the Context of the Roman Empire’ (Athens, 5–8 May 2016) / D. Braund, A. Chaniotis, E. Petropoulos (eds.)*. Athens, 2022. P. 125–147.
296. *Coşkun A., Heinen H.* Amici populi Romani. Das Trierer Projekt “Roms auswärtige Freunde” stellt sich vor // *Ancient Society*. 2004. Vol. 34. P. 45–75.
297. *Crawford M.* Roman Imperial Coin Types and the Formation of Public Opinion // *Studies in Numismatic Method presented to P. Grierson / C. Brooke, B. Steward, J. Pollard, T. Volk (eds.)*. Cambr., 1983. P. 47–64.
298. *Cursi M.F.* Il carattere paradigmatico della classificazione dei foedera’ dalla partizione di Livio alla sistematica di Grozio // *Tradizione romanistica e Costituzione / L. Labruna (ed.)*. Napoli, 2006. 126 p.
299. *Cursi M.F.* International Relationships in the Ancient World // *Fundamina*. 2014. № 20 (1). P. 186–195.

300. *Dahlheim W.* Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im dritten und zweiten Jahrhundert v. Chr. München, 1968. 293 p.
301. *Dakin E.* The honorary decree for Karzoazos, son of Attalos (IOSPE I² 39). A Monument for a “new man?” // The Black Sea region in the context of the Roman Empire: international symposium dedicated in memory of Victor I. Sarianidi (Athens 5–8 may 2016). 2022. P. 395–410.
302. *Diehl E.* Orontes 8 // RE. Bd. XVIII. Hbd. 1. Stuttgart, 1939. Sp. 1166.
303. *Diplomats and Diplomacy in the Roman World / C. Eilers (ed.).* Leiden; Boston, 2009. 254 p.
304. *Eckstein A.* Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC. Malden; Oxf., 2008. 439 p.
305. *Eilers C.* Roman Patrons of Greek Cities. Oxf., 2002. 349 p.
306. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3-e éd. P., 1951. 844 p.
307. *Ferrary J.* Philhellénisme et impérialisme: Aspects idéologiques de la conquête du monde hellénistique. Rome, 1988. 690 p.
308. *Feyel C.* Dokimasia: la place et le rôle de l'examen préliminaire dans les institutions des cites grecques. Nancy, 2009. 408 p.
309. *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.).* Stuttgart, 2015. 374 p.
310. *Fowler R., Hekster O.* Imagining Kings: From Persia to Rome // Imaginary Kings: Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome / R. Fowler, O. Hekster (eds.). München, 2005. P. 9–38.
311. *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.) / A. Coşkun (Hrsg.).* Frankfurt am Main; Oxford, 2008. 261 S.
312. *Frolova N.A.* The coinage of the Bosphorus AD 69–238. Oxf., 1979. 249 p.
313. *Frolova N.A.* The coinage of the Bosphorus AD 242–341/2. Oxf., 1983. 232 p.
314. *Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom From the First century BC to the Middle of the First Century AD. Oxf., 2002. 1102 S.
315. *Funck B.* Das Bosporanische Reich aus der Sicht Strabons // *Klio*. 1985. Vol. 67. S. 273–280.
316. *Funck B.* Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // *Das Altertum*. 1986. Bd. 32. Hbd. 1. S. 27–35.
317. *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. 604 S.
318. *Gelzer M.* The Roman Nobility. Oxf., 1969. 188 p.
319. *Gift Giving and the ‘Embedded’ Economy in the Ancient World / F. Carlà, M. Gori (eds.).* Memmingen, 2014. 437 p.
320. *Golenko K.V., Karyszkowski P.J.* The gold coinage of king Pharnaces of the Bosphorus // *Numismatic chronicle*. L., 1972. P. 25–38.
321. *Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott, S. Jones, R. Mc Kenzie (eds.).* Oxf., 1948. 758 p.
322. *Gruen E.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. 862 p.
323. *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. Oxf., 1979. 308 p.

324. *Heinen H.* Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur interpretation von *Bellum Alexandrinum* 78 // *E fontibus haurire*. Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Paderborn, 1994. P. 63–79.
325. *Heinen H.* Rome et le Bosphore: notes épigraphiques // *CCG*. Vol. 7. 1996. P. 81–101.
326. *Heinen H.* Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. P. 340–361.
327. *Heinen H.* Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538). Übersehene Berichtigungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere Beobachtungen // *ZPE*. 1999. Bd. 124. S. 133–142.
328. *Heinen H.* Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006. 91 S.
329. *Heinen H.* Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund // *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen*. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte. Stuttgart, 2006. P. 343–358.
330. *Hekster O.* Trophy Kings and Roman Power: A Roman Perspective on Client Kingdoms // *Client kingdoms in the Roman Near East* / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 45–55.
331. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la republique. P., 1963. 594 p.
332. *Heuss A.* Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. Leipzig, 1933. 119 S.
333. *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staatsund völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937. 273 S.
334. *Hoben W.* Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz, 1969.
335. *Hoffman W.* Polemon II // *RE*. 1963. Bd. 49. Hbd. 47. S. 1285–1287.
336. *Højberg Bjerg L.* Money, power and communication: coin circulation in the Bosporan kingdom in the Roman period. Wetteren, 2014. 431 p.
337. *Hupe J.* Dion von Prusa zum Kult des Achilleus in Olbia // *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit*. Beiträge zur Akkulturationsforschung / J. Hupe (Hrsg.). Rahden; Westf, 2006. 278 S.
338. *Isaac B.H.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxf., 1990. 492 p.
339. *Kallet Marx R.* Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley; Los Angeles; Oxford. 1996. 557 p.
340. *Karavites P., Wren Th.* Promise-giving and Treaty-making. Homer and the Near East. Leiden; New York; Köln, 1992. 224 p.
341. *Kemp J.* Led Across the Danube: Interactions between Rome and the Danubian-Pontic Peoples in the first two centuries AD. PhD Thesis. Warwick, 2019. 334 p.
342. *Konstan D.* Friendship in the Classical World. Cambr., 1997. 232 p.
343. *Konstan D.* Greek Friendship // *The American Journal of Philology*. 1996. Vol. 117 (1). P. 71–94.

344. *Lemosse M.* Le régime des relations internationales dans le Haut- Empire romain. P., 1967. 215 p.
345. *Lexicon of Greek Personal Names / P.M. Fraser (ed.).* Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxf., 2005. 458 p.
346. *Lintott A.* Imperium Romanum. Politics and Administration. L.; N.Y., 1993. 286 p.
347. *Lombardi L.* Dalla “fides” alla “bona fides”. Milano, 1961. 261 p.
348. *Lomtadze G., Zhuravlev D.* ‘Bosporan Limes’ in the Ist Century BC: Fortification of the Bosporan Kingdom during the Reign of King Asander // De Mithridate VI à Arrien de Nicomédie: changements et continuités dans le bassin de la mer Noire entre le Ier s. a.C. et le Ier s. p.C. Actes du colloque de P. Nanterre, 2 et 3 mars 2018 / Th. Castelli, Chr. Müller (eds.). Bordeaux, 2022. P. 231–246.
349. *MacDonald D.* An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of Bosporus. Lancaster, 2005. 152 p.
350. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950. Vol. I–II. 745 p.
351. *Matthaei L.* On the Classification of Roman Allies // *ClQ.* 1907. Vol. 1. P. 182–204.
352. *Mattingly H.* A Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. I. L., 1976. 640 p.
353. *Mauss M.* The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies. L.; N.Y., 2002. 225 p.
354. *Mellor R.* ΘΕΑΡΩΜΗ: The Worship of the Goddess Roma in the Greek World. Gottingen, 1975. 234 p.
355. *Mendel G.* Inscriptions de Bithynie // *Bulletin de Correspondance Hellénique.* P., 1901. Vol. XXV. P. 5–92.
356. *Meyer E.* Geschichte des Konigreichs Pontos. Lpz, 1879. 109 S.
357. *Millar F.* The Roman Empire and its neighbors. L., 1967. 414 p.
358. *Millar F.* Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2: Government, Society, and Culture in the Roman Empire. L., 2004. 504 p.
359. *Minns E.* Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambr., 1913. 720 p.
360. *Mitchell L.* Φιλία, εὔνοια and Greek Interstate Relations // *Antichthon.* 1997. Vol. 31. P. 28–44.
361. *Mommsen Th.* Das römisches Gastrecht und die römische Clientel // *Römische Forschungen.* Bd. I. B., 1864. S. 319–390.
362. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I–III. Leipzig, 1887–1888.
363. *Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. 460 p.
364. *Nadel B.* *Reges amici* Pyinocnego Nadczarnomorza i ich stosunki prawno-polityczne z Rzymem w ostatnim wieku republiki i pierwszych dwóch stuleciach cesarstwa // *Eos.* 1961. Vol. 51. P. 119–134.
365. *Nadel B.* A note about Σεβαστόγνωστος // *Eos.* 1962. Vol. 52. P. 295–298.
366. *Nawotka K.* The attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // *Latomus.* 1989. T. XLVIII. P. 326–338.
367. *Nawotka K.* Asander of the Bosporus: his coinage and chronology // *AJN.* 1991–1992. Vol. 3/4. P. 21–48.

368. *Nicols J.* Hospitium: Understanding 'Ours' and 'Theirs' on the Roman Frontier // Rome and the Worlds Beyond its Frontiers / D. Slootjes, M. Peachin (eds.). Leiden, 2016. 262 p.
369. *Nováková L., Pagáčová M.* Dexiosis: a meaningful gesture of the Classical antiquity // ILIRIA International Review. 2016. Vol. 6. P. 207–222.
370. *Parfenov V.N.* Dynamis, Agrippa und Friedensaltar // Historia. 1996. Bd. 45. S. 95–103.
371. *Pippidi D.M.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. B., 1962. 216 S.
372. *Pitts L.* Relationships Between Rome and the German 'Kings' on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries AD // JRS. 1989. Vol. 79. P. 45–58.
373. *Podosinov A.V.* Am Rande der griechischen Oikumene // Das Bosporanische Reich / J. Fornasier, B. Böttger (Hrsg.). Mainz, 2002. S. 21–38.
374. *Podossinov A.V.* Barbarians and Greeks in the Northern Pontus in the Roman Period // Ancient West and East. 2009. № 8. P. 155.
375. *Portanova J.* The Associates of Mithridates VI of Pontus. PhD. N.Y., 1988. 1400 p.
376. *Primo A.* The Client Kingdom of Pontus: Between Mithridatism and Philromanism // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 159–179.
377. *Ramsay W.M.* The social basis of Roman power in Asia Minor. Aberdeen, 1941. 307 p.
378. *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. 494 p.
379. *Ricci C.* Stranieri illustri e comunità immigrate a Roma: vox diversa populorum. Roma, 2006. 124 p.
380. *Rich J.* Patronage and interstate relations in the Roman Republic // Patronage in Ancient Society. L.; N.Y., 1989. 264 p.
381. *Rober L.* Études Anatoliennes / M. Albert Gabriel (ed.). P., 1937. 620 p.
382. *Robert L.* Études épigraphiques et philologiques. P., 1938. 345 p.
383. *Rohden P.* Aspurgos // RE. Bd. II. Stuttgart, 1896. Sp. 1739–1740.
384. *Rohrbacher D.* The Play of Allusion in the Historia Augusta. Madison, 2016. 246 p.
385. *Rose B.* Princes and "barbarians" on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94. P. 453–467.
386. *Rostovtzeff M.* Queen Dynamis of Bosphorus // JRS. Vol. XXXIX. 1919. P. 88–109.
387. *Rundel T.* Mandatum zwischen utilitas und amicitia. Perspektiven zur Mandatarhaftung im klassischen römischen Recht. Münster, 2005. 189 S.
388. *Ruscu L.* Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre (Die Außenbeziehungen der griechischen Städte der rumänischen Schwarzmeerküste). Cluj-Napoca, 2002. 254 S.
389. *Saller R.* Personal Patronage under the Early Empire. Cambr., 1982. 232 p.
390. *Sands P.* The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambr.; N.Y., 1908. 242 p.
391. *Saprykin S.Yu.* Thrace and the Bosphorus under the Early Roman Emperors // Scythians and Greeks: Cultural Interaction in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD) / D. Braund (ed.). Exeter, 2005. P. 167–175.
392. *Schur W.* Die Orientpolitik des Kaisers Nero. Leipzig, 1923. 112 S.
393. *Sherwin-White A.* The Roman Citizenship. Oxf., 1973. 486 p.

394. *Sherwin-White A.* Roman Foreign Policy in the East, 168 BC to AD 1. L., 1984. 352 p.
395. *Sherwin-White S.* Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen, 1978. 582 p.
396. *Snowdon M.* Greek Freedom and Roman Hegemony: The Transaction of Roman Rule in the Greek East (201 BCE – 14 CE). PhD Thesis. Hamilton, 2010. 340 p.
397. *Snowdon M.* “In the Friendship of the Romans”: Melitaia, NARTHAKION and Greco-Roman Interstate Friendship in the Second Century BCE // *Historia*. 2014. Vol. 63 (4). P. 422–444.
398. *Stern G.* Friends and Family of Augustus on the Ara Pacis – and One or Two Enemies. Emory University, 2015. P. 1–13.
399. *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto, 1990. 523 p.
400. *Syme R.* The Roman Revolution. Oxf., 1939. 593 p.
401. The Gift in Antiquity / M. Saltow (ed.). Chichester, 2013. 269 p.
402. *van der Ploeg G.* The Impact of the Roman Empire on the Cult of Asclepius. Leiden, 2018. 348 p.
403. *van Wijlick H.* Rome and Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44–31 BC: A Study of Political Relations During Civil War. Leiden; Boston, 2021. 307 p.
404. *Vidman L.* Ababa und Αβαβοῦς. Ein Beitrag zur Onomastik der nördlichen Schwarzmeerküste // *Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes* / Hrgs. J. Irmscher, D.B. Schelow. B., 1961. S. 155–158.
405. *Verboven K.* The Economy of Friends. Economic aspects of amicitia and patronage in the Late Republic. Brussels, 2002. 373 p.
406. *Verboven K.* Friendship Among the Romans // *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World* // M. Peachin (ed.). Oxf., 2011. P. 404–421.
407. *Vinogradov Ju.G.* Olbia und Traian // *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes* / H. Heinen (hrsg.). Mainz, 1997. S. 341–345.
408. *Voigt M.* Die XII Tafeln. Bd. 2. Leipzig, 1883. 873 S.
409. *Walde A., Hofmann J.B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neu bearbeitete Aufl. Heidelberg, 1954. Bd. 2.
410. *Wiegels R.* Tribunus legionis IIII (Italicae)? Zu einer Notiz in der Historia Augusta und zur Vita des Maximinus Thrax vor seiner Kaisererhebung // *Klio*. 2012. Bd. 94. S. 436–461.
411. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1979. 486 S.
412. *Wright N.L.* The house of Tarkondimotos: a late Hellenistic dynasty between Rome and the East // *Anatolian Studies*. 2012. Vol. 62. P. 69–88.
413. *Zograph A.N.* Ancient Coinage. Oxf., 1977. 421 p.
414. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. 466 S.
415. *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. 701 S.

Список сокращений

АВ	Археологические вести. СПб.
АГСП	Античные государства Северного Причерноморья. М.
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
БИ	Боспорские исследования. Керчь.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
БЧ	Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВХУ	Вестник Харьковского университета.
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ИТУАК	Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. СПб.
КБН	Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСОАМ	Краткие сообщения Одесского археологического музея.
Л.	Ленинград.
М.	Москва.
МАИАСП	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	Материалы по археологии России. СПб.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НС	Нумизматический сборник Государственного Исторического Музея. М.
НО	Надписи Ольвии (1917–1965) / Т.Н. Книпович, Е.И. Леви (ред.). Л., 1968.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
СА	Советская археология. М.
СПб.	Санкт-Петербург.
УЗМПИ	Ученые записки Могилевского педагогического института.

AE	L'Année Épigraphique. 1888–.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston (Mass.)
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / H. Temporini, W. Haase (Hrsg.). B.; N.Y.
Aphrod.	Rome and Aphrodisias / J. Reynolds (ed.). L., 1982.
APR	Amici Populi Romani: Prosopographical of the Foreign Friends of Rome / A. Çoskun, O. Bräckel, J. Coert (eds.). Waterloo, 2024.
AWE	Ancient West and East. Brill.
B.	Berlin.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. P.
CAH	Cambridge Ancient History.
Cambr.	Cambridge.
CCG	Cahiers du Centre Gustave-Glotz. P.
CIG	Corpus Inscriptionum Graecarum. B., 1825–1877.
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum. B., 1853–.
CIJ	Classical Journal. Ashland.
ClPh	Classical Philology. Chicago.
ClQ	Classical Quarterly. Oxf.
ClR	Classical Review. Oxf.
FrHG	Fragmenta historicorum Graecorum. Paris, 1841–1884.
I.Erythrai	Die Inschriften von Erythrai, Klazomenai: Die Inschriften von Erythrai, Klazomenai. Teil 1. № 1–200 / H. Engelmann, R. Merkelbach (Hrsg.). Bonn, 1972.
IG	Inscriptiones Graecae. B., 1873–.
IGR	Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. P., 1901–1927.
IGUR	Inscriptiones Graecae Urbis Romae. 4 vols. Roma, 1968–1990.
I.Iasos	Die Inschriften von Iasos / W. Blümel, W. Weiser (Hrsg.). Bonn, 1985.
I.Knidos	Die Inschriften von Knidos. Teil 1. № 1–804 / W. Blümel (Hrsg.). Bonn, 1992; Teil 2: Testimonia. Addenda und Corrigenda zu Bd. I (1992). Seit 1992 publizierte Neufund. № 1–48 / W. Blümel (Hrsg.). Bonn, 2019.
I.Metrop.	Die Inschriften von Metropolis / B. Dreyer, H. Engelmann (Hrsg.). Bonn, 2003.
I.Milet	Das Delphinion in Milet. Milet. Bd. III.1. Ergebnisse der Ausgrabungen seit dem Jahre 1899 / G. Kawerau, A. Rehm (Hrsg.). B., 1914.

IOSPE I ²	Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini Graecae et Latinae / V. Latyshev (ed.). Petropoli, 1916. Vol. I. Ed. 2.
I.Priene	Inschriften von Priene / F. Hiller von Gaertringen (Hrsg.). B., 1906.
ISE	Inscrizioni storiche ellenistiche / L. Moretti (ed.). T. 1. Firenze, 1967.
ISM	Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae I: Inscriptiones Histriae et IstMittMitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Istanbul, Tübingen vicinia. Bucarest, 1983.
JHS	Journal of Hellenic Studies. L.
JRS	Journal of Roman Studies. L.
L.	London.
L.A.	Los Angeles.
N.Y.	New York.
OGIS	Orientis Graeci Inscriptiones Selectae / W. Dittenberger (ed.). Leipzig, 1903–1905. Vol. I–II.
Oxf.	Oxford.
P.	Paris.
RDGE	Roman Documents from the Greek East. Senatus Consulta and Epistulae to the Age of Augustus / R.K. Sherck (ed.). Baltimore, 1969.
RE	Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Au. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsg.). Stuttgart, 1894–1980.
RGDA	Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis / J. Gage (ed.). P., 1935.
RIC	Roman Imperial Coinage. L.
RIDA	Revue international des droits de l'antiquité. Bruxelles.
RhM	Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt am Main.
SCI	Scripta classica Israelica. Jerusalem.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–.
SIG ³	Sylloge inscriptionum Graecarum / W. Dittenberger (Hrsg.). Bd. 3. Leipzig, 1915–1924. Vol. I–IV.
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Atlanta, 1974–...
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

Прил. 1. Табл. 1. Титулатура боспорских царей-друзей Рима

Надпись	Правитель	Происхождение	Дата	Титулатура	Характер надписи
посвящение Аполлону	Фарнак	Гермонасса	63–56 гг. до н.э.	βασιλέως Φαρνάκου φιλορώμαιος	посвящение Аполлону за Фарнака
КБН 28	Фарнак	Пантикапей	55–47 гг. до н.э.	[βασιλ]έυς βασ[ιλέων] [μέ]γας Φαρνάκ[ης]	посвящение Артемиде от имени Фарнака
КБН 29=IOSPE IV 200	Фарнак	Пантикапей	55–47 гг. до н.э.	[Φαρνάκης? μέγας βασιλε]ύς βασιλέων [ἄρχων? Βοσπόρου τοῦ κα]τὰ τὴν Εὐρώπην	посвящение Зевсу от имени Фарнака
посвящение из Артезиана	Фарнак	Артезиан	55–47 гг. до н.э.	[βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτή]ρ Φαρνάκης	посвящение Зевсу от имени Фарнака
посвящение Тихе Хрисалиска	Асандр	Таманский п-в	45/44–20/19 гг. до н.э.	βαλέυς Ἄσσανδρος φιλ(ορώμαιος)	посвящение богам
КБН 30=IOSPE I ² 25	Асандр	Пантикапей	45/44–20/19 гг. до н.э.	βασιλέως βασιλέων] μεγάλου Ἀσάνδρου [φιλ]ορωμαίου	посвящение богам от имени магистрата
КБН 30=IOSPE I ² 25	Динамия	Пантикапей	45/44–20/19 гг. до н.э.	βασιλίσσης Δυνάμεως	посвящение богам от имени магистрата
эпитафия Матиана	Динамия	Азиатский Боспор	20/19–16/15 гг. до н.э.	βασίλισσα Δύναμις	эпитафия от имени Динамии
КБН 38=IOSPE IV 201	Динамия	Пантикапей	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	βασίλισσα Δύναμις φιλορώμαιος	посвящение императору Августу от имени Динамии
КБН 978=IOSPE IV 420	Динамия	Фанагория	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	[β]α[σίλισσα] Δύναμις φιλορώμαιος	посвящение Ливии от имени Динамии
КБН 1046=IOSPE I ² 354	Динамия	Гермонасса	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	βασίλισσα Δύναμις φιλορώμαιος	посвящение императору Августу от имени Динамии
КБН 31	Динамия	Пантикапей	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	βασιλίσσης Δυνάμεως φιλορωμαίου τῆς ἐκ βασιλέως μεγάλου Φαρνάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως Μιθραδάτου Εὐπάτορος Διονύσου	посвящение богам от имени пантикапейцев за Динамию
КБН 979=IOSPE I ² 356	Динамия	Фанагория	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	[β]ασίλισσαν Δύναμιν φιλορώμα[ιον τῇ]ν ἐκ βασιλέω[ς μ]εγάλου Φα[ρνάκου το]ῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθρ[αδάτο]υ Εὐπάτορος [Διο]νύσ[ο]υ	посвящение Динамии от имени агриппейцев
посвящение в святилище Аполлона	Динамия	Танаис	9/8 г. до н.э.–8/9 г. н.э.	βα[σίλισσης Δυνάμεως φιλορωμαίου τῆς ἐκ μεγάλου βασιλέ]ως Φαρ[νάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθραδάτου] [Ε]ὐπατορος [Διονύσου	посвящение Динамии от имени эмпориотов
манумиссия (?)	Аспург	Мирмекий	14/15 г. н.э.?	[βασιλέως] Ἀσπούργου φιλ[ορωμαίου]	манумиссия
рескрипты царя Аспурга	Аспург	Горгиппия	16 г. н.э.	[βασιλεὺς] Ἀσποῦργος φιλορώμαιος	письма царя народу Горгиппии
КБН 985=IOSPE I ² 364	Аспург	Фанагория	16/17 г. н.э. (313 г. б.э.)	βασιλέως Ἀσπούργου φιλορωμαίου	манумиссия
посвящение Афродите Урании	Аспург	Фанагория	17–23 г. н.э.	βασιλεὺς Ἀσποῦργος φιλορώμαιος βασιλέως Ἀσανδρόχου υἱός	посвящение Аспурга Афродите
посвящение Гермесу и Гераклу	Аспург	Горгиппия	18/19 г. н.э. (315 г. б.э)	βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς] φιλορώμαιος ὁ ἐκ βασιλέ[ως] μεγάλου Ἀσανδρόχου	посвящение Аспурга богам
КБН 40=IOSPE I ² 36	Аспург	Пантикапей	23/24 г. н.э.	βασιλέα μέγαν Ἀσποῦργον φιλορώμαιον, τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου φιλοκαίσαρα καὶ φιλοώμαιον, βασιλεύοντα παντὸς Βοσπόρου, Θεοδοσίης καὶ Σίνδων καὶ Μαῖτῶν καὶ Ταρπείων καὶ Τορετῶν, Ψησῶν τε καὶ Ταναϊτῶν, ὑποτάξαντι Σκύθας καὶ Ταύρους	посвящение магистрата царю
КБН 39	Аспург	Пантикапей	23/24 г. н.э. (320 г. б.э.)	βασιλεῖ μεγάλῳ Ἀσπούργῳ φιλορωμαίῳ, τῷ[ι -----] βασιλεύοντι παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης κα[ὶ] Σίνδων καὶ Μαῖτῶν καὶ Ταρπείων καὶ Τορετῶν] Ψησῶν τε καὶ Ταναϊτῶν, ὑποτάξαντι Σκύθας κα[ὶ] Ταύρους ----]	неизвестное посвящение царю
КБН 1123=IOSPE I ² 400	Митридат VIII	Горгиппия	41/2 г. н.э. (338 г. б.э.)	βασιλέως Μιθριδάτου φιλο герма<νί>κου? (Латышев) καὶ φιλοπάτριδος	манумиссия
IOSPE II 38	Митридат VIII	Ольвия	середина I в. н.э.	[Μιθραδάτην Ἀσπ]ούργου βα[σιλέα μέγαν Βοσπόρου, φιλογερμάνικον καὶ] φιλόπατριν	посвящение ольвиополитов Митридату VIII
КБН 958=IOSPE I ² 37	Котис I	Пантикапей	правление Котиса I	υ<ι>έος Ἀσπούργου, εὐσεβέος Κότυος,	почетная надпись
надпись из Горгиппии	Котис I	Горгиппия	правление Котиса I	βασιλ]εύοντος [Κότυος τοῦ Ἀσπού]ργου φιλο[καίσαρος καὶ фил]ορωμαίου	частное посвящение богам

ΚΒΗ 69=IOSPE IV 204	Κοτισ Ι	Пантикапей	57/8 γ. н.э. (354 γ. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Κότυος φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	неизвестно
ΚΒΗ 41=IOSPE Ι² 32	Κοτισ Ι	Пантикапей	58 γ. н.э.	Κότυς] ὁ Ἀσπούρ[γ]ου [β]α[ς]ι[λεὺς] [φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῶ]μαιος, εὐσεβῆς, ἀρχιε[ρεὺς] [τῶν Σεβαστῶν	посвящение Котиса императору Нерону
ΚΒΗ 1124	Κοτισ Ι	Горгиппия	59/60 γ. н.э. (356 γ. б.э.)	баси[λέως Κότυος φι][λοκαί]σαρος καὶ φιλο[ρ]ωμαίου, εὐσε[ι][βοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 1126	Рескупорид Ι	Горгиппия	67/8 γ. н.э. (364 γ. б.э.)	βασιλέως Ῥησκουπόριδος, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 1047=IOSPE Ι² 355	Рескупорид Ι	Гермонасса	71 γ. н.э.	[βασιλ]έως {ως} εὐσεβῶς τοῦ ἐκ προ[γόνων βασιλέων Τιβερίου Ἰουλίου] Ῥησκουπ[όρι]δος βασιλέως Ἰουλίου [Κότυος καὶ βασιλίσσης Εὐνείκης?] υἱοῦ, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ[ο]μαίου, εὐσεβοῦς, ἀρχιερέως τῶν Σεβαστῶν] διὰ βίου καὶ εὐεργέτου τῆς πατρ[ίδος]	посвящение римскому императору
ΚΒΗ 986	Рескупорид Ι	Фанагория	79/80 γ. н.э. (376 γ. б.э.)	βα[σιλέως Τιβερίου Ἰου][λίου Ῥη]σκουπόρ[ιδος φιλοκαίσαρος] [κα]ὶ φιλωρωμαίο[υ, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 70	Рескупорид Ι	Пантикапей	80/1 γ. н.э. (377 γ. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Ῥησκουπόριδος φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 76	Рескупорид Ι	Пантикапей	82/3 γ. н.э. (379 γ. б.э.)	βασιλέω[ς] Τιβερίου Ἰουλίου Ῥησ[κ]ουπόριδος, φιλοκαίς[α]ρος καὶ φιλωρ[ο]μαίου], εὐσεβοῦς	частное посвящение богам
ΚΒΗ 1118	Рескупорид Ι	Горгиппия	68/69–93/94 γγ. н.э.	[τò]ν ἐκ προγόνων βα[σιλέων βασιλέα μέγαν] Τιβέριον Ἰούλιον Ῥης[κούποριν, βασιλέως Κότυ]ος καὶ βασιλίσσης Εὐν[είκης? υἱὸν φιλοκαίσα]ρα καὶ φιλωρώμαιον, εὐ[σεβῆ, ἀρχιερέα τῶν Σε]βαστῶν διὰ βίου καὶ ε[ὐ]εργέτην τῆς πατρίδος] ... τὸν ἴδιον εὐεργ[έτην]	посвящение боспорскому царю от имени народа Горгиппии
ΚΒΗ 42=IGRR I.885	Рескупорид Ι	Пантикапей	93/94 γ. н.э. (390 γ. б.э.)	[τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβέ]ρ[ιον] [Ἰούλιον Ῥησκούποριν υἱὸν βασ]ιλέως Βοσπό[ρου Κότυος τοῦ Ἀσπούργου εὐσεβοῦ]ς φιλοκαίσαρα [καὶ φιλωρώμαιον, εὐσεβῆ, ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν [διὰ βίου καὶ εὐεργέτην τῆς πατρί]δος	посвящение Рескупориду от имени Савромата
ΚΒΗ 42=IGRR I.885	Савромат Ι	Пантикапей	93/94 γ. н.э. (390 γ. б.э.)	Ἰούλιος [Σαυρομάτης Ῥησκουπόριδος υἱὸς]	посвящение Рескупориду от имени Савромата
ΚΒΗ 43=IOSPE Ι² 38	Савромат Ι	Пантикапей	97/8 γ. н.э. (394 γ. б.э.)	[Τιβ. Ἰούλιον Σαυρομάτην] [υἱὸν βασιλέως Ῥησκουπόριδ]ος, φιλοκαίσαρα καὶ φι[λο]ρώμαιον, εὐσεβῆ	посвящение частного лица царю
ΚΒΗ 1259	Савромат Ι	Танаис	104/5 γ. н.э. (401 γ. б.э.)	βασιλ[έ]ως Τιβερίου Σαυρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	надпись фиасов
ΚΒΗ 1021	Савромат Ι	Таманский п-в	105/6 (402 γ. б. э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 1045=IOSPE Ι² 352	Савромат Ι	Гермонасса	105/6 (402 γ. б. э.)	[Τιβέριος Ἰούλιος βασι]λεὺς Σαυρομ[άτης φιλόκαισαρ καὶ] [φιλωρώμαιος, εὐσεβῆς], ἀρχιερεὺς τῶν Σεβασ[τῶν διὰ βίου]	строительная надпись Савромата
ΚΒΗ 1115	Савромат Ι	Горгиппия	110/11 γ. н.э. (407 γ. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	посвящение Афродите от имени магистрата
ΚΒΗ 44=IOSPE Ι² 39	Савромат Ι	Пантикапей	116/17 γ. н.э. (413 γ. б.э.)	[τò]ν ἐκ π[ρ]ογόνων [βα]σι[λέ]ων βα[σιλέα] μέγαν [Τιβέ][ρι]ον Ἰού[λιον Σαυ]ρομάτ[η]ν], υἱὸν βα[σιλέως] Ῥησκουπ[όρι]δος, φιλο[κ]αίσαρα καὶ φιλωρώμ[ι]ον εὐσεβῆ, ἀρχιερέα τ[ῶ]ν Σεβαστῶν διὰ βίου κα[ὶ ε]ὐεργέτην τῆς πατρίδος καὶ κτίστην	посвящение союза молодых никейцев царю
ΚΒΗ 32=IOSPE Ι² 26	Савромат Ι	Пантикапей	начало II в. н.э.	τοῦ ἐκ προγόνων βα] σιλέω[ν – – – μεγάλου βα] σιλέως Β[οσπόρου Σαυρομάτου] φιλοκαίσαρος [καὶ φιλωρωμαίου], εὐσεβοῦς	посвящение магистрата царю
ΚΒΗ 46=IOSPE Ι² 40	Савромат Ι	Пантикапей	правление Савромата	regem Ti(berium) Iul(ium) Sauromatem amicum Imp(eratoris) populiq(ue) R(omani) praestantissimum	посвящение народа Синопы царю
ΚΒΗ 1125=IOSPE Ι² 401	Савромат Ι	Горгиппия	правление Савромата	βασιλέως Τιβερίου Ἰ[ω]ουλίου Ἰουλίου [λιου] Σαυρομάτου, φιλοκαίσαρος κ<α>ὶ φιλωρωμ<α>ίου, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 1254=IOSPE IV 446	Савромат Ι	Танаис	правление Савромата	[ὁ ἐκ] προγόνων βασιλέ[ων βα]σιλεὺς μέγας Τιβέριος [Ἰούλιος] βασιλεὺς [Σ]αυρομάτης, [υἱὸς βασιλέ]ως Ῥησκουπό[ρι]δος, φιλόκαισαρ κ]αὶ φιλο[ρ]ώμ[α]ιο[ς], εὐσεβῆς	строительная надпись
ΚΒΗ 1048=IOSPE Ι² 358	Савромат Ι	Гермонасса	правление Савромата	[τὸν ἀπὸ Π]οσειδῶνος κα[ὶ] [ἀφ' Ἡρακλ]έους βασιλέα βασιλέων μέγαν το[ῦ] [σύμπα]ντος Βοοσπόρου Τιβέριον Ἰούλιον [Σαυρομ]άτην, υἱὸν βασιλέως Ῥησκουπόρι[δος], [φιλο]καίσαρα καὶ φιλωρώμ[αιον], εὐ[σεβῆ]	посвящение частного лица царю
ΚΒΗ 1122	Савромат Ι	Горгиппия	правление Савромата	ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βα[σιλεὺς μέγας] Τιβέριος [Ἰ]ούλιος Σαυρομάτης φ[ιλόκαισαρ] καὶ φιλωρώμαιος εὐσεβῆς ἀρχιερεὺς τ[ῶν Σεβас]τῶν διὰ β[ί]ου καὶ εὐεργέτης τῆς πατρίδο[ς]	строительная надпись Савромата
ΚΒΗ 1054=IOSPE IV 421	Савромат Ι	Гермонасса	правление Котиса II	βασιλέως] Σαυρομάτου, [φιλοκαίσα]ρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	надпись фиасов
ΚΒΗ 834	Κοτισ II	Пантикапей	правление Котиса II	Κότ[υος – – – –] φιλο[ρ]ωμαίου – –] καὶ κ[– – – –]	неизвестно
ΚΒΗ 34	Κοτισ II	неизвестно	правление Котиса II	ὕπερ τῆ[ς τοῦ βασιλέως Τ. Ἰουλί]ου Κότυο[ς, υἱοῦ μεγάλου βασιλέως] Τ. Ἰουλ[ίου – – – – – εὐσεβοῦς]	неизвестное посвящение царю
ΚΒΗ 1054=IOSPE IV 421	Κοτισ II	Гермонасса	правление Котиса II	баси]λέως [Τιβερίου Ἰουλίου] Κότυος	надпись фиасов

ΚΒΗ 33=IOSPE I ² 27	Κοτίς ΙΙ	Παντικάπαι	123/4 γ. ν.ε. (420 γ. β.ε.)	[ὕπ]ερ βασιλέως [βασιλέ]ων Τιβερίου Ἰουλίου Κόττι[ος] φιλοκαίς[αρος καὶ φ]ιλ[ο]ρωμα[ί]ου τοῦ καὶ [εὐεργέτου τῆ]ς πατρίδος	посвящение магистрата царю
ΚΒΗ 982=IOSPE I ² 359	Κοτίς ΙΙ	Φαναгорία	130/1 γ. ν.ε. (427 γ. β.ε.)	βασι[λέα β]α[ς]ιλέων [ἀρχιερέα τῶν Σεβαστῶν διὰ] [βί]ου καὶ εὐεργέτην [τῆς πατρίδος – – – –]	посвящение царю от агриппейцев
ΚΒΗ 47=IOSPE I ² 33	Реметалк	Παντικάпαι	133/4 γ. ν.ε. (430 γ. β.ε.)	Τ[ιβέριος] Ἰού[λιος] βασιλεὺς Ῥοιμητάλκης, φιλόκ[αίσα]ρ καὶ [φιλορώ]μαιος, εὐσεβῆς	посвящение Адриану от имени царя
ΚΒΗ 976=IOSPE I ² 353	Реметалк	Φαναгорία	151/2 γ. ν.ε. (448 γ. β.ε.)	Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεὺς Ῥοιμητάλκης, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβῆς	надпись о даровании царем земель храму
ΚΒΗ 966	Реметалк	Илурат	правление Реметалка	βασιλέως Τι[βερίου] Ἰουλίου Ῥοιμητάλκου φιλοκ[αίσα]ρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς	неизвестно
ΚΒΗ 1052	Реметалк	Гермонасса	правление Реметалка	βασιλέως Τιβερίου Ἰο[υλίου] Ῥοιμητάλ]κου φιλοκ[αίσαρος καὶ φιλο]ρωμαίου, ε[ὐ]σεβοῦς	строительная надпись
ΚΒΗ 1261=IOSPE I ² 437	Реметалк	Ταναис	правление Реметалка	βα[σιλέως Τιβερίου] [Ἰ]ουλίου Ῥοιμητάλκο[υ φιλοκαίσαρος καὶ] φιλωρωμαίου, εὐσε[βοῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1134	Реметалк	Γοργипπία	правление Савромата II	μεγάλου βασιλέως Ῥοιμητάλκου	надпись фиасов
ΚΒΗ 1242=IOSPE I ² 427	Реметалк	Ταναис	188/9 γ. ν.ε. (485 γ. β.ε.)	μεγάλου βασιλέως Ῥοιμητάλκου	строительная надпись
ΚΒΗ 1243=IOSPE I ² 428	Реметалк	Ταναис	192/3 γ. ν.ε. (489 γ. β.ε.)	[μ]εγάλου βασιλέως Ῥοιμητάλκου	строительная надпись
ΚΒΗ 1256	Реметалк	Ταναис	правление Савромата II	[μ]ε[γ]άλου Ῥ[οι]μητάлк<ου>	неизвестно
ΚΒΗ 1239=IOSPE I ² 422	Евпатор	Ταναис	правление Евпатора	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Εὐπάτορος φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ<μ>αίου, εὐσεβοῦς	неизвестное посвящение магистрата
ΚΒΗ 1260=IOSPE I ² 438	Евпатор	Ταναис	155/6 γ. ν.ε. (452 γ. β.ε.)	βασιλέως [Τιβερίου] Ἰουλίου Εὐπ[άτ]ορος, φιλοκ[αίσαρος] καὶ φιλωρωμα[ίου, ε]ὐσεβοῦς	надпись фиасов
ΚΒΗ 1241=IOSPE IV 447	Евпатор	Ταναис	163/4 γ. ν.ε. (460 γ. β.ε.)	βασιλέως Τ(ιβερίου) Ἰουλίου [Εὐπά]τορος φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ[μαίου, ε]ὐσεβοῦς	строительная надпись
ΚΒΗ 1260a=IOSPE I ² 439	Евпатор	Ταναис	правление Евпатора	βασιλέως Τιβ]ερίου [Ἰουλίου Εὐ]πάτ[ορος φιλοκαίσαρο]ς καὶ [φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς]	надпись фиасов
надпись фиаса Горгиппии	Евпатор	Γοργипπία	правление Евпатора	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλ]ίου [Εὐπάτορος φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ]μαίου, [εὐσεβοῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1119a	Савромат II	Γοργипπία	186/7 γ. ν.ε. (483 γ. β.ε.)	βα[σιλέω]ς Τιβερίου Ἰουλίου] [Σαυρομά]του φιλ[οκαίσαρος καὶ φιλο]ρωμα[ίου], εὐσεβο[ῦς]	посвящение Неоклу, наместнику Горгиппии
ΚΒΗ 1242=IOSPE I ² 427	Савромат II	Ταναис	188/9 γ. ν.ε. (485 γ. β.ε.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου	строительная надпись
ΚΒΗ 1243=IOSPE I ² 428	Савромат II	Ταναис	192/3 γ. ν.ε. (489 γ. β.ε.)	βα[σιλέ]ως Σαυρομάτου	строительная надпись
ΚΒΗ 52=IOSPE I ² 34	Савромат II	Παντικάпαι	201/2 γ. ν.ε. (498 γ. β.ε.)	Τιβ(έριος) Ἰούλιος βασιλεὺς Σαυρομάτης φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβῆς	посвящение императору М. Аврелию от имени Савромата
ΚΒΗ 63=IOSPE I ² 47	Савромат II	Παντικάпαι	правление Савромата II	Τιβ. Ἰούλιος] [βασιλεὺς Σαυρο]μάτης [φιλόκαισαρ καὶ] φιλωρώ[μαιος, εὐσεβῆς]	строительная надпись
ΚΒΗ 955	Савромат II	пос. Партенит	правление Савромата II	[Τ. Ἰ]ούλ(ιος) βασιλ[εὺς Σαυρο]μάτης φιλόκ[αίσαρ] καὶ φιλωρώμ[αιος εὐ]σεβ(ῆς)	посвящение римской императрице? от имени Савромата
ΚΒΗ 74=IOSPE I ² 54	Савромат II	Παντικάпαι	правление Савромата II	βασιλέω[ς Σαυ]ρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλ[ο]ρωμαίου, εὐσεβοῦς	манумиссия
ΚΒΗ 77=IOSPE I ² 57	Савромат II	Παντικάпαι	правление Савромата II	βασιλέως Τιβερίου Ἰου]λίου Σαυρομά[του φιλοκαίσαρος καὶ φιλο]ρωμαίου, εὐσε[βοῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1134	Савромат II	Γοργиппия	правление Савромата II	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλ]ίου Σα[υ][ρομά]του φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου], εὐσε[βοῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1136	Савромат II	Γοργиппия	правление Савромата II	βασιλέω[ς Τιβερίου Ἰουλί]ου Σαυρομά[του φιλοκ]αίσαρος καὶ φιλο[ρ]ωμαίου, εὐσεβ[οῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1244=IOSPE I ² 436	Савромат II	Ταναис	правление Савромата II	βασιλ[έ][ως Τι]βερίου Ἰουλίου [Σαυ][ρομάτ]ου? φι[λ]οκαίσαρ[ος] [καὶ φι]λωρωμαίου, ε[ὐ][σεβ]οῦς	строительная надпись
ΚΒΗ 1277=IOSPE I ² 445	Савромат II	Ταναис	правление Савромата II	βασιλέως Τιβ(ερίου) Ἰουλ(ίου) Σαυρομάτου φιλοκαίσαρ[ος κα]ὶ φιλο[ρ]ωμαίου, εὐσεβοῦς	надпись фиасов
ΚΒΗ 1256	Савромат II	Ταναис	правление Савромата II	βασιλ.εἰ Σαυρομάτ[η]	неизвестно
ΚΒΗ 1135	Савромат II	Γοργиппия	правление Савромата II	τοῦ ἐκ προγόνων βασι[λέων μεγάλου βασιλέως Τιβερί]ου Ἰουλί[ου Σαυρομ]άτου φ[ιλοκαίσαρος κ]αὶ φιλωρωμαίου, εὐσεβο[ῦς]	надпись фиасов
ΚΒΗ 1049=IOSPE I ² 357	Савромат II	Гермонасса	правление Савромата II	[τ]ὸν ἀπὸ προγόνων βασιλέ[ων βασιλέ]α μ[έγα]ν Τιβέριον Ἰούλιον Σαυρομά[την], φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμαιον, εὐσεβῆ	посвящение Савромату II от имени магистрата
ΚΒΗ 53=IOSPE I ² 41	Савромат II	Παντικάпαι	215/6 γ. ν.ε. (512 γ. β.ε.)	μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου	посвящение Рескупориду II от имени магистрата
ΚΒΗ 1245=IOSPE I ² 430	Савромат II	Ταναис	220/1 γ. ν.ε. (517 γ. β.ε.)	μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου	строительная надпись
ΚΒΗ 1246=IOSPE I ² 431bis	Савромат II	Ταναис	220/1 γ. ν.ε. (517 γ. β.ε.)	μεγ[ά]λου βα[σιλέ]ως Σαυρ[ο]μάτου	строительная надпись
ΚΒΗ 1248=IOSPE I ² 431	Савромат II	Ταναис	220/1 γ. ν.ε. (517 γ. β.ε.)	μεγάλου βα[ς]ιλέως Σαυ[ρομά]του	строительная надпись

надпись из Фанагории	Савромат II	Фанагория	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου	строительная надпись
КБН 953=IOSPE IV 194	Савромат II	Старый Крым	222/3 г. н.э. (519 г. б.э.)	[βασι]λ[έως Σαυρομάτου	посвящение Рескупориду II от имени прусийцев
КБН 55=IOSPE I ² 43	Савромат II	Пантикапей	223/4 (520 г. б.э.)	μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου	посвящение Рескупориду II от имени прусийцев
КБН 56	Савромат II	Пантикапей	правление Рескупорида II	Τιβέριον Ἰούλιον βασιλέ[α Σαυρομάτην	посвящение Савромату II от имени Рескупорида II
КБН 53=IOSPE I ² 41	Рескупорид II	Пантикапей	215/6 г. н.э. (512 г. б.э.)	ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησκοῦποριν, φ[ι]λοκαίσαρα καὶ φιλορώμα[ι]ον, εὐσεβῆ, ἀρχιερέα τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου	посвящение Рескупориду II от имени магистрата
надпись из Фанагории	Рескупорид II	Фанагория	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Ῥησκουπόριδος φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς	строительная надпись
КБН 1245=IOSPE I ² 430	Рескупорид II	Танаис	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	βασιλεῖ Ῥησκουπόριδι	строительная надпись
КБН 1246=IOSPE I ² 431bis	Рескупорид II	Танаис	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	β]ασιλεῖ Ῥησκουπό[ριδι]	строительная надпись
КБН 1248=IOSPE I ² 431	Рескупорид II	Танаис	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	βασιλεῖ Ῥησκουπόριδος	строительная надпись
КБН 54=IOSPE I ² 42	Рескупорид II	Пантикапей	220/1 г. н.э. (517 г. б.э.)	Τιβέρ(ιον) Ἰούλιον Ῥησκοῦποριν βασιλέα Βοοσπόρου καὶ τῶν πέριξ ἔθνων τὸν φιλορώμαιον καὶ φιλέλληνα	посвящение Рескупориду II от имени амастрийцев
КБН 953=IOSPE IV 194	Рескупорид II	Старый Крым	222/3 г. н.э. (519 г. б.э.)	τὸν ἐκ προγόν[ων βασιλέων] βασιλέα μέγαν [Τιβέριον] [Ἰοῦ]λι[ον Ῥ]η[σκο]ῦ[π]ο[ρι]ν φιλοκαί[ς]αρ[α] καὶ [φι]λο[ρώ]μαιον εὐσε[β]ῆ[η]	посвящение Рескупориду II от имени прусийцев
КБН 55=IOSPE I ² 43	Рескупорид II	Пантикапей	223/4 (520 г. б.э.)	τὸν ἐκ βασιλέων βασιλέα Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησκοῦποριν, φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμα[ι]ον, εὐσεβῆ {ι}	посвящение Рескупориду II от имени прусийцев
КБН 897=IOSPE I ² 48	Рескупорид II	дер. Осовины	225/6 г. н.э. (522 г. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου [Ἰουλίου] Ῥησκουπόριδος	строительная надпись
КБН 1281=IOSPE I ² 449	Рескупорид II	Танаис	правление Рескупорида II	β[ασιλέως Τιβερίου] Ἰουλίου Ῥησκουπό[ριδος φιλοκαί]σαρος καὶ φιλορωμ[αίου, εὐσεβοῦς]	надпись фиасов
КБН 1008	Рескупорид II	Фанагория	правление Рескупорида II	Τιβερίῳ Ἰ[ουλίῳ] Ῥησκουπόριδ[ι βασιλεῖ] τοῦ σύνπαντο[ς Βοσπόρου] [καὶ] Ταυροσκυθῶ[v – –]	неизвестно
КБН 56	Рескупорид II	Пантикапей	правление Рескупорида II	Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεὺς τοῦ σύμπαντος Βοος]πόρου καὶ τῶν πέριξ ἐθ[νῶν Ῥησκοῦπορις φιλό][каисα]ρ καὶ φιλορώ[μαιος, εὐσεβῆς]	посвящение Савромату II от имени Рескупорида II
КБН 1230=IOSPE IV 433	Рескупорид II	Горгиппия	229–231 г. н.э.	μεγάλου βασι]λέως Ῥησκουπόρι[δος	надпись фиасов
КБН 1247=IOSPE I ² 432	Рескупорид II	Танаис	правление Котиса III	μεγάλου βασιλ<έ>ως Ῥησκουπόριδος	строительная надпись
КБН 1284=IOSPE I ² 453	Рескупорид II	Танаис	230/1 г. н.э. (527 г. б.э.)	με[γάλου βα]σιλέως Ῥ[ης]κουπ[όριδος]	надпись фиасов
КБН 1283=IOSPE I ² 452	Котис III	Танаис	228/9 г. н.э. (525 г. б.э.)	βασιλέωσ [Τιβερίου] [Ἰ]ουλίου Κόττος φιλοκα[ίσαρο]ς καὶ φι[λορωμαί]ου, εὐσεβοῦς	надпись фиасов
КБН 1230=IOSPE IV 433	Котис III	Горгиппия	229–231 г. н.э.	βασιλέ]ως Τιβερίου Ἰουλίου [Κόττος], φιλο][καίσαρος καὶ φιλορω]μαίου, εὐσεβοῦς	надпись фиасов
КБН 1284=IOSPE I ² 453	Котис III	Танаис	230/1 г. н.э. (527 г. б.э.)	[βα]σιλέως [Τιβ. Ἰουλίου] Κόττος	надпись фиасов
КБН 1288=IOSPE I ² 455	Котис III	Танаис	правление Котиса III	β]ασιλέως Τιβερίου Ἰουλί[ου Κόττος?, φιλ]οκαίσαρος καὶ φιλορω[μαίου, εὐσεβο]ῦς	надпись фиасов
КБН 1247=IOSPE I ² 432	Котис III	Танаис	правление Котиса III	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Κόττος Κόττος, φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίω, εὐσεβοῦς	строительная надпись
КБН 1285=IOSPE I ² 450	Рескупорид III	Танаис	правление Рескупорида III	βασιλ[έ]ως Τ[ι]βερίου Ἰου[λίου Ῥης]κου[πόριδο]ς, φιλοκαίσαρο[ς καὶ φι]λορω[μαίου, εὐσεβ]οῦς	частное посвящение
КБН 1252=IOSPE I ² 435/429	Ининтимей	Танаис	правление Ининтимея	[βα]σιλέω[ς Ἰ]νινθ[ιμαί][ου]	строительная надпись
КБН 1251	Ининтимей	Танаис	правление Ининтимея	βασιλ[εῖ Ἰ]νινθιμαίω]	строительная надпись
КБН 1249=IOSPE I ² 433	Ининтимей	Танаис	236/7 г. н.э. (533 г. б.э.)	βα]σιλέως Τιβ. Ἰουλίου Ἰνιν[θιμαί]ου φιλοκ[αί]σαρος καὶ φιλορω[μαίου, εὐσεβοῦς]	строительная надпись
КБН 1250=IOSPE I ² 434	Ининтимей	Танаис	236/7 г. н.э. (533 г. б.э.)	βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Ἰνινθιμαίου φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς	строительная надпись
КБН 58=IOSPE I ² 46	Рескупорид IV	Пантикапей	249/50 г. н.э. (546 г. б.э.)	βασιλέωσ Τιβερίου Ἰουλίου Ῥησκουπό[ρ]ιδος φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς	посвящение царю от имени магистрата
КБН 59=IOSPE I ² 44	Рескупорид IV	Пантикапей	250/1 г. н.э. (547 г. б.э.)	[τ]ὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα μέγαν [Τι]βέριον Ἰούλιον Ῥης[κ]οῦποριν φιλοκαίσαρα κα[ὶ] φιλορώμαιον, εὐσεβῆ	посвящение царю от имени гераклеота
КБН 60=IOSPE I ² 45	Рескупорид IV	неизвестно	250-е гг. н.э.	τὸν ἐκ προγόνων βασ[ιλέων βα]σιλέα Τιβ[έριον] [Ἰο]ύ[λι][ον Ῥηskou]ποριν φι[λο]κα[ί]σα[ρα] καὶ φιλ[ο]ρώμ[α]ιον, εὐσε[β]ῆ τὸν ἴδιον] εὐεργέτη[v]	частное посвящение царю
КБН 36a=IOSPE I ² 29	Тейран	Пантикапей	70-е гг. III в. н.э.	βασιλέω[ς] Τιβερίου Ἰουλίου Τειράνου φιλοκαίσαρος καὶ φι[λο]ρωμαίου, εὐσεβοῦ	посвящение богам от имени магистратов
КБН 67	Дуптун	Пантикапей	?	ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτούνο[v] βασιλ(έως) εὐσεβοῦς, φιλοκέσαρος καὶ [φ]ιλορωμέου	строительная надпись

Прил. 1. Табл. 2. Посвящения римским императорам в надписях Северного Причерноморья

Надпись	Автор посвящения	Кому посвящена	Происхождение	Дата	Посвящение
КБН 38=IOSPE IV 201	Динамия	Октавиан Август	Пантикапей	правление царицы Динамии	[Α]ὐτοκράτορα Καίσαρα θεὸν [θ]εοῦ υἱὸν Σεβαστὸν τὸν ἑαυτῆς [ς]ωτῆρα καὶ εὐεργέτην
КБН 978=IOSPE IV 420	Динамия	Ливия, жена императора Августа	Фанагория	правление царицы Динамии	[Λιουί]α[ν] τὴν τοῦ Σεβαστοῦ γυναῖκ[α] ... [τὴν ἑαυ]τῆς εὐεργέτιν
КБН 1046=IOSPE I ² 354	Динамия	Август	Гермонасса	правление царицы Динамии	Αὐτοκράτορα Καίσαρα θεοῦ υἱὸν Σεβαστὸν τὸν <π>άσης γῆς καὶ [πάσης] θαλάσσης ἄ[ρχ]οντα, τὸν ἑαυτῆς σωτ[ῆ]ρα καὶ εὐ[ε]ργέτη[ν]
IOSPE I ² 181	Абаб, сын Каллисфена	Августу, Тиберию и народу	Ольвия	14 г. н.э.	Αὐτοκράτορι Καίσαρι θεῶ<ι> θεοῦ <υ>ίῳ Σεβαστῶι, ἀρχιερεῖ μεγίστῳ, πατρὶ πατρίδος καὶ τοῦ σύμπαντος ἀν[θρ]ώπων γένους, καὶ Αὐτοκράτορι Σεβ<αστῶι> θεοῦ υἱῶι Τιβερίῳ Καίσαρι καὶ τῶ<ι> <δῆμ>ῳ<ι>
КБН 41=IOSPE I ² 32	Котис I	Нерон	Пантикапей	58 г. н.э.	[Αὐτοκράτορα Νέρωνα Κλαυδίου] υἱὸν Κ[α]ί[ς][αρα] [Σεβαστὸν, ὕπατον τὸ τρί]ον, δημαρχικῆς ἐξου[σί][ας τὸ πέμπτον, πατέρα πα]τρίδος, τὸν ἐ[α]υτοῦ σωτ[ῆ][ρα καὶ εὐεργέτην
КБН 1047=IOSPE I ² 355	Рескупорид I (?)	Веспасиан	Гермонасса	71 г. н.э.	Αὐτοκράτορα Οὐεσπασιανὸν Καίσαρα Σε[βαστὸν, ἀρχιερέα μέγιστον], [α]ὐ[τοκρ]άτορα τὸ ς΄, πατέρα πατρίδος, [ὑπατον τὸ γ΄, ἀποδεδειγμένον τὸ δ΄], κ[ύρι]ον τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου
КБН 47=IOSPE I ² 33	Реметалк I	Адриан	Пантикапей	133/4 г. н.э. (430 г. б.э.)	[Αὐτοκρ]άτορα Καίσαρα Τραια[νοῦ θεοῦ υἱὸν] [Ἀδριαν]ὸν Σεβαστὸν, τὸν τοῦ [παντὸς Βοσπόρου?] [εὐεργέτ]ην καὶ ἴδιον κτίστην
IOSPE I ² 174	город ольвиополитов	Луций Септимий Север Пертинакс и Марк Аврелий Антонин Цезарь Август	Ольвия	конец II – начало III в. н.э.	ὕπὲρ τῆς τοῦ [Αὐτοκράτο][ρ]ος Λουκίου Σεπτιμίου Σευήρου Πε[ρτίνακος] [κ]αὶ Μάρκου Αὐρηλίου Ἀντωνεῖνου Κα[ίσαρος Σε][β]αστοῦ καὶ τοῦ σύνπαντος αὐτῶν οἰκ[ου αἰδίου δι][α]μονῆς
КБН 955	Савромат II	Юлия Домна?	пос. Партенит	правление Савромата II	τὴν ἰ[δίαν καὶ τῆς] βασι[λει]ας εὐ[ε]ργέτ[ιν? – –
КБН 52=IOSPE I ² 34	Савромат II	Каракалла	Пантикапей	201/2 г. н.э. (498 г. б.э.)	Αὐτοκράτορα Καίσαρα <Μ>. Αὐρήλιον Ἀντωνεῖνον Σεβαστὸν, τὸν ἴδιον καὶ τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας εὐεργέτην,
IOSPE I ² 199	совет и народ ольвиополитов	Гета и Каракалла	Ольвия	211–217 гг. н.э.	[Αὐτοκρ]άτορα Σεβαστὸν Μ. Αὐρήλιον Ἀντωνεῖνον Αὐγουστον [Σεπτί]μι[ον Γέταν] Καίσαρα

Прил. 1. Табл. 3. Посвящения деятелям «известным Августам» в надписях Северного Причерноморья

Надпись	Дата	Кто поставил	Кому посвящена	Характер посвящения	Происхождение
IOSPE I ² 79	первая половина I в. н.э.	народ Византия	Оронт, сын Абаба, ольвиополит	посмертное посвящение за многочисленные заслуги перед отечеством	Ольвия
IOSPE I ² 39	161–169 гг. н.э.	народ Ольвии	Карзоаз, сын Аттала	посмертное посвящение за многочисленные заслуги перед отечеством	Ольвия
IOSPE I ² 42	конец II – начало III в. н.э.	совет и народ Ольвии	Каллисфен, сын Каллисфена	посмертное посвящение за многочисленные заслуги перед отечеством	Ольвия
IOSPE I ² 43	конец II – начало III в. н.э.	совет и народ Ольвии	Каллисфен, сын Дада	посмертное посвящение за многочисленные заслуги перед отечеством	Ольвия
IOSPE I ² 44	конец II – начало III в. н.э.	совет и народ Ольвии?	..., сын Каллисфена	посмертное посвящение за многочисленные заслуги перед отечеством?	Ольвия
КБН 58=IOSPE I ² 46	249 г. н.э.	Аврелий Цельс, гераклеот	наместник царской резиденции, хилиарх, римский всадник, Аврелий Родон	посвящение благодетелю	Пантикапей
КБН 64=IGRR I.873	306 г. н.э.	Аврелий Валерий Сог, наместник Феодосии	Богу всевышнему, всемогущему	строительная надпись	Пантикапей

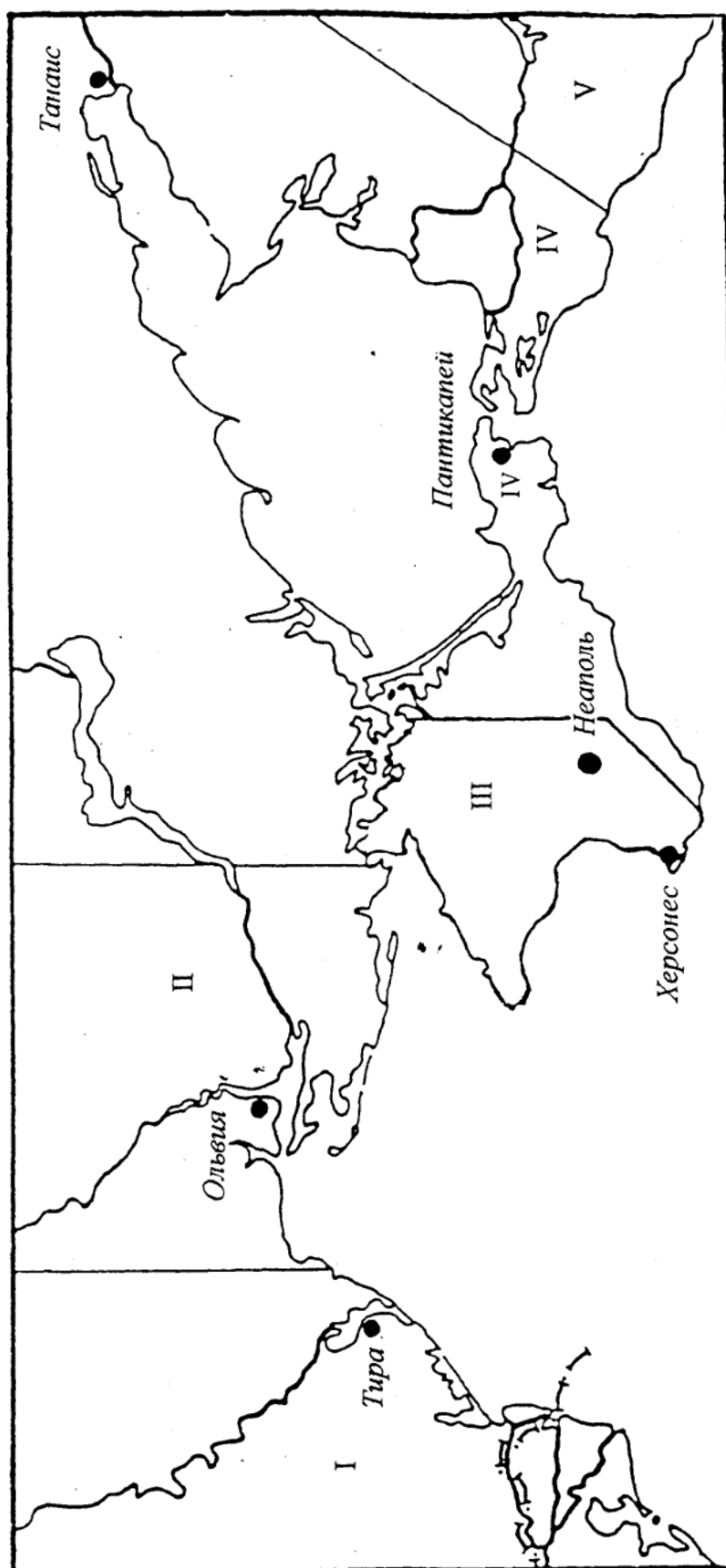

Рис. 1. I – Дунайско-Днестровский регион; II – Ольвийский регион;
 III – Херсонесский регион; VI – Боспор; V – Кавказский регион.
 Источник: Булкин И.Ю. Этапы и характер римского военного проникновения в
 Северное Причерноморье (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс. ... к.и.н. Саратов, 1999. С. 263.

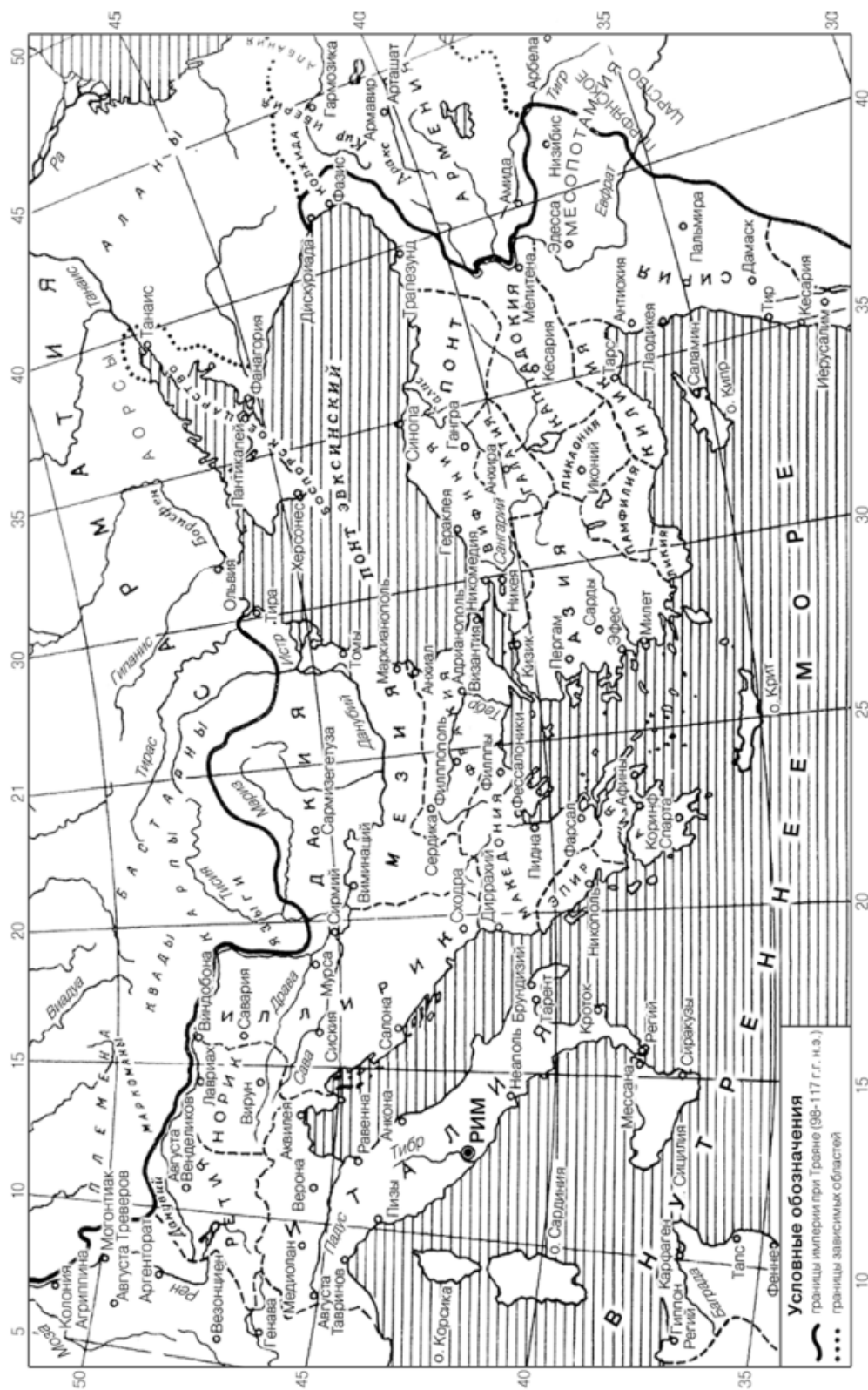

Рис. 2. Боспорское царство и восточная часть Римской империи в I–III вв. н.э.
 Источник: *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.).* СПб., 2009. С. 153.

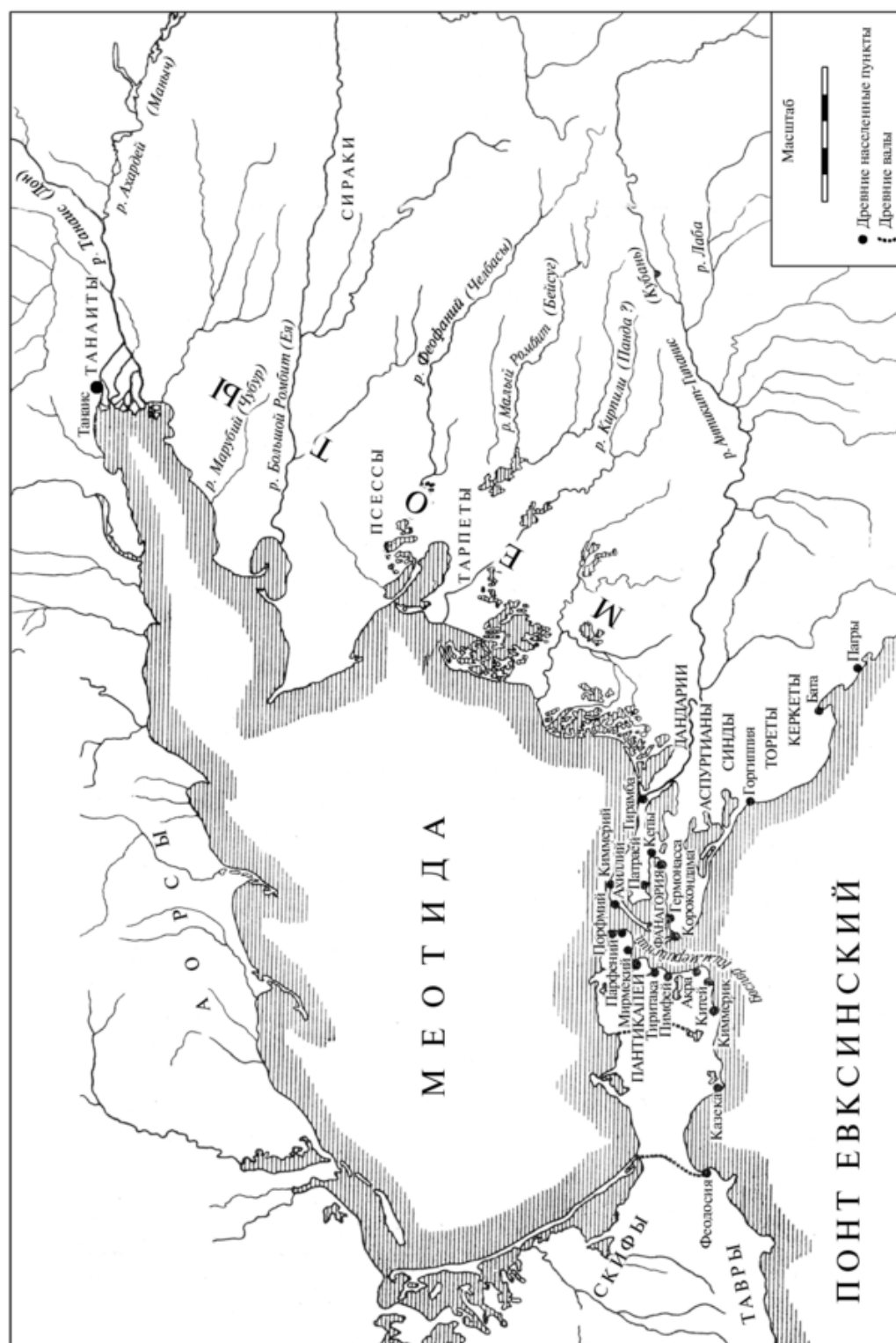

Рис. 3. Боспорское царство в римский период.

Источник: *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. С. 152.*

Рис. 4. Сестерций Антонина Пия с надписью REX QUADIS DATUS на реверсе (RIC III no.620).

Источник: сайт Британского музея

URL: <https://www.britishmuseum.org/collection/image/511789001>

(дата обращения: 01.04.2025 г.)

Рис. 5. Сестерций Антонина Пия с надписью REX ARMENIIS DATVS на реверсе (RIC III no.619).

Источник: сайт монетного кабинета Государственных музеев Берлина

URL: <https://ikmk.smb.museum/object?id=18200259>

(дата обращения: 01.04.2025 г.)

Рис. 6. Монета императора Траяна с надписью REX PARTHIS DATVS на реверсе (RIC II no.668).

Источник: сайт Британского музея

URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_R-12092

(дата обращения: 01.04.2025 г.)

Рис. 7. Сестерций императора Луция Вера с надписью REX ARMEN DAT на реверсе (RIC III 512).

URL: <https://ikmk-win.ch/object?lang=en&id=ID4363&view=rs>

(дата обращения: 01.04.2025 г.)

Рис. 8. Римские монеты периода триумvirата с изображением соединенных правых рук и жезлом Конкордии (Crawford 529/4b, Syd 1195).

URL: https://www.wildwinds.com/coins/sear5/s1575.html#RSC_0067
(дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 9. Золотой статер Фарнака 52–51 г. до н.э. (по Анохину).

Аверс: голова царя вправо; реверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ. Аполлон на троне влево, треножник, справа лира ,ςΜΣ. П. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 219в; MacDonald D. № 185/1.

Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/219-44396/>
(дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 10. Золотой статер архонта Асандра 48–47 г. до н.э. (по Анохину).
 Аверс: мужская голова вправо; реверс: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ.
 Nike с венком и ветвью на проре влево, слева ТЭ и монограмма Α, справа над
 ветвью Γ. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 223;
 Фроловой Н.А. табл. Ia -3; MacDonald D. № 191.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/223-4970/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 11. Золотой статер царя Асандра 44–43 г. до н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Асандра в диадеме вправо; реверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ.
 Nike с венком и ветвью на проре влево, Z (7-й год правления) и монограмма.
 Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) 230; Фроловой Н.А. табл. Ia -9;
 MacDonald D. № 197. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/230-4347/2.html> (дата обращения 02.06.2025 г.)

a

b

Рис. 12. Золотые статеры царицы Динамии:

- a* – 21–20 г. до н.э. (по Анохину). Аверс: голова Динамии в диадеме вправо; реверс: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ. Звезда и полумесяц, справа – ΖΩΗ (277 г. б.э.). Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 253; Фроловой Н.А. табл. IIIa -12; MacDonald D. № 226. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/253-5240/> (дата обращения 02.06.2025 г.);
- б* – 17–16 г. до н.э. (по Анохину). Аверс: голова Динамии в диадеме вправо; реверс: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ. Звезда и полумесяц, справа – ΑΠΣ (281 г.б.э.). Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 254; Фроловой Н.А. табл. I -1; MacDonald D. № 226. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/254-5133/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 13. Бюст боспорской царицы (Динамия). Бронза, инкрустация медью и серебром. Государственный Эрмитаж, инв. ПАН 1726а.

Источник: сайт Государственного Эрмитажа

URL: <https://www.hermitagemuseum.org/digital-collection/1031945>
(дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 14. Tabula Peutingeriana, pars X, segmentum IX.
 Реконструкция, сделанная Конрадом Миллером в 1887/88 г.
 Источник: Ulrich Harsch Bibliotheca Augustana
 URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost03/Tabula/tab_re09.html
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 15. Золотой статер царя Аспурга 10–11 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Августа влево; реверс: Голова Агриппы вправо, слева
 монограмма. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 288;
 Фроловой Н.А. Т.І, таб. ХІ, ил. 24, таб. ХІІ, ил.1,2; MacDonald D. № 265.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/288-4947/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 16. Медный ассарий царя Аспурга 14–37 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Аспурга вправо, слева монограмма BAP; реверс: KAISAROS
 TIBERIOY. Голова Тиберия вправо. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.)
 № 319; MacDonald D. № 300. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/319-4154/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 17. Золотой статер царя Аспурга 30–31 г. н.э. (по Анохину).
Аверс: голова Тиберия вправо; реверс: голова Агриппы вправо, слева
монограмма ВАР. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 310;
MacDonald D. № 292. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/310-4591/>
(дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 18. Эпитафии Гедика и Аспурга из колумбария «Винья Кодини III»
(Vigna Codini III) на Аппиевой дороге в Риме, открытом в 1852 г.
CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567.

Источник: Epigraphic Database Roma

URL: <http://www.edr->

[edr.it/edr_programmi/res_complex_comune.php?do=book&id_nr=EDR148490&fo_antik=&fo_modern=&Bibliografia%5B%5D=&Testo=&boolTesto=AND&Testo2=&bool=AND&ordinamento=id_nr&javasi=javascrptsi&se_foto=tutte&lang=en](http://www.edr-it/edr_programmi/res_complex_comune.php?do=book&id_nr=EDR148490&fo_antik=&fo_modern=&Bibliografia%5B%5D=&Testo=&boolTesto=AND&Testo2=&bool=AND&ordinamento=id_nr&javasi=javascrptsi&se_foto=tutte&lang=en)
(дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 19. Медный ассарий царя Аспурга 37–38 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Аспурга вправо, слева монограмма ВАР; реверс: ΓΑΙΟΥ
 ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Калигулы вправо. Номер по каталогу:
 Анохина В.А. (1986 г.) № 320; MacDonald D. № 302. Источник: URL:
<https://bosporan-kingdom.com/320-4167/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 20. Медный семис царя Аспурга 14–37 гг. н.э. (по Анохину).
 Аверс: Голова Ареса вправо, слева тамга; реверс: Трофей, слева монограмма
 ВАР, справа ζ. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 318; Фроловой
 Н.А. таб. XVII -8–14; MacDonald D. № 303. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/318-4729/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 21. Кирпич с тамгообразным знаком Аспурга (Горгиппия). Источник: Малышев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д.О., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В. СИНДИКА: история, археология, антропогенные ландшафты / отв. ред. А.А. Малышев. М., 2022. С. 46.

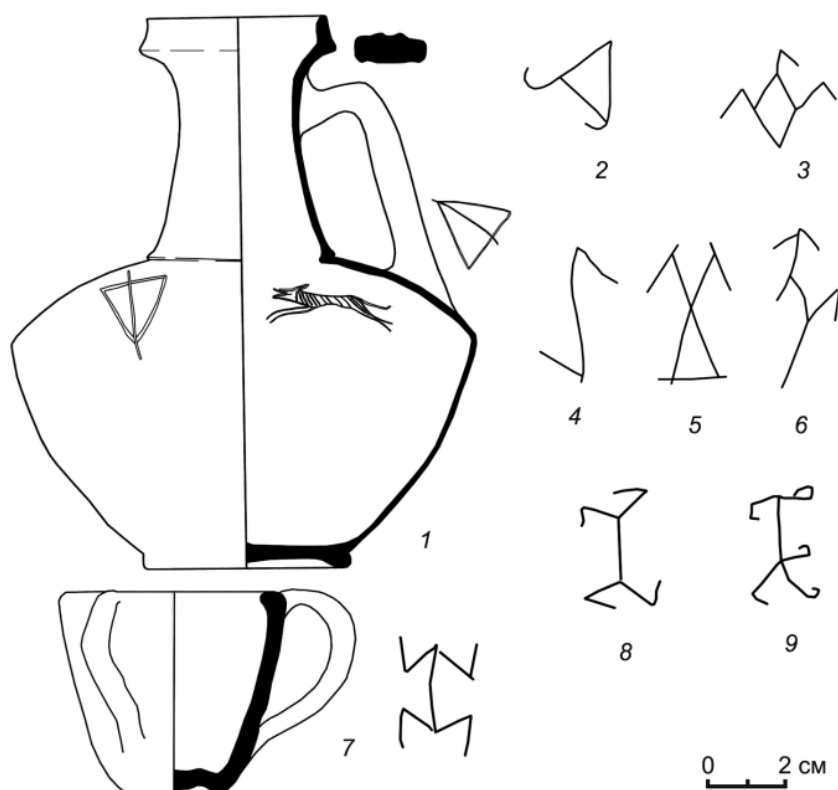

Рис. 22. Тамгообразные граффити на посуде:
 1 – м-к Мысхако, погр. 30/1979; 2 – пос. Мысхако, 1995;
 3 – м-к Южная Озерейка погр. 65/1995; 4 – пос. Мысхако, яма 83/1996;
 5 – пос. Мысхако яма 99/1996; 6 – пос. Мысхако яма 10/1996;
 7 – м-к Широкая Балка, погр. 125/1982; 8, 9 – пос. Владимировское (1977 г.).
 Источник: Малышев А.А. Полуостров Абрау в римское время // Нуранис. 2021. Вып. 3. С. 157.

Рис. 23. Золотой статер царя Митридата VIII 39–40 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Калигулы вправо; реверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Нике с
 венком и ветвью влево. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 327;
 Фроловой Н.А. Т.I, таб. XVII, рис.20–22; MacDonald D. № 308. Источник:
 URL: <https://bosporan-kingdom.com/320-4167/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 24. Медный дупондий царя Котиса I 63–68 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Голова Нерона вправо; реверс: Нике с венком
 и ветвью влево, по сторонам ΚΔ. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.)
 № 353; MacDonald D. № 334. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/353-4593/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 25. Золотой статер царя Котиса I 45–46 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Клавдия вправо; реверс: голова Британника вправо, слева
 монограмма ВАК. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 332;
 MacDonald D. № 314. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/332-4767/1.html> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 26. Медный семис царя Котиса I 49 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Аспурга вправо, справа монограмма ВАР; реверс: голова
 Котиса вправо, справа монограмма ВАК, над ней часть лука. Номер по
 каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 346; MacDonald D. № 329. Источник:
 URL: <https://bosporan-kingdom.com/346-4934/1.html> (дата обращения
 02.06.2025 г.)

Рис. 27. Медный дупондий 63–68/69 гг. н.э. (по Анохину).
 Аверс: венок, в нем монограмма ВАК, ниже КД; реверс: КА–ПЕ.
 Пятиколонный храм. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 370;
 Фроловой Н.А. таб. XXVIII -11–18, таб. XXIX -16–18, 21; MacDonald D. №
 336. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/370-4358/7.html> (дата
 обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 28. Медный дупондий 63–68/69 гг. н.э. (по Анохину).
 Аверс: венок, в нем монограмма ВАК, ниже КД; реверс: КА–ПЕ.
 Семиколонный храм. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 370.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/370-5115/> (дата обращения
 02.06.2025 г.)

Рис. 29. Золотой статер царя Рескупорида I 73–74 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: голова Веспасиана вправо; реверс: голова Тита вправо, слева
 монограмма. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 357. Источник:
 URL: <https://bosporan-kingdom.com/357-4220/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 30. Золотой статер царя Рескупорида I 86–87 г. н.э. (по Анохину). Аверс:
 ТІВЕРІОС ІОУЛІОС ВАСІЛЕУС РНСКОУПОРІС. Бюст царя вправо; реверс:
 бюст Домициана вправо. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 366;
 MacDonald D. № 350. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/366-4826/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

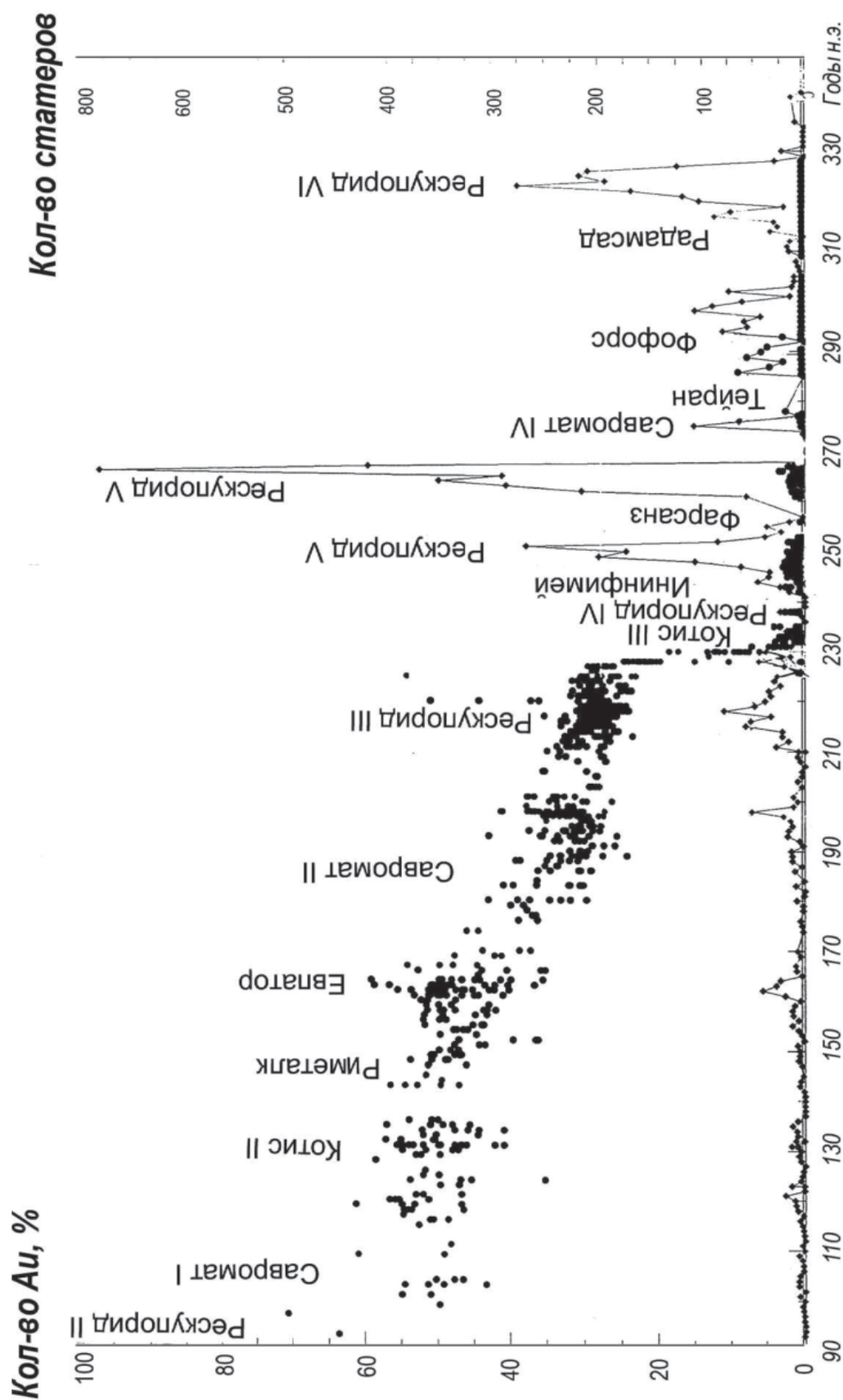

Рис. 31. Зависимость содержания золота (точки) в боспорских статерах 90–341/342 гг. н.э. и их количества (ромбики, линии графика) от года выпуска. Сверху дан условный фотояд боспорских статеров этого периода. Источник: *Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В.* Монетные сплавы античного Боспора: Рентгено-флуоресцентные исследования монет довоенной коллекции, переданной Федеральной Республикой Германии Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику. СПб.: Алетейя, 2023. С. 36. Рис. 3.

Рис. 32. Золотой статер царя Савромата I 93–94 гг. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя вправо; реверс: Бюст
 Домициана вправо. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 387;
 Фроловой Н.А. таб .XXXVI -1; MacDonald D. № 368. Источник: URL:
<https://bosporan-kingdom.com/387-4731/1.html> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 33. Медный сестерций царя Савромата I 104–117 гг. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Курульное кресло с венком, слева
 круглый щит и копье, справа скипетр с бюстом; реверс: Венок, в нем МН.
 Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 456; MacDonald D. № 408/1.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/456-4085/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 33. Золотой статер царя Котиса II 126–127 г. н.э. (по Анохину). Аверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΤΥΟΣ. Бюст царя вправо; реверс: бюст Адриана вправо. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 474; MacDonald D. № 425. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/474-4225/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 34. Электровый статер царя Евпатора 157–158 г. н.э. (по Анохину). Аверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ. Бюст царя вправо; реверс: бюст Антонина Пия вправо, справа копьё. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 533. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/533-4373/> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 35. Медный сестерций царя Савромата II 174–180 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Сидящий на троне Зевс вправо; реверс:
 курульное кресло с венком, слева голова коня, щит и копье, справа голова в
 шлеме и меч, внизу топор. Номер по каталогу: Анохина В.А. (2011 г.) № 1859.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-5222/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 36. Медный сестерций царя Савромата II 180–192 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя в повязке вправо, справа от
 бюста звезда выполненная схематично точками; реверс: орел с
 расправленными крыльями, с венком в клюве вправо. Номер по каталогу:
 Анохина В.А. (1986 г.) № 618а; (2011 г.) № 1892; MacDonald D. № 544/2.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/618-4052/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 37. Золотая бляшка конской упряжи с тамгой Савромата II из погребения с золотой маской. Источник: *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н. э.). Дисс... д.и.н. СПб., 2009. С. 477. Рис. 71.

Рис. 38. Рис. 30. Медный денарий царя Рескупорида II 211–228 г. н.э. (по Анохину). Аверс: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя в доспехах вправо; реверс: царь на коне вправо, правая рука поднята вверх, в левой – копье. Номер по каталогу: Анохина В.А. (1986 г.) № 645; (2011 г.) № 1958; Фроловой Н.А. табл. XV -13–16, табл. XVI 1–7; MacDonald D. № 567/2. Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/645-4045/2.html> (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 39. Статер царя Рескупорида II 215–216 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя в доспехах вправо; реверс:
 бюст Каракаллы вправо, справа «звезда». Номер по каталогу:
 Анохина В.А. (1986 г.) № 632в; (2011 г.) № 1918; MacDonald D. № 555/5.
 Источник: URL: <https://bosporan-kingdom.com/632-4328/>
 (дата обращения 02.06.2025 г.)

Рис. 40. Статер царя Ининтимея 238–239 г. н.э. (по Анохину).
 Аверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ. Легенда против часовой стрелки. Бюст
 царя вправо; реверс: бюст императора вправо, «палица». Номер по каталогу:
 Анохина В.А. (1986 г.) № 677; MacDonald D. № 596. Источник: URL:
<https://bosporan-kingdom.com/677-4605/> (дата обращения 02.06.2025 г.)